Екатерина Доре

АНТОН ОСТАЕТСЯ СО МНОЙ

ЛЮБВИ ПОКОРЯЕТСЯ ВСЁ

ЧАСТЬ I

ПОЯВЛЯЕТСЯ АРИЭЛЬ

Книга 1

…

…Музыка затихает…

…зрители замерли в своих креслах…

Я под куполом цирка. Подо мной – кратер зала.

Я делаю самый опасный трюк на трапеции, какой только знала история.

И он либо убьет меня, либо сделает знаменитой.

Мне пятнадцать. Стоит ли этот риск моей жизни?

…обрыв!

Трапеция – моя жизнь. Я посвятила себя цирку, начав тренировки с шести лет, и работаю на высоте более трех десятилетий. Но даже в ту секунду, когда я, пятнадцатилетняя, беззвучно взлетев, раскинула руки в бездну, мне было не так страшно, как тогда, с Антоном. И сейчас, когда я решаюсь рассказать все, – я снова под куполом, только высота – несоизмеримо больше, а бездна, – либо убьет меня, либо исцелит навсегда.

…обрыв!

* * *

…Мы мчались вовсю. Ох и влетело бы нам! Мы неслись со всех ног, не чуя под собой земли. Воздух обжигает щеки. Солнце садится, рыжий свет ослепляет пространство.

- Скорей-скорей-скорей! – кричит Антон, и я бегу, чувствуя, как горят ступни в кожаных сандаликах.

Лето несется мимо – заборы, задетые на бегу ветви. Я вижу впереди белую рубашку брата, и боюсь, что от смеха силы вот-вот оставят меня.

Я люблю Антона. Нет никого на свете, кого бы я любила так сильно. Его глаза, чистые, как озера, искрятся, будоражат, опаляют избытком жизни.

Этим летом у него отрасли волосы, превратив худенького бритоголового мальчика в юного херувима. Девочки зовут меня к себе: «Можешь прийти с Антоном» (на самом деле это означает: «без Антона можешь не приходить»). Антону почти тринадцать. Он обнимает себя одной рукой, когда спит, и кричит, потому что ему снится кошмар. Неровные зубы, улыбка зазнайки. Мгновение назад его глаза сверкали, и вдруг – пристальный взгляд, запрещающий приближаться. Но с пол-оборота он снова веселый мальчуган, шумный, самоуверенный, на пружинистых ногах: «играем?»

К нему невозможно было остаться равнодушным. Говорили, это из-за красоты, но на самом деле чуду нет названия. А ведь когда-то я даже не знала о нем. Я и представить себе не могла, какая это будет история!

Глава 1

- Саша, это призвание! Она будущая звезда!

- Таня, ты понимаешь разницу между профессиональной школой и детским кружком? Для цирка нужно начинать с четырех.

- А кто каждую субботу водил ее в цирк?

- Надеть костюм, еще не значит стать артисткой. Тем более на трапеции!

Подслушанный разговор родителей казался мне судьбоносным.

Начало сентября. Мне восемь с половиной, и я пошла в 3-й класс. Я в восторге от новенького портфеля с русалочкой Ариэль, и это отчасти мирит меня с необходимостью делать уроки. Папа водит меня в филармонию, рассказывает об истории Санкт-Петербурга, мама читает на ночь сказки. Я – единственный ребенок. Год назад мне наняли учителя фортепиано и купили пианино HELLAS, но моя душа рвется к другому. Хочу быть воздушной гимнасткой в цирке! Я все время откуда-нибудь прыгала. Дома, в школе, на прогулке. Таскала у мамы шарфики, сооружая себе наряд. А потом, ухватившись за какую-нибудь ветку, принимала позу, отставляла руку и ждала ветра, чтобы «юбочка» затрепетала. И когда ветер легонько раздувал ее, закрывала глаза и представляла, что лечу над ареной…

Оценив мое рвение, родители отдали меня в кружок гимнастики, но о трапеции не могло быть и речи. А я отчаянно продолжала прыгать, и, набив синяков, сжимала губы и бежала показать, что не плачу: я могу заниматься!

Что еще добавить к моему портрету? На фотографии тех лет можно увидеть темноволосую девочку в брючках, маечке и белых носках, которая, насупясь, смотрит на вас выжидающими карими глазами. Волосы собраны в хвост, брови тревожно замерли: она ждет, когда вы уйдете. В руках (крепко держит обеими) – печенье. Это я. Недавно я в очередной раз полетела, сильно ободрав бок, не говоря уже о порванной кофточке, по которой мама убивалась еще неделю. И вот вечером, когда я легла, они заговорили о цирке!

- …а если она сломает позвоночник? Неудачно упадет или…

- Она и так все время падает! Надо дать ей шанс, если она не выдержит…

Перспектива сломать позвоночник никогда не приходила мне в голову. Но на другой чаше весов были смертельные номера и полеты под куполом! Не буду врать, новость, что надо заниматься с четырех привела меня в ужас. Услышав, что папа идет ко мне, я юркнула в кровать, но забыла закрыть дверь. Папа подошел, и наступила ожидающая тишина. Я не дышала.

- Ты не в маму, актриса из тебя неважная, – склонился он надо мной, и в темноте блеснули его очки. – Аля, ну почему воздушной гимнасткой?

- Потому что она летает! – выпалила я. – Я не упаду! Честно!

- Она что – еще не спит? – послышался мамин голос, и папа, выходя из комнаты, поспешил заверить ее, что я смотрю десятый сон.

И вот наступило то самое воскресенье. К часу мы ожидали гостей, и меня опять попросят показать игрушки и рисунки. Целая куча мягких зверюх уже выстроена на моей кровати, готовая к просмотру. Я сижу за столом в большой комнате, вооружившись цветными мелками. Когда мне хочется произвести впечатление, я рисую пожар. Гости сразу делают встревоженное лицо, спрашивают, кто поджег дом, а я объясняю, что дом загорелся сам. Тогда они осторожно предполагают, что кто-то оставил плиту не выключенной, но я отвечаю, что причина пожара пока не установлена. Дальше следует вопрос: «вызвал ли кто-нибудь пожарных?» и я говорю, что они как раз сейчас в пути, поэтому их еще нет на рисунке. Такой вираж мысли повергает моих ценителей в трепет, и меня хвалят. К приходу гостей готовы три альбома с рисунками. (Остальные «пожары» я прячу в специальную папку, и мама говорит, что она скоро вспыхнет).

В окно льется свет, растения на цветочном столике просвечены, а между горшками стоят фигурки зверей: жирафы, тигры, динозавры. Отсюда открывается вход в маленькую комнату, где стоит тахта «для гостей», стеллаж с книгами и мамина швейная машинка. За моей спиной два шкафа зажимают пианино и сервант с хрусталем. У меня там есть любимая чашка: если посмотреть ее донышко на свет, в нем проявляется портрет женщины!

Папа правит статью в кухне. Он работает в журнале «Искусство и мы» и сбежал от мамы, потому что она наряжается. Она уже сыграла в одном фильме главную роль и ведет актерскую студию. Моя дикция и пятерки за выученные стихотворения – ее заслуга. Но есть и минус: мама хочет сделать из меня «настоящую женщину»: стильно одетую, с улыбкой в камеру. А я ношу брюки, хмурюсь всем камерам и НЕНАВИЖУ платья в рюшечках!

Пошла показать папе рисунок, но он был так поглощен работой, что я решила его не трогать и заглянула к маме:

- Ну как? – повернулась она, приложив к себе платье. – Туфли не подобрать. Бархатные только черные, не знаю, что делать!

Ее рот создан, чтобы улыбаться. Из-за густых ресниц карие глаза кажутся лукавыми. Мамин шкаф ломится от нарядов, но в его недрах всегда неожиданно «обнаруживаются» новые. Совершив набег на магазин, она прячет часть добычи, чтобы потом «найти». Наверное, сейчас скажет, что…

- Мммм, как я могла забыть! Ты смотри, какие складочки! Бархат! – она проводит пальцами по ткани, желая меня приручить. – Потрогай, авторская работа. Восхитительно, да? – сияют мне навстречу ее глаза. – Абордажная вещь! Или это? – и она прикладывает к себе белое.

В таких случаях я теряюсь. Мы с папой наверняка знаем, что все только началось. Ее светлые волосы подколоты наверх, у висков дышат невесомые завитки. Она склоняется, в широком вырезе платья видна грудь, шея нетерпелива, подкушенная губа, легчайший контур любопытного носа. Пальцы летят над шелком и бархатом, приподнимая то кружевной рукав, то газовый платок. Изгиб запястья добавляет тканям еще какую-то тайну.

…Грозный взгляд из-под шляпки, в котором видна вся ее беззащитность. Глаза, полные хитрости и удивления, когда ее уже застукали с новой сумочкой по ту сторону кассы, и щедро рассыпанный жемчуг смеха. Летучий шаг, обманчивость. Даже сейчас, когда вспоминаю маму, начинаю как-то по-особенному дышать, а тогда она казалась мне божеством света и добра, могла заплакать. И все на свете отдашь, чтобы она утешилась!

Я не унаследовала ее красоты. Я в папу. Он очень добрый и чем-то похож на внимательную птицу. Его главное качество (абсолютно необходимое в быту с мамой) – безграничное терпение. Он близорук и носит очки, отчего кажется еще более добрым и терпеливым. Спокойный голос, заботливый наклон головы. Сейчас, когда я смотрю на его фотографии (а было ему тогда 36, а маме 31) я вижу стройного кареглазого мужчину в тонких очках, с красивым рисунком темных волос на лбу.

- Лея, ну проснись, какое лучше?

Потом будут украшения, макияж и духи, долгое метание перед зеркалом – магическое место между входной дверью и всем остальным миром.

- Оба хорошо. Возьмешь этот? – я указала на пояс леопардовой окраски.

- Пятнистый? К этому шифону? Ты же девочка!

Эта фраза – мое вечное обвинение. Мама отбросила злополучный пояс, будто он мог прыгнуть и завязаться у нее на талии.

- У меня пожар… – с надеждой приподняла я рисунок.

- Я научу тебя одеваться, – она уже рылась в шкафу, – ты же будущая женщина! (Еще одно клеймо!) Это что? – обернулась она и ткнула в мою рубашку. – И опять штаны. Немедленно сними. У тебя есть оранжевое платье. Я положила на кровать. Я думала, ты увидишь.

Да. Я старалась его не увидеть. Но это невозможно. Оно вырви-глаз-оранжевое. Длинное. Трескучее. *Только не оранжевое платье!!!*

Гости опоздали на полчаса. Платье чесалось, волосы от него вставали дыбом, а мама уже блистала и принимала цветы. Наконец, все переместились

в кухню, и я ненадолго осталась одна. Может, посмотреть «Русалочку»? Из кухни доносились взрослые шутки и смех. Я подошла к окну.

Мы жили на первом этаже. Отсюда видна моя школа, французская гимназия рядом, и стадион, где мальчишки гоняют мяч. Я забралась на стул и открыла окно – чириканье птиц и удары по мячу стали громче. …Почему мальчишки так орут, когда играют? Закрываю глаза. Под веками вспыхивают разноцветные пятна: это вселенная, которая живет внутри. Я не раз пыталась нарисовать ее, но ничего не получалось, потому что цвета меняются слишком быстро. Вдруг я почувствовала на себе взгляд и открыла глаза. Прямо под окном стоял красивый светловолосый мальчик в легкой рубашке и шортах. Его яркие глаза тихо изучали меня.

…Ни один мальчик еще так долго на меня не смотрел…

Больше я не слышала ударов по мячу. Но казалось, начала слышать, как свет покалывается в его волосах, как ветерок дышит у воротника его рубашки.

- Лея! – ворвался голос мамы. – Покажи нам рисунок!

Расстояние до кухни показалось мне огромным. А мальчик вдруг улыбнулся. Ослепленная, я рванулась от окна и с грохотом полетела, разбив горшок с фиалкой.

- Ты опять прыгала? – спросил папа, едва я появилась на пороге кухни.

Гости вдруг показались мне далекими за тысячу миль, а их улыбки – жалкой подделкой. Я застыла в дверном проеме, а мама устремилась в комнату.

- Как необычно! – восхищались гости. Альбомный лист уже поплыл над чашками и блюдцами. – А почему пожар?

- Наверное, кто-то оставил плиту не выключенной, – сказал папа, выжидающе глядя на меня.

В этот момент я услышала звук закрываемого окна.

- Господи, что такое? – заметила мое испуганное лицо другая гостья.

- Лея! – вернулась мама, и присела, обдавая меня запахом духов. – Ничего, – осмотрела она мою ладонь. – Ты зачем открыла окно? Это из-за фиалки, – пояснила она гостям, – разбила горшок. Ну всё, всё, прекрасный рисунок!

Это была «праздничная» мама и ее «праздничная» улыбка. Сцена умиляла гостей, а я не могла дышать... Вырвалась и бросилась в комнату. Подбежала к закрытому окну – газон пуст.

Когда гости уходили, я даже не сказала им «до свидания». Мама никак не ожидала, что я так расстроюсь из-за разбитого горшка.

- Так, ты чего, – серьезно спросила она, усадив меня к себе на колени. – М? Это лучший из твоих пожаров, честно-честно.

А я думала о другом: мальчик уже где-то далеко. Он не стал ждать меня!

За окном стемнело. Оранжевое платье было замочено в тазу. Папа пересадил фиалку в другой горшок и намекнул, что подарит мне рыбок, если я улыбнусь. «Пожар» был торжественно прикреплен к стене в родительской

спальне, но все это больше не имело для меня значения. Наконец, меня оставили в покое, но уснуть я не могла. Я снова открыла окно. Створки беззвучно разошлись, впуская ко мне ночь. Воздух был теплым. На небе сверкали звезды – такие чистые, как будто кто-то вымыл их водой. Блестит покрытие опустевшего стадиона. Тихонько шелестят деревья, делая тишину еще более явственной. Я была ребенком, и лишь позже поняла, что почувствовала в ту ночь. Впервые кто-то отделил меня от моего мира, и я больше не смогла жить как раньше.

- Почему она так расстроилась? – спросил Саша.

Оба уже лежали в постели. Таня смотрела в потолок:

- Она меня вообще удивила. Ни с кем не попрощалась. Торт так и стоит.

- Может, рисунок?

- Ага – и такая обида?

- Она не любит это платье.

- Да не в платье дело. Руку ушибла? …Окно! – вдруг приподнялась Таня. – Она опять прыгала! Поэтому и свернула горшок!

А вдруг она собиралась прыгать *из* окна, с каким-нибудь кувырком, чтобы доказать, что может, но упала неудачно? Потому и не призналась в чем дело. И Саша понял, что Таня права: ждать больше нельзя. Аля не оставит свою мечту. Пора показать дочь настоящему мастеру.

Глава 2

Мальчик больше не появлялся. Каждый раз, подбегая к окну, я надеялась увидеть его. В школе оборачивалась на светловолосых сверстников, но ни у кого из них не было таких красивых вьющихся волос. Пыталась вспомнить лицо, но оно словно рассеялось. Только долгий взгляд… Дни шли, а я по-прежнему чувствовала свою связь с ним. Иногда подбегала к маме и со всей силы обнимала ее – тогда становилось легче. И однажды мама сказала:

- Угадай, куда мы сегодня пойдем? В цирковую студию, где готовят самых настоящих воздушных гимнасток. Знакомиться с тренером.

Я носилась по квартире, готовая кидаться стульями. Поднимать шкафы! Полдня только и слышалось: «Лея, не сломай шею, иначе мы точно никуда не пойдем!» «Алечка, ну что ты так носишься!» Для тех, кто еще не понял – меня зовут Алина. Но Алиной меня не зовет никто. У мамы я Лея, у папы – Аля, у бабушки – Ляля, у дедушки – Лёнька, мамина коллега сделала меня Линой, а в папиной редакции все зовут Алёной. Но все это я.

Настоящая фамилия моей мамы – Воз. А папы – Чир*и*к. Еще до замужества мама официально сменила фамилию на Толл*е*йн, а когда папа сделал предложение, – наотрез отказалась становиться Чирик. Когда они ждали меня, мама заявила, что я тоже должна стать Толлейн. («Алина Чирик» сулило мне

бесконечные насмешки в школе). «Вот увидишь, она еще станет звездой!» – бросила мама. Я – Алина Толлейн.

Родители ведут меня по солнечной улице. Волоски, выбившиеся из прически, щекочут мне губы. Я так счастлива, что не могу перестать улыбаться. Мама великолепна: на белокурой голове кокетливо сдвинут набок черный берет, безупречная фигура схвачена жакетом на крупных пуговицах, на шее – жемчуг, каблучки цокают. Папа любуется ею, и все – все любуются!

…Едем в метро. По спине пробегает холодок. Я же не выучила, как какие кувырки называются. Мне надо будет самой сказать, что я хочу заниматься?

…Идем вдоль парка. Люди вокруг не знают, как бьется у меня сердце и куда меня ведут. И вот мы стоим перед светлым зданием с большими окнами.

- Готова? – улыбнулась мама, на секунду сжав мою руку.

- Ты обещала не падать, – напомнил папа, сжав другую мою руку.

Я оказалась в высоченном холле. Перед нами мраморная лестница. Гулкость шагов повергает меня в трепет. На повороте открывается второй этаж. Обгоняя страх, я убегаю вперед, и вдруг на всем ходу врезаюсь во что-то живое. «Ооооп!» – слышу я сильный мужской голос. Крепкие руки легко подбрасывают меня вверх и мягко ставят на землю. Передо мной высокий мужчина, смуглый, кареглазый, в ослепительно белом спортивном костюме.

- Разбег хороший, но на подъеме не сориентировалась.

- Геннадий Анатольевич! – спешит к нему мама. – Не терпится, не можем удержать. Волнуемся ужасно.

- Александр, – следом за ней представляется папа.

Вот так меня угораздило врезаться в Геннадия Сивк*о*, изобретателя самых эффектных трюков нашей воздушной гимнастики. Разумеется, я и не подозревала, рядом с какой легендой стою. Легенде был 41 год, и, если бы не травма, Геннадий Анатольевич до сих пор колесил бы по миру, работая с лучшими цирками Европы. Он был членом жюри международных конкурсов, заседал в приемных комиссиях, консультировал звезд, но с некоторых пор сосредоточился на учениках. Я сразу прониклась к нему благоговейным уважением.

Однако и легенда воздушной гимнастики ничего не мог поделать с чарами Татьяны Толлейн, которая, сияя перед ним, сгущалась и рассеивалась, смущалась и вспыхивала, пожимая ему руку своей теплой рукой.

Помню, как вошла в зал: шведская стенка, батут, а в воздухе висела… трапеция! ЦИРК!!! Все казалось мне огромным. В зале шли занятия: девушка-гимнастка тренировалась на полотнах, а парень работал на кольцах. Я крутила головой во все стороны и немного отрезвела лишь в раздевалке.

Мама помогала мне с купальником. Быстро взглянула, сдув кудряшку:

- Кое-кто дрейфит. Пошли обратно.

- Нет! – тут же вцепилась я в ее плечи. – Я смогу.

Но будоражило так, что коленки подергивались. Только присутствие мамы не давало мне завернуть одну ногу за другую. Геннадий Анатольевич ждал в зале и белозубо улыбался. Такой высокий! Чем-то на грузина похож.

- Ну, посмотрим, что ты… (но я уже «колесом» покатилась мимо него в угол зала) Правило номер один: *слушать тренера*. (Я просеменила назад и в страхе остановилась перед ним) Правило номер два: *смотреть* на тренера, если хочешь чему-нибудь научиться.

Я посмотрела. Ребята, оставив свои упражнения, подошли поближе.

- Заберись, – указал он на батут. Я повиновалась. – Ого! Со страху-то как хорошо вышло. – Ты правша? Теперь попрыгай. Только не сильно.

Зал запрыгал передо мной. Первый раз я упала на спину и меня тут же сильно подбросило вверх. Я ощутила животом страх, а макушкой восторг, раскинула руки. Перекувырнулась через голову…

- Куда так сильно! – закричал он. – С ума с… равновесие держи!

Но я уже набрала амплитуду и неумолимо улетала все выше, стараясь при этом делать в воздухе фигуры руками и ногами.

- Что ты делаешь! – бегал он вокруг, пытаясь подстраховать меня.

Но я увидела над собой трапецию и ухватилась за нее. Перекладина тут же врезалась мне в ладони, и я полетела вперед, делая посыл ногами…

- Аля, держись! – закричал папа, а в сознание прорезались четкие слова:

- Так, собралась, ножки в линию, руки владеют грифом, дышим животом, *через* нос, *не* раскачиваемся, просто вис на руках.

Но я уже чувствовала себя великой гимнасткой и отпустила одну руку.

- Куда! – закричал он, метнувшись, (поджала носочек к колену) – Руку, РУКУ назад!!! (и сделала ослепительную улыбку. Теперь точно возьмут!)

Но когда меня отцепили, меня ждала страшная трепка.

- Ты разбиться решила, да? Все против техники безопасности! На тебе должна быть лонжа! Сказал «не сильно», куда улетела?

- Она больше не будет, – вступился папа.

- Вот именно. Если считаем, что все можем, зачем учиться тогда.

А я уже знала, что эта перекладина зовется «гриф». Какое название!

Я осторожно подняла глаза (боюсь, в них не было раскаяния).

- А теперь скажи, чего ты больше всего хочешь? – спросил он.

- Рисковать! – услышала я собственный голос.

Геннадий Анатольевич поднял брови, а мои родители просто онемели.

- Отлично. На сегодня все. К следующему разу напишешь все, что запомнила на высоте, все ощущения, любыми словами, главное, чтобы я понял. Приходишь в среду, смотрю, на что ты годишься. Работаем на полу, на стенке, у станка. Растяжки, подтягивания, упоры, висы. Буду драть три шкуры, несмотря на восемь с половиной лет. И это не подойдет, – указал он на мои чешки, – нужны голеностопы, канифоль обязательно. С тобой в паре техник будет работать, – он наклонился, удерживая руку на моем плече. – Глухая. Без головы. Будем прикручивать. Бабочки-то в животе летают?

- Это лучше, чем на ветках! – сразу согласилась я, и он покачал головой.

В раздевалке стягивала лосины. Только бы взял! Я докажу, что гожусь!!!

- Аля, ты уверена? – присел передо мной папа, вложив в мою ладонь цепочку с овальным кулоном. На нем, вырываясь из золота, рельефно выступала Ника Самофракийская. – У нее есть крылья. Она не даст тебе…

Я повисла у него на шее, раньше, чем он договорил.

- Ника без головы, дорогая, как и ты, но он прикрутит, – вошла мама и объявила, глядя в блокнот. – Начало в четверг в 8.30. Будем делать отвод для школы на два полных дня. Ты своего добилась, душенька, будешь пахать от зари до зари. Всё, срочно в кафе, меня трясет от всего этого! – и, посмотрев на меня, с восторгом добавила. – Ты ненормальная!

Солнечный воздух на улице опьянил совершенно. От избытка счастья меня вело из стороны в сторону, так что хорошо, что родители были по бокам. Сидели в кафе, смеялись, ели картошку с мясом. Папа сказал, что я должна больше работать, потому что два дня в неделю меня не будет на уроках. Я кивала и обещала все на свете. Казалось – всё.

Но никто не мог представить, какой сюрприз ждет нас дома. Мы уже подходили к квартире, как вдруг разом остановились. У нашей двери стояла большая клетка, в которой ожесточенно прыгала туда-сюда какая-то птичка. Она оказалась обычным воробьем с коричневой шапочкой и внушительным черным «галстучком» на грудке. К прутьям клетки был прикреплен тетрадный листок с надписью: «*Татьяне Толлейн с любовью*».

- Что?.. – брови мамы улетели вверх.

- Кто же это тебя так любит? – поинтересовался папа, осматривая клетку.

- Да не знаю я кто! Это что – шутка?

- Дай! – выхватила я листок. Почерк был незнакомый, но явно невзрослый. «*Мальчик! Это тот мальчик!!!*» – прокричало мне мое сердце.

- Ооочень интересно, – многозначительно изрек папа.

- Вот именно! – не сдержалась мама. – Что нам теперь с ним делать?

- Накормить! – сказала я, схватив клетку. – Он голодный!

Папа перевел взгляд с остервенело прыгающей птички на маму.

- Никаких воробьев! – громко заявила она. – Это чья-то глупая шутка. Это уличная птица. Она грязная. В ней могут быть паразиты. Идемте, выпустим.

- Нееет! – закричала я. – Ты же так и не купила мне хомячка!

- Да, ты же так и не купила ей хомячка, – улыбаясь, открывал дверь папа.

Мы нашли рюмочку, налили воды. Воробей метался, как сумасшедший.

- Это мальчик, – сказала я.

- Уму непостижимо… – прошла мимо нас мама.

- Хоть кто-то на моей стороне, – улыбнулся папа, – как назовем? Чири*к*?

- Назовем Толя, – отрезала мама и, сбросив туфли, гордо прошла в кухню в одних колготках.

Вряд ли воробей понимал всю соль ситуации, но в этот момент он разразился оглушительной бранью. Птичий мат отрезвил нас, заставив

вспомнить о делах насущных: если мы оставляли Толю себе, надо было понять, чем его кормить, нет ли «в нем» паразитов, и какой за ним уход. Мама, признав нас некомпетентными в данном вопросе, начала методичный обзвон зоомагазинов. Около часа кряду она стояла в коридоре, зажав трубку телефона между плечом и ухом, и заполняла блокнотик. Если счастье этого дня и могло перелиться через край, то маленький пернатый грубиян стал именно той каплей волшебства, которую все единодушно восприняли как знак моей будущей головокружительной карьеры.

Глава 3

Год спустя, в теплый августовский день, Саша и Таня возили Алину на школьную ярмарку. Побывали на выставке игрушек, купили жирафа, в которого дочь вцепилась мозолистыми ручками, натруженными на гимнастике, не дав остальным детям ни шанса. Продавец предложил и тигра «для сына», кивнув на мальчишку рядом, но Саша ответил: «это не наш» и до конца выставки был рассеян и молчалив. Теперь их путь лежал к метро через большой парк. «Купи ей мороженого», – кивнула Таня на дочь.

Остановились на перекрестке, где сходились четыре аллеи. Алина, прижав подмышкой жирафа, уже распутывала на кусте веревки птичьей кормушки. Саша встал в очередь к мороженице, а Таня, увидев на той стороне скамейку, отпросилась посидеть. На скамейке сидела женщина в красном платье. Подойдя, Таня увидела: она беременна и юна. Платье мягко драпировалось по высокому животу, на плечах подрагивал ярко-синий платок. Лицо пряталось в крапинках света и тени.

Таня присела, и, отвернувшись, зябко обхватила себя руками.

- Вы тоже хотите ребенка? – вдруг приветливо улыбнулась ей девушка.

- Нет, – сразу ответила Таня, даже не надеясь на понимание, и посмотрела на ту сторону площадки. – Муж хочет… сына, – и быстро взглянув на незнакомку, отвела глаза. – Я рожала уже. Дважды. В первый раз не удалось. Просто не удалось! – Таня замолчала, глядя на гравий у своих босоножек. – Второй раз вообще чуть не умерла. Но родилась дочь.

- Понимаю, – тихо сказала девушка. Ее нежный голос, казалось, проникал в самую душу, и Таня боролась с внезапным искушением выложить всё!

Ветер осторожно раздувал синий платок и приподнимал светлые завитки.

- Двое родов это много, – пыталась помочь девушка, – сейчас вообще…

- Это жутко больно, – прервала ее Таня. – Мне говорили, женщины забывают эту боль, а меня будто живьем резали, будто… Простите, – осеклась она, увидев лицо соседки, и накрыла ее руку своей. – Если Бог хочет, чтобы мы любили детей, зачем такая боль?

- Через страдания мать привязывается к ребенку.

- А если нет? Если наоборот?

- Может, – теплая рука, успокаивающе легла на танину руку, – может, большие страдания даются нам за очень хорошего ребенка? Может, так Бог посылает нам какое-то особенное дитя?

Таня не ответила. Девушка, неловко выпростав руки, оправила платье.

- Да боюсь я рожать!.. – вдруг закрыла лицо Таня. – Врачи сказали, больше нельзя, я умру. Карьеру мне уже все равно не сделать, так… какая теперь разница… – она внезапно умолкла.

- Вы актриса? – в голосе девушки Таня с досадой уловила любопытство.

- Нет. Нет, я не актриса, – быстро ответила Таня, враждебно оттолкнув это слово, и почувствовала, что собеседница с участием смотрит на нее. – И я думаю, – начала она, чтобы как-то пресечь этот взгляд, – если я рискну всем, всем, понимаете, – и снова родится дочь… я не переживу, я уж лучше…

- Так можно же взять приемного, – свела девушка кончики синего платка.

Таня прямо-таки застыла, потрясенная столь очевидным выходом!

- Если муж все знает, – продолжала девушка, – он не станет просить вас рисковать снова. Да и дочь не должна остаться без матери. Сотни детей мечтают о родительской любви. И вы сможете изменить чью-то жизнь.

…лицо Тани светилось. Повеяло жизнью! О, можно дышать! А ветер приподнял синий платок и опустил легчайшую материю Тане на голову.

- Извините, – улыбнулась девушка, скорее снимая его, – и вы можете взять уже взрослого, не обязательно младенца, – ветер подул снова, и, рассмеявшись, девушка удерживала платок, обнаружив по-детски чистый радостный смех. – Такие дети сознательны, они очень ласковые, – она укрывала плечи платком. – Хотела побыть в тени и вот, смотрите.

- Вы… спасли мне жизнь! – сказала Таня, схватив ее руки и поднимаясь со скамьи. – Мальчика! Здорового, красивого… Как вас зовут? (Но тут платок сорвался снова, и Таня побежала за ним) Я сейчас же скажу мужу! – протянула она платок, но девушка остановила ее:

- Я вам его дарю, – и в ее руке Таня почувствовала поддержку.

- Правда? – детская радость блеснула в ее глазах. – Спасибо!.. Ну… тогда пока! – и, сорвавшись с места, побежала через площадку. Когда обернулась, на скамье уже никого не было. – Я знаю! – торопливо заговорила она Саше и помахала перед ним чем-то синим. – Смотри! Мне платок подарили!

Родители сказали, что у меня будет брат. Усадили на кровать и объясняли, объясняли, а я и так поняла: у меня будет брат. Просто его родит не мама, а уже родила какая-то женщина, и мы возьмем его к себе. А сейчас он живет в доме, где еще такие мальчики и девочки, и они его выбирают. Вот этот-то момент меня и захватил! Брата можно выбрать! А раз брат предназначался мне – то и выбирать буду я. Я просто не знала, куда деть столько энергии. Извела маму с папой «на мелкие опилки». Едва я сообщала, какого брата хочу, как на полпути обратно меня озаряла новая идея, и я бежала докладывать. Как же я ждала этого дня! Хотелось отметить его в календаре и

вычеркивать дни, но родители сказали, что точной даты не знают, и говорили только о каких-то семинарах и комиссиях. Они совершенно не занимались делом! Итак, вот к чему сводились часы моей напряженной работы:

- он будет темноволосый и с карими глазами (брат и сестра должны быть похожи);
- умный (он должен будет показать мне свой дневник);
- тоже заниматься спортом (но только не воздушной гимнастикой!);
- добрый (не отбирать и не ломать мои игрушки);
- веселый (придумывать разные штуки и складывать со мной оригами).
- честный. Любить Дисней! (Будем смотреть вместе. Я уже даже знала, в какой последовательности).
- еще воспитанный и чтоб не дрался! И только чтоб не старше!

Именно так я и сказала родителям, и папа хвалил меня, что я подошла к делу очень ответственно, и брат будет умным и добрым, а мама заметила, что цвет волос и глаз не так уж важен. Тогда я напрямик спросила, смогу ли я сама его вызвать, когда их выстроят в ряд. (Я представляла себе это именно так: всех братьев выстроят в ряд в очень торжественной обстановке, я надену свой лучший костюмчик, буду строго идти вдоль ряда, а потом остановлюсь и, указав на счастливчика, скажу: «этот!») Но мне было сказано, что выбирать будут они, а со мной обязательно посоветуются.

Надежды разбились вдребезги. …Так я не буду выбирать?!

А приготовления продолжались. На днях вернулась из школы и увидела, что полочка у моей кровати исчезла. Вместо нее, почти примыкая к моей, стояла еще одна кровать, а между головами блестела новенькая тумбочка. Его кровать больше моей! А полочка? Ее отдали. Кому? Хорошим людям.

И все это – не посоветовавшись со мной!??

Там стояли мои краски и книжки!!!

Вместо учебного столика, занимая гораздо больше места, теперь стоял широкий стол. Я сказала, что свою лампу не дам. Но оказалось, что брату купили новую. Полностью ощутив свое бессилие, я ушла обедать. Брата еще не было, а в доме уже все переделывали под него! На прогулке папа сказал, что мальчик, который будет моим братом, может сначала вести себя странно, стесняться, или наоборот быть беспокойным и вспыльчивым. Он просил меня с пониманием отнестись к этим явлениям, и пока мурашки ужаса общипывали мою спину, объяснял, что все это совершенно нормально.

Прошло еще несколько дней, и вопрос о брате, кажется, затих. Затаившись, я ждала – может, все? Вот бы они вернули мою полочку, а вторую кровать и стол увезли! Но вдруг родители сообщили мне, что завтра. Я изо всех сил старалась сохранить позиции и сказала, что остаюсь дома. Но они тут же заговорили, что и правда, лучше поехать без меня, я устану… Тогда я решила, что без меня они точно выберут какое-нибудь чудовище, и уж лучше я поеду сама и увижу, к чему быть готовой. А мама сказала, что я *обязательно* поеду, и она уже прогладила мое зеленое платье.

Накануне Таню охватило волнение. Весь день она проходила в тревоге, а вечером, не в силах бороться, вышла на улицу, долго шла, сжимая ключ в кармане платья, и, остановилась, схватившись за решетку школьной ограды.

- Господи! – вырвалось у нее. Стояла тишина. Цвел май, и освещение было удивительным. Закатное розовое небо смотрело на ее крошечную фигурку далеко внизу. – Господи! – Таня подняла глаза. – Мне страшно!

…Хуже зеленого платья было только оранжевое. Мамины аргументы показались мне смехотворными. Я легла спать в таком расстройстве, что даже скрестила руки на груди. Ну и зачем мне брат, если я его даже выбрать не могу! Жить-то с ним мне!

Я вскочила и, прибежав, честно сказала, что никого не хочу. Родители бросились успокаивать меня, заверили, что выберут самого лучшего брата. Но я им не верила, потому что больше они ничего не говорили, а сами все оставшееся время шептались, отправив меня спать. Но до сна ли тут! Я снова постучалась и спросила: а если брат мне совсем не понравится, его можно будет вернуть? Папа сказал, что брат мне обязательно понравится, что у меня будет друг на всю жизнь, из чего я сделала вывод, что вернуть будет нельзя. И вот я сидела и смотрела на вторую кровать. Подошла к окну. Зашла в комнатку, сняла с клетки платок и долго смотрела, как Толя спит, сунув голову под крыло. Он бы почувствовал, если бы что-нибудь шло не так. И я легла. Но только уснула, мама отдернула шторы, – в комнату лился ослепительный солнечный свет. …Уже!

Трудно передать, какой переполох поднялся в интернате, когда она позвонила. Желающие усыновить ребенка посещали это место редко. Ни одно начальство здесь долго не задерживалось, дети были трудными, но Таня всего этого не знала, потому что смотрела только анкеты детей в сети. Эти анкеты были единственным прорывом вперед, которым интернат был обязан своей новой директрисе, вступившей в должность два года назад.

Другие дома жили несравнимо лучше – помещения сияли после ремонта, работали красивые сайты, была поддержка спонсоров. Здание интерната было аварийным. Все знали, что из-за старой проводки может вспыхнуть пожар, а из-за треснувшей стены – осесть кровля. Идет «ржавая» вода. Менять надо все. Но денег нет, а последний инцидент вообще едва удалось замять, иначе на район посыпались бы бесконечные увольнения и проверки.

Расселять детей тоже было некуда. Ни одна школа не решалась принять таких учеников даже на время. Еще недавно многие из них бродяжничали. У всех были особые пометки в личных делах. Они могли пустить в ход ножи и зубы. На их лицах порой мелькали отметины от утюгов и ножей, но страшнее всего были глаза – взрослые, жесткие, и способность за секунду прийти в бешенство. Умом понимали: это тоже дети. Но берегли свой островок

спокойствия, как только могли. Интернат больше воспринимали как изолятор. К нему не подпускали гулять девушек-подростков. Проходя мимо, спускали собак с поводка. А дети чувствовали и были полны гнева! Взрослые ждали от них только плохого, и дети презирали их всей силой своих молодых душ. Оба лагеря зорко следили друг за другом, а между ними надежно стояла решетка интерната. И дело не в том, что в чьем-то сердце не хватало доброты и заботы. И здесь висели почетные грамоты, были концерты для ветеранов и запеканка по утрам. Но никто не знал, что делать с этими детьми и безнадежность, казалось, пропитала здесь сам воздух.

Учителя уносили ноги, едва рабочий день заканчивался. Нянечки порой ругались также грубо, как воспитанники. Дети вырывали унитазы, поджигали занавески и исписывали стены самыми едкими словами, какие только могли найти в своих сердцах. Никто не поверил новой директрисе, которая привела психологов, завела портал в интернете и перекрасила младшее крыло в розовый цвет. Любые улучшения быта подростки воспринимали в штыки. Они не считали интернат домом. Каждый из них успел побывать уже в двух, а то и в трех учреждениях: полиции, изоляторах, приемниках. У каждого воспитателя были свои меры, у каждого директора – реформы, но взрослые приходили и уходили, а дети оставались. Старожилы не стеснялись в выборе мер, «меры» часто переходили границы, дети жестоко мстили, а всей правды не знал никто, потому что каждой стороне уже было что скрывать.

Приняв должность, новая директриса чувствовала себя, как капитан корабля с командой, в которой мелькали разбойничьи лица, в трюмах хранилась взрывчатка, и их на полном ходу несло на рифы. Она отказалась отправлять детей «подлечиться» в клинику, откуда они возвращались заторможенные лекарствами, пыталась пристроить самых перспективных в нормальные школы, но любви от этого не снискала. Напрасно обивала она пороги разных фондов в надежде купить новые кровати, устранить угрозу пожара, открыть компьютерный класс. «Они же вам все равно все сломают, – слышала она, – у вас там одни уголовники».

Хождение по мукам затягивалось, поднималось по кругам бюрократического ада, терялось в хвостах очередей… А когда удавалось пригласить мецената, воспитанники со всей сладостью отыгрывались на нем, и отчаявшуюся директрису встречали холодные глаза. Круг замыкался. Интернат не любили все: дети, воспитатели, чиновники. Все понимали, что ни у кого нет такой власти, чтобы он исчез с лица земли, подростки перестали бить стекла, а районное начальство получило, наконец, премию за труды и хоть немного благодарности. Кто не мечтал о чуде!

Но интернат был местом, где оно могло произойти в последнюю очередь.

Глава 4

Таня взбежала по ступенькам и обернулась, – Саша и Алина шли следом. День был солнечный, пели птицы, а зелень вокруг скрывала решетку

интерната. Первым их встретил охранник, который сразу же куда-то позвонил, не сводя глаз с возникшей перед ним гостьи. В бледно-розовом платье и шляпке, она вошла в холл. На плечах – модные рукава-лоскутки, подол переливается у колен, тонкие руки воздушно хранятся вдоль тела, словно немного оберегаясь. Она оборачивается в поисках помощи. Быстро подходит, веясь легким платьем, обращает радостные глаза, жмет руку…

Да он, наверное, спит! Ведь это же…

«Толлейн! Толлейн!» – неслось по коридорам.

Нянечки, повара, прачки – все сбежались на второй этаж.

- Хватит, – прервала их директриса, женщина за пятьдесят, с короткой стрижкой, высокая, сухопарая, быстрыми глазами обозревая свой разволновавшийся персонал, – она не должна догадаться. Листочки у всех?

Послышался стук каблучков, и, сгорая от любопытства, они окружили семью, во главе которой шла Таня. С третьего этажа уже свешивались старшие ребята, прибежавшие сюда из своего крыла. Сверху им было хорошо видно, как ей протягивают листочки для автографа.

- Надежда Филипповна, очень приятно, – уже пожимала руки директриса.

- Ой! – было первое, что сказала Таня. Отдала мужу шляпку, сбила с ног туфли и, достав светлые лодочки, вставила в них узкие ступни и разогнулась.

Нельзя было не замереть, такой она была невероятной. Попросив Сашу и девочку подождать в рекреации на диване, директриса повела Таню по коридору. Толпа восторженных нянечек сразу же рассеялась.

Они шли, Таня – в летящем платье, с красивым валиком волос на затылке, и директриса – в бордовом брючном костюме, уже почти седая. Май выдался жарким, фрамуги были открыты, и занавески приподнимались в солнечной дымке, как белые паруса.

- Жизнь в розовом цвете! – оглядывала Таня розовые стены.

- Как ваше платье, – нашлась директриса. – Вы ведь та самая Татьяна Толлейн? – и на ходу достала из кармана цветной ксерокс.

- Боже! – Таня схватила лист и остановилась. – Откуда он у вас? Это постер к моему фильму! Невероятно… – она отдала постер и снова торопливо пошла следом. – Может, хороший знак? Так волнуюсь… Все лицо горит. Я не очень красная?

- Вы прекрасно выглядите, – заверила директриса, и они остановились у одного из классов. – Вы верите, что все не случайно? – и открыла дверь.

Таня оказалась в светлом помещении. На ковре играли дети лет пяти-шести. По бокам – полки, маленькие стульчики, на ковре кубики и яркие детали конструктора. На стене большие игрушечные часы.

- Наша игровая (директриса чуть заметно кивнула воспитательнице).

Дверь располагалась на широкой стороне, и помещение просматривалось по диагонали. Едва Таня вошла, дети обернулись на нее – десятки глаз замерли на ней в восхищении. Обернулись все, кроме мальчика, который был старше. Свет падал на его голову, образовав ярко светящийся ободок

«ежика». В серой майке, шортах и спортивных тапочках, он сидел спиной к ней и вел по воздуху, за пластинку хвоста, игрушечный самолет.

- Кто это? – спросила Таня, указав пальцем, и тут же, смутившись своего жеста, помахала детям. Некоторые помахали в ответ. Они ее рассматривали.

Мальчик, постепенно оборачиваясь, повел самолет кругом, солнечный луч, отразившись от пластиковой кабины, вспыхнул Тане в глаза. Моргнув, она увидела тонкую руку, высвеченные ресницы, блеснул зеленый зрачок…

…и все сжалось в ней…

…всколыхнулось во всем теле...

…мгновенный жар объял голову!

- Кто это? – повторила она. Во рту пересохло, сглотнуть не было сил.

- Его зовут Антон. Ему 12 лет, – едва слышно заговорила директриса, уже выводя Таню в коридор. – Но... как я поняла, вы ищите помладше? Хороший мальчик. Способный, развитый. Но он на особом положении.

- Что значит «на особом положении»? – спросила Таня, едва они вышли. Директриса прошла к окну, приглашая ее за собой. – Это… из-за здоровья?

Ярко бордовым светился в лучах солнца пиджак директрисы. Решалась судьба. Шанс был – один на миллион. А может, на миллиард. Но он был, и тем отчетливее видела его Надежда Филипповна в необычной женщине, которая стояла сейчас рядом и ждала ответа.

Каждое слово может повлиять. Как подобрать нужные? О чем умолчать? Ведь если не получится – это конец, *конец*! На раздумья были секунды...

- Дело в том, – начала она, – что вы просили о встрече с другим ребенком. С Гришей. Антона не каждый может усыновить.

- Почему? – сердце Тани мгновенно прижалось к мальчику. – Есть… есть круг избранных? – нервно усмехнулась она.

- Нет, – спокойно смотрела в окно директриса, – круга никакого нет. Вы говорили, вашей дочери десять?

- А можно с ним поговорить? Я осторожно! – умоляла Таня, все еще удерживаясь на месте.

- Только с одним условием, – вздохнула, решаясь, директриса. – Ничего ему не обещайте, – и посмотрела на часы, – у вас одна минута.

Дети с любопытством подняли головы: пришла опять!

Таня бросила взгляд. Мальчик по-прежнему сидел к ней спиной, показывая малышу рядом дворец из кубиков, собираясь установить наверх последнюю деталь – шпиль. Крадучись, словно вовлекая детей в тайный сговор, Таня прошла между ними по ковру… ее белые лодочки ступали на его поверхность с крошечным шипом… Наконец, она подалась вперед:

- Антон! – позвала она и сжалась – голос прозвучал так громко!

Мальчик как раз поднимался на ноги, и, услышав свое имя, – обернулся.

Таня в бледно-розовом платье стояла перед ним.

Увидев ее, он застыл на месте. А Таня оцепенела. У него были ярко-изумрудные глаза. Отчетливо видные снизу, удлиненные ресницами. Их

стремительную линию подхватывали брови, а линия воздуха у раскрытых губ делала лицо совершенным. Восторг и ужас молнией вспыхнули в сердце! В чертах мальчика было бесстрашие: четкие скулы, воздушный подбородок. На лбу шрам, от которого кожа кажется еще более нежной... Чуткие ноздри, устье переносицы… Но глаза! Их диковатый разрез показался ей…

…Таня не знала, дышит она или нет.

- Поздороваемся? – наконец протянула она руку.

Мальчик сильно вздохнул и вдруг упал на ковер, разрушив постройку.

- Бедненький! – воскликнула Таня, подлетев к нему в переливе светлого платья. – Давай помогу... прости, все разрушилось… – она протянула к нему обе руки, но замерла на полпути. Мальчик, в лице которого отразился удар, пришедшийся на его душу, смотрел на нее, упираясь руками назад. – Прости меня, пожалуйста, – каялась Таня, собирая кубики. Мальчик попытался встать, но снова упал. – Господи! – всей душой устремилась она, рука ее воздушно взлетела, но опять замерла на полпути.

- Вы Татьяна Толлейн? – мальчик протянул руку.

- Какая горячая! – сжалась она. – А откуда ты знаешь, кто я?

- Фильм, – рука мальчика выскользнула, взлетев к виску.

- Ты смотрел мой фильм?

- «После полудня», – он оглянулся, на миг обнаружив тонкий профиль. – Я в холле... там экран больше… нн… на диске… нн… на кассете…

Таня совсем близко увидела веснушки на его переносице.

Она никому его не отдаст. Она пустит здесь корни.

Мальчик поднялся – он был худ и строен. У Тани захватило дух.

- И как впечатление? – спросила она.

- Вы пришли за мной? – он чуть отступил, не сводя с нее ярких глаз, и смотрел с такой силой, будто взгляд его набирал страшную скорость.

- Да, – сразу ответила она, – да! За тобой! И у тебя папа будет, и сестренка… – и вдруг увидела, как он мучительно пытается взять себя в руки. – Господи, я нашла тебя! – и, упав на колени, она прижала его к себе.

…Горячие детские руки обвили ее в тот же момент, сразу! И она всем телом ощутила его пронзительную худобу и одновременно – жизнь! Как колотится его сердце! Все ее существо занялось от огня этого соприкосновения, и она, успокаивая, стала гладить его по голове. Коротенькие волосы, сопротивляясь, словно благодарили ее.

- Ты поедешь с нами? Поедешь? – заглядывала она ему в глаза. – Я буду любить тебя. Всегда! Всегда! (Сильный вздох, изобличающий все страдания этой души, – вырвался из худой груди). Ну что же ты, я же уже с тобой!..

Но он высвободился из кольца ее рук и выбежал прочь.

Саша и Аля сидели на диване там, где их оставили. Девочка сначала с любопытством изучала обстановку, но в розовом коридоре не было ничего особенного, и даже детей, о которых ей столько говорили. Вскоре, устав от

однообразного сидения, она уже просто ждала, прислонившись к папе. Наконец, заерзала и сообщила, что хочет в туалет. Туалет был неподалеку.

Едва затихли шаги дочери, как с другой стороны послышался топот. Кто-то из детей бежал сюда. Саша невольно оживился. В рекреацию вбежал мальчик лет десяти, в тапочках на босу ногу, шортах и серой футболке. Он не заметил Сашу. Резко остановившись в проеме, схватился рукой за стену, другой уперся в колено. Пытался отдышаться. И вдруг со всей силы ударил себя кулаком по ноге!

- Господи! – вырвалось у него с большим страданием. Саша открыл было рот, но мальчик снова едва слышно воскликнул. – Господи!.. – и зажмурился. Снова ударил себя по ноге. Но был уже не в силах бороться, в отчаянии замотал головой и рухнул наземь.

Саша замер. Буквально раздавленный какими-то эмоциями, мальчишка, тяжело дыша, стоял на четвереньках, зажмурясь, бессильно провалив лопатки. Прошло несколько секунд. Осторожно подогнув ногу, резко оттолкнувшись, вскочил… и увидел Сашу.

Несколько отсчетов сердца они просто смотрели друг на друга.

- Прости, я тут жду одного человека, – первым заговорил Саша, – у тебя что-то случилось? (Мальчик стоял неподвижно. Так замирает олень в свете автомобильных фар). – Саша мгновенно почувствовал, что пред ним стоит личность. Протянул руку. – Александр. Я могу тебе чем-то помочь?

Поджав губы, мальчик осторожно моргнул и подошел ближе:

- Антон, – поднимая глаза, ответил он и протянул он руку.

Будто крошечным глотком свет коснулся донышка, такое было ощущение от этой руки. Он стоял близко. Со светлой обритой головой и влажными, до чистоты омытыми глазами, это был маленький взрослый. Почему-то сразу вспомнился «Принц и нищий» Марка Твена. На лбу ясно виднелся шрам, на носу под ноздрей – еще один.

- Я могу тебе помочь? – снова спросил Саша. (Мальчик, чуть поднял подбородок, предостерегая, чтобы его не касались). – Тебя кто-то обидел?

Мальчик промолчал, и это еще очевиднее обнаружило его самого.

- Я просто… (втянул носом) счастлив, – вдруг признался он, глядя куда-то вперед. Солнечный свет выбелил его лицо. Саша смотрел с изумлением. – Я должен вернуться, – перевел на него яркие глаза мальчик.

- Удачи тебе, – снова протянул руку Саша.

«Забыл, как зовут!» – спохватился он.

- А вам – счастья, – сказал мальчик, но уже из своих мыслей. В этой отрешенности его глаза имели огромную силу! В какую-то секунду, головокружительную, потому что снова, с пол-оборота возникло время, он повернулся и вышел – спокойно, весь неся себя.

И тут же Аля бухнулась на диван. Как по-детски милы были ее черты по сравнению с теми, что он только что увидел! «Она совершенный ребенок!» – с внезапной радостью подумал Саша и прижал Алю к себе.

- Ну жарко же, – запротивилась она. – Уже скоро?

- Пойдемте, – Надежда Филипповна выводила гостью из игровой.

- Я напугала его? – Таня оборачивалась, сжимая горло рукой.

Коридор был пуст, ветер приподнимал занавески, как паруса невидимых кораблей.

- Сейчас вернется. Я говорила вам, что он учит французский?

Таня прошла к окну и только сейчас заметила на окне решетку. Солнце поджигало ее волосы, светило сквозь платье, и она стояла, вся освещенная. Нездешняя птица, залетевшая сюда только шальной волей судьбы. Казалось странным, что где-то рядом ее ожидают муж и дочь.

- Напомню, вы хотели смотреть...

- Нет! – тут же решительно заявила Таня.

- Тогда, думаю, нечестно будет держать вас в неведении. Мы решили дать вам время. Вам обоим. Но вы отметили Антона сразу, а это слишком важно. (Таня все еще не понимала). Я вам все расскажу. Поговорите с мужем. Ведь необходимо согласие обоих родителей. Я подожду здесь. И поверьте…

Сорвавшись с места, светловолосая гостья побежала к мужу. Ее легкий затихающий бег по старому паркету... Как она вообще могла оказаться здесь?

- Саша! – подлетела Таня.

- Тихо-тихо… – тут же поднялся навстречу Саша. А она обвила его шею руками и, прижавшись всем телом, вдруг жадно заглянула в глаза и поцеловала в губы. – Так, что происходит? – совершенно опешил он.

- Нашла, – обдала она его горячим дыханием, – сына. Брата тебе!

- Какой он? – сразу выпрямилась Алина.

- Таня, Таня, погоди, мы только пришли. Гриша?

…Из окон лился солнечный свет, и Таня ходила в нем, прожигаясь по краю. «…Таня, успокойся» – «Ему двенадцать лет» – «Двенадцать?!»

- Он… нельзя описать, – Таня обернулась, прикладывая ладонь ко лбу, – со мной такое творилось! Он меня почти до слез довел.

- Мы же говорили, что… Аля, – обратился отец к дочери, – посиди тут.

Саша прижал Таню к стене у выхода на лестницу.

- Откуда это взялось? Двенадцать лет! Ты ходила в среднюю группу?

- Я была в игровой, – вдруг сама удивилась Таня и тут же упредила его глазами. – Он прекрасен, Саша, я таких детей вообще не видела!

- Таня, – строго посмотрел на нее Саша, – почему 12-летний мальчик с малышами? Он что…

- Нет-нет, с ним все в порядке, он просто туда зашел…

- Он подросток. Еще год – и тринадцать. Юноша! Ты с этим справишься?

- Ну мы же с тобой как-то выросли. Что Але делать с мелким?

- Мы только начали смотреть. Не пойму, почему она увела тебя одну. Понравился ребенок. Хорошо. Никто нас не гонит. Давай лучше…

- Я после него уже ни на кого не смогу смотреть.

- Таня, – понизил голос Саша, – ты не забыла, что он будет и моим сыном? Это особый интернат. Я вообще не был уверен, что надо сюда ехать. В первую очередь нужно смотреть на способности, на здоровье…

- Он учит французский! – вспыхнули подоспевшим знанием глаза Тани. – Видел мой фильм! И там еще какое-то особое положение, на котором…

- Естественно. Он стоит на учете. В чем сложности? Поведение? Психика?

- Нет, но если мы сейчас пойдем, – указала в коридор Таня, нервно почесав затылок, – она уже нас там ждет.

- «Уже ждет», – повторил Саша, просто не в силах поверить, что все это происходит! – Таня я не могу вот так прийти и с первого же перепуга взять ребенка, каким бы он ни был.

- А когда увидел меня – упал, – оторвалась от стены Таня, не сводя с него глаз. – И беленький! – приподняла она свой собственный завиток.

- Ясно. Мы сейчас же прощаемся и уходим.

- Да ты влюбишься в него сразу, – и, увидев его выражение, Таня отмахнулась. – Да знаю я, знаю! – и в полном сокрушении уронила руки, что, как ни странно, убедило Сашу больше всего. – Не объяснить, просто увидь. Просто зайди туда и увидь! – указала она. – Если бы у меня был сын, я бы хотела, чтобы он был именно таким!

- Аля младше. У нас разрешение на другого ребенка, и будет еще суд…

- Ах да, – дунула из-под губы Таня, – мутота вся эта. Ладно, я ведь уже пообещала.

- Что? – Саша лишился дара речи. – Что пообещала!.. Что конкретно?

- Не помню, – по лицу Тани пролетела преступная улыбка победителя. – Что заберу его… А! – и честными глазами посмотрела мужу прямо в лицо. – Он вдруг спросил меня в упор: «Вы пришли за мной?» И я сказала, «да».

- Таня!..

- Ну прости! (Саша посмотрел на нее в полном отчаянии). И имя хорошее: Антон.

Саша сразу вспомнил имя мальчика, но теперь этически у них не было права отказаться. И все же мелькнула догадка... Таня вечно сеяла вокруг себя хаос. И разобраться в нем было невозможно. И в этом была вся она!

- Жди меня здесь, – сказал он и решительно направился по коридору.

- Нашла! – уселась Таня рядом с дочерью. – Такой красииивый! – и обняла девочку. – Такой хорооооший! Да лучше не бывает! – и затормошила ее совсем. Алина даже испугалась. Что с ними вообще?

- Волосы темные? – с надеждой спросила она. Таня помотала головой. – А глаза карие?

- Нет! – раскачивала ее Таня. – Ну что ты воркочешь, я тебе такого брата нашла. Увидишь и подскочишь. Ну вот клянусь!

Когда Таня снова увидела Сашу, он улыбался.

- Ну? Правда же! – вскочила она. – Сашка, у нас будет самый красивый мальчик в мире! – запрыгала она. – Господи, как же я счастлива! У меня прямо безумие какое-то!

- Это точно, – голос у Саши был добрый, – даже волосы тоже светлые.

- Он будет не такой, как я? – встряла девочка, но ее снова оставили одну.

- Ну что? – с горящими глазами ждала на лестнице Таня.

- Он в группе старших, похоже, ты увидела его совершенно…

- Говорю же, судьба!

- …это именно тот мальчик, которого я видел тут. Он был так взволнован.

- Так это же он от меня! Я тебе дома все расскажу, – захлебывалась Таня, – ну правда же чудо? Ну чудо из чудес!

- Таня, спокойней, – понизил голос Саша. – Согласен, мальчик интересный. Давай обсудим остальное дома, а сейчас выслушаем директора, потому что, как я понял, мы… мы должны внушать до-ве-ри-е, – снова пресек он ее взглядом. – И давай пожалеем Алю, она сидит здесь уже…

- Бедная, – сморщилась Таня и посмотрела на мужа. – Ты прав. Ты страшно умный! (и, готовая быть серьезной, расплылась в наисчастливейшей улыбке). – Антон Александрович! – впервые произнесла она.

- Чирик, – уверенно договорил Саша.

- Толлейн, – тут же нагло утвердила Таня.

- Ну уж нет. На это раз…

Таня скрестила руки на груди и с вызовом отбросила светлые завитки.

Глава 5

Директриса ввела нас в свой кабинет. Я так рада была хоть немного пройтись! «Ваша дочь подождет снаружи?» – раздался вежливый вопрос.

- А можно на него посмотреть? – не выдержала я. Они уже все решили!!!

- Конечно, – и директриса с улыбкой позвала нянечку. – Элеонора, познакомь, пожалуйста, нашу гостью с Антоном Беловым.

«Антон Белов?» Хм. Фамилия мне не понравилась.

- Конечно! – радостно схватила та меня за руку. – Идем-ка скорей!

Она вела меня по коридору, то и дело искоса взглядывая на меня. Окна... подвесные цветы в сеточках… электронные часы над переходом… 15:51!

Счастливое число! «Хочу, чтобы мой брат…»

- Какое у тебя замечательное платье!

Высвободиться из ее руки не было никакой возможности. Мы вышли к лестнице, повернули. Коридор здесь был уже синий и облупленный. Я увидела матерные надписи. По пути нам то и дело попадались старшеклассники, которые как-то странно на меня смотрели.

- Какие тихие сегодня, – вырвалось у Элеоноры. Ее рука крепче сжала мою, и мне вдруг стало не по себе.

В этот момент, с конца коридора выскочил высокий парень и, с визгом тормозя по полу, подбежал к белой двери, рванул ее на себя и скрылся за ней.

- Ну вот, – подвела меня к ней Элеонора, – наша 3-я старшая группа.

Когда она открыла дверь, в группе что-то с грохотом опрокинули, и, войдя, я оказалась в школьном классе, где было много старшеклассников. Кто-то сидел на подоконнике, кто-то на столе. Стул у кафедры был опрокинут, пахло куревом. …Мой брат будет *таким*???

- Винтаж? – уже прицельно рассматривала мое платье рыжая девушка, и, повернувшись к другим, выдала подбородок. – Шик! (Навстречу мне выкатился недобрый смех). Зеленая. Спасем братьев наших меньших! (Элеонора смотрела на нее). – Что? – округлила глаза девушка, присаживаясь на край стола, демонстративно кладя ноги на соседний. – Отлить вышел. Нервная натура.

Пугали они, пугал запах, отторгающий, как в тамбуре вагона...

- А не здороваться неприлично, – заметил мне кто-то.

- Здравствуйте, – скорее поздоровалась я. Но никто мне не ответил.

- Здравствуй, – прозвучал вдруг негромкий голос. Я метнула взгляд...

- Ну, – Элеонора с улыбкой качнула рукой, в которой держала мою, – видишь, какой у тебя вежливый брат? – и добавила, обозревая взрослое общество похолодевшими глазами. – Не то, что некоторые нервные натуры.

Толпа начала нехотя расступаться. Было ощущение, что я попала из нормального мира на какую-то войну. И вдруг… там, сзади, мелькнул мальчик с обритой головой, гораздо меньше всех остальных.

- Это Антон, – кивнула мне Элеонора.

- Да, это – Антон! – копируя ее, повторила рыжая девушка.

- Стул подними, – не глядя, указала ей Элеонора.

Не чувствуя ног, я подошла. Мальчик поднял глаза, и...

ЭТО БЫЛ ОН! Эти глаза я узнала бы из тысячи!

- Антон, а чего ты молчишь? – глумливо усмехнулся кто-то.

Он посмотрел на моего обидчика, взял меня за руку и повел к двери.

- Вот правильно, – одобрила Элеонора, пропуская нас вперед. – А то тут кто-то больно волнуется, – и, зайдя в группу, закрыла за собой дверь.

Так его зовут Антон? Он живет *здесь*?

Отойдя от группы, мы остановились у окна. Сердце мое колотилось.

- Тебя подстригли! – догадалась я. Это был он, только *старше!*

- А ты выросла, – у него был очень приятный голос.

- Сильно? Но это я! – мое смущение вдруг перешло в бурную радость.

- Ты дочь Татьяны Толлейн?

Я растерялась. Для меня она была просто мама. И вдруг озарило!

- Так ты что… убежал тогда?

Бросив тревожный взгляд на дверь группы, Антон подался ко мне:

- Говори тише, они всегда подслушивают.

- Я никому не сказала, – перешла я на шепот. – Зачем ты с ними сидел?

- Это моя группа. Я здесь живу.

- Они все такие громадные…

- Я самый младший, мне двенадцать.

Двенадцать! Эта цифра показалась мне волшебной!

- Значит, ты в 7-ом? Я тоже из 3-го сразу в 5-й перешла. Ты куришь?

- Нет, – удивился он, и в его лице мелькнула тень улыбки.

- А ты мне уже брат?

- Она хочет забрать меня? – схватился он за подоконник.

- Они с папой выбирают… уже кровать купили и передвинули все.

Секунда прошла в молчании. Его лицо вдруг просияло.

- Как тебя зовут?

- Алина, – сказала я и сразу выдохнула (у него такие яркие глаза!) – но они меня так не зовут. Не знаю почему. У мамы я Лея, у папы Аля…

- А тебе как больше нравится?

- Никак. Будто все… не до конца как-то. Даже тренер Алей зовет.

- У тебя тренер есть?

- По гимнастике. Я буду воздушной гимнасткой в цирке!

- Ого… – он был явно впечатлен. – А я на дзюдо хочу, – вдруг признался он, но его беспокойные глаза будто искали что-то. – А… она где сейчас?

- Заперлись там у директора, – шепотом сообщила я.

Из группы снова раздался звук упавшего стула и гогот. Я обернулась.

- Не бойся, – опустил он руку на мое плечо. – У директора? – он словно просчитывал расстояние. Но тут из группы вышла Элеонора. – Она еще придет? – сжал мое плечо Антон. – Твоя мама…

- Антон, нам пора, – подошла к нам Элеонора.

- Сейчас, – отозвался он, – вы еще придете? Стой! Я придумал тебе имя!

Я обернулась. Он невозмутимо поднял брови, закладывая руки на груди:

- Скажу, когда стану твоим братом.

А у него есть характер! Как мне это понравилось!!!

- Ну ладно… пока тогда, – повернулась я, чтобы идти, но снова обернулась, и, ужасно стесняясь, порывисто обняла его. Он худой и теплый! Он тоже неловко обнял меня, но так крепко! – Пока! – выпалила я и помчалась за Элеонорой, унося на щеках жар, а на грудной клетке – воздушное пугливое соприкосновение с ним.

Элеонора взяла меня за руку. Ее рука была совсем другой…

Мы вернулись в розовое крыло, залитое солнцем, вошли в директорскую, где разговор шел о суде. *Суде*??? Мои родители преступники. Директриса как раз рассказывала про какие-то «моменты». «Ну?» – спросили они хором, когда я вошла. «Можно уже сегодня забрать его домой?» Я была уверена, что если не дадут, я сама его выкраду (раз говорят про суд, значит что-то незаконно!) Интересно, какое имя он мне придумал? 12 лет! Он старше! Я послушно села на диван, и хотя мне хотелось носиться кругами и орать от счастья, я молчала. Ведь у нас уже был *СЕКРЕТ. Я его нашла!!!*

- Мы работаем с ним с девяти лет, – начала директриса, когда дверь за Алиной и Элеонорой закрылась, – он прожил год в семье опекунов, но пара развелась и отдала его нам.

- А где он жил до этого?

- Антон из Пскова. Отказной. Вернуть его должны были в Псков, но намудрили с документами. Он потерял право на жилье. Ему совершенно некуда идти, когда он...

- Постойте, – остановил Саша, – это была их ошибка или юридическая?

- Теперь трудно выяснить: она уже три года работает в Испании, он недоступен. Юрист умер. Нам помогала псковская сторона, это очень хороший дом, но... бюрократия. Его уже почти оформили, как сына, вдруг дали задний ход: половина документов на сына, половина – на опекаемого, занимались разные юристы.

- Но как ребенок мог остаться без жилья? – недоумевал Саша.

- Пока ребенок живет у опекунов, он юридически по-прежнему числится в детском доме. Они начали оформлять усыновление, выписали его из Пскова, но бросили процесс на полпути. В итоге ребенок потерял прописку. Я пыталась вернуть его, но везде упиралась в стену. Тогда у меня оставался один выход, – Надежда Филипповна вздохнула. – Я распорядилась, чтобы он остался у нас. Вот телефоны Пскова, – она достала листок из ящика стола. – Возможно, они расскажут больше, но суть будет та же.

- Так… – попытался осознать положение Саша, – хорошо. Давайте о нем. Почему его вернули опекуны?

- Не рассчитали силы. Серьезно не подумали. Пытались спасти свой брак, взяли на эмоциях, – директриса развела руками, – лишили ребенка всего, вернули в спешке, дали плохую характеристику. Из-за этого он и попал к нам: «*вспыльчивый, агрессивно реагирует на запреты, наносит себе раны*». У нас действительно есть трудные дети, у них страшные истории. Но ничего из того, что было в характеристике, на деле не подтвердилось, а травму он получил колоссальную. Это творческий, одаренный ребенок. По природе общительный, но сейчас очень замкнут. Убегал, ему тяжело признать, что его снова бросили. Они свыкаются с этим годами, а тем людям он поверил.

- Мы сделаем все, чтобы… – начала было Таня, но Саша прижал ей руку. (*наносит себе раны*?) Ребенок мог оказаться непредсказуемым, да и говорили им, наверняка, не все. И с документами темное дело.

- Я видел два шрама у него на лице. Вы знаете, откуда они?

- Да, лоб он порезал вентилятором. Они везли его из Пскова и остановились в гостинице по своим делам. Им дали комнату у самой крыши, с низким потолком, а вентиляторы висели на стандартной высоте. Мальчик проснулся, поднялся на кровати и получил железным винтом прямо по лицу.

- Ничего себе, – возмутился Саша. – А второй?

- Второй... – директриса замялась, – у нас был мальчик, он умер, к сожалению. Он ревновал, что Антона хотят забрать, и поранил его.

- То есть, он не ладит с другими детьми, – Саша был крайне встревожен всем услышанным, его Аля – домашняя девочка. Поговорят и уедут. Зачем они вообще сюда приехали!

- Он всегда заботится о маленьких, – продолжала директриса. – Малыши его уважают. Вы ведь и застали его потому, что он снова зашел к ним. Со старшими ему тяжелее. Он много способнее, и они его за это колотят.

- Они бьют друг друга? – расширились глаза Тани.

- Выходит, не такой он и тихий? – поднял бровь Саша.

- Мальчишки дерутся во всех школах, – перевела дыхание директриса, – такой возраст. А маленькие... он им что-то рисует, поет…

- Поет? – невольно удивилась Таня.

- Да, – улыбнулась директриса, – у Антона хороший голос.

- Чем он еще интересуется? – зашел с другой стороны Саша.

- Очень упорно учит французский, – кивнула директриса, – с ним занималась девушка-волонтер. Они даже выучили песню. Вот, кстати, что еще могу сказать, у него абсолютный музыкальный слух. Он много читает…

- Что читает? – тут же спросил Саша.

- Приключения, о животных... Рассказывал, что стрижи почти всю жизнь проводят в воздухе и спят на лету. Любит географию, очень ловкий, и...

- А из чего был сделан вывод, что он ловкий? – в глазах Саши блеснул интерес.

- Думаю, вы удивитесь, но Антон ловит птиц.

- Птиц? – пришла в восторг Таня. – Голубей?

Саша отметил это, но женщины, кажется, настроились на эмоции…

- Каково состояние его здоровья? Есть заболевания? Зона риска?

Директриса похолодела. В личном деле стояла отметка о недавней госпитализации.

- Психологически – очень травмированный ребенок: два отказа, три смены школы, четыре смены места жительства: дом ребенка, дом в Пскове, опекуны, мы, переезд из одного города в другой. Это и для взрослого немало.

- Хорошо, а физическое здоровье? Склонности…

- Он на редкость здоровый мальчик. Это как раз еще одна причина, по которой его так часто выбирали для усыновления.

- А первая какая? – поднял брови Саша.

- Ну… вы же видите, – развела руками директриса, – Антон красивый мальчик. Все хотят красивых. И быстро возвращают, потому что они не оправдали ожиданий. Но они же не красивые игрушки, у них есть биография. Антона уже возвращали, поэтому если вы ничего не решили, ничего ему не обещайте. (Саша тяжело вздохнул, а Таня воодушевленно потянула шею). Его пытались усыновить уже четыре раза, но...

- Четыре? – ахнула Таня.

- Да, – подтвердила директриса, – вы пятые.

- Да, вот насчет биографии, – ухватился Саша, – о настоящих родителях что-нибудь известно? Если он отказник, может, есть отказная? Имя матери.

- Боюсь, нет, – покачала головой директриса. – Мать не оставила никаких сведений о себе, по сути, он подкидыш. Родился в Пскове. Развитие шло без патологий. (Таня нагнулась и почесала лодыжку). Но в каком-то смысле, все злоключения привели его туда, где его мечте суждено сбыться, – изменила тон директриса, неожиданно улыбнувшись, – по правде говоря, за всю мою жизнь это первый случай, похожий на сказку.

Таня замерла. Повеяло знакомым ветром кинематографа.

- Это странная, почти невероятная история, – не знала, как подступиться директриса. – Наверное, вы знаете, что по закону с 10-ти лет ребенок имеет право отказаться от усыновления, и Антон у нас лидер в этом смысле. Все пары с моей точки зрения были надежными, но все четыре раза он отказался.

- Позиция, – задумчиво оценил Саша.

- Этому есть объяснение, – улыбнулась директриса. – Помните, я говорила об особом положении, на котором находится Антон? Дело в том, что он сам выбрал женщину, которая может усыновить его и никого кроме нее видеть матерью не желает. – Директриса снова отодвинула ящик стола и протянула Тане белый конверт.

Чувствуя себя героиней фильма, Таня открыла его, достала сложенный вчетверо лист, развернула и… сильный вздох поднял ее грудь.

На листе стояло: «*Татьяна Толлейн*».

Саша не мог не узнать почерк! Мгновенно вспыхнула в памяти записка на клетке с воробьем: «*Татьяне Толлейн с любовью*»! Ну конечно! Так вот кто таинственный даритель!!! Таня, потрясенная тем, что выбор мальчика каким-то образом пал на нее, не заметила этого, а у Саши едва не сорвалось с губ! Но он подавил вскрик своего открытия.

- Когда он переехал к нам, – продолжала директриса, видя какое воздействие произвел ее джокер, – самой дорогой вещью для него была кассета с вашим фильмом (она посмотрела на Таню и достала из кармана пиджака постер). Это у меня тоже не случайно.

- Твой фильм! – воскликнул Саша, разглядывая юную Таню на афише.

- Он просматривал его сотни раз, – продолжала директриса, – знает наизусть. Мечтает заниматься дзюдо – тоже из-за фильма.

Таня не могла удержать улыбки. *Вот он, лучший момент в жизни*!

- Почему фильм с моей женой? – спросил Саша, не дав Тане раскрыть рот.

- Думаю, так он представляет себе мать, – пожала плечами директриса. – Дети часто создают такие фантомы. Им надо за кого-то ухватиться, обвиться любовью, понимаете? А Антон отказник, у них вообще образ матери расплывчат. И он выбрал себе, – она сделала жест, – самую красивую маму.

- Мы *обязательно* его заберем! – горячо заговорила Таня. – Мы...

- А он… простите, что перебил, – остановил Саша, – а он часто убегал?

Вопрос показался директрисе странным, но она храбро ответила:

- Антон убегал дважды.

- Вы помните, когда это было?

- Вы имеете в виду время? – Надежда Филипповна принялась мысленно считать. – Около года назад, в начале сентября. Учебный год только начался.

- Но у него нет родных, – возразил Саша, а Таня все не могла понять, куда он клонит. – Мы слышали, дети, в основном, убегают к родителям. Ему бежать было не к кому, города он не знает. Вам удалось узнать, где он был?

Директриса вздохнула и честно призналась:

- Вы знаете, нет. Для меня это до сих пор загадка. Потому что мы искали и, конечно, спрашивали. Но он явно говорил неправду. После первого побега, а вернулся он в тот же день, мы, разумеется, страшно переволновались, провели с ним беседу. А он нашел в кладовке старую птичью клетку и починил. А потом поймал, угадайте кого? – улыбнулась директриса с таким видом, будто и сама до сих пор не верила этому факту. – Воробья!

- Воробья! – подскочила, как ужаленная, Таня и обернулась к Саше... Но он сжал ей запястье и Таня, залившись румянцем, смолкла.

- Поймать воробья нелегко, – понимающе кивнул Саша с подозрительным спокойствием, и директриса снова занервничала. – Видите ли, как раз в сентябре мы нашли у двери клетку с воробьем, а к ней был прикреплен листок, на котором было написано: «*Татьяне Толлейн с любовью*», – Саша повернул листок надписью к директрисе. – И это тот самый почерк.

Пауза потрясения, наступившая вслед за этим, была высшей наградой таниному тщеславию. Директриса сильно вздохнула…

- Теперь вы знаете куда, а мы, наконец-то, знаем кто, – дал ей перевести дух Саша, положив листок. – Невероятно! – и отвалился на спинку стула.

- Это же для меня! – не в силах была больше сдерживаться Таня. – Тащился с клеткой через весь город! Она же тяжеленная! И как он вообще узнал, где я живу?

Саша обернулся с новым вопросом в глазах: а вот это интересно.

Директриса тихо склонила подбородок на подломленные руки:

- А мы-то боялись, что… – и, возведя глаза на своих невероятных гостей, сказала. – Вы его любимая актриса. На 10-й день рождения наши коллеги смогли достать для него ваш адрес, если он захочет написать вам письмо…

- Мы обязательно его заберем! – заявила Таня, с вызовом посмотрев на Сашу.

А Саша только качал головой. Это было действительно невероятно. Настолько, что могло быть только чудом. Перед тем, как ехать, он горячо молился Богоматери, чтобы найти хорошего мальчика. Как вышло так, что Таня выбрала именно его? Может, Сам Бог указывал им ребенка?

Танины мысли летели еще быстрее: мальчик выбрал ее задолго до ее приезда! *Судьба*! И в ее силах осчастливить его! И она преисполнилась рвения

немедленно забрать Антона, стать для него героиней из фильма, и обязательно отдать на дзюдо.

- Не спешите, – мягко остановила директриса, увидев их решимость, – поверьте, я целиком за усыновление, и будет еще суд, но, может, попробовать сначала опеку? Есть моменты… – но в эту минуту открылась дверь, и в кабинет вошли Элеонора и Алина. Лицо девочки сияло:

- Можно уже сегодня забрать его домой?

Поскольку Надежда Филипповна понимала, что на этом лучше сегодня закончить разговор, она позволила девочке остаться.

- Почему опека? – вернулась к разговору Таня. Она не понимала, какие тут вообще могут быть возражения, когда сама судьба…

- Пообщайтесь с ним, – предложила директриса, – возьмите на прогулку. Пусть он узнает вас настоящую, понимаете? Не «Лизу», а вас, – директриса смотрела на Таню, ища понимания. – Может, он навоображал себе что-то, а в жизни все будет не так, как в кино.

- Да-да, конечно, – сразу же закивала Таня.

О, он не будет разочарован! Она сделает его мечту явью! Она…

- Вы понимаете, что значит для него ваш приход?

А Саша сравнивал то, что слышал, с Антоном, которого видел. И понял, что все еще сложнее, чем было озвучено, мальчик непростой, и судьба у него, возможно, ужасная, но понял и другое: они его возьмут, это уже неизбежно.

- Вы можете сказку сделать былью, – пожимала им руки директриса, прощаясь на крыльце интерната.

А Саша думал о том, что будет с Антоном, если они его *не* возьмут. И понял: это раздавит мальчика навсегда. А мальчик и правда хороший. Он совершает поступки! «А вам счастья» – вспомнилось ему детское рукопожатие. «Вот оно и пришло к тебе» – мысленно ответил Саша.

Так все было решено с первой встречи.

Отправив назад всех любопытных, тут же засунувших нос в дверь, Надежда Филипповна еще долго стояла у окна, закрыв лицо руками. Ее всю трясло. Татьяна даже не заметила Гришу, сидевшего рядом с Антоном в игровой, хотя пришла смотреть именно его! Зато Антона… Как такое возможно? Разговор в директорской вымотал все ее силы, но воробей!.. Она *должна* была догадаться! И она быстро пошла в старшее крыло.

- Антон, выйди, – сказала она, появившись на пороге группы.

Антон, безмолвный, в полной тишине вышел мимо нее в коридор. Она посмотрела на замерших ребят и закрыла дверь. Антон стоял, сжав рукой запястье, и смотрел в окно. На нее боялся. Она повела его к себе. Мимо замелькали старшие – на лестницах, у туалетов. Всем хотелось узнать! Войдя в кабинет, она достала из ящика шоколадку и протянула ему.

Посмотрел с ужасом: не возьмут. Это компенсация, чтоб не расплакался…

- Метод Люпи*на*, – улыбнулась она, – съешь, полегчает, – и мягко опустила руку на его плечо. – Эля специально отвела тебя в игровую. Чтоб ты не спрятался. (Он смотрел на нее, не сводя глаз, их глубина менялась...) Что же ты не сказал мне про воробья! – не выдержала она. – Ты так рисковал!

- Она поняла, что это я! – воскликнул мальчик. – Она пришла!

- Они все придут, – сжала она его плечо, – в субботу возьмут тебя в цирк.

Сколько чувств разом отразилось в его лице! Он крепко обнял ее, бросился к двери, обернулся и воскликнул неожиданно сильным голосом:

- Я сделаю им всем подарки!

* В истории Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере профессор по защите от темных искусств Люпи*н*, часто угощает учеников шоколадом, чтобы подбодрить их в трудную минуту.

Глава 6

Когда мы вышли в розовый коридор, Антон в белой рубашке и джинсах несся к нам со всех ног, оставив позади Элеонору. Мама, увидев этот несущийся на нее вихрь, замерла. А он вдруг остановился прямо перед ней, задыхаясь, сияя глазами, и «Мам!..» – рухнул в ее объятья.

И я поняла, что я больше не единственный ребенок.

- А меня! – обиженно вытянула я шею.

И тут же оказалась в крепких объятьях. (…а братья – это хорошо!)

- Ну, здравствуй, счастливый человек, – склонился папа.

- Я же говорила, придет, – подошла Элеонора. – Пирожки, – протянула она бумажный пакет, – ничего не ел с утра. Стоял у часов, стерег.

…Он вцепился в мамину руку и шел так всю дорогу. Заходим в цирк, предъявляем билеты. Я ввожу Антона в зал. Он задирает голову, глядя под купол. То задержит дыхание, то вдруг потом выдох, будто боль отпустила.

- А можно я сяду с мамой? – едва слышно просит он.

Я не могла понять, как он может так любить ее, если не знает совсем. Я тоже ее люблю, но я не хочу сидеть с ней в обнимку все время. Я хочу сидеть в обнимку с ним все время... Осознав этот факт, я густо покраснела, и, прикусив губу, быстро отвернулась, распыляя в пространстве зала свои желания.

Мама снова взяла его за руку, и такое облегчение выразилось на его лице!

- Прости, я дурак, – признался он своим приятным голосом, и я сразу ему все простила. Открыла программку, стала рассказывать, но поняла: он слушает мамину руку. Будто невидимым излучением пронизывает ее всю.

- Что, мой воробушек, – успокаивала она, гладя его по голове, – я тут.

А он замер и слушал ее миллиардами невидимых слуховых отверстий... Мама иначе улыбалась, даже оделась по-другому! Я поймала папин взгляд и вздохнула. В этот момент на зал опустилась темнота, и яркий луч выбелил нашу одежду.

…Зал взрывался аплодисментами, по стенам летали круги света, на манеже ловили и подбрасывали друг друга акробаты, выбегали жонглеры, грохали тарелки, но Саша знал: единственное, что существовало в этом зале и звучало громче, – это сжатие двух рук на разделяющем их подлокотнике кресла. Этот ни на секунду непрекращающийся контакт. По лицу Антона бежал свет, а взгляд был слеп.

А я так хотела рассказать про гимнастку – сегодня будет моя любимая!

- Вот! Сейчас, – шепнула мама, и Антон удивленно посмотрел на нее, будто проснулся. – Смотри, Лея тоже будет так летать.

Он вдруг обнаружил меня рядом и, не отпуская маминой руки, жадно прижал второй мою. И я опять ему все простила.

…Смотрим выступление воздушной гимнастки. Взлетает – вся в лучах прожектора, по сверкающему трико летят огни. Обрыв! Опрокинулась назад, зажав гриф подколенками, летит головой вниз… Мелькнула быстрым шпагатом, упруго посылая себя с каждым разом все дальше… Музыка стихла. В полной тишине несколько раз в полете перекрутилась вокруг собственной оси! (винт!) Сердце едва не обрывается…

- Ты хочешь быть такой? – затаив дыхание, спрашивает Антон.

- Я хочу быть лучше.

В антракте вышли в фойе. Антон ни на секунду не отпускал танину руку, а она вспомнила про пирожки. Алина разом умяла два, явно ожидая третьего, а Антон только помотал головой и вдруг побледнев, обхватил Таню руками и уткнулся в нее лицом. Этого Саша и боялся. Мальчик не вынес столько впечатлений. Не надо было в цирк!

- Хочешь, уйдем? – склонилась к нему Таня.

Но он прижался еще сильнее. Что же делать! Таня жестом подозвала к себе мужа и дочь, и они все обняли Антона. Внутри их теплого кольца наступила тишина. Антон осторожно распрямился, посмотрел на Таню… и вдруг расцвел такой улыбкой! Алина сразу дала ему пирожок. Он держал его обеими руками и смотрел на Таню, как зачарованный. Волнение покинуло его, а три человека рядом почувствовали усталость.

- Милый, – подсказала Таня, – пирожок надо укусить.

Антон укусил, расплылся в улыбке, и с полным ртом сообщил:

- Он с мясом!..

Утолив голод, схватил Алину за руку: «Давай вокруг арены обежим!»

Так неожиданно! Будто другой человек. Таня сильно выдохнула.

- А ты что думала? – перевел дух Саша. – У него шок. Молодец, молодец, – прижал он ее к себе, – я горжусь тобой, – и, не теряя времени, поднес ей пакет. Таня послушно взяла пирожок и все смотрела. «Ей Богу, они похожи»,

– подумал Саша и вслух добавил, увлекая Таню по круглому фойе. – Пирожок надо укусить. Пойдем, поглядим, не снес ли он чего…

Таня нервно хмыкнула в свой пирожок:

- Этот смерч переедет к нам домой?

- А кто хотел его взять? О! Смотри!

Клоун продавал фигурки зверей. Вокруг теснилась малышня.

- Не надо их оставлять, – обернулась Таня.

- Она ему сейчас рассказывает, что такое кульбит с подколенок, и что 12 метров высоты – это стандарт для удобства зрителя. – Саша изучал товар. – Жираф или тигр? (Таня осторожно взяла пони). Сколько их у нее уже?

- Это мне, – робко попросила Таня и проглотила кусок пирожка.

Пони послушно перекочевал в ее нарядную сумочку. Алине была куплена белочка, но что Антону? Таня схватила наугад какую-то зверушку и разжала пальцы. На ее ладони был маленький леопард.

Саша вдруг ощутил, что у нее мелко дрожат руки:

- Держись, держись, он просто не знает, куда деть столько любви.

- Саш, я так подавлюсь. …Я боюсь его, – призналась она, убирая крошку с губы. Саша молча протянул ей салфетку. – Ну Саша! – подняла она глаза.

- Он вообще всего боится, – спокойно заметил Саша.

Войдя в зал, сразу увидели детей – они были внизу, у арены.

- Мам! – увидев Таню, замахал Антон.

- Боже… – с морозным страхом выдохнула она. – Так, пошли. Можно я перецеплю его на тебя?

Второе действие Антон сидел точно также, но Таня заметила, что его рука просто тепло лежит на ее руке. Из цирка направились в блинную, Таня подарила леопарда и белочку. Гуляли по городу, говорили о дзюдо. Под конец Алина уже не отходила от мальчика ни на шаг, и их голоса были такими громкими, что болела голова. У Антона оказался прекрасный смех. Он так преображался, когда радовался. Пожалуй, только светлый ежик и веснушки на носу говорили о том, что он земного происхождения. Его красота словно имела за собой зоркого наблюдателя, который под этим прикрытием смотрел на мир. И все больше убеждались: да, они возьмут его. И было страшно, потому что просто не представляли, кто же этот мальчик.

Незаметно спускался вечер. Все устали. Но от остановки до интерната шли пешком, вдоль деревьев, освещенных теплым рыжим солнцем. Стали расспрашивать Антона про стрижей. Алина взахлеб говорила про гимнастику и даже запела песенку из «Русалочки», но тут же смущенно умолкла. Антон схватил ее за плечи и стал «вытрясать» из нее робость, а она весело бросилась от него прочь. Антон забыл о волнении, которое пережил несколько часов назад. Мчался в распахнутой на горле рубашке, а Алина, видя, что он догоняет ее, уворачивалась и визжала на всю улицу.

- Мальчишка-то спортивный, – заметил Саша. – Аля, только не через дорогу! (В ответ донесся счастливый визг).

- Разошлись, – жаловалась Таня, – я еле ноги волоку.

- Ну так, кое-кто одел босоножки. Тань, не старайся быть для него Лизой.

- Так и знала, что ты это скажешь. Дети, только не здесь, – протестовала она, защищаясь от их игры, – пылища, ужас!

Вечернее солнце поджигало поднятую пыль и одежду детей. Первым добежав до ограды, Антон остановился. И Саша увидел, как из счастливого мальчишки, жадно дышащего, вспотевшего после бега, появляется маленький король с прямой спиной, которого он запомнил в их первую встречу. А Таня уже звонила: «Да, мы здесь, мы у ограды стоим». Саша кивнул ей на окна: дети смотрели на них из своих комнат.

Таня пошла проводить Антона до группы. Он не обнял ее. Лишь, уходя, обернулся, и она помахала ему рукой. В наступающих сумерках, сойдя с крыльца, она вдруг поняла, что так устала, что сейчас расплачется.

Глубокой ночью успокаивала Антона Элеонора: «Ну что ты, все уже решено, все решено». Успокаивал и Саша судорожно рыдающую Таню: «…а носились как! Таня, ты устала, ты перенервничала…» Наутро Таня лежала в свете солнца такая прекрасная, словно Сам Господь поцеловал ее этим утром. А на другом конце города спал, сжимая в кулаке маленького леопарда, Антон. Он уснул только что, потому что боялся сомкнуть глаз: вдруг все это был всего лишь сон?

Они пили чай в отдельной комнате интерната на втором этаже.

- Это то, что я хотел бы вам подарить, – сказал Антон, доставая тетради, листы которых бугрились от вклеек. – Это тебе, – преподнес он одну Алине.

- Вертолет! – рассматривал свою тетрадь Саша. – Недурно! Полетим обратно на нем? Вещи возьмем. У тебя много вещей?

- Нет, совсем нет, – Антон сидел рядом, краснее своей футболки. – Только, может, куртка... (они спрашивали его про вещи!!!)

- У меня лошадь! – показывала Алина. – И торт!

- Торт тебе нельзя, – рассматривала свои «подарки» Таня. – О, Шанель! Пойдет мне такой? – и показала Саше наряд от кутюр.

- Торт в твою честь, когда ты сделаешь свой самый опасный номер, – пояснил Антон и получил от Алины самый благодарный взгляд.

Не один день, ожидая свою новую семью, он сидел над грудой старых журналов, вырезая картинки. У него не было денег купить цветы – и он вырезал картинку с цветами. Вклеивал в «отцовскую» тетрадь военные грузовики. Туда же попал пейзаж – освещенные закатом горы. В своей тетради Таня нашла девушек-моделей в ярких платьях, несметное количество сумочек, туфель, пирожные с доставкой, плазменный телевизор…

- Детка, ты мне и плазму подарил, – она оглянулась на мужа, – святое дитя. Поменяем нашего старикана на эту красоту?

- Там будут показывать фильмы с тобой, – Антон сжал стаканчик с соком, сказав это «с тобой», потому что нужно было сказать «с вами». Он старался запомнить каждую минуту, и хотя Саша положил в центр стола мешок с конфетами, Антон не заметил угощения.

- М! Я поеду во Францию? – Таня смотрела на Эйфелеву башню.

- Могу отвезти тебя туда на этом, – показал ей Саша свой личный самолет.

- Нет! – просияла Таня. – Я сыграю там лучшую роль и получу за нее «Оскар»! …Кто-нибудь в это верит? – понизив голос, спросила она и полезла за очередной конфетой. – От «Пальмовой ветви» я бы тоже не отказалась.

- Там есть, – подсказал Антон, и перевернул страницу в ее тетради. Таня увидела пальму на берегу океана и, улыбаясь, потрепала его по голове:

- Спасибо, милый, думаю, столько веток нет ни у кого!

- «Пальмовая ветвь» – это тоже премия, – пояснил мальчику Саша.

- Ее тоже дают в Америке, как «Оскар»? – спросил Антон.

- В Каннах! – в глазах Тани мелькнул огонек взаимопонимания.

- Во Франции! – радостно вытянул шею мальчик, а Алина про себя отметила, что в отличие от него не знает, где находятся Канны.

Увидев в тетради дочери желтую маршрутку, Таня хвасталась: «А у меня лимузин!» «Зато у меня вот!» – не осталась в долгу Алина и показала на очередном развороте стрекозу, осыпанную росой. Саша уделял внимание каждому листу, Таня успевала смотреть у всех, комментировать и есть конфеты, а Антон сидел и не верил, что все это правда.

- Ты их игнорируешь? – Таня выразительно посмотрела на Антона, потом на конфеты, и вдруг увидела: осталось всего три штуки. – А кто все сожрал?.. – и, обозрев общество в поисках виновного, положила все перед Антоном.

- А… как вы его назвали? – наконец решился спросить мальчик.

- Толя, – посмотрела на него Таня ясными глазами. – От «Толлейн», – и подалась вперед. – Ну КАК ты его поймал? (Антон улыбнулся). Все равно узнаю, – откинулась она на спинку стула. – Ты ведь хочешь быть Толлейн?

- Мы с мамой носим разные фамилии, – поспешил объяснить Саша.

- Да, он Чирик, а я – Толлейн, – сияла Таня. – Кстати, Лея – Толлейн.

- Нам не решить это без тебя. Какую фамилию ты хочешь…

«…значит возьмут!»

- Я хотел бы взять фамилию отца, – сказал он, отставляя свой стаканчик.

- Антон Чир*и*к? – поперхнулась мама и тут же подвела черту. – Тебя засмеют в школе.

- Тогда двойная, – предложил Антон.

Мысленно прочитав, что получилась, я хрюкнула от смеха, и, пытаясь сдержаться, скорее отвернулась от маминого вытянутого лица.

- Чирик-Толлейн, – понимающе изрекла она.

Я тихонько попискивала, закрывая лицо ладонями. (О папином смехе говорил лишь мелко трясшийся скрип стула, на котором он сидел).

- Что ж… отлично. Спасибо, Лея. Этот вопрос мы решили.

Мы с папой взорвались. Мы понимали, что делать этого нельзя, но не могли остановиться. Мама, приподняв брови, ждала, когда мы закончим.

- Чья фамилия будет первой? – выжидающе скрестила она руки на груди.

- Папина, – сразу сказал Антон, – «да прилепится жена к мужу».

- Ты читал Библию? – отрезвев, спросил папа.

- Мне нянечка одна читала на Рождество… муж главный.

Через две недели суд вынес решение. В судебном порядке мальчику была присвоена двойная фамилия. Как ни билась Таня, в документах ее сын значился как: Антон Александрович Чирик-Толлейн.

Глава 7

Привез его папа. Раздался звон ключей, я выбежала в прихожую.

- Привет, Леечка! – вошел Антон с большим рюкзаком и сумкой.

Я сразу полюбила свое новое прозвище! Оно было мне как раз впору! Запах роз наполнял дом – мама подушилась розовым маслом. Войдя, Антон сразу попал в ее объятья: «Как пахнет! – выдохнул он, встречая ее глаза. – Мам!..» – и прижался к ней. Я тут же отобрала его у мамы и повисла сама – на правах сестры. А едва он переобулся, потащила показывать, где какие выключатели, потянула в комнату. У окна мы оба замолчали.

- Так вот, значит, как все выглядит с этой стороны, – улыбнулся он. И тут услышал, как прыгает Толя, и в две секунды был уже у клетки. – Ой, подрос! Тебя откормили! – постучал он по прутикам. Толя метнулся, будто увидел самого дьявола. – Рад встрече, друг!

Толя что-то сказал, но мы так и не поняли, рад он или нет. Нас позвали к столу, и на выходе из комнаты Антон, знаете, что сделал? Задержавшись, пропустил меня вперед. Я почувствовала себя принцессой!

…Он ел картошку с оливье, руки у него тряслись, он уронил чашку (но она не разбилась), мы все предлагали друг другу добавки и со страху страшно объелись. Антон обнимал маму, я боялась икнуть, а папа все время повторял, что все в порядке. Такое, наверное, можно пережить только один раз. Поставили Антона к мерной дощечке, где каждый год в день рождения я тянула шею, чтобы папа поставил черту повыше. «Не кормят парня, – констатировала мама, – 141 сантиметр. Придется наверстывать». Мой рост был 132 см.

Привезенную одежду мама доставала из пакетов, то и дело восклицая: «Нет, ты посмотри! Опять полиэстер! Антон, мы купим тебе все новое!»

- Смотри, – я взяла жестяную коробку и высыпала коллекцию на кровать.

Глаза у Антона разбежались, а я стояла рядом и лопалась от гордости. Мои пуговицы! Сверкающие, граненые, бархатные! Антону понравилась

стеклянная, с черепом внутри. А я уже вытащила из-за швейной машинки мешок с мамиными поделками и высыпала обшитые пухом звезды, птичек с выпученными глазками, жучков, покрытых пуговицами. Мама подарила ему жучка и звезду, а я свою пуговицу с черепом. Эх… ну ладно. (К тому же, я все равно положу ее обратно в коробку. Просто для сохранности).

Мама показала ему полку в шкафу и место за учебным столом, а папа указал на диван с валиками и сказал, что уже можно раскладываться. Антон начал выкладывать книги из рюкзака. Он все делал по-другому. Сидел на корточках, засучивал рукава. Он теперь будет жить у нас!!! Мальчик. Он вообще другой… вообще совсем. Это так будоражило, что хотелось все про него узнать! Я присела рядом, желая посмотреть, какие сокровища имеются у него.

- Тебе их подарили? – я смотрела картинки в его «Острове сокровищ».

- Нет. Мне дарили по одной за каждые прочитанные десять, – он достал Сетона-Томпсона «Жизнь и повадки диких животных». – Хочешь, почитаю?

- Конечно! А то мне мама уже совсем перестала.

- Кто это тебе там перестал? – отозвалась из прихожей мама. – Кто тебе «Ундину» читал позавчера? …Нет, ты посмотри: 70 % ацетат!

На его кровати уже были «Мифы древней Греции», «Хоббит», «Маугли»...

- О! – удивился папа, увидев книгу «Уильям Блэйк. Избранное», и в его голосе я уловила уважение.

- Я люблю стих про тигра, – сразу заговорил Антон. – «*Тигр, о тигр, светло горящий в глубине полночной чащи…*»

- «*Кем задуман огневой соразмерный образ твой?*» – подхватил папа.

Антон благоговейно затих, а я почувствовала гордость за отца.

- Перевод Маршака, – тут же отозвалась мама, не в силах оставаться в стороне, и заглянула к нам. – А Шекспира любишь? «Ромео и Джульетта», «Гамлет»? (Антон неуверенно посмотрел на папу). Отлично! Я вам его всего перечитаю! – и она принялась перебирать книги.

- Ты ведь знаешь, что Блейк был еще и художником? – спросил папа.

Антон помотал головой.

- И еще Блэйка считали сумасшедшим, но не сажали в дурку, потому что считали безвредным, – добавила мама, листая томик Лермонтова.

- Я тоже прочту! – вставила я, чтобы не выпасть из разговора.

- Всех гениев сначала считали психами, – пояснила мама. – Джордано Бруно говорил, что существует множество миров, его сочли еретиком и сожгли. А он знаешь, что сказал? «Сжечь – еще не значит опровергнуть».

- Кто такой еретик? – нахмурилась я.

- Это в средневековье люди, отпавшие от веры, – ответил мне Антон.

«*Средневековье*»… Я заскрежетала зубами.

- Верно, – одобрительно кивнул папа, – еретиками называли людей, чьи идеи, как считалось, навеяны дьяволом, хотя они просто были новаторскими

для своего времени. Таких смельчаков судили, пытали, отлучали от церкви, а потом сжигали на костре.

- Что, всех? – испугалась я.

- Всех, кто имел неосторожность думать, – пояснила мама, подкручивая в прическу завиток. – Например, во Франции была Жанна Д'Арк. Девушка, которая возглавила армию, носила мужскую одежду и стала народной героиней. Ее объявили еретичкой и сожгли. А потом, эдак, спустя веков пять, – канонизировали.

Кано… что? Мама заметила выражение моего лица:

- Ну – сначала сожгли, а потом объявили святой, понимаешь?

Ну и зверство…

- А дьявол есть? – на всякий случай спросила я.

Два разных ответа прозвучали одновременно, и мы с Антоном посмотрели в разные стороны: я на папу (он сказал «да»), а он – на маму. А вдруг дьявол тоже внушил мне… точно! Это он подсунул мне пуговицу с черепом! Она доведет Антона до смерти. Укатится в люк, он полезет ее доставать, ударится головой, упадет на крысу или утонет!

- Оооо, какой альбом, – открыл папа большую серую книгу. Антон, затаив дыхание, смотрел на черно-белые фото истребителей, планеров, вертолетов.

- А у тебя слабость к самолетам, – ковырнула его пальцем мама.

Мои книги никто так не хвалил. Почему? Антон такой умный. Это все из-за интерната! Он уже почти, как они. Я не хочу знать все последней!

- А это мой французский, – достал он последнюю книгу.

- У нас рядом французская гимназия, – заметила мама и примиряюще сказала, – ты не успеешь. Нагнать семь классов. И у тебя еще английский.

- По английскому у меня пять. А можно покормить Толю?

Он уже хозяйничал у клетки. Моему возмущению не было предела!

- Ты не выучишь за семь классов! – не утерпев, сказала я.

- Выучу, – аккуратно ставил он поилку. Толя метался, как сумасшедший.

- Он тебя боится.

- Он привыкнет.

Меня взяла досада. У него вредный характер! И он уже тут навсегда!

- Осталось три месяца. Как ты выучишь семь учебников?

- Аля, у молодого человека тоже есть амбиции, – вошел к нам папа. (Так: я «девочка», а он «молодой человек»?!) Видел твой табель, ты отличник…

(Антон отличник???)

- Я выучу. Даю слово!

- Погоди-погоди, – остановил папа, – вы сейчас поедете в Таганрог к бабушке с дедушкой, надо набраться сил, 8-й класс – это серьезно. И требования в гимназии гораздо выше...

- Но я хочу, чтоб он ходил в мою! – не выдержала я.

- У нас в Таганроге тетя Нина, помнишь? – заглянула к нам мама.

Я гордо промолчала. Что полезного в тете Нине, которая никогда не говорила, как все нормальные люди. Она набирала в грудь воздуха побольше, раскрывала глаза пошире и высыпала целую кучу страшных слов: «Колоссально!» «Феноменально!» «Грандиозно!»

- Блестящий специалист. Преподает французский в университете, – намекнула мама.

Гром и молния должны были потрясти комнату.

- Я смогу! Обещаю! Пожалуйста! – бросился к маме Антон.

…И я еще подарила ему свою пуговицу?!

Видя, как я расстроилась, он принялся утешать меня, сказал, что будет писать диктанты, а я буду проверять ошибки и ставить ему оценки. И так улыбался, брал теплой рукой за плечо… Я сдалась, когда он сказал, что ни разу не смотрел «Красавицу и чудовище» и сразу поставила диск. Мы устроились на тахте, мама принесла нам туда чай и пирожные, и мне тоже захотелось откуда-нибудь приехать, чтобы устроили такой праздник. Жаль, я не могу сказать: «я училась в интернате» – по-моему, классно звучит!

Антон так хвалил мультик… Ладно, буду проверять его диктанты.

Когда стали готовиться ко сну, мама предложила Антону спать «у Толи» в маленькой комнате, но мы оба запротестовали, желая остаться вместе.

- А откуда ты знаешь про средневековье? – спросила я, снимая с кровати покрывало.

- Прочитал учебник старших классов, – улыбнулся он, доставая пижаму.

«Читать учебники старших классов» – взяла на заметку я. А что, это умно! Почему я раньше-то не подумала! Когда я вернулась из ванной, Антон изучал фотографии гимнасток над моей кроватью.

- Смотри, – показала я на одну, – вот стропы. Это гриф. Утяжелители, они закручиваются по бокам, чтоб трапецию можно было контролировать, чтобы кач был глубже. Ну… на трапеции же раскачиваешься, это называется «кач». Это «винт», это кульбит с подколенок в сед, вот лонжа, – водила я по фотографиям. – Гриф железный, его обматывают лейкопластырем, а под коленями канифолят, и руки тоже, для лучшего сцепления. Видишь, – и я показала свои мозолистые ладони. – Сивко говорит, дальше будет серьезнее.

- Сивко?

- Геннадий Анатольевич, мой тренер. У него сам Федоров учился!

Знаете, для меня это был переворот в сознании – жить рядом с мальчиком. Я никогда не видела, как они ложатся спать, как одеты ко сну, и считала себя преступницей, открывая для себя такие тайны. Сидела, натянув одеяло до подбородка, и смотрела во все глаза. Он по-другому складывает одежду! Обувь снимает. Из поведения девочек я знала, что если ты переодеваешься, и заходит мальчик, полагается закрыть грудь и громко визжать. Визжать я не стала, но грудь все-таки закрыла. А Антон подошел и, сев на мою кровать, вдруг обнял меня – так крепко! Я сидела, как куль, с выпученными глазами. Наконец, набралась храбрости и тоже обняла его.

- Так-так, – вошла мама, и мы сразу отпрянули друг от друга. Но она с радостным вскриком сама бросилась его обнимать. – Поймался? Шекспира читать будем? Сестренка нравится? Будете шуметь – обоих заканифолю. Сначала Толю к нам заслал, теперь сам явился. Все, все, выдохни. Завтра папа на прогулку вас возьмет.

Тут зашел папа и пожелал нам сладких снов.

Мы улеглись. Теперь я не одна в комнате!

- Эй… – позвала я, – зачем ты стоял у нашего окна? Хотел посмотреть, где мама живет? (Антон приподнялся и кивнул). И тебе ничего за это не было?

- Еще как было! Весь коридор мыл. Ну… мне уборщица помогла немного.

- На, – я протянула ему одну из своих пони, – это Жозефина. Мне с ней ни разу плохие сны не снились.

- Спасибо, – он посмотрел мне в глаза, – ты добрая. Я тебя люблю.

Я лежала с сильно бьющимся сердцем, глядя в потолок, прижав к себе Молли. Мальчик, которого я увидела из окна, стал моим братом!

Рано утром Антон стоял в кухне одетый, приоткрыв окно, и слушал птиц. Он не мог оторваться от вечности, потому что лишь в ней умещались его чувства.

Новая кровать, душистое белье. Жозефина. Его поцеловали на ночь. И так будет каждый день? Теперь он тоже свой, домашний. И этот дом – для него тоже! Но что-то мгновенно отшвыривало его от этой истины и больно било о противоположную стену. Хотелось подышать возле только что оставленного одиночества, но все уже было другим: он больше не Антон Белов, он Антон Чирик-Толлейн.

Без единого звука новый человек ходил по дому, изучая, трогая. Пианино… края золотых букв можно ощутить. Прошел в комнатку, сел на тахту, вздрогнул – зеркало. Вот какое у тебя лицо, когда ты счастлив. Разве может все это быть? Как не задохнуться от любви, не разорваться от торжества! Надо соблюдать тишину – спят его близкие. Какое счастье чтить их этой невыносимой для него тишиной!

Из открытой форточки шел свежий воздух. Антон подставил руки, ожидая, когда занавеска, поднявшись, коснется их. Раньше он представлял, что это мама подошла и вот-вот обнимет его и это трепещет на ветру ее платье. Теперь мама обнимала по-настоящему, но никак не верилось. Занавески чуть приподнимались от дыхания внешнего мира, молчаливые свидетели его счастья.

На тумбочке белеет листок календаря «1 июня», мама написала: «*Антон приехал домой*». Он будет хранить все ее записки!

Из спальни вышел Саша и с удивлением застыл в коридоре, увидев худенького ребенка у окна.

- Ну как ты? – подошел он и сразу догадался. – Не спал?

Саша сварил овсянку и сделал какао. Разговаривали тихо, и необходимость говорить шепотом делала их общение легким, словно оба они, входя в новый мир, пригибались под ветвями.

- А где вы работаете? – осторожно спросил мальчик.

- Ты уже можешь говорить мне «ты», – улыбнулся Саша. – В редакции. Журнал «Искусство и мы». Пишу сейчас статью о героях, которые стоят на картинах спиной к зрителю. Кстати, дам тебе наши альбомы – найдешь мне такие? Я мог что-то пропустить.

Провожая отца на работу, Антон замялся, опустил глаза и… вдруг крепко-крепко обнял Сашу, обхватив руками, прижался головой: «Папа…» Вымыв посуду, мальчик разложил на столе альбомы и принялся искать загадочных героев. А счастливый Саша летел к метро, сжимая ручку портфеля: «У меня сын! Он проводил меня на работу! Он сказал мне «доброе утро»!

Глава 8

Я вскочила – вторая кровать застелена. Жозефина стоит на тумбочке.

…У меня брат!!!

Бросилась одеваться. Мама показывала Антону, как делать еду для Толи.

- Побудете пару часов одни? Я в студию за авансом, – донесся до меня ее голос, – Антон, ты за старшего. А потом – шопоголить! Купим кроссовки, куртку!

Она умчалась, а я с тяжелым сердцем вспомнила, что мне надо надеть.

- Хочу испечь блинчики, – сказал Антон, открываясь от поваренной книги.

Я замялась в дверях в оранжевом платье:

- Ненавижу его! Меня мама заставила… чтоб тебе понравиться.

- Ты мне и так нравишься. Ты и тогда в нем была? – вдруг улыбнулся он. – Я за старшего. Можешь переодеть.

Класс!!! Я помчалась в комнату, сорвала с себя рыжую гадость, мигом влезла в удобные брючки, от радости сделала балетный арабеск и вернулась.

- Эту книгу ба с дедушкой ей на свадьбу подарили, – нависла я над страницей.

- Мама была в белом? – спросил Антон. Его яркие глаза смущали меня.

- Какого они у тебя цвета? – заглянула я.

- Зеленые.

- Посмотри на свет. (Антон, улыбаясь, повернулся) А так почти синие.

- Это из-за света. Посмотри тоже. У тебя, как у мамы. Тут семь рецептов, какой берем? Важно понять, какие нужны ингредиенты.

«Ингре…» ну что он такой умный!

Антон посмотрел на меня веселыми глазами:

- Ты не любишь сложные слова. (Я вздохнула. В братьях есть одна проблема: они слишком много знают). Давай замену придумаем!

- Гриды! – тут же округлила я глаза.
- Точно, Лейка, ты гений!

Лейка! Уже сократил. Я страшно радовалась! Осмелев, потрогала его ежик.

- Они у меня вьются, вообще-то, но сейчас не видно, – отреагировал он.
- Вьются? А у меня нет, – потрогала я прядь своих, – а вот у мамы…
- Ты красивая.

Он был первым мальчиком, который сказал это.

Мы достали «гриды» и принялись творить. Антон все делал сам, а я ему «ассистировала»: подавала, объясняла, где лежат какие ложки. Он разливал тесто, а я переворачивала уже поджарившиеся блинчики лопаткой. Ого, я сама пеку блины! (Быть взрослым, оказывается, не так уж трудно). Антон посоветовал использовать для удобства второй нож. Жаль, меня никто не сфотографировал. Мы умяли все. Молочные блинчики – самая большая вкуснота в мире! И теперь я не завишу от мамы, надо будет просто попросить Антона. Вернувшись, мама была крайне удивлена сладким запахом, витавшем в воздухе. Антон сказал, что вечером мы напечем новых блинов, а это был пробный тест. «Пробный тест»? Нет, мальчики – они другие.

Гуляли по набережной Невы. Саша рассказывал про средневековье, Жанну Д'Арк и Джордано Бруно. Дети были потрясены тем, что в средние века люди ели руками, не зная, что такое вилка, (ее завезли из Италии, сказал Саша), помои выливались из окна прямо на улицу, а принимать ванну считалось опасным для здоровья. А в эпоху Возрождения признаком знатности считались черные зубы, потому что лишь богачи могли позволить себе купить сахар, и так объедались им, что зубы у них чернели.

И, конечно, Саша не мог не упомянуть любимого Таней Шекспира и рассказал историю Ромео и Джульетты. Дети слушали, затаив дыхание... уже просили показать им фильм Дзеффирелли, а он отвечал, что если будет порядок в комнате, если будут помогать маме… Они клятвенно обещали все на свете, а Саша шел и улыбался – обе руки заняты!

Антон уже выполнил утреннее задание отца. Несколько альбомов ждали Сашу, полные закладок. Антон отметил не только картины, где герой стоял спиной к зрителю, но и те, где отвернулись второстепенные персонажи, что само по себе говорило о наблюдательности мальчика. Но самым удивительным была закладка к «Ночному кошмару» Генри Фюзели: спящая женщина изогнулась на постели, на ее груди сидит демон из ее сна и смотрит на зрителя. На закладке написано: «*отворачивается во сне*». Саша был поражен: мальчик увидел глубинный смысл сюжета: невозможность отвернуться от своего кошмара.

- …как блестит! – показал Антон на золотой купол, и его звонкий голос вернул Сашу на солнечную набережную.
- Ты знаешь, что это за собор?

- Я знаю! – тут же просияла Алина. – Это Исаакиевский собор! Его построил Огюст Монферран.

Это была открытая демонстрация силы, и Антон решил, что и ему пора заполнять пробелы в знаниях. Саша был счастлив: здоровая атмосфера соперничества лишь подогревала интерес детей к учебе. Как им не хватало второго ребенка! Еще бы третьего...

- Молодец, Аля. А когда этот купол золотили, в составе краски была ртуть, и многие рабочие, надышавшись ее испарениями, погибли.

Это произвело на Антона огромное впечатление. Еще шире его глаза раскрылись, когда вошли в собор. Он стоял, задрав голову, и не мог начать говорить. Поднялись наверх – и дух у мальчишки захватило совсем. Весь город открылся ему с высоты! В Планетарии он тоже был впервые. Очутившись под яркими звездами, он схватил Алину за руку. А Саша смотрел на его тонкий профиль и произносил в своем сердце: «Как я хочу показать тебе мир! Как я хочу, чтобы ты был счастлив!»

Помня про фильм Дзеффирелли, который еще «рановато им смотреть», мы испекли новую порцию блинчиков. Родители так нас хвалили, что фильм был разрешен, а я сообщила, что уже выросла из оранжевого платья, да и зеленое мне давно жмет подмышкой. Папа смеялся, а мама, занятая блинчиками, была согласна на все. (А еда – мощный рычаг воздействия!) Антон все не мог найти пуговицу с черепом, и я призналась, что выбросила ее в Неву. «В ней дьявол», – заявила я, давая понять, что тема закрыта.

Мы легли спать, страшно взволнованные фильмом!

Джульетта заколола себя кинжалом! Какая смелая!

Антон постепенно осваивался дома. Папа водил нас в музеи, ставил диски с музыкой, и Антон узнал имена Шопена, Моцарта и Баха. Мама читала нам на ночь, объясняла, что такое «конфликт», «сверхзадача», и давала читать по ролям. У Антона здорово получалось! Его голос был такой… чуть шероховатый, и я вся сжималась, слыша эти басовитые нотки. А еще меня теперь куда чаще обнимали. У меня появился собеседник, советчик, сообщник, соратник! Уходя, родители велели ему быть за старшего, и теперь можно было смотреть «Ромео и Джульетту», таскать цукаты! Никогда еще жизнь не была так полна тайных преступлений!

Антон умел рисовать самолеты и корабли, а у меня больше получались русалки и балерины. Еще у него была привычка напевать отдельные фразы, и интересовало все, что связано с мамой. Я ставила ему ее любимые диски: Робертино Лоретти, Эллу Фитцджеральд, «Фрески Софии Киевской», «Пер Гюнта». С не меньшим увлечением смотрел он наши альбомы, а мама показала три свадебных фотографии. Она в платье, похожем на колокольчик, тоненькая и оробевшая. Мы спросили, неужели она так боялась выходить замуж, а она сказала, что у регистраторши были усы.

Довольно быстро я осознала, что значат папины слова: «поначалу нам всем будет немного трудно». Настроение у Антона порой менялось по нескольку раз в день. Он то смешил нас, то вдруг смущался, замолкал и уходил в глухую оборону. Он умел готовить, лучше знал английский, освоил ноутбук, и при этом обнаруживал полнейшее незнание самых элементарных, на мой взгляд, вещей. Например, не знал, как вырезать снежинки из бумаги. Никогда не забуду его лицо, когда родители подарили ему мобильник. Мама позвонила ему из студии. Антон так долго смотрел на слово «мама», мигавшее на экранчике, что телефон перестал звонить. И тут же получил от мамы первую в жизни смс-ку: «КАПУХА! ☺»

У Тани был любимец. Она делала ему яства из тертой моркови и зерен, носила мучных червячков. Толя жил, как заправский падишах, прошел «очищение» в ветклинике, где из него были изъяты все паразиты до единого, и теперь, чистый и домашний, чирикал и вполне осознавал свою власть над хозяйкой. Крошечное существо держало в кулаке весь дом. Все старались его задобрить, приучить к рукам, и гостинцы сыпались как из рога изобилия. Подчас Толя, объевшись так, что глаза уже не поворачивались, смотрел на зерно, но уже не лезло…

Таня быстро распознала, с каким бандитом имеет дело, и обожала его до дрожи. Он ненавидел клетку, где было совершенно не развернуться, а энергии было столько, что приходилось прыгать по жердочкам, чтобы не сойти с ума. Его выпускали, но наглец, плевав на домашний уют, всегда мечтал удрать на свободу. Носился под потолком, пару раз со свистом улетал за шкаф и Таня, припав к полу, слушала его цапки, а пыльный беглец шел по линии прибоя, выскакивал из-за шкафа и, миновав сашины руки, продолжал путешествие за пианино. Приходилось набрасывать платок, и, не взирая на страшную кусачесть, запихивать обратно в клетку.

Воробей оказался умный, и своим умом хорошо пользовался. Иногда с видом самым проникновенным он сидел у Саши на ладони. Дурачил Таню, отдавая благосклонность Саше. А девчонка, меняя корм, поймала и безбожно долго его гладила, так что он просто затих и ждал, когда все это закончится, из чего глупое существо сделало вывод, что он ее «совсем не боится». (В следующий раз он обклевал ей все пальцы и был отпущен за сходную цену). Главное – дьявол, изловивший его, исчез. Даже «очищение» у ветеринара не могло сравниться с тем ужасом, который ему пришлось пережить рядом с тем мальчишкой. Куда бы он ни делся, главное, чтобы это было навсегда.

И на тебе! …Он что – останется? Он тоже здесь… *ж и в е т*?!

Толя решил, что будет мстить Антону за все и до конца. Уже сам факт, что Антон зашел во все парки и дома в городе, нашел его и теперь из-за него остался здесь жить, приводил воробья в трепет. Но лишь один Толя во всем доме знал главное: мальчишка чуть не до слез расстраивался своим неудачам! Он пытался загладить вину, приносил лакомства, чистил клетку… Но –

извини, приятель, держи должок. Чтобы досадить еще больше, Толя порой проявлял неслыханную щедрость, помноженную на холодный расчет, и оказывал знаки расположения девчонке. Но едва Антон приближался – улетал на шкаф. Толя мог осчастливить и предать анафеме одним взглядом. Одним порхом на плечо указать фаворита! Антону он ни разу не сел на плечо и очень гордился этим.

«**Когда я наблюдаю за гимнасткой, мое тело включается, будто я ее маленькая копия, повторяет все мысленно, и я тоже боюсь сделать ошибку, упасть и даже потею. У меня меняется дыхание. Я напряжена до последней секунды. И если она сорвется,** (*зачеркнуто*) **я тоже** (*зачеркнуто*) **Момент, когда, сделав страшные трюки под куполом, она слетает вниз и, поймав сцепление, сбегает с воздуха, вызывает у меня восторг и хочется плакать перед этой гордой птицей-человеком!**»

Дневники наблюдений, которые по настоянию тренера вела 10-летняя Алина, открыли Антону, какой сильной личностью она была. Убирая в комнате, он случайно нашел ее черновики и не остановился, пока не прочел до конца. Написанные еще детским почерком простые и глубокие строки выдавали натуру страстную, и «гордая птица-человек» запала в душу. Как много успела сделать Алина! Ему ни за что, ни за что нельзя отставать!

- А у меня ни одного нет. Но я однажды чуть ребро о гриф не сломала, – я осторожно коснулась пальцем шрама у него на лбу. – А когда этот вентилятор тебя задел…

- У меня все лицо было в крови.

- Ужас… а второй? – я смотрела на шрам под ноздрей.

- Да это так, – отмахнулся он, – мелковат для шрама.

- А почему тебя отдали в интернат?

- Я сам хотел, – быстро ответил он, предупреждая дальнейшие вопросы.

- Так ты что, можешь от нас уйти?!

- Нет. Вы меня усыновили, а там опека была. – Антон увидел, что я не понимаю. – Опека, это когда берут, но могут отдать, а усыновление – когда берут навсегда. Ну… то есть, меня все равно можно отдать обратно, но это труднее, потому что я уже считаюсь членом семьи.

- Мы не отдадим! – скорее привалилась я к нему и, пользуясь случаем, крепко обняла. …Долгое молчание.

- Меня там не любили, – сказал он, – она кричала все время. Нормально все! – вздернул он головой, и мне впервые почудилось в этом жесте что-то болезненное. Я расцепила руки и смотрела с удивлением. – Не жаль! – с внезапной силой добавил он.

Сердце мое колотилось. Стало страшно, не знаю почему. Я поняла: там совсем не так здорово, и нет ничего хорошего в интернате... Секунду Антон смотрел на меня, лицо его пылало, а в следующую, одновременно начав что-то говорить, но так и не досказав, мы бросились друг другу в объятья.

Глава 9

- Угадай, что он у меня сегодня попросил? Пилочку для ногтей!

- Он, наверное, не умеет стричь. Не все дети умеют.

- Вот-вот, – продолжала Таня, – я предложила. Отказался наотрез. А еще, слышал? «Леечка»!

- Мне нравится. Очень ласково. По-моему, они подружились.

- Она уже перед ним шпагаты тянет – я не могу!

- Да, Алька светится прямо…

- Я бы тоже светилась, будь у меня такой брат, – чистосердечно призналась Таня, убирая соковыжималку. Кухню наполнял запах апельсинов.

- Это же Гаврила! – воскликнул Антон. Он указывал на картину в альбоме, где светловолосый ангел, склонившись, разводил руки перед Девой Марией.

Я немного растерялась и спросила, как зовут художника.

- Джордж Лоуренс Буллейд, – сказал папа, входя в комнату, и подсев к нам, стал рассказывать, как к Деве Марии пришел архангел Гавриил и принес Благую Весть.

- А все ангелы носят белую одежду? – спрашивал Антон.

- На самом деле они такие яркие, что наши глаза просто не вынесут их сияния. Они принимают вид людей, чтобы не ослепить нас, – ответил папа.

- Ты их видел? – спросила я.

- Нет, но говорят, их видят маленькие дети и святые.

- Но я не видела!

- А у всех ангелов светлые волосы? – не унимался Антон.

Папа достал большой альбом художников Возрождения:

- Вот «Благовещение» Боттичелли. Смотрите, фигуры Гавриила и Марии расположены по диагонали, как бы усиливая внутреннее напряжение. Словно в квадрате картины им стало бы тесно. Мария стоит, опустив глаза, и немного отстраняется двумя ладонями. Гавриил несет лилию. Он только что слетел сюда, – видите, прозрачная материя его одежды еще не успела опуститься. Он тянет руку, умоляя сразу не отвергать его, и, в то же время, как бы хочет коснуться Марии. Их руки замерли на полпути друг к другу. Это самое важное в картине. Между их тянущимися руками, незримо, как раз и поместилась Великая Весть! Ни тот, ни другой как бы не смеют ее коснуться. Тот же прием использует и Микеланджело, – папа пролистал вперед. – Вот! «Сотворение Адама», Сикстинская Капелла. Бог-Создатель и сотворенный

Им первый человек. Создается ощущение, что пространство настолько исполнено энергии, что если Бог коснется снова – Адам просто исчезнет. Пока тянешься – это и есть самое большое обладание. Совершенства нельзя коснуться, не потревожив. Чтобы оно не исчезло, ты должен быть равен ему. А вот Филиппо Липпи, – перевернул он страницу. – Здесь Гавриил совсем юный…

- И тоже со светлыми волосами! – не удержался Антон.

- А почему Мария читает книжку? – удивилась я. (Вот я точно все брошу, когда ко мне ангел прилетит!) – У него венок из цветов.

- Наверное, эти цветы росли в Раю, – улыбнулся папа.

- В Раю?.. – Антон застыл, будто что-то вспоминая.

Перед нами возникали все новые и новые ангелы. Они были в одеждах, полных ветра, все очень красивые и иногда непонятно – мужчина или женщина, и мне больше всего было интересно, как художники умеют так рисовать, чтобы было непонятно. Вид распятого Христа вызвал у Антона ужас. Папа как раз рассказывал, как Спаситель умер на кресте, искупая грехи человечества, и Ему пронзили бок копьем.

- И что, никто не пытался Его спасти? – сжался Антон.

- Ты всегда спасаешь Его, если делаешь что-то доброе, и распинаешь, если творишь зло. Через три дня Христос встал из гроба живым. Победил смерть!

- А как Он ее победил? – спросила я.

- Силой великой Любви, – улыбнулся папа, – Воскресением.

- Так… воскресенье от слова «воскрес»? – озарило меня, и папа кивнул.

- А как выглядит душа? – спросил Антон.

- Как ты. Только намного красивее.

Ух ты! …Может, в душе я тоже красивая? Вот бы поменять их местами!

- Но если человек творит зло – это уродует душу, а зло постепенно отражается на лице.

- А вот бы было зеркало, где бы можно было проверить!

- Такое зеркало есть, это наша совесть. Есть даже история о том, как один юноша, увидев собственный портрет, был так поражен своей красотой, что испугался старости и пожелал, чтобы вместо него старел портрет. Его желание чудесным образом исполнилось. Юноша совершал ужасные вещи, стал жестоким, но на его лице это никак не отражалось. Люди по-прежнему влюблялись в него, в то время, как юноша на портрете превращался в уродливого старика… Это «Портрет Дориана Грея». Оскар Уайльд.

- А если ангелы приходят в виде людей, как понять, что они ангелы? – спросил Антон.

- Я как-то слышал, – закрыл альбом папа, – что когда приходят ангелы, душа получает надежду, а воздух наполняется благоуханием цветов.

- Цветов! – воскликнул Антон, снова изменившись в лице.

Он еще долго смотрел на те картины. Кажется, папины рассказы так впечатлили его, что он ждал, что от картин запахнет цветами. Все-таки он немножко странный.

Глядя на мальчика, который каждый день показывал какие-то новые черты характера – несговорчивость, честолюбие, рвение, воинственность, Саша понял: в доме появился еще один мужчина. Любая деталь выдавала это: то как Антон садился, пристраивая локоть на спинке стула, как отвечал, как расправлял плечами рубашку, застегивая ее снизу. И бессознательно это сразу же почувствовала и Алина. Она играла с ним, как дитя, но уже считала своим защитником и висла у него на шее, как маленькая женщина.

Он был серьезен. И эта красивая обритая голова. Умная голова! Глаза, в которые иногда так трудно смотреть. Он был одарен – взрослому человеку не составило бы труда понять это. Сестры не стеснялся, а при Саше был еще немного зажат. Однако, всегда проявлял инициативу на нейтральной территории, готовый вымыть посуду или почистить картошку. И при этом была в мальчике какая-то пронзительная незащищенность. Это взывало к помощи, но Антон не подпускал. Это никак не обозначалось внешне, но было ясно сразу. Довольно быстро, с уколовшей сердце болью, Саша угадал во вздергивании головы нервный тик. Будто протест, бурливший в мальчике: не трогайте, я смогу! – так и остался в нем. …Вот они собирают пазл, и Антон незаметно спрятал в карман детальку. Точно также он тайком готовил клетку, чтобы посадить туда пойманного воробья. Этот человек привык до самого конца скрывать свою цель, а потом внезапно обнаружить ее. Чтобы нельзя уже было отвергнуть. Мальчик умел создавать чудеса своими руками, умом и трудом. У него была добрая душа, не привыкшая получать любовь, но он отчаянно пытался спровоцировать ее на себя, перенаправив на себя ее луч.

…Когда пазл был собран, только одно пустое место бросалось в глаза:

- Ну вот, – вздохнула Таня, – совершенство отменяется… (Антон вдавил кусочек картона в оставшийся промежуток). Ах, хитрец! Припрятал секрет!

- Да, – смеялся мальчик и жался от щекотки, – ну мам!..

- Смотри, какая пыль, – указал он и распорядился. – Сегодня день уборки.

Ничего себе! А раньше пол мыла мама. Антон притащил полное ведро воды и принялся мыть комнату. Я смотрела на него, как завороженная.

- Мы по пятницам весь дом мыли, – остановился он, – даже плинтуса.

- А что такое плинтуса? – смотрела я на него во все глаза.

- Это вот это вот, – и он постучал по бортику у пола, где кончались обои.

Он разобрал старые часы, перебирал детали, чистил колесики (я опять ассистировала). И что думаете? Часы пошли. Как мама его хвалила! Я чуть не умерла от зависти. Он назвал их Томас и поставил на кухонный шкаф. А почему я не могу назвать мебель? Почему я не знала, что это можно?

Учебники французского были куплены, он составил график, а я слонялась по квартире ожидая, когда же он сделает перерыв. Наконец, возникала рядом и узурпировала власть: «Томас передает, что ты уже 5 минут должен играть со мной!» – «En français seulement! («ан франсе солёмо») – отзывался он, что означало: «*только по-французски*». И тогда я, картавя слова на французский манер повторяла свою просьбу, чем всегда вызывала его улыбку.

Он стеснялся просить добавки. Боялся признаться, что натирают ботинки, но изо всех сил старался сделать нашу жизнь приятнее. Маме выкладывал на тарелке волнами пюре (это пустыня), втыкал хвосты укропа (это оазис), кусочками перца выкладывал цепь верблюдов. А однажды, когда мама с удивлением нашла в «пустыне» яркое пятно, серьезно заявил: «это мираж».

А еще он кричал во сне, и папа подолгу сидел рядом с ним. Антон был загадочным существом. Ему снились кошмары, он был мальчик, знал, что такое плинтус и сам выбрал себе фамилию. Он находил возможность действовать там, где, казалось, ее не могло быть, и меня это восхищало.

Стоило что-нибудь попросить – Антон бросался выполнять и делал даже больше, чем просили. Таня уже побаивалась этой заложенной в нем силы. А с тех пор, как у сына появился мобильник, ей вообще не стало покоя. Смс-ки, полные любви, летали к Тане, как праздничные фонарики. Саша наблюдал. Антон кричал во сне, но проснувшись – не помнил своего кошмара. Хотелось узнать, почему он лежал в больнице почти месяц до того, как они приехали в интернат (в выписке стояло: «*сильное переохлаждение*»). Почему опекуны написали «*наносил себе раны*»? Откуда взялась мечта о Тане?

Все выдавало в Антоне натуру незаурядную, чуткую, крайне осторожную и болезненно хранящую себя от посягательств. Не было никаких сомнений в том, что это юное существо страдало, и его ум и красота – способствовали этому. Взрослые, с затаенной печалью глаза выдавали опыт, и никакая озорная улыбка не могла затмить этого тайного, раньше срока полученного знания. Даже обретя Таню, как мать, он не утратил к ней своего обожания. День за днем его глаза внимательно изучали ее мир: книги, колбочки помад, оставленные у разворота трюмо. Едва ли не по расположению вещей он мог сказать, в каком она настроении. В свое время, только узнав Таню, Саша сам без устали наслаждался этим пересыпающимся великолепием ее красоты, звероватой грации, крошечных негодований, летучести, стрекозиной дрожи... и думал, что он единственный, кто может предсказать Таню. Но когда в доме появился Антон, понял, что он жалкий дилетант рядом с гением.

Для Тани это тоже был феномен. В ее творческом хаосе, где ей было так легко и удобно, вдруг появился кто-то, кто прекрасно знал расположение и местность. Зато к самому Антону, у которого, казалось, была способность проникать во все и вся, было не подступиться. Мальчик жадно впитывал их жизнь, но ни словом не обмолвился о своей. Саша мечтал о сыне, о том, как будет воспитывать личность. И Антона он сразу полюбил. За чистоту души, за

поступки. Но Антон уже был личностью. Эта осанка! У Алины она была развита гимнастикой, но в прямой спине Антона чувствовалась высокая порода, гордая по праву рождения, и поднятая на недосягаемую высоту боль. И Саша понимал, что, не исцелив ее, нельзя породниться по-настоящему.

Приехала домой и кассета с фильмом «После полудня». Трудно было не заметить: Антон копировал Таню во всем. Наклон головы, улыбка, интонации. Сирота, каждый день питавшийся ее лицом и голосом, превратился в ее маленькую копию. Неудивительно, что у Тани заколотилось сердце, когда она его увидела. Она будто посмотрелась в зеркало! А Таня, прозорливо разглядев в мальчике талант, уже водила его в студию. Приобщая сына к актерской игре, она хотела незаметно помочь ему избавиться от фантома нее самой. Его успехи вдохновляли. Мечта о семейном счастье, которую Саша много лет лелеял рядом с изменчивой, дикой Таней становилась реальностью. В их жизни наконец-то появился тот чистейший звон, каким обладает лишь совершенство. Это было присутствие Антона.

- А что ты любишь?

Антон чистил картошку, а я резала ее для жарки на мелкие бруски.

- Бегать! – улыбнулся он. – Читать. Мюсли. Вести тебя за руку.

- (☺ ☺ ☺ ☺ ☺ ☺ ☺ ☺!!!!!!!!!!) А что ненавидишь?

- Ножницы. Рис. Наелся его там на всю жизнь. Общие слова. И когда орут.

- И когда скотч отрывают! – поддержала я. – И когда мама бросает мне в суп зелень и говорит, что это витамины. А какой твой любимый цвет?

- Солнечный, – Антон передал мне очищенную картошку и взял новую.

- Мне еще никто так не отвечал! А день рождения у тебя…?

- Осенью.

- А число? (казалось, эти сведения нужно выдавливать из него силой).

- 18 ноября, – Антон поправил мешочек с очистками.

- Ты что, не любишь свой день рождения? – удивилась я. В следующую минуту я поняла, какая я дура. Он отказник! Папа же мне говорил…

- Ничего страшного, – тут же заверил он, – по крайней мере, у меня есть точная дата. Многие ее не знают. Потому что их находили на помойках, – голос Антона словно нападал на каждое слово, – на дорогах, в подвале. Никто не знал, когда они родились, устанавливали приблизительно. И имен не было, – он вздернул головой, его руки на секунду остановились под струей воды, и мы оба услышали этот звук. – Почти у всех имена появились в доме ребенка, где оформляют свидетельства о рождении.

Грубая правда жизни вывалилась на меня сразу. Я вдруг поняла: у меня были родители. Они дали мне имя. А от него отказались… *прямо в день рождения*! Вот почему «отказник». Его бросили, вместо того, чтобы обрадоваться и отнести домой! Интернат, это вроде изгнания...

Я потупилась, щеки мои горели. Ну что я наделала!

- Лейка, – тронул он мою руку. – Это ничего. Меня… меня уже спрашивали, слышишь? Не так много, конечно. Просто я вижу все немного по-другому.

- А как ты видишь? – осторожно спросила я, не поднимая глаз.

- Да все. Делать с тобой блины. Гулять с папой. Все, что кажется тебе обычным… за всю мою жизнь моя мама ни разу не пожелала мне доброй ночи, не обняла, не подарила ни одного подарка. Не позвонила узнать, как я.

Мне вдруг стало так страшно! И захотелось, чтоб он меня простил!

- Хочешь, свистеть тебя научу? – вдруг спросил он, и сердце мое подпрыгнуло от его внезапно засверкавших глаз.

- Да! Да! – воскликнула я, и душа моя спаслась. (Нет никого лучше старшего брата!)

Мы оба любили петь и решили разыграть папе на день рождения песню из «Короля льва». Выбрали «Лев сегодня спит», ставили ее на ноутбуке и распевали. Подражая то цаплям, то лягухам, ходили, скакали, ползли по кругу, делая страшные рожи, синхронно выкидывая то руку, то ногу, а на всю комнату звучало: «In the jungle, the mighty jungle, the lion sleeps toniiiight!» Антон придумал речь конферансье – мы просто подрывались от смеха. Произносить ее надо было очень серьезно: «уважаемые мама и папа! Сегодня и только сейчас вы увидите...» Антон выходил «на сцену» из маленькой комнатки, поправлял невидимый галстук… и просто рушился! 23 июня мы исполнили номер. Мама отхлопала себе все ладоши, а папа смеялся до слез.

Саше исполнилось 37 лет. Он получил две открытки. Алина нарисовала ежа: он нес на иголках высокий торт (все слои были тщательно прорисованы фломастерами), а Антон – синий самолет. И написал внутри по аккуратно проведенным линейкам: «*Дорогой папа! Спасибо тебе за доброту и разговоры. Я желаю тебе стать директором журнала и увидеть мир. Твой сын Антон*».

До отъезда в Таганрог осталось немного. Стоял ясный день, ночью прошел дождь, и везде пылали лужи, а воздух был полон свежести. Антон вызвался сходить в магазин, а я – с ним. Он так авторитетно выбирал фрукты и расплачивался на кассе, что я решила, что в следующий раз пойду сама.

- Расскажи, что тебе нравится? – попросил он, когда мы шли обратно.

- Что ты мой брат! – тут же расплылась я в улыбке и сжала его руку сильней. – Ну… Я пони люблю. Растворять краски в воде. Фей...

- Фей? Почему фей?

- Потому что они маленькие и волшебные. И бояться под страшную музыку. «Секретики» делать. Картинки такие в земле из цветов: накрываешь кусочком стекла и зарываешь землей. А потом отрываешь и смотришь.

- И все? А когда у тебя день рождения?

- 12 февраля. У мамы 6 марта. А! Я люблю, как трясогузка бегает! – и я просеменила вперед. – Вулканы делать! Лепишь из пластилина кратер, – показывала я, шагая спиной вперед, – тащишь у мамы соду, кладешь в жерло, льешь уксус, и так извергается! Завивать волосы одуванчиковым принцессам. Надеваешь на спичку цветок-платье, делаешь голову: стебель одуванчика расщепляешь на полосочки, – и в воду – и они скручиваются в колечки! У дедушки виноградник, бабушка пироги печет и ругается лешими. (Тут я увидела, что в луже купаются воробьи). Аааaа! – понеслась я, и они мгновенно оказались на дереве через дорогу. – Всю ванну им испортила!

- И ноги промочила, – Антон подхватил меня на руки. – Ох, какую я девочку нашел! Сестренкой будешь? Поехали домой. Поедем Толю гладить!

- Ты сэкономил! – мама озадаченно изучала чек и большую сдачу.

- Сметана в пакете полезнее для природы, – сказал, разуваясь, Антон.

- Для природы?.. Будешь всегда теперь в магазин ходить. Сдачу можешь оставить себе.

Да'… Я немедленно заявила, что в следующий раз пойду я! Я тоже могу экономить! Но мне было отказано. Мама сказала, что мне еще только десять, и меня могут обсчитать или даже отнять кошелек, а Антону уже почти тринадцать, и он все-таки мальчик. Это «почти тринадцать» меня особенно разъярило. Ему *двенадцать*, а не тринадцать «почти»! Мне всего на два года меньше. «Десять» не звучит, но разве это моя вина? Видя, как я расстроилась, Антон хотел отдать мне сдачу, но не нужно мне их подачек! Я не маленькая, а просто *младшая*! И я все равно пойду. С Антоном меня отпустят, я все сама быстренько куплю, сэкономлю побольше, а он мне потом деньги отдаст. Когда я сообщила ему свой план, он сразу согласился. «Ну Лейка!» И смотрит с улыбкой. И навстречу сердцу – ясная глубина доброго взгляда.

Глава 10

Воздух Таганрога пропитан солью моря. Через заборы вздыхают ветви черешен, вдоль улиц растут белые акации, сладко пахнущие теплым горохом. Позвякивая, поворачивают за угол красно-желтые трамваи, а после дождей свежесть озона наполняет все одуряющими запахами мокрой земли и цветения. Бабушка с дедушкой приняли Антона как родного, а он уже вовсю перенимал у них ядреные словечки. Каждый день уходил к тете Нине и занимался даже по воскресеньям. Она была в него тайно влюблена и вместо двух часов сидела с ним по четыре, помогая подтянуть остальные предметы.

Зато после обеда он становился неуправляем. Кажется, годами в нем копилось столько энергии. Лазал по деревьям, играл, носился! Хитрюга, умница! Быть в центре внимания – его стихия. Безудержная фантазия и постоянная готовность к экспромту. В первую же неделю подрался с главарем

местных мальчишек и пришел домой весь в синяках, а вскоре они уже играли вместе в футбол. Антон увидел, как растет виноград – на высоких деревянных рамах. Под него заходишь, как в галерею.

- Антон! – спохватывалась бабушка, (он таскал печенье прямо из духовки). – А ну назад! Скоро обедать! Угомона нет на мальчишку!

- Очень вкусно, ба! – и до нее доносился хлоп калитки.

Дедушка повесил нам во дворе самодельный гамак, и мы воевали за него, но обычно Антон хитростью завладевал гамаком, и мы возились, пытаясь вытолкнуть друг друга. Однажды, сцепившись, перекрутились и повисли, как две селедки, притиснутые друг к другу. А дед как раз ушел к соседям, а бабушка в магазин. И мы висели так, живым кулем, поджаривались, туго завернутые в сетку. …Никогда еще наш дед так не смеялся!

Рисовали «старинные» карты, собирали ракушки, делали секретики, завивали волосы одуванчиковым принцессам. Пекли сосиски на костре, плюхали по лужам в резиновых сапогах и приходили домой грязные, как черти. Собирали перышки соек, играли в морской бой, делали из шампуня мыльные пузыри и, забравшись на сарай, пускали: «смотри, смотри, у меня двойной!» Когда темнело, садились на крыльце, слушали цикад и громко грызли соленые сухарики. Дед выносил большой фонарь, и в небо взлетал яркий луч света! Мы смотрели, как он переходит с одной звезды на другую, и дрались, кому первому. Антон щекотал меня, луч летал по небу, а я визжала от счастья. «Тихо!» – посмеивался дед. Его смуглое лицо. Луна освещает ему волосы и плечо. Бабушка в темноте снимает с веревок наше белье…

Антон подолгу мог не спать, и часто читал ночью с лампой – никто его за это не ругал, и я помню его силуэт с книгой в руках. Он больше не рассказывал мне про интернат, а я не спрашивала. И считала себя взрослее оттого, что хотела спросить, но не делала этого.

Иногда соседи брали нас удить. Когда Антону удалось поймать рыбу, он хвастался недели две, показывая ее размер сначала двумя пальцами, а потом двумя руками. Мы обожали спорить до хрипоты, изображая ток-шоу, чтоб потом смеяться «прокуренным» голосом, изображая политиков. В грозу считали промежутки между разрядами грома. Играли в дженгу, искали «клад»: дед прятал его, а тетя Нина писала множество записок с подсказками. Перебегая с места на место и побеждая чудовищ, мы продвигались к цели.

Однако ничто не могло сравниться с тем счастьем, которое сулило нам воровство персиков у Аш*а*ба! Этот смуглый высокий старик жил через две улицы, у самого моря, и у него цвел великолепный фруктовый сад. Ашабу к тому времени уже перевалило за восемьдесят, он ходил в тельняшке, штанах и шлепанцах. Семьи у него не было. Днем он возился в саду, беспрестанно что-то улучшая, подвязывая, а вечером уходил к соседу поиграть в домино. Притаившись за углом, мы ждали, когда он запрет калитку, перейдет дорогу и… краткими перебежками мчались, прижимаясь то к дереву, то к столбу, делая друг другу знаки, как агенты в кино. Целью было персиковое дерево,

которое на свое горе росло у самой ограды. Подобраться к нему можно было, только забравшись на старую акацию, которая росла на улице рядом. Она будто протягивала брату-персику через забор руку – длинную, почти горизонтальную ветвь. Разумеется, мы рвали персики не для того чтобы их есть. Нам нравилось доставать их со всевозможными опасностями!

…Вечер. Рыжее солнце проникает сквозь листву. Воздух теплый, городок едва шумит. От этого вечерняя тишина кажется особенно близкой и доносит до нас все звуки мира. Антон уже вскочил на первый сук и оборачивается, протягивая мне руку. Рука на фоне белого хлопка кажется еще более загорелой. На самом деле скажу, Антон просто страшно грязный. Светлые волосы, горящие зеленые глаза, чумазость – и вот перед вами мой любимый брат. И еще куча ссадин по всей поверхности. Он легко подтягивается, изгибая спину, перехватывая ветку за веткой. Уже долез до развилки, я лезу следом (сумка в зубах). Замираем: под акацией проходит соседка Ашаба…

- Никого? – готовится Антон. На том конце замерли ветви персика.

- Давай! – оглядываю я затихшую улицу.

Балансируя, он идет по ветке. Шаг, шаг… обернулся – на лице горит улыбка: готов совершать преступления! Зажав сумку коленями, готовлюсь ловить. Его пальцы быстро шарят в листве... легкий бросок! – и персик полетел из сада Ашаба в направлении акации. Антону нравится тот, что растет подальше. Треск – ветка не отдает свой плод! Но вот брат показывает добычу. Какой большущий!!! Оп! Наверное, это выглядело занятно: вечер, полная тишина, и только дерево Ашаба дрожит и трясется над высоким забором. Мы так увлеклись, что забыли обо всем, и вдруг Антон замер: под веткой акации, задрав голову, молча стоял Ашаб. Он не улыбался.

- Ну я вам счас всыплю…

С быстротой ящериц, не желая попасть под садовую метлу, мы скатились с дерева и понеслись по улице. Летели, задыхаясь от восторга! *Бежим!!!*

- Скорей-скорей-скорей! – кричал Антон, вырвавшись вперед.

Мы гнались со всех сил, а вслед нам неслось «Черти!» Смеялись, топая тапочками, отбивая себе все ступни… Ворвались во двор, бросили сумку, рванули на себя дверь сарая…

- Невозможно, черт побери! – хлопнув по коленям, поднялся с кресла дед.

- И не стыдно вам? – спокойно смотрит на нас бабушка поверх очков.

- Мы больше не будем, ба, – тут же обещает Антон.

- «Ба!» Вот куда я их дену теперь? На пирог если только…

Еще одно удовольствие! Вечером, в ожидании пирога, дед сажал нас «в мешок с угомонами» – это значило сидеть в комнате на кроватях и не двигаться. Впрочем, нас выпускали из «мешка», как только пирог был разрезан. Мы предвкушали ужин и игру в «немой язык». Потрогать волосы – «В», ударить кулаком в грудь – «Я», кулак – «К», а «Д» (наша любимая!): пальцы как английская «V», проводишь ими вдоль носа, а потом «подчеркиваешь» под ноздрями. Индейцы бы обзавидовались!

А дедушка находил Ашаба, выслушивал какие мы засранцы, и, похлопывая его по плечу, ждал, пока тот закончит. «Так ведь не созрели еще!» – «Мозги у них еще не созрели». – «Зачем воровать-то? Что я – не дам им что ли? Сколько зазря осыпали». Дедушка улыбался. Ашаб был великолепным садоводом, и он уважал его за это искусство: «Дай им еще немного побыть детьми. Состариться они всегда успеют. Тогда уж не побегаешь. Дыни у меня просто рай! Приходи – девать некуда».

После этого Ашаб обычно добрел к нам душой (до следующего акта вандализма) и приглашал дедушку на рюмочку собственной наливки.

J'attendrai	– *Я тебя жду*
Le jour et la nuit,	– *день и ночь*
j'attendrai toujours	– *я всегда буду ждать*
Ton retour…	– *твоего возвращения...*

Тетя Нина дала ему свой старый кассетный магнитофон, и он разучивал «Я тебя жду» в исполнении Далиды, и, взяв листочек, ходил по комнате, пропевая: «*Жатандрэээ, ле жур э ля нюи, жатандре тужуууур, тон рэтууур*! *Жатандрэээ, кальвазо, кисомфви, вьян шерше люблиии*…» Я подкрадывалась и, когда он снова начинал свое: «*Жатандрэ*…» громко продолжала: «*лежууу и пою жатандре тужууур, Д'Артаньяяян*! Выхватывала листочек и убегала: «*Жатандрэээ, карвалол, три сопли, это от любвиии!*» Он ловил меня, я носилась, Далида пела уже одна, а я на ходу читала:

- *Время уходит и бежит... Я* бегу Антон, ой! *Мне грустно*! *Я...*

- Лейка, я тебя потом позаплетаю! – сдавался он наконец.

- Сколько раз? – останавливалась я и отводила руку с листочком. – Ну пойдем! Я тебе ролики у Вари выпрошу. Жатандрэ!..

Но если уж он что-нибудь вбил себе в голову – это всё.

Только выставил драгоценные саженцы – этот пострел несется через двор – влетает, (удар в калитку!) за ним Алина, и… зацепил ногой... всё. Алина его поднимает, оба с ужасом ждут, что будет, знали, что на саженцы и дохнуть нельзя. Саженцев было жаль. Но еще больше было жаль Антона. Обмер, жмется, грудь больно ударил, на ящик упал, пытается разобрать растения, все переломано. Взглядывая снизу расстроенными глазами, торопливо шепчет: «прости, дедушка, я не хотел…» И такой виноватый вид! Дед Виталий, однако, никому своих чувств не показывал, и ну ругать. Под ноги не смотрят, уважения никакого, вот что он теперь будет делать? Дети что-то лепечут, Алина пытается брата защитить, Антон говорит, что это все он…

«Пойдем-ка к сараю, поговорим!» Он и не думал пускать ремень в ход. Взял для устрашения. И вдруг – эта готовность принять наказание. Не только не испугался, но и был согласен с такой мерой. Стоит, ждет. Виталий уже из последних сил сохранял свирепый вид.

- Только Лейку не трогай, – просил Антон, опустив глаза. – За нее меня можешь…

Дед бросил ремень на землю:

- Да разве б я стал бить тебя, Антон! Подсолнух ты мой! Да это…

Антон, добрый ребенок, мгновенно почуяв любовь, – бросился обнимать деда, и уже был весь в его объятьях: «дедушка, я бы все равно на тебя не рассердился!..» Дед Чирик плакал редко, но тут его прошибло так, что едва сдержался. Довел до крыльца – и тут же Алина повисла у него на шее. Обнимает и целует брата, обнимает и целует деда, и такая радость, такая благодарность, что дедушка-то вовсе не сердит!

- Идите, вон бабушка вам слив наварила, – и скорей отвернулся, высвобождаясь из горячих детских рук, а Варя уже хлопотала с чистой футболкой: «Ну что, стрижонок ты мой, ой, измарался-то весь…»

А Виталий быстро шагал в виноградник, на ходу задевая кусты: «Господи, прости ты меня грешного!» И еще долго сидел в пятнистой тени лоз, сжимая лицо большими рабочими ладонями. …Баловали, голубили мальчика, но все, казалось, не заполнить пробитую брешь. Сидел под яблоней, писал Тане смски. И такой печалью густели иногда его глаза! А поверх этой студеной воды бежал, сверкая, чистый смех ребенка, вспыхивала назад его озорная улыбка.

Глава 11

- ...да, пап. Он вас не очень... в гамаке? Рядом стоит? Таня!

- Мам! – зазвенел в трубке радостный голос. – Как ты там? …Это я.

- А это я. Как *ты* там? – Таня нажала на кнопку громкой связи, и в прихожей раздался взволнованный голос Антона:

- Стоили шалаш! Я учу песню. Ты приедешь?

- Да мы обычно не приезжаем. Дотерпишь до сентября?

- До сентября? – мальчик явно растерялся. – Но до него еще 30 дней!

Саша знал – ездить в Таганрог она не любит. Она совсем не общалась со своими родителями в Пскове, но не особо сдружилась и с его семьей.

Увы, Таня была слишком не похожа на женщину, которую прочили ему в жены отец и мать. Скрепя сердце, приняли выбор сына, но считали, что она-то Сашу совсем не любит. И больная вся, сколько денег ушло, и надо бы еще детей. И хотя Антона они приняли сразу, Саша знал: для Тани это очередной минус. Неспособность родить. Мечта стать актрисой.

- Я рыбу поймал! У нас гербарии. Приезжай посмотреть! Как папа?

- Папа хорошо, рядом стоит, хочешь поговорить?

- Нет-нет, мам, стой! Подожди… я еще хочу с тобой поговорить. Ты экономишь?

- Мне это дается труднее, чем тебе, – невольно улыбнулась Таня.

- А еще что-нибудь? – попросил мальчик.

Таня вздохнула:

- «У рыб нет зуб, у рыбов нет зубов, у рыбей нет зубей» (Они с Сашей услышали приятный смех) Что, – это Ионеско! Театр абсурда.

- Мам… а папа не сердится?

- Сердится? – Таня оглянулась на замершего Сашу. – За что?

- За то, что я с ним меньше, чем с тобой.

Вечером Саша сказал ей, что они обязательно поедут.

Из Таганрога сообщали, что дети прекрасно проводят время, Антон много занимается. Они с Сашей собирались провести месяц у озера – друзья ехали в Испанию и отдавали им свой дачный домик. Специально ради этого брали отпуск в августе. И вот, пожалуйста! Он еще насмотрится на нее за год! Скоро приедут оба! …Таня разогнула спину. Она сидела в залитой солнцем комнате перед раскрытой дорожной сумкой. Поднялась, подошла к окну. Жарища! Саша пошел за кормом. Пока их не будет, воробья возьмет к себе Игнатий со второго этажа. …Свет прямо в глаза! Не выдержав, Таня открыла окно и стояла, растворяясь в огне белой просвеченной рубашки. «Он так тебя ждет». Даже на расстоянии Антон передвигает ее одной силой желания! Там же Лея! Там куча местных ребят и еще Нина с ним занимается! …Но Таня точно знала, что причина тревоги не в этом. Сказаться больной? Закрыла глаза, пытаясь отыскать ответ. Услышала сухие ритмичные удары лапок.

- Толенька, друг ты мой. Бандит. Толя, хватит прыгать!

…Прыг-прыг-прыг (разворот) прыг-прыг-прыг (разворот)…

Подошла к шкафу. На верхней полке припрятано ее утешение, синее платье (вчера наскоро запихала, чтобы Саша не увидел). Но едва отвела дверцу – посыпались вещи. Они ждали этого момента! Бросив пакет с платьем на тахту, полезла в своих белых брючках собирать бусины и разлетевшиеся карточки фото.

- Толя, это из-за тебя! – сказала она, но воробей принимал ванну, и на ее кожу летели крошечные брызги. – Толя, смотри, что ты наделал! («Чирик!») Ну и все. Ужас, – припав к полу, подметая его волосами, она выгребала из-под тахты укатившиеся в пыль бусины. Перевернула одну из фотографий. Отерла запястьем лоб и скорее бросила карточку в коробку. Теперь еще волосы мыть… – Толя, ты виноват!

Ее детские фотографии. В горькую минуту, схватила, убегая, что попалось. Тогда ей хотелось, чтобы отец забыл ее лицо. Не смел наказывать даже взглядом. Зачем они ей? Видеть их она не могла, а выбросить – рука не поднималась, и коробка пылилась в шкафу, заставленная шкатулками, замятая пакетами… Таня вздрогнула, краем глаза увидев тень.

Саша застал ее сидящей среди разбросанных вещей. Метнула взгляд – из пакета на тахте предательски торчал синий рукав.

- Чего тебе! – раздраженно схмурила она брови, усевшись на коленках, угрюмо глянув на него снизу. – Я искала, в чем поехать.

Это, конечно, неправда.

- Можно посмотреть? – улыбнулся он, кивнув на пакет.

- Тут все вывалилось на меня… – Таня сковыркивала с пола карточки.

Присел, начал ей помогать. С нежностью задержал взгляд на белокурой девочке 11-ти лет, такой красоты, какой бывают только принцессы в сказках. Сидит вполоборота, на ладони – жучок. Маленькая черно-белая Таня сосредоточенно его рассматривает.

- Дай сюда! – схватила Таня карточку. – Всё. Давай есть. И я в душ. Я вся в пыли из-за этого дурня, – оглянулась на клетку. – Нет, ему вообще плевать!

Саша улыбнулся. Таня валила на воробья все, что только можно. Нагнувшись, совершенно детским движением (так обычно малыши сгребают песок на пляже) собирала в кучу бусины и ссыпала в шкатулку.

- Иди, ставь чайник. Ты все купил? – отряхнув ладони, она сдула из-под губы завиток. Вся звенит. Но не из-за платье же.

Так и не услышав ответа, Таня подняла голову. Улыбается. Вот и хорошо. За это она его и любит. Она хотела уже подняться, но Саша, задержав ее, тепло накрыл ладонью ее пушистый затылок и, притянув к себе, поцеловал в губы. Таня выдула из ноздрей воздух и сердито посмотрела. …И вдруг спасительное, внезапно нахлынувшее желание завалить его на тахту, бушевать, а потом бессильно заснуть в его объятьях – вернуло жизнь! Саша поднялся на ноги и вдруг оказался в кольце тонких рук. Почти испуганно смотрела на него Таня из шума светлых волос. Взял ее лицо ладонями и стал целовать. И так исступленно ласкалась к нему Таня, красивейшая из женщин, будто и не женщина, а какой-то беспокойный дух, и искала у него забвения. И любовь ее была такой безумной, а губы – такими ненасытными, что любя ее, Саше хотелось разрыдаться и укрыть ее от всего, что так напугало ее.

- Ладно, – было первое, что она сказала, когда проснулись.

- Не хочешь ехать? (Она что-то воркнула ему в грудь и спряталась в его тепле). Хочу увидеть тебя в этом платье.

Таня, получше приладив щеку к его груди, спала. И Саше близко-близко были видны ее льющиеся по краю века ресницы, уставшие от поцелуев губы, смятые волосы, осыпавшие веснушчатые плечи и спину (о, эта гладкая кожа!) подвернутая сонная кисть… и – дышит тихо-тихо, вся теплая, родная... Сашино сердце болело от необъятной любви к ней. Это хрупкое, непокорное существо всегда было где-то «над», в своем скольжении, и лютовало, если его лишали удовольствий. Оно было несчастно.

…Набросились на еду. Таня впрыгнула в кухню с разбега и застыла, взирая на него победоносными глазами.

Он был сражен. Ошеломляющего цвета платье! Ошеломляющая она.

- Я тебя сейчас снова украду, – серьезно пообещал он, поднимая взгляд от ее босых ступней. А Таня повернулась на носочках…

Как Бог не побоялся сотворить ее? «Совершенство» – вот слово, которое равнялось Тане. И тончайший синий подол льется вокруг ног, и легкий смех – будто летит по краю… Уселась к нему на колени и сидит. Довольная-предовольная. Глаза зовут, дерзят, разрешают все. Даже требуют! Подразумевают! Он рассмеялся, бессильно склонившись к ее плечу.

- Кофе! – спрыгнула она и, подлетев к кухонному шкафчику, открыла дверцу, доставая банку. (Она лазала на полки так, как это обычно делают дети, которым не дотянуться). В ее движениях обоюдоострым лезвием сверкало то беззащитное детство, то опасная женская сила. Открыла банку с кофе. – Мммм! Дернем по чашечке? – глаза горят, схватила кофейницу, оглянулась – мельком в секунду сожгла глазами – пепел летал, вполне благодарный… Она дышит. Она бушует. Она хочет еще.

…сладостное предчувствие окатило Сашу…

Синее чудо летало, жгло глазами, смеялось, пинало его босой ногой, манило коленкой, танцевало под прогноз погоды, лохматило ему волосы, дышало на очки, ерзало у него на коленях и, в конце концов, они снова оказались в постели. И навстречу Саше летел ее легкий смех, с неожиданной хрипотцой, которая так сводила его с ума и… Господи, как же он любил ее!

Разбудил звонок. Дедушка. «Вы приедете?»

- Ну что он еще от меня хочет! – услышав, сморщилась Таня.

И тревога пролетела над сердцем. Саша понял: вся страсть – побег от поездки. Почему?.. И спугнуть нельзя: замолчит или куснет. («Кусалась» Таня пребольно. У нее был страшный дар внезапной ярости, она наносила удары молниеносно, как бритвой).

- Ты просто еще не привыкла, что их двое.

Таня молча перебирала край брошенного на стул платья.

- Нет! Не уходи! *Нет*! – цеплялся он за ее одежду, а она шла все быстрей, с какой-то огромной скоростью и везла его по полу. – *Пожалуйста!* – кричал он, ухватившись. Но дверь захлопнулась, и он услышал, как она сбегает с крыльца. – Я умру здесь без тебя! – заорал он, лежа на полу.

Но ответа не было, и все знали, что она оставила его. И любовь истекла из его разорванного сердца на грязный пол интерната. Эта невидимая, разлитая везде любовь, – по которой ходили каждый день, – ею были залиты коридоры, директорская, она стекала вниз по лестнице…

- …Антон, что с тобой!

Открыл глаза и сразу увидел себя в руках деда, а рядом стояла сестра.

- Ты так кричал. Вооот, давай-ка слезы-то утрем…

Антон рванулся. Опять в слезах! Опять всех напугал!

- Она не хочет ехать, – произнес он, и, не дав никому ответить, вышел.

«А ведь она и правда не хочет. Он все чувствует!»

- Отнеси ему, – вошла бабушка с кружкой компота.

Алина взяла чашку и пошла. Но тут же вернулась: Антон исчез.

Выбежали во двор, в теплую звездную ночь. Луна ярко освещала траву и листья. Варя бросилась на улицу, Алина к сараю, Виталий – в виноградник. Вдруг сердце дернулось: из пятнистой тени выступала расслабленная рука запястьем вверх. Антон спал, утонув в его садовом кресле, откинув голову. Лицо спокойно. «Какая же сила владеет тобой!» – мысленно воскликнул Виталий. И вдруг прожгло: да ведь не качали его на руках. Не знало это дитя любящих рук, не знало материнского поцелуя! Осторожно унес мальчика обратно в дом. И еще долго не спалось. Уснул, только когда Варя прижала его седую голову к своей груди и стала гладить доброй рукой.

Приснился Антон: «Ты зачем ушла?» И его обращенные глаза.

От этого Таня и проснулась. 4 утра. Собранные сумки ждут их в прихожей. «Да никуда я не ушла!» – поморщилась Таня, досадуя на то, что ее мысли воплотились в такой сон. Даже странно было надевать синее платье – со вчерашнего дня она будто безнадежно постарела для него.

«*Он так тебя ждет*». *ЖДЕТ*. Страшное слово.

Тане Воз 14 лет. Она красивая девочка. Мама шьет для нее новое платье. Лето. На днях между родителями снова вспыхнула ссора, и, схватив с папиной полки «Алые паруса» Грина, Таня убежала в парк. Обычно она берет книги в библиотеке, но сегодня воскресенье. Каково же было ее изумление, когда, открыв книгу, она увидела надпись на форзаце: «*Толя, воробушек, не забывай меня! Я думала о тебе каждый день. Я люблю тебя, мама*».

Посмотрела на дату… Бабушка! Сердце забилось. В доме говорить о бабушке нельзя – запрет отца. Он говорит о ней только плохое. Что она предала его, что она позор семьи, (хотя в чем позор, неясно). Сначала Таня папу очень жалела. Но надпись говорила об обратном! Бабушка была доброй и любящей! Таня не видела фотографий и представляла ее себе по-своему. Почему-то совсем не бабушкой, а очень красивой женщиной. От мамы она знала, что есть одна единственная фотография, но отец прячет ее. И, конечно, Таня искала, с огромным риском быть наказанной. Ничего в папиной комнате трогать нельзя. Сдвинешь хоть вещь...

«Не забывай меня!» Написано быстро, будто наскоро… в тревоге! Бабушка была в отъезде? Но где? Зачем скрывать фото? Зачем говорить неправду?

Странно, но Таня чувствует свою связь с бабушкой, будто она единственный родной ей человек, и весь день читает «Алые паруса». Время летит незаметно. Богатое воображение рисует ей игрушечные кораблики в корзине Ассоль, трудное, полное лишений детство. Оно отчасти похоже на ее собственное. Ее не любят другие дети. У нее нет подруг. Она помнит, что когда-то отец был очень ласков с ней и не знает, почему все так изменилось.

Вернувшись к обеду, ощущает в доме гнетущую тишину. В мусорном ведре в кухне – обрывки скатерти. Таня всегда еще с порога вслушивается в атмосферу дома – в приступе ярости, которая может вспыхнуть из-за любого пустяка, отец хватает нож, полосует скатерть, потом рвет на части и крушит все вокруг. Потом они с мамой все убирают. Стелется новая скатерть, и никто не смеет напомнить отцу. А потом он забывает...

Иногда тайком Таня бегает в кино – подвиг, равный вылазке партизана. Ее увлечение зарубежными фильмами отец не одобряет, а она хочет стать актрисой, и сама придумывает целые истории, играя за всех героев… В школе ее зовут чокнутой. («Как папаша»). Дом Возов обходят стороной, но у Тани есть мечта – играть! Пока отец не видит, она осторожно возвращает «Алые паруса» на место. Отец никогда не читает книг. Он считает затраты на качественное дерево, которое пойдет на дачный дом, до криков торгуется по телефону, ездит на стройку в садоводство...

На следующий день Таня возвращается из библиотеки, и мама подгоняет ее: «Иди, он так тебя ждет!» Платье!!! (В семье все подарки преподносит отец). Таня спешит к нему в комнату, а мгновение спустя – кричит от боли. Удар ремнем вызывает у нее шок.

- *Ты* брала книгу? – со страшными побелевшими глазами он снова замахивается, мать с криком бросается защищать, начинается толкотня, мама кричит: «Таня, уйди!» Таня выбегает из комнаты, отец – за ней. – Что искала? Деньги ищет на кино свое паршивое! – Новый удар ремнем догоняет ровно в сантиметре. «…Папа!» Удар летит на кресло, отец ногой отпихивает его – опрокидываясь, оно падает. Таня в ужасе сжимается, – …спектакль устроила! О, девица какая у нас растет, – говорит он, не сводя безумных глаз с Тани. – Татьяна Анатольевна-то как у нас живет хорошо! Деньги у отца ворует!

- Я не брала! – Таня понимает, что если заикнется про книгу, отец в ярости разрушит дом. Убегает в кухню и слышит, как отец бьет ремнем по мебели…

- В пеленках надо было задушить! – гудит страшный голос. Звук бьющегося стекла. – Лживая душа! Что смотришь? – врывается он в кухню, и, отшвырнув мать, подходит вплотную: глаза налиты кровью, на побагровевшей шее вздуты жилы, в могучей руке – ремень. Таня вжимается в батарею, бежать некуда. – Проклятье! – (замах) Таня с криком бросается прочь, наталкиваясь на стул. Догоняющий удар приходится по косяку двери. – Думаешь, если смазливая, то все с рук сойдет? Не сойдет! Не сойдет!!!

…Забившись в комнате у занавесок, Таня безотчетно смотрит в окно, вся мелко дрожа, и никак не может унять эту дрожь. Когда отец произносит «Татьяна Анатольевна» у нее отнимаются ноги. На руке горит след от ремня, но сейчас она не чувствует. Судорожно, обрывками всхлипывает, обхватив себя руками, и видит за окном обычный летний день.

Не получив объяснений, отец запирает ее к комнате. Запрещает разговаривать с мамой. Таня удирает через окно, порвав юбку. Она боится даже подумать о возвращении домой и сидит в библиотеке до закрытия.

Перед ней снова «Алые паруса». Читать она не может, но так бабушка рядом. Уходя, Таня ловит свое отражение в зеркале. Запрещает себе плакать и долго смотрит. Вот какое лицо, когда тебя бьют. Таня старается все запомнить.

…До вечера она бродит по улицам. Девочки сейчас смотрят фильм по телевизору, а она тоже так хотела... Они ее не любят. Ведь она нравится мальчикам. «Воз-навоз!» – дразнят ее в школе. Они рады, что ей достается. Сказали, что тех, кого проклинают, проклятье преследует всю жизнь. Рыдая, побежала к матери. «Это слова, Таня, не надо им верить». Но Таня верила.

…Из одной улицы в другую…

Хозяин открытого кафе бросает на нее откровенный взгляд.

Таня быстро сворачивает в переулок.

Они живут на окраине Пскова в одноэтажном доме с пристройкой, пока загородом идет мощное строительство дачи. Отец экономит на всем, лишь бы построить это жилище. Таня играет сцену с волшебником, предсказывая Ассоль ее будущее: «*Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе...*" Больше всего Таню впечатляют звезды, которые «*спустятся с неба, чтобы поздравить тебя с приездом*». Эта страна представляется ей огромной, полной воздуха. Ее душа живет здесь задолго до появления Ассоль. Таня возвращается к дому, когда начинает темнеть. Приближаясь к двери, слышит громкие голоса родителей:

- …что из нее вырастет! Я ста двенадцати…

- …Толя, вспомни, ты вчера отдавал, ну вспомни, грузчикам!

Пауза. Голос отца звучит с еще большей злобой:

- А что ты ее защищаешь, она учится на одни тройки!

Это неправда! Все в Тане возмущается от этой лжи. Она учится хорошо. У нее всего одна тройка, и та – незаслуженная. Сшила передник по-другому, учительница потребовала исправить, но она не стала, потому что так лучше.

Мама потихоньку учит ее шить. У девочки золотые руки. Таня увлеченно шьет маленькие игрушки, обшивая их пуговицами и лентами. Она хочет подарить все маме, после ссор с отцом та подолгу молчит и смотрит в пустоту – даже не может заплакать. И Таня так хочет, чтобы мама заплакала! Ей жалко каждую ее веснушку! Но мама всегда просит подарить отцу. И Таня дарит ему маленькие пушистые звезды, жучков с висящими ножками. Отец хвалит, стараясь, однако, при этом не смотреть на нее, и Таня, каждый раз пытаясь поймать его взгляд, надеется. Но в очередном приступе он швыряет об пол ее подарки и кричит свое страшное: «что смотришь?»

- …где она ходит! Мое слово для нее – ноль, ноль! А изнасилуют – я виноват, я плохой отец, я не уследил!

- …хватит бить! Она девочка! Тебе плевать, что люди говорят?

- Я знаю, что люди говорят: ходит, как сомнамбула! Одевается, как пацан!

Таня давно поняла: если носить брюки, следов от ремня остается меньше. Мужчины будут приставать реже – у нее красивые ноги. А в платьях отец как

будто еще больше ненавидит ее. Таня мечтает о платьях! Но платье – одежда свободы, одежда принцессы, когда никто не замахнется, есть, кому защитить. Сегодня на ней как назло юбка, и это платье, которое, наконец, разрешено…

- …Никаких платьев! Подарим Галине – вот хорошая девочка…

Подарят соседке. А мама шила *для нее*! Галя придет в нем в школу и всем расскажет. Таня молча стоит перед дверью. Потом разворачивается и уходит.

Еще несколько часов до полной темноты она пасется рядом с домом. Ее искусали комары, ей жаль платья, все тело ноет, ее мучает голод, но еще больше – страх. Иногда закрадывается мысль, что отец хотел бы, чтобы с ней что-нибудь случилось. Но Таня хочет жить. И играть! На прошлый Новый год ей досталась роль мальчика-эльфа в школьном спектакле. Роль, которую отвергли все. Но именно она затмила косноязычных героев и разряженных королей. Во всем этом нелепом сборище только маленький грациозный проказник в черном казался настоящим. Появляясь внезапно, чаруя зрителей летучим танцем, заставляя вздрагивать от неожиданного прыжка, перебегая сцену в неположенный момент – он без единого слова срывал улыбку и аплодисменты. Родители восхищались «мальчиком, сыгравшим эльфа», а одноклассницы спешили напомнить, что даже «мальчиком» Воз не интересует своих родителей, они снова не пришли на праздник.

Таня смотрит на зажженные окна. Потом поднимает голову и, обхватив себя руками, долго смотрит в небо. Уже август, и все над ней усыпано звездами. Ассоль! Какое прекрасное имя! Над ней тоже смеялись, но ее так любил отец! Он верил в нее. Таня быстро смахивает слезы.

Мать замечает Таню из окна. Отец открывает дверь – черный мужской силуэт в рыжем прямоугольнике открытого жилища. Молча ждет, когда она войдет. В эту минуту Таня почти не испытывает страха, она слишком устала. Заходит в дом. Отец молча закрывает дверь. Таня оборачивается. Удар.

…После всего мать пытается ее накормить. Таню мелко трясет. Обе ее щеки горят огнем. Вилка прыгает в руке. Отец стоит за ее спиной. Она их презирает? Ей по двадцать раз подавать надо? Где юбку порвала? К кому бегала? Уже, небось, нажаловалась? Таня съедает холодную картошину, но через минуту ее рвет. Отец заставляет убирать, а напоследок, бросает: «Завтра поговорим» и скрывается в комнате. Таня смотрит на мать. Та смотрит на занавеску. Не сказав ни слова, Таня быстро выходит из кухни.

Глава 12

Ехали в поезде, и Саша читал, а Таня слушала, привалившись к нему. Выбрала сама. Как всегда, Шекспир. Только строго наказала откуда читать – первую часть сонетов, посвященную материнству, она не любит.

«…И если бросишь, брось меня теперь,
Теперь, когда я предан страшным карам;

Не будь последней из моих потерь,
Ударь меня – и не тяни с ударом» * * (У.Шекспир Сонет 90 в пер. С.Степанова)

Она жалась к нему, как ребенок, которого везут в больницу. И сама тихонько читала ему:

«Красивый мальчик, над твоей красой
Не властно Время со своей косой.
Все любящие вянут, только ты
Все хорошеешь в части красоты...»* *(То же. Сонет 126 в пер. С.Степанова)

…А Саша чувствовал драгоценный вес ее головы на своем плече, смотрел на близкий полупрофиль и просвеченные солнцем волоски, подрагивавшие от движения поезда, и чувствовал, как рядом с ее вечностью мчится время.

Антон встречал их на платформе, что очень встревожило – отпустили одного! Стоит с велосипедом, ищет глазами. Вышли – налетел: «Мама!»

- Ты почему один? – поцеловал его Саша. Волосы горячие от солнца.

- У нас там пир! – дохнула чистая жизнь. Запыхавшийся, взволнованный.

Отобрал сумки, тащит: «пап, я смогу. Я сам».

Спустили велосипед, повесили сумки на руль, и Антон покатил его.

- Как голову напекло! – отдернула руку Таня. – Ты что, это же опасно!

Он встряхнул головой, обращая к ней счастливые глаза:

- Думают, что я гуляю. Ну… теперь уже, наверное, не думают.

Танина рука ожидала ершик «ежика», а почувствовала нежное витье. Волосы Антона за два месяца отросли, и голова мальчика была окружена робкими золотистыми вихрами. На шее у Антона висел большой бинокль.

Саша взял велосипед, потому что видел, как Антон хочет пойти с Таней. Мальчик тут же схватил ее за руку и, подбегая рядом, взахлеб рассказывал:

- А я все диалоги выучил! Тетя Нина мне еще пишет. Угадай, в каком я классе? – и с силой напрыгнул на земляной бугорок. – …В пятом!!!

- Ого! Да ты молодец, – похвалил Саша.

- Я нашел листок… я тебе покажу сейчас! Его даже в энциклопедии нет! – и тут же быстро приставил бинокль и посмотрел на Сашу. – Папа приехал!

- Как он дал тебе бинокль?

- А он не дал. Он во дворе только... мне влетит (улыбка, подкусил губу).

- Ты, кажется, подрос… – наконец сказала Таня.

- Волосы! – он явно ждал ее реакции и подставил макушку для проверки.

- Опушился, – констатировала Таня, приподняв легкую прядь.

- Они вьются! *Как у тебя*! – подсказал мальчик.

- А я думала, у тебя прямые… (И встретила широченную улыбку!)

- Хочешь? – он протянул ей бинокль.

Таня нагнулась и посмотрела в него с обратной стороны:

- Ой! Как ты далеко! Ты дедушку слушаешься?

- Я на саженцы упал, – отрывисто вздохнул мальчик, на миг опустив глаза, и тут же поднял их. – Я сойку видел! А еще на роликах катались!

Как от ментола дыхание прожигает холодящая волна, так и его глаза воздействовали на душу, прошибая насквозь своим чистейшим огнем. Хотел рассказать все! Он впервые встречал родителей и не мог не прийти. Бабушка с дедушкой, еще издалека завидев Антона, – отчитывали его в два голоса. Уже неслась к ним, распахнув руки, Алина… Антон оглянулся на Сашу:

- Все. Счас к угомонам посадят. Ты меня спасешь?

А Саша не мог избавиться от внутреннего удивления. Антон изменился. Загорел, подрос, говорил непривычно громко, появилась какая-то особая, только ему принадлежащая манера говорить. Это был уже не прежний осторожный мальчик, а шумный сорванец, полный той порывистой поспешности, от которой сжимается сердце у взрослого человека. Энергия бурлила, сверкала в нем, как горящая на солнце волна. Великолепие жизни!

«Варвара Николаевна! Виталий Азарович!» – «Татьяна Анатольевна, не балуешь ты нас» – «Работа» – «Бархатный сезон в разгаре!» Едва вошли в дом – запахи еды. Уставшие с дороги, Таня и Саша уже успели опьянеть от свежего воздуха и голоса Антона. Жар его радости сопровождал их всюду. Таня обнимала Алину, а Антон стоял рядом и ждал, что она обнимет его еще, но она пошла во двор мыть руки. Побежал за ней с полотенцем.

- Ну, Антон Чирик-Толлейн, – улыбнулась она и провела мокрой ладонью по его лбу, – тетю Нину уморил? (Он выпятил грудь, ожидая похвалы, но Таня смотрела в небо, не будет ли грозы) Ну, идем скорее накрывать...

- Мы уже, – удивился Антон. Она будто старалась не смотреть на него. Он ждал, надеялся, что сейчас, пока они вдвоем, она обнимет его еще! Не выдержал, бросился сам. – Мам… – и поднял голову.

…Будто из травы ей прямо в лицо прорастали цветы!

- Как ты тут? – потрепала она его по голове, снова удивленно ощущая легкость волос-ветерков. – Идем.

- У тебя не было такого. Это новое?

- Новое, – поднялась она на крыльцо. Посмотрела на наручные часы.

Виталий стоял в тени. Всю эту сцену он наблюдал молча. Таня, так запросто отвергая сейчас простые и столь понятные желания сына, не знала, что он пытался сделать ей из коры украшение, но не успел. Что эту ночь он не спал. Что два раза собирал для нее цветы. А она уже смотрела на часы.

- За стол, разговоры потом, – провозгласил он, направляя их к двери, молча провожая Таню стерегущими глазами.

…Подбирая подол, садилась. Жар-птица! И дочке свою фамилию дала. Как Саша мог позволить? Алина, не утерпев, показывала матери альбом, та обнимала ее. Столкнувшись с Антоном, Виталий увидел, как гаснет радость на лице, еще с утра полном таких надежд. Этот непоседа не знал покоя. Не позавтракав, умчался «кататься». Пришлось звонить Марфе, жившей у вокзала, чтобы та присмотрела за ним. Дети, спасибо Ашабу, увлеклись

составлением гербариев и Антону, конечно, тоже не терпелось показать свой. Сбегал в комнату и вернулся со стопкой тетрадей, в которых были только пятерки за французские диктанты. Виталий молча наблюдал за этими попытками приблизиться. Но Таня то искала салфетку, то что-то роняла, то просила Сашу принести ей из сумки мобильник. И старалась не смотреть.

- Давай после еды, милый, видишь, все уже ждут, – потянулась она за графином, обозревая салаты. – Мммм, как я все это хочу!

Лишняя минута не задержала бы. Но когда она снова отвернулась, Антон вышел прочь. Вздохнув, Виталий молча вышел следом.

- Антон! – догнал он, положив руку на маленькое плечо. – Антон, вернись. (Мальчик дернул плечом, гневные глаза!) Она глупая женщина, но…

- Не смей так говорить о моей матери! – и Антон выбежал со двора.

Виталий вернулся в дом, молча поднял Таню из-за стола и вывел во двор:

- Он ждал *тебя*, – тихо заговорил он, указывая на калитку. – Погладь, приласкай, он же во сне кричит. Он знаешь, с ой-ой-ой каким характером. Все соседи, все наши девочки души в нем не чают, а ты же *мама*, ты же Бог для него. Он у Ашаба. – Виталий поднимался на крыльцо. – И приведи обедать. С утра не ел. Пять часов на платформе стоял парень, думать надо.

Таня с тоской посмотрела на открытую калитку. …Хоть сейчас уезжай!

- Ашаб! – искал глазами Антон, появляясь из глубины аллеи.

Отовсюду на него смотрели затихшие ветви. Из цветника шел густой запах роз, смешанный со свежестью воды. Из шлангов, установленных в траве, рождая радуги, летела водяная пыль. Ашаб стоял под высокими рамами, оплетенными виноградом, у ног – большая корзина с сорняками.

- Аааа, – улыбнулся он с высоты своего роста – как всегда в тельняшке, штанах, вытянутых у колен мешками, и шлепанцах. – Привет! А как же мама? Не сегодня разве?

- Можно я у вас побуду? Клянусь, я ничего не сорву!

В том, как быстро и горячо это было сказано, Ашаб уловил обиду.

Ушел в сад, не сказав ни слова. Странный мальчик. Однажды спросил: «А как лепестки у пионов так сложены, что когда он раскроется – они не мнутся?» Серьезный. И это был мужчина. С тех пор, как Ашаб сам привел их с сестрой в сад, они больше не обрывали плодов, и, хоть и, стесняясь, стали брать у него спелые. Приходили читать книги – он стелил им коврик под деревом, и сад оживал, наполняясь их голосами.

От Виталия знал: Антон учит французский, чтобы поступить в гимназию. Приемный ребенок, взятый в семью два месяца назад. Это знание пролетало над душой подобно прохладному ветру и смущало поверхность. Нельзя было не думать о затаенной боли, спрятанной под очаровательным зазнайством. Виталий говорил – ждет мать. О, они обожали этого сорванца! Варя, так та вообще души в нем не чаяла, только и видел ее в магазине: «Антоше пирогов напеку, мука подошла. Вчера за водой хотел пойти: куда, говорю,

подогнешься. Так он на меня посмотрел – едва до углей не сжег! Упрямый, как черт, но сестру до чего любит!» Ашаб улыбнулся, срезая сухую веточку.

Через некоторое время он решил проведать юного гостя. Нагибаясь под ветвями, весь в летящей по нему тени, прошел по дорожке и увидел Антона в цветнике. Солнце так сильно просвечивало сквозь одежду и волосы, что, казалось, мальчик весь окружен светом. Склонившись над розами, Антон водил пальцем по их листьям. Касаясь розовой чаши лицом, поворачивал голову, чувствуя, как лепестки касаются его щек, глаз...

«Ласкается!» – мгновенно понял Ашаб.

Антон пошел вдоль роз, его рука летела над раскрытыми бутонами…

«Что ж ты за душа такая?» – следил глазами Ашаб. Светлые волосы мальчика сияли вокруг головы. Сел, прижался щекой к траве, словно ища защиты. Закрыл глаза. В воздухе над ним беззвучно пролетела бабочка, и от этого тишина сада усилилась. «Господи, дай ему то, что ему нужно!»

Знакомый скрип. Ашаб обернулся. У калитки, не решаясь войти, стояла светловолосая женщина в синем платье. Увидев ее, Ашаб сразу понял, что она мать мальчика. Отвел глаза, как от яркого света. Как красива!

- Здравствуйте, – женщина протянула руку. – Мой Антон не у вас?

Ашаб повел ее в сад и указал на Антона.

- Спит? – удивилась она. – Он вас… не беспокоит?

Она вышла на свет, платье вспыхнуло на ней, и Ашаб снова сощурился.

Таня присела и уперлась ладонями в землю, поймав сына в клетку рук:

- Антон… обедать-то будем? Ты зачем ушел? (Он вдруг крепко обнял ее. И, почувствовав, как он весь приник, Таня сдалась). И правда вьются, – убрала она с его лба маленькую челку. – Пойдем, ты мне все расскажешь.

Его взгляд говорил: «Я не хочу есть, я не хочу ничего, *ты* – самое главное!» И в самой глубине эти устремленные на нее глаза были серьезны. Они смотрели на нее с разбега долгого многолетнего страдания.

Она поднялась, поднимая за руку и его, и повела из сада.

Ашаб, торопясь, вынес им гостинцы, завернутые в фольгу.

- Спасибо! – просияла Таня, удивленная неожиданным подарком, и, поднявшись на носочки, поцеловала Ашаба в колючую щеку.

…Испуганный побег сердца на предельно возможное расстояние – Ашаб поднял беспомощные глаза. Сын в нее. Оба удивительные, неприкрытые живут на свете. И тут же вспомнил: Антон – из детского дома! «Да он же вылитая она!» – воскликнул он в своей душе, провожая их потрясенными глазами, но они уже выходили в калитку.

Пошли к морю. Антон рассказывал про Ашаба, про то, как выучил 12-ть диалогов за два часа и спел ей «J'attendrai». Его голос звучал так нежно и уязвимо в летнем воздухе! «Отчего мне так больно, когда ты рядом!»

Антон забежал вперед, заглядывая ей в глаза:

- Тебе грустно? Это потому что я ушел?

- Просто меня здесь не очень-то любят, – призналась она.

- Любят! – тянулись к ее душе зеленые глаза. – *Я* люблю!

Таня щурясь, смотрела вперед и еще крепче сжала его руку. Он увидел, как тонко-тонко приподнимаются в воздухе волоски у ее лица, невесомо, неслышно, словно сообщая что-то недоступное словам о ее грусти, и почувствовал: надо говорить о другом.

Выйдя к воде, сели на песок, и Таня обняла его. И долго сидели, исцеляя друг друга. Ели ашабовскую буженину, щербет с цукатами, и Таня мыла руки в море… Рассказывала о диких краях, о рыцарях и волшебниках, и Антону грезилось, что однажды он непременно отправится в поход и увидит мамину страну. Он сидел, привалившись к ней, обхватив руками, и дарил ей свою жизнь. А она рассказывала про корабли, про горы, спящие в туманах, перескакивала на легенды о черных крестах и проклятьях, вспоминала, как Толя с ней подрался… Не замечая, она просыпала песок меж пальцев. А Антон смотрел, как он сыплется и был счастлив. Совершенно.

Побережье стало ало-оранжевым, песок начал остывать, а они все сидели. И был слышен шорох волн. И ветер такой теплый, ласковый. Вернулись. Таня пересмотрела все рисунки и тетради, и была поражена тем, сколько успел выучить Антон. Зашла поблагодарить Нину. Нина ездила в Грецию. «А я вот никуда не ездила». «Еще успеешь, Таня. Ах, какая ты! А я…»

В последних лучах заката, на глазах у семьи и соседей, Саша возил Таню на велосипеде кругами. Она стояла на багажнике и строила всем рожицы. «Пап, дай мне, дай мне!» – кричал Антон. Саша подкатил велосипед, а сердце его все еще замирало от сладчайшего эха: «Пап, дай мне!» Алина взлетела на багажник, схватила Антона за плечи, отвела ногу, делая арабеск – из окон раздались аплодисменты. Антон тоже отпустил одну руку, но все закричали на него, и он, смеясь, снова взялся за руль.

Ночь была теплой, как сама вечность, которая вдруг приблизилась. Виталий вынес во двор стол, соседи принесли угощенье, разожгли костер. Двор бы полон голосов, огонь бросал на лица рыжие отсветы, сад был скрыт темнотой, и любое волшебство казалось возможным. Антон не сводил с Тани глаз. Да, без сомнения его мама была лучшей! И все, через что он прошел – стоило того. Она сидела у костра, и велосипед блестел у крыльца, и трещал костер, и над ними было столько звезд!.. Сердце мальчика переполнилось. Он убежал и плакал в темноте за домом, а потом умыл лицо холодной водой и вернулся. Дедушка рассказывал о своей молодости, кто-то враскоряку пытался показать своего пса, а мама хохотала, хлопая в ладоши, и откидываясь в смехе, утирала сгибом запястья выступившие слезы.

Глава 13

- Иди сюда, вороненок! – раздавалось в доме на следующее утро.

- Мам, ну вороны же черные!

- Верно, – застегивала Таня на нем новую рубашку, – а ты белый. Потому что твоя мама белая ворона. Так… – ее руки остановились, – не могу поверить. – И она передала обновку Алине. – Удобно иметь брата? – оглянулась она. Девочка уже вертелась перед зеркалом. – Сантиметр есть?

Антон скорее встал к косяку двери и, широко улыбаясь, вытянул шею.

- Думаешь, с улыбкой будет выше? – отмеряла Таня. – Саш, он на 5 сантиметров вырос! Ах ты… – Но сын уже заключил ее в объятья.

Качали маму в гамаке. Наклеивали листики в гербарий, рисовали комиксы про Толю. Антон показал, как ходит по ветке акации, и пугал Таню, вися вниз головой. Ходили купаться, читали Киплинга в саду Ашаба, а когда они слишком громко галдели, Таня говорила: «сейчас хвосты вырву». Они ее обожали! Местная детвора приняла ее как свою, мальчишек она звала «мужчинами» и рисовала им «татуировки». Ночью – подолгу сидели во дворе под звездами. А когда укладывались спать, Таня начинала свои сказки:

- …тогда чудовища засыпают и путь открыт. Там порхают огненные бабочки и текут живые ручьи. И растет на ветру золотая трава забвения, что шепчет будущее. Но всякий, кто подходит к ней – забывает, зачем пришел.

- А какие из себя эльфы и феи? – спрашивал Антон.

- Это самые опасные существа на свете! – озарялось лицо Тани. – Красотою чудесны и изящно одеты. Волосы у них светятся: у одних рыжие, у других рубиновые, у третьих – изумруд. Вместо домашних питомцев у них ручные вихри: то пчел закружат, то соловьиные песни в косу заплетут. Одежды легче перышка, а башмачки – золотые. Утром волосы у них, как туман. Домики их обсажены сонной травой, против которой люди бессильны.

- А что они там делают? – спрашивала Алина.

- У них там подземные мастерские. Эльфы – мастера делать всякие музыкальные инструменты. Делают они скрипки, струны натягивают из лунного луча, и поет скрипка о любви. Делают они арфы, натягивают струны из солнечного луча, и поет арфа о счастье. Собирают они с небес маленькие, только что родившиеся звезды и развешивают у дверей вместо фонариков. Куют пастухам серебряные рожк*и*, пастухи пасут белых барашков, у каждого барашка крошечный колокольчик – и звенит над лугом дивная музыка! А барашки такие легкие, что иногда приподнимаются, и ветерок их чуть-чуть разворачивает. А птички сидят на ветках, слушают и от удовольствия глазки поджимают. А пастух сидит на пригорке и ест землянику. Феи любят танцевать, есть сладости и подглядывать. Очень они любопытный народец. Прибегут, посмотрят, как женщина у себя во дворе стирает белье – и ну шептаться под куст, до того им все это смешно…

Незаметно погрузив детей в сон, Таня ушла к Саше. Проходя мимо спальни стариков, услышала, как Виталий скрипнул на своей кровати:

- Ну ты, мать, горазда сказки рассказывать, я аж заслушался…

Улыбка, полная тайны, скользнула в темноте по таниным губам.

Доставая из заросшего тиной пруда воланчик, Антон так запачкался, что когда, весь покрытый ряской, вернулся во двор, Таня шарахнулась от него – только надела любимое красное платье. Он в ожидании посмотрел на нее.

- Так, давай, – наконец вздохнула она, взяв его за руку. – Это ж надо так…

В этот момент он понял, что нужен маме только чистый и приятно пахнущий. Вырвал руку. Таня, почувствовав тревогу, мгновенно исчезла со двора. Антон, выйдя из душа, мгновенно обсох, и волосы его от воды завились еще сильнее. Умчался на велосипеде. Мамино колебание глубоко ранило его. Она воспринимала его только как красивого и ухоженного, а значит, он был украшением, а не частью ее жизни. И он давил на педали изо всех сил! …Но нельзя обогнать свои чувства!

Ашаб услышал грохот.

- Это же велосипед, а не самолет! – воскликнул он, явившись в калитке во весь свой рост. Мальчик поднимался. – Пойдем, обработаем перекисью.

Какое счастье было ощутить в своей руке его ладонь, доверчиво спокойную. Какое счастье иметь ребенка! Какое горе быть бездетным!

- А можно лимонада? – поднял Антон изучающий взгляд. Старик вел его сквозь сад к дому. Сев на крыльце, Антон осмотрел колено и локоть.

Ашаб поднялся в дом, налил лимонада, вышел. …Нет, этот мальчишка обладал способностью испаряться в один момент! Антон стоял у садового шланга и промывал колено. Ашаб тихонько вернулся в дом и пошел за пряником. Глаза его остановились на модели синего биплана времен войны, которую он склеил много лет назад. Маленький самолет с белым пропеллером стоял на подставке, украшая телевизор.

- Уже справился? – окликнул Ашаб, снова появляясь на крыльце.

Антон выпил лимонад, тайно радуясь, что Ашаб забыл про перекись.

- А можно со льдом? – Антон не глядя, протянул стаканчик обратно.

Едва Ашаб ушел за добавкой, Антон отвел занавеску и легкими шажками подошел к телевизору. Таким и увидел его Ашаб: прикусив пряник, Антон осторожно поднял биплан с подставки и пронес по воздуху. Такой восторг на лице! И пряник в зубах. Ашаб громко потопал, и, дав пару секунд, – вышел. Веранда пуста. Самолет на месте, и только занавеска вздыхает от ветра.

Нашел мальчика в цветнике.

- Держи, любитель авиации, – склонился Ашаб и, отдав стаканчик, закрепил на колене мальчика умытый лист подорожника. – А это заживет.

Антон сидел в теньке, его румяность и загар были сейчас хорошо заметны. Зеленые глаза вызывали в памяти слово «драгоценность», а веснушки на переносице словно затягивали взгляд в прозрачный пруд, на дне которого был рассыпан жемчуг. Ашаб присел рядом, привалившись спиной к дереву.

- Вечером мама снова сказки рассказывать будет?

- Хочешь, расскажу свою любимую? – сразу предложил Антон. – Давным-давно в Китае жил император. Он решил построить себе столицу, но каждый раз, когда город был почти достроен, нападали кочевники, сжигали дома, а людей уводили в рабство. И надо было охранять границы...

- Нелегкая задача, – покачал головой Ашаб, его карие глаза улыбались. – Я вот свой персик защищал, он у меня тоже на границе растет. Так на него тоже кочевники набегали. У меня только двое, а у него там целые полчища.

- Император пошел к мудрецу, – улыбаясь, продолжал Антон, – и тот сказал: «Позови мастера, пусть он отольет колокол, звон которого достигнет всех границ твоей земли. Услышав его, люди успеют встретить врага». (Появившиеся облака закрыли солнце, послышался отдаленный гул идущей грозы). Мастеру помогала его дочь-красавица. Они растопили печь, расплавили металл и отлили колокол. Но на нем оказалась трещина. Император разгневался и… Ашаб, надо цветы укрывать, их дождем побьет.

Было тепло, но в саду потемнело, и порывы ветра становились сильней.

- Сейчас пойдем, – кряхтя, поднимался Ашаб.

- …мастер вернулся домой и сделал все заново.

- И опять не вышло? – догадался Ашаб. Они дошли до оранжереи и стали закрывать ее. – Сейчас рванет, – посмотрел он в небо, – обещали после обеда. Мама твоя где? Гроза идет.

- На новом колоколе было две трещины, – закреплял раму Антон.

- И император разгневался, – продолжил Ашаб, наблюдая за мальчиком.

- Сказал, что если мастер опять ошибется, его казнят, – Антон с тревогой посмотрел в сторону дороги. – Дочь мастера пошла к мудрецу, и он сказал…

Налетел порыв ветра, цветы легли на траву, деревья с шумом согнули ветви, и первые крупные капли со стуком посыпались на землю. Антон бросился по аллее, выкатывая велосипед. Сверкнула молния, мощный треск разломил высоту, и гулкий гром прокатился с той стороны неба на эту, остановившись прямо над головой. Головки цветов, листья, травинки затанцевали, закивали, воздух стремительно наполнялся кислородом! Ашаб широко вздохнул, и, щурясь от падающих на лицо капель, чувствовал, как его сад радуется дождю.

- Где он? – Таня сбежала к Нине, но та говорила только об Антоне.

- У Ашаба, наверное, – не оборачиваясь, возился у парника дед, – он им не брезгует. (Таня, бросив на него темный взгляд, вышла со двора). …характер! – кряхтел Виталий, разгибаясь, и посмотрел на открытую калитку.

Он-то радовался, что она и впрямь другая, с ребятами играла, они уже приходили, высматривали ее. Но природу не обманешь, явила-таки свое истинное лицо. Все спектакль! …Почувствовал укоряющий взгляд.

- Вот надо тебе говорить ей это? – Варя стояла на крыльце.

- Ребенка своего помыть не может. Грязный он… Что? Неправду говорю?

А Саша, собравшийся было выйти, услышав разговор, вернулся в комнату и долго стоял у окна, глядя на красную фигурку, быстро удалявшуюся по улице. Они были правы. Но и у нее была какая-то своя правда.

…Черт! Старый дурак! Зачем она приехала! Обида и негодование душили Таню. На щеках зажглись два алых пятнышка досады. Дул прохладный ветер, платье обмирало на ней, но она шла все быстрей.

- Татьяна? – узнала ее соседка. – Ох, какое платье у вас!

- А? – очнулась Таня, тут же ослепив улыбкой.

- Куда вы так несетесь? Гроза идет, – указала женщина на небо.

- Заколку оставила, – махнула рукой Таня и поспешила дальше.

Улица стремительно пустела. Таня слышала, как люди во дворах закрывают окна, как хлопают рамы. Когда вышла на открытый берег, пляж был уже пуст – и сразу стало легче! Вода потемнела, из-за горизонта все заполнялось темно-фиолетовой мощью грозы, надвигавшейся на город, еще стоявший в последних отзвуках солнечного света.

Наконец-то! Набирая в туфли песок, прошла к воде. Вода злилась и плескала накипавшую злость маленькими краткими волнами. Ветер хватал за платье, бросал в лицо волосы, но Таня, щурясь, смотрела на темнеющий горизонт. Глаза ее горели мстительным огнем. Крошечная фигурка в освещенном красном платье, одна на берегу, против идущей бури.

Если бы можно было сейчас бросить в море всю ярость, всю ненависть, – шторм потопил бы город! Но этой буре навсегда было суждено укрываться внутри, брызгая из тайных ран жалящим огнем, как слепящая электросварка.

…Не дразни моих зверей, Виталий…

Была ли буря внутри нее, или сама Таня была ею – она не могла жить спокойно нигде. Именно там, где были покой и мир, ей приходилось тяжелее всего. Внутри нее гудел смерч, лютые молнии сверкали иногда в ее улыбке, но никто не замечал. Саша как назло тащил ее туда, где «спокойнее». Отдохнуть! Бархатный сезон! Лучше бы сразу отвез в горячую точку! Лучше бы рядом дыбилась земля! Тогда она сможет закричать. Но здесь, в мирном городке, среди парников и вишен, среди неспешных застолий… оооо, они не знают *ничего*! Чего стоит их мир, если его не разбивала молния!

- Давай… – со злостью цедила она, исподлобья глядя в сизое небо.

Платье, подсвеченное последним, бьющим из-под закрывающей тучи лучом, рвалось и пылало на ней, словно алая тряпка, заманивая на себя громадного небесного быка. Шумела и разбегалась у ее ног вода.

- Я жду, – глядела она в живое темное небо и вдруг закричала. – Ты хуже похоронщика! Умеешь только молчать! Давай!!! Выскажись хоть раз!!!

Фиолетовая молния, ослепив, огненной ртутью пролилась в воздухе прямо над водой. И в ту же секунду, с треском, будто разламывая сам ее череп, раздался такой грохот, что Таня с криком ужаса упала на песок. …И сразу же почувствовала восторг! Обновилась кровь! Жизнь!!! И сердце охватила такая

дикая, такая свирепая радость! Вскочив, Таня сорвала с волос заколку и, швырнув ее в воду, с блеснувшей улыбкой, бросилась прочь, унося за собой шлейф шального торжества. Догоняй, гроза!

Не успела покинуть пляж – рухнул ливень. Такого она не помнила за всю жизнь. Настоящий потоп! Дробил по коже так, что было больно. И внутри этого буйства наконец-то почувствовала освобождение! Моргая от бьющей, хлещущей по лицу воды, облепленная платьем, Таня бежала домой, и больше всего ей сейчас хотелось обнять Антона.

…Земля словно закипела. Шум воды и струй, бьющих по тазам, крышам и стеклам наполнял воздух торжеством своей сияющей мощи! Фиолетовым и белым ослепляли одна за другой молнии, где-то разбилось и осыпалось стекло, гром гремел от полной небесной силы. Одуряюще наполнялось все вокруг свежестью, Таня бежала по пустой улице, и вдруг увидела, как, давя на педали, летит по улице Антон.

- Антон! – закричала она. Он резко затормозил, чуть не упав, и увидел, как она выбегает к нему из светлой стены дождя.

- Вот оно как! – услышал он у своего уха, и горячие руки матери обняли его. – Вот это душ, да? Это я понимаю! Шекспир, *об этом* писал! Он *такой*!

- Мам, ты лилию сломаешь…

Только сейчас Таня заметила в его руке ветку белых лилий.

- Она на дороге лежала. Можно ее…

- Ты смотри, как она пахнет-то! Четыре цветка! Это кто ж такое богатство оставил? Наша! – глаза Тани хищно блестели, по лицу ручьями текла вода. Она была пьяна дождем и небом. – Давай сюда! Ты где коленку так разнес? Кранты велосипеду, все. Бежим!.. Давай, прокачу! Ты меня любишь?

Вошли во двор. На крыльце под навесом уже ждали бабушка с дедушкой.

- Она еще и промочила его всего! – не выдержав, выругался дед. – До чего ж дурная! – вложил он душу в последнее слово и ушел в дом.

Таня вытирала сына большим махровым полотенцем и все целовала его. А потом забралась на кровать, и, обняв детей, читала им «Маугли».

- Так что же он сказал? – спросил Ашаб, увидев Антона на следующий день.

- Кто? …Аааа! – просияло лицо мальчика, и он подкатил к забору. – Мудрец сказал, что звон колокола достигнет границ всей земли только если с металлом смешается кровь человека. Девушка вернулась домой и бросилась в огненную печь. И на новом колоколе не было трещин, а его звон спас людей.

- Так чем же эта сказка тебе так понравилась?

- Тем, что она в огонь бросилась!

- Так ведь она погибла.

- Зато не погиб кто-то другой! – и, оттолкнувшись, Антон умчался.

…Спустя минуту, разминувшись с ним, Таня сидела в саду Ашаба, как тропическая бабочка, которую он боялся вспугнуть, и плела венок, пытаясь

укрыть куда-то волнение рук. Как и Антон, она появлялась и исчезала неожиданно, тоже пила лимонад со льдом, только пряник она ела весь и сразу, и по глазам было видно, что одного явно мало.

- Он чудный мальчик, – сказал он. Она подняла глаза, и Ашаб понял: она сама ребенок, она боится. – Это потому что он особенный, – улыбнулся он.

Спустя минуту Таня исчезла. Остался лишь венок на траве. Зато, выйдя в сад, Ашаб увидел Антона. Он примерял венок и выглядел в нем, как маленький Лель среди своих владений.

- Держи, – Ашаб протянул мальчику модель биплана, – это тебе.

- Зачем? – предупреждающе отступил Антон, сняв венок. – Думаешь, я несчастный? Поэтому?

- С чего это ты взял? – смутился Ашаб.

- Ты как я, – тут же оглянулся Антон, – ты тоже. У тебя сад. (Точность, с какой мальчик делал выводы, порой пугала). Ты станешь украшать дерево?

- Нет… зачем, – удивился Ашаб, – и так ведь хорошо.

- Вот и мне и так хорошо. Лучше, когда я прихожу, а он твой.

Ашаб молча смотрел на маленького гостя:

- А почему ты считаешь себя несчастным? Тебе кажется, что твоя мама…

- Она любит, любит меня! – закричал Антон, словно его обожгли.

- Это я и хотел сказать, – улыбнулся Ашаб, – но когда ты еще подрастешь, то поймешь, что все люди любят по-разному. Идем, – Ашаб протянул руку, тихо опустив самолетик на ступеньку крыльца, – мой сад знает все тайны.

Они прошли в виноградник и остановились под его живой крышей.

- Смотри, – показал Ашаб, – все растет и цветет, когда светит солнце. Оно, как любовь. Плоды без солнца горькие, а люди без любви злые. Но если солнца будет слишком много – оно сожжет. Нужна и вода. И хорошая сытая земля. Чтоб она дышала. Ты похож на цветок, вот как этот, – и он указал на цветок в тени, – ему нельзя много солнца, он слишком нежный и чуткий… он сразу умрет. Ему лучше всего, чтобы была тень и немножко солнца. – Ашаб склонился к мальчику. – Ты должен привыкнуть к любви, Антон. Твоя мама любит тебя осторожно, боится, что сожжет. Только приласкает, а ты…

Антон замотал головой, подкусывая губы, но его слезы были очевидны. Ашаб угодил ему своими словами прямо в сердце! Ему стало стыдно, что он не верил в мамину любовь. И в то же время это было такое облегчение!

- Твоя мама… она, как эти пятнышки солнца – повсюду, – Ашаб взял ладонь Антона и подставил пятнам света. – Учись слушать и уловишь тысячи звуков любви. Слушай, как листья шумят. (Антон закрыл глаза, прося отсрочки у подошедших слез) Полны жизни и любви. Только любовь может дать жизнь…

Антон обхватил Ашаба руками. Сад вокруг затмевался горячей пеленой:

- Почему у тебя нет детей?

Седые космы Ашаба развевал ветерок.

- Не дано мне, – развел он большими рабочими руками. – Я как дерево, на котором не растут плоды и не цветут цветы. Просто стою себе и все.

Антон смотрел в отчаянии. Ему тоже хотелось помочь!

Вдруг лицо его озарилось:

- Склонись ко мне! (Ашаб покорно склонился к мальчику, а тот, крепко обняв его, сильно-сильно поцеловал в колючую щеку и поглядел в глаза) Но я люблю тебя, Ашаб! – И – мелькнул мимо, и нет его...

Только ветвь покачивалась, словно удивлялась – как это он так быстро! Ашаб стоял в солнечной тени сада, беззвучно коснувшись брови морщинистой рукой. Детское сердце щедро, как ни одно другое. Потому что сам Господь освещает его жизнь и дышит в чистоте его маленьких биений.

- …не хотела ехать. Все ей здесь не так! Не подошли мы ей! – Виталий тяжело вздохнул. – Посидела бы хоть с Варей. Не душевная она какая-то. Как ледяная вся. Так и не звонит своим родителям?

- Там проблемы с отцом. Она ездила к ним мириться.

- И что? – Виталий ответил сам. – Естественно. С таким-то гонором.

- Родители тоже бывают разные, папа. Пожалуйста, не говори так с ней.

- Небось, на аркане ее сюда тащил. (Саша не ответил. Обида уязвила сердце старика) Ну – это нетрудно догадаться. И уехать мечтает побыстрее. Она не рождена, чтобы быть матерью. А он, *он* – еще мальчик! Ему настоящая мать нужна, и… помяни мое слово, он еще с нею нахлебается, – высказал до конца Виталий и пошел из комнаты. – Жалко мне его!

Глава 14

Антон нашел на дороге сбитую птичку. Ходил с ней, уговаривая, мучаясь, что никак не может ей помочь. Таня сидела на веранде в лимонном платье до пят, и видела, как он ее хоронил. Саша отдыхал в соседней комнате. Последний вечер перед отъездом. В доме ленивая тишина.

- Нечего супиться, – сказала Таня, едва Антон вошел на веранду, весь в своей печали, – эта кроха отправилась к Королю птиц и стала его вестником.

Антон посмотрел на мамин профиль, освещенный заходящим солнцем.

- Иди сюда, – похлопала по дивану Таня, приглашая его сесть рядом.

Он подошел. Какая она была сейчас красивая! Осторожно присел рядом, а Таня вдруг обняла его и стала быстро-быстро рассыпать поцелуи по его лицу.

- Ах ты… птица ты моя! Кто маму позабыл-позабросил, м? Кто посидеть с ней не хочет, птенцов каких-то хоронит, балбес, дурачок и тунеядец?

- Мам! – весь затрепетал он. А Таня еще крепче прижимала его к себе.

- Да как я тебя люблю, ядрышко ты мое, коренной мой укромыш! Будешь теперь со мной тут до ужина сидеть, веточка моя, пуховой мой побег!

- Мам! – слезно прозвучал голос Антона. Мальчик обхватил ее руками, зажмурился… «Ашаб прав! Он прав!» А Таня всего-всего укрыла его своими белыми крыльями, и Антон задыхался, боялся, что разорвется сердце.

- Кто сегодня растерял носки? Ну? – Таня поцеловала его в переносицу. Мальчик, затихнув, поднял на нее глаза. – Ты удивительный, ты знаешь это?

Но он не ответил и бессильно привалился к ней. Его руки потеряли силу.

Таня смотрела в сад. Сюда шел запах зелени и чуть оживал ветерок.

- Я расскажу тебе, куда она отправилась, – заговорила она. – Все птицы однажды возвращаются к своему Королю. Его страна раскинулась далеко-далеко отсюда, на вершине, с которой открывается вид на огромный океан.

…Таня была сейчас полна такой нежности, словно в ней бились сотни тысяч бабочек, теснясь и не в силах вылететь из груди. И губы снова хотели целовать мягкие волосы. Она тихо проводила по ним ладонью, чуть продевая их прохладными пальцами.

- …там стоит пьедестал из цельного кварца, и солнце на заре сверкает, погружая лучи в его каменные сколы. На этот пьедестал взлетает Король птиц, чтобы обратиться к своим подданным, сложив сильные крылья. Здесь, на склонах гор, собирается несметное множество птиц, чтобы послушать его.

Голос Тани поднимается и опускается, как мерная вода. Антону кажется, что он лежит на песке, ветер шевелит его волосы, за спиной шумит океан.

- …и Король птиц послал своего вестника, чтобы утешить ее – юноша в пути! Только он способен разгадать загадки черного колдуна и забрать ключ. Вестник летел через море, и на закате второго дня увидел башню… – снова донесся голос Тани, и за спиной Антона рассыпалась новая волна. – …юная королевна услышала, как трижды пропел соловей, и велела юноше остановить коня. Перед ними стоял Звездный лес. Деревья вместо листьев были осыпаны звездами. Здесь жила Лакор*и*ни, волшебница, что укажет им путь домой. Юноша выпустил сокола, и тот принес ветвь с тремя алыми розами. Герой тронул коня, и они поехали по лунной тропе, сохраняя осторожность, нагибаясь под звездными ветвями…

Саша стоял в дверях, а на веранде в рыжем вечернем освещении сидела Таня в просвеченном насквозь платье, с огненными волосами и припавшим к ней Антоном, чьи волосы тоже светились ободком. Сердце переполнилось. Если бы отец увидел их сейчас – он никогда не сказал бы, что Таня не рождена быть матерью! Откуда в ней жили эти сказки?

- …и она сказала: «возьмите ветку розы с собой. Когда первая роза на ней побелеет – поверните к югу и держите путь до висячего моста, что над бурным потоком. Бросьте в поток вторую розу, и мост тотчас же станет каменным. Король птиц будет встречать вас на берегу, у розовых гротов, а на воде будет ждать корабль…

Таня вдруг увидела, что Антон спит. Он был так тих, с чуть приоткрытым ртом. «Все девчонки будут потом с ума сходить», – подумала она, тихо поцеловала Антона в лоб, и, задержавшись, вдохнула тепло его волос.

Саша, улыбаясь, осторожно подошел, стараясь не скрипеть половицами. Рыжее солнце делало веранду сказочной, и он словно вошел к ним в эту сказку. Спящий мальчик был прекрасен. Нет картины более священной, чем спящий ребенок в твоих руках.

- А как будет по-французски «слово»? (Антон и Ашаб ходили по саду и срезали цветы – Антон хотел проводить маму с букетом).

- *parole* / «пар*о*ль»

- Французы вечно все зашифровывают, – Ашаб перешел к новому кусту. – А про компьютер знаешь?

- Да. И про интернет.

- И что такое интернет?

- Это когда можно все узнать.

- И как солнце светит? – Ашаб срезал синий ирис.

- Да.

- И как птицы поют?

- Да, – с улыбкой ответил Антон, принимая цветок в лежащую на локте охапку. – Мы сейчас весь сад срежем.

- И почему нет детей у меня? – замер Ашаб.

- Не знаю, – замялся Антон и опустил глаза на пестрый букет. – Я тоже пытался кое-что посмотреть, но… там написано только, как это обычно бывает, а именно про тебя – нет.

- Значит, ничего не знает интернет твой.

- Главного не знает, – согласился Антон, – а можно еще вон тот?

- А зачем без главного? – полез за цветком Ашаб.

Антон молчал.

- Может, чтобы люди успокоились? – предположил он.

- Ты успокоился? – …и вдруг Ашаб почувствовал боль. Он ранил детское сердце! – Ты найдешь ответ, – склонился он к мальчику и опустил георгин в душистую охапку. Антон молча сжимал цветы. – Ох, ну что ты такой, – прижал он его к себе, – пойдем, цветы тебя научу сажать.

Антон стоял, прижатый к его груди, как хрупкая замершая птица.

У Ашаба занялось сердце.

- Цветы пойдем сажать? – заглядывал он ему в лицо. – Помощник-то мне нужен? А где я еще такого помощника найду? Мама в три уезжает?

Антон кивнул. Он был добрый ребенок. Он искал прибежища и совсем не мог сопротивляться, когда его жалели с любовью. Любовь смущала его. И все же он желал получить ее больше всего на свете, и, не имея привычки быть любимым, робел и трепетал всякий раз, чувствуя ее рядом.

Сажали розы. Антон, стоя на коленях, аккуратно опускал в ямку небольшой кустик. Ашаб внимательно следил: осторожно переносить, не загибать корни. В почве древесная зола, компост… Антон бережно засыпал

ямку землей, придавливая ладонями. Рядом, в тени, на плотной бумаге лежали другие саженцы. Антон задержал взгляд на ряде корней:

- Ашаб, а почему корни такие уродливые?

- Почему это тебе так кажется?

- Некрасивое прячут, а красивое оставляют снаружи, – попытался объяснить мальчик.

- Корни не уродливые. Уродливое это… то, что исказило свой смысл, делает не то, что нужно. Смотри, – Ашаб приподнял один из саженцев, – корень работает в земле тайно, как секретная служба. У него столько отростков, чтобы искать воду. Он очень чуткий. С виду грозный и суровый, но на самом деле очень нежный.

- Ашаб, а у женщин корни – это ноги или волосы?

- А как тебе кажется? – рассмеялся удивленный Ашаб.

- А цветы – это глаза!

- Глаза! – смеялся Ашаб. – Корень слишком ценен. Если каждый будет его трогать, он умрет и тогда весь цветок погибнет.

- А семена, как из одного семечка вырастает и корень и цветок?

- В этом-то и загадка, – улыбнулся Ашаб, передавая мальчику лейку, – семечко растет в обе стороны: одним концом держится за землю, и земля подсказывает ему каким быть, а другим – за воздух. Как будто хочет обнять весь мир. Это от любви. От силы жизни.

Антон жадно перенимал новый опыт. Под присмотром Ашаба он посадил еще одну розу и вдруг заторопился:

- Спасибо! – поднялся он, отряхнув землю с ладоней, и, взяв из ведра свой огромный букет, побежал домой. И сад сразу показался Ашабу опустевшим.

Спустя час, возвращаясь из магазина, Ашаб шел мимо дома семьи Чирик и услышал смех Антона. Мальчик разговаривал с матерью. Ашаб стоял и слушал музыку детского голоса. «Какое благословение, – думал он, шагая дальше, – быстро забыть горе…»

Глава 15

Мы вернулись раньше – Антону предстояли вступительные тесты и собеседование. Хотя все классы были набраны еще до лета, он был зачислен в гимназию лишь «авансом». По специальной договоренности с директрисой ему было разрешено пройти отбор в конце августа. Мама помогла ему выучить стих У.Блэйка «Тигр» на французском. Он сдал все на высший балл, и, сразив комиссию пламенным исполнением «Тигра», был торжественно зачислен в 8 Б, а впечатленная директриса лично пожала ему руку.

Гимназия, куда он прорвался, обладала прекрасным зданием, проводила у себя спортивные соревнования и занятия по единоборствам. По случаю зачисления родители сообщили Антону, что он пойдет на дзюдо. Радости не

было конца. За август он прибавил еще сантиметр и уже вовсю хозяйничал. Набрался от бабушки: «Лейка, не буянь» «Ты в уме или без ума?» «Чайник удостоился». Тут же слышались отголоски общения с тетей Ниной: «Толя, ты лютый!» не говоря уже о перлах вроде: «Беззаконие! Это была моя овсянка!» Едим цветную капусту – он флегматично водит ложкой в кастрюле: «тихо, я тут планктон собираю». Споткнулся, полетел на меня утром: «Прости, я выпал из дупла». Вобщем, – Антон. Но сегодня папа привезет кимоно. Антон рвался поехать с ним, уже дважды звонил, чтобы узнать, где он.

Тренировки должны были начаться в клубе «Кайлис» 4 раза в неделю. В остальные дни занятия будут проходить в школе. Как он будет все успевать, я понимала плохо. Я не понаслышке была знакома с настоящей спортивной нагрузкой, у меня был отвод на среду и пятницу, и я не учила французский. Но он уже состоял во всех группах по дзюдо ВКонтакте, его речь пестрела японскими словечками, что в сочетании с его обычным домашним фольклором и правда «разоряло разум». Над его кроватью появился лист, который я немедленно изучила со всем пристрастием:

Кодекс чести дзюдоиста включает в себя такие качества:

- вежливость, (охо-хо)
- смелость, (я на трапеции летаю, ясно?)
- искренность, (а кто будет врать в спорте???)
- честность, (добавлено для количества, «искренности» вполне достаточно)
- скромность, (скромностью он точно не блещет, раз повесил сюда эту штуку)
- самоконтроль, (этого у него тоже нет, весь день на окно бросается)
- верность в дружбе, (а это тут причем?)
- уважение к окружающим (опять повтор!!!)

Итого: минус два пункта. Вот мне Сивко просто говорит: «Толлейн, с мраморным спокойствием на лбу». …Звонок на мобильный. Чуть не сбив меня с ног, Антон бросается к телефону. По его глазам ясно: папа едет домой!

- Да… да, пап! Проверял? (Антон хотел белое кимоно, потому что могло быть еще и синее). А плотность? – улыбка во все лицо, смотрит на меня, а сам – там, с папой. Но вошла мама и все испортила:

- Саш, зайди, купи растительное масло, у нас кончается.

- Упражнение на самоконтроль, – намекнула я, но Антон уже был у окна.

- Идет!!! – закричал он и бросился в прихожую.

- Так, это что за бешенство такое? – остановила мама. – Дзюдоист должен владеть ситуацией, а если… если ситуация зашкаливает, – прижала она его к себе, – он должен владеть *собой*.

В этот момент на пороге появился папа с большим фирменным пакетом. И вот Антон вышел к нам из маленькой комнатки босиком, в белоснежной куртке и штанах. Мы замерли, а потом наперебой начали восхищаться,

крутить его во все стороны. Он показал нам несколько боевых движений, и я увидела, что это красиво.

…Звук его босых ног и шорох куртки. Это были звуки счастья. И вдруг, перед этим кимоно, таким простым и лаконичным, мой цирковой блеск впервые показался мне мишурой. Боевая одежда добавляла человеку какой-то уровень. И теперь не только я занимаюсь. Антон вот-вот обгонит меня!

- Плотная, – потрогала я рукав его хлопковой куртки.

- Это для захватов, – пояснил он и дернул за рукав, – обычная порвется.

- А «кимоно» – это тоже что-то значит?

- Дзюдо*о*ги, – поправил он, не отрывая глаз от своего отражения, – смотри! – и вышел в полосу света. Одежда на нем стала, как из белого огня.

Позвали к столу. Последняя уходя из комнаты, я невольно остановилась. Кимоно, лежащее на диване, словно излучало победу. И у Антона будет учебник по *ХИМИИ*. И в ноябре ему *тринадцать*. А я пойду только в шестой… Услышав, что он садится за стол, я не удержалась и надела кимоно. Подошла к зеркалу. Ух ты! Сделала мах. О, да в этих штанах можно ноги задирать. А кимоно удобнейшая вещь! И на груди красиво запахивается.

- Ты идешь? – возник на пороге Антон и вздохнул. – Куртка запахивается слева направо. Левая пола сверху. В Японии только мертвым одежду налево запахивают.

- Я покойник, – констатировала я, пока он исправлял дело. – Ну как?

Но мои щеки уже горели со стыда. Надо было спросить!

- Хорошо, – серьезно оценивал Антон, заложив руки на груди.

- Сначала одна исчезла, теперь… – мама вошла в комнату, сложила руки у самых губ, будто делала беззвучный хлопок. – Лея! Ох, нет… Саш! Саша!

Провалиться мне.

- Что там такое! Мы есть будем? Куда вы… – папа не договорил.

- Умереть! – рухнула ему на плечо мама и затряслась, – …поваренок…

Я покраснела и устремила на папу растерянные глаза.

- Милая… ты… потрясающе выглядишь, – заверил он, жуя хлеб.

Нет хуже унижения. И сама виновата.

- Я только примерить! – вознегодовала я.

Мама только кивнула и содрогнулась в новом приступе.

- Алюша, – папа, наконец, проглотил свой хлеб, – настоящий дзюдоист. Правда, Антон? Таня! Аля, она просто завидует.

Я была разгромлена. Мама повернулась ко мне:

- Да ты просто обалденно выглядишь! – присела она рядом со мной.

Но я не верила. Похоже, я и правда выгляжу смешно. И по росту великовато, и пояс завязала не так... Тут столько всего знать надо. Ни скромности, ни уважения, ни самоконтроля. Стою в ворованном кимоно и пожинаю славу брата. Ну кто я после этого? Силы покинули меня.

- Мы все будем счастливы, – сказала мама, – да, мой кораблик? Обобрали вороненка, – обняла она Антона, – будешь драить палубу за копейный грош.

- А можно с вами? – улыбнулся папа. – Обнимаются тут…

И мы все обнялись. Наши волосы касались, и это был такой прекрасный момент, что меня отпустило. Обниматься так хорошо! А потом мама надела красивое платье, папа открыл вино, и к чаю мы разрезали торт.

- А это тебе от всех нас, – достала мама светлую коробочку.

Антон вытянул из нее прямоугольный кулон на тонкой золотой цепочке. Перевернул – блеснула гравировка: *светлая победа*. Вот это девиз! Я скорее сбегала за своим кулоном-Никой. И нам дали по второму куску торта, после чего мама (съевшая три полноценных куска) сказала, что мы так объелись, что в большой спорт нас уже не примут, и чтоб мы «сдавали амуницию».

Бодрящий утренний воздух был полон голосов, щелканья фотоаппаратов и микрофонного эха, несшегося с торжественных линеек. Вокруг шуршали букеты и мелькали белые банты. Начался учебный год. Наши с Антоном школы были рядом. Мои, гораздо больше, чем я подросшие одноклассники, уже изо всех сил изображали взрослых. Многие девочки пришли на каблуках, вместо рюкзаков у них уже были модные сумки через плечо, и я со своим диснеевским рюкзаком тревожно ежилась в сторонке. Кое-кто бросил мне «привет», но все стояли группками, а я как всегда одна.

Антон пошел в гимназию с букетом, в белоснежной рубашке и брюках со стрелками. Я видела, как он улыбается незнакомым ребятам: «Ты из 8-го Б? Привет! Я Антон!» – жмет кому-то руку, делает страшные глаза насчет грядущего медосмотра. Он так легко общается! Сначала мы стояли у гимназии, потом я пошла к себе. Но Антон догнал меня:

- Лейка! – хватает за руку. Потрясающее ощущение от его сжимающей руки! Волосы и рубашка так горят на солнце, что я щурюсь. – Я тебя отведу!

- Ты засветишь все фотографии, – смеюсь я.

Самый красивый мальчик на свете привел меня к школе за руку.

- Ты лучше всех, – заверил он, присев рядом со мной. – Даже Ариэль с тобой не сравнится! Все, мне пора! – и поцеловал меня в щеку.

Наши девочки съели свою «взрослость» на месте. А я смотрела ему вслед, и сердце мое разрывалось от гордости и благодарности за этот момент славы!

Вернулись мы взбудораженные, записав первые задания в новеньких дневниках. Появление Антона со мной за руку и поцелуй в щеку стали кульминацией моего первого дня в 6-м классе. У меня сразу появился *статус*. Только и спрашивали, что о брате, а я заявила, что он учится в гимназии и занимается дзюдо. (Статус подскочил до небес!)

- На какой парте сидишь? – спросила мама.

- На первой возле стола учителя, пока один, – ответил Антон, показывая мне таблицу Менделеева в учебнике химии.

- Заучка и выпендрежник. Обедать!

- Такой спортивный зал! Тренажеры! – рассказывал он, уплетая суп. – Меня старостой выбрать хотели. Парень, который был, перешел в другую школу, меня взяли на его место.

- Вызываешь доверие, – одобрительно кивнул папа.

- Я уступил Инне.

- Просто хотели свалить все на новенького, – обгрызая хлеб, пояснила я папе, более искушенная в школьной жизни.

Антон был в восторге от гимназии: светлые классы, большая библиотека, молодая классная руководительница Роза Дмитриевна: «серые глаза, рыжие кудряшки». Их класс гуманитарный. А еще есть экономический 8-й А и архитектурный 8-й В. И мама неправильно его смерила, он не 147, а 148 сантиметров! Но мамино лицо сияло нашим восторгам откуда-то издалека. Папа сказал, чтобы мы отнеслись к этому с пониманием – она готовится к прослушиванию, и даже если рядом взорвется бомба, вряд ли заметит.

Поначалу фамилия Чирик-Толлейн была предметом для насмешек. Она занимала больше всех места в школьном журнале. Ее невозможно было уместить в стандартной графе. Но Антон был личностью нестандартной и в графы не умещался. Учителя не могли устоять перед его харизмой – умный, независимый, он покорял их внезапной улыбкой и смелостью ответов. После школы мы заваливались домой – я после Сивко, он – после дзюдо, сметали все, что было в холодильнике, и обменивались новостями. (У Антона в классе учатся самые красивые девочки – Даша Соколова и Снежана Вал*и*нская). Потом делали уроки. По выходным Антон иногда готовил. Я и мама по очереди продавали ему душу за суп с гренками и молочные булочки.

Страшные переживания из-за тройки по истории. Приходишь – вся комната пропахла потом, Антон подскакивает, показывает синяк на локте и демонстрирует мускул (нет сил моих!..) Говорит, что у него пальцы стираются от захватов. Ха-ха, скоро и у него будут мозоли. Новые приемы он тут же показывает на мне, и заставляет считать, сколько может отжаться. Черт, он уже садится на шпагат! Не слабая у него растяжечка!

И он, гад, продолжал расти. Я утраивала свои старания у Сивко, просила составить мне самую сложную программу. И деться было некуда от его взрослости! Это умение как-то по-особому строить фразу, держать карандаш, этот локоть, пристроенный на спинку стула и бархатный смешок, чтоб душа твоя пала. Теперь ему постоянно звонил кто-нибудь из класса (мне не звонили никогда). Я видела, как он стоит, поставив руку на пояс, и отвечает что-то вроде: «Да, Гера. Нет, не знаю». Все это казалось мне верхом невыносимого пижонства, но это была лишь верхушка айсберга. Теперь нам постоянно звонили д е в о ч к и. Несчастные жертвы его улыбки и расстегнутой у горла рубашки. А на меня была взвалена неблагодарная работа их отбояривать! Я снимала трубку и, заслышав девичий голос, произносила: «Да?» (Научилась у

Антона. Гораздо авторитетнее простецкого «Але»). Сбиваясь, очередная жертва антоновых чар докладывала, что:

- не помнит, что задали по алгебре / физике / истории;
- утверждала, что срочно должна отдать Антону транспортир;
- сообщала, что «случайно» остался лишний билет в кино;
- спрашивала, не он ли ей только что звонил;

Выслушав «алиби», я произносила ровно и с расстановкой: «*В данный момент мы не можем подойти к телефону. Оставьте ваше сообщение после сигнала*». После чего бедняжка спешила ретироваться или напротив, оставляла какое-нибудь трогательное послание вроде: «Антон, привет, ты меня не помнишь, но…» Я нажимала на громкую связь, чтобы он понимал всю ответственность за их пошатнувшийся душевный мир, но он и не думал! (Девочки фатально повлияли на его самооценку, и теперь его несло через все ухабы). В школе он был настоящий принц, а дома нагло кивал мне на телефон, едва раздавался звонок. Очень скоро я стала виртуозным автоответчиком, а он говорил, что только я и спасаю его «от этого безумия».

…Не то чтобы я завидовала. Просто в школе я никому не нравилась. Меня не считали хоть сколько-нибудь заметной. Я не умела болтать о ерунде, не визжала, как резаная, увидев модную кофточку, не умела красиво подносить к уху мобильник, а Антону была дана та легкая грация, которая обращает каждый жест в совершенство. Я знала, девочки завидуют, что у меня такой брат. Они уже все были в него влюблены, предав забвению Марка из 6 В. И имели наглость махать ему: «Привет, Антон!» Нет, это вообще… И получали наслаждение, повторяя мне, что: «вы с ним *ну совсем* не похожи». Одна даже поинтересовалась, есть ли у него девушка. Я чуть не поперхнулась. У Антона никогда не будет девушки! (Даже подумать страшно). ***Я*** была главной девочкой в его мире! Я делаю с ним уроки! Я висну у него на шее и целую в веснушки на носу, а вам всем – **фигушки**!

Забегая вперед, скажу, что на день Влюбленных он получил больше всего валентинок. Его быстро сократили до АЧеТэ, оставив от фамилии лишь вторую часть. Проучившись в школе несколько лет, я знала лично лишь нескольких ребят, а он, обитая в гимназии месяц, уже успел прославиться. Меня затюкали, почему я Толлейн, а он – Чирик-Толлейн. Валентинок я не получала, хотя (чего врать) каждый раз ждала. Моей гимнастикой никто не интересовался, подруг у меня не было, а сосед по парте вечно просил ручку. На меня обратили внимание, только когда рядом появился Антон. Он уже где-то выступал, а я отказывалась. Наши говорили, что я циркачка. Я поправляла, что говорить «циркачка» неправильно, мы *цирковые*, но все напрасно. Полная невысказанного протеста, я оставалась одна, за что меня дразнили «Бугагашкой». И частенько мне было обидно, что я такая…

Когда Антон увидел, как я переживаю, то принялся горячо убеждать меня, что я самая заметная девочка в классе, и скоро все об этом узнают! Пообещал

подарить кимоно, когда из него вырастет, и я тайком подкладывала ему мясо из своей тарелки, чтобы уж поскорее и наверняка. Еще предложил учить меня французскому, если буду успевать делать уроки. Уроки были готовы вовремя. Домой я летела птицей – ведь там мой Антон! Вот кто всегда хвалил меня и ждал! Плевать на них всех! Он открывал учебник, мы садились и учили. Ему нравилось объяснять и приводить примеры, а мне – сидеть рядом и восхищаться, до чего он умный.

Глава 16

Таня уставала от своей студии. Она любила учеников, но преподавание не могло заменить ей съемки. Она мечтала о кино с юности, но ей не везло. Первый фильм о войне, где она появилась в эпизоде, можно было не считать. Но «После полудня» – фильм, в котором она действительно блеснула, был практически обойден прессой, быстро исчез из телепоказов, а в кино продержался недолго. Картину забыли. Забыли и Татьяну Толлейн. Все прослушивания, на которые она ходила в сентябре закончились неудачей. Ее всегда обходила соперница с более серьезным послужным списком. Получая отказ, Таня переживала так, будто закончилась жизнь. На экранах появлялись все новые фильмы, в которых она *не снялась*, и это приводило в отчаяние.

Тем временем Антон на удивление хорошо освоился в гимназии. Алина тоже радовала успехами – Сивко без конца организовывал ей выступления на разных конкурсах. Дети горячо болели друг за друга, состязались, спорили, не переставая устраивать возню. Из большой комнаты часто слышались грохот и визг. Уставшая Таня врывалась в комнату:

- Да что вы тут творите! – перекрикивала она магнитолу.

- Нет, *я*! – со смехом сообщала лохматая Алина, высовываясь из-под поваленного на пол Антона. – Мам, смотри! – и, взбираясь брату на спину, девочка поднималась на руках и делала шпагат в воздухе.

Несмотря на прибавленные сантиметры, Антон оставался худым угловатым мальчиком между 12-тью и 13-тью годами, с тонкой шеей и длинными ногами в больших ботинках. Грациозный жеребенок, чья неровная поступь вызывала желание скорее броситься к нему. Однако силы его росли. На столе всегда было много книг. Поле контактов оказалось неожиданно широким. Рядом с сильными яркими глазами светлые волосы создавали ощущение чего-то нереального. Когда, весь во власти впечатлений, он что-то рассказывал, Саша, невольно отстранялся и думал: что это? И было немного страшно при мысли о том, каким он станет уже через каких-нибудь два года.

Саша подарил детям по фотоальбому, куда они начали вставлять свои фотографии. На карманные деньги (Саша выдавал им немного) напечатали фото, где была их семья в день, когда Антону привезли кимоно. Этот снимок в красивой рамке дети поставили на открытую полку книжного шкафа.

И вот у Саши выходной. Дети в школе. Таня убежала на очередную «озвучку» – у нее был прекрасный голос, и она часто дублировала героинь в зарубежных фильмах. Саша купил ей цветов и пирожных – она была единственной женщиной на его памяти, которая спокойно могла есть сладкое и не толстеть. Видимо, нервы.

Когда Тани не было, она будто становилась еще более реальной, и сегодня мелькала сквозь его мысли ярким огоньком. …Накрывая на стол, танцует с тарелкой, ставя ее то как шляпку, то как бубен, то обмахивается ею, как веером. …Они едут в троллейбусе: его желание прячется в трепете и дрожи складок ее легчайшего платья. …До ночи делает открытку для Алины…

Душевные треморы возле обувной витрины. Всполохи охотничьего азарта в магазине тканей: «Смотри, дерюжка!» – ее пальцы летят над рядами цветных валиков. Листает образцы в файликах: бахрома, кружево, тесьма… Шифон? Ситец, вискоза… Италия? Подкладывает руку, смотрит на свет. Шелк, бархат-стрейч, органза – диковинные названия кружатся над Сашей, как яркие бабочки. «А пуховые денежки еще остались?» («распушила» свои, и попробуй не дай!) «Саш, там такая ткань… нежная, как грудка у птички!»

Сколько всего она пыталась рассказать ему на ходу, на лету, где-то между магазином и передавая чашку, стремительно входя в комнату, начиная жестикулировать. Она не могла спокойно смотреть, если актриса «не попадала» в роль: «Душа ходит босиком! Она чувствует все камешки, все осколки! А эта – как на пляж в шлепках! Да она же носорог!» Если начинали говорить о Пушкине, о Шекспире, Таня взрывалась новым фейерверком наблюдений, и, следуя за мыслью, взлетала ее тонкая рука: «Поэзия – это балет образов. Слова – лишь пуанты! Это ради того, что вообще невыразимо. Ты слушаешь? Дай мне соль. Главное продолжается сердцем». Все слова у нее обретали суффиксы, в результате чего являлись на свет слова вроде «занудушка» или «заразушка».

…Возмущенная ругань, когда она проходит по коридору в одних колготках. Показывает красное пятно на плече: «комариный гад произвел укушение». Укатился браслет – полезла доставать, стоит, изогнувшись, в какой-то немыслимой позе. «Таня, что ты делаешь?» – «Я крабик». Их ставшие более краткими любовные встречи она зовет «радости впопыхах».

...Прозвенела смс-ка и Саша очнулся: «*Пап, как дела? У нас собрание в четверг в 17.00 Сможешь? Пробую делать «мельницу». Набил синяков, не пугайся*». Конечно, он придет. Ведь это первое родительское собрание! Набирая ответ, Саша прошел в комнату и чуть не выронил телефон. У открытой полки шкафа, взяв рамку с фотографией, стояла Таня.

- Господи, – выдохнул он, – я не слышал, как... ты когда пришла? Ты только заметила? Это они напечатали. Отличная фотография…

Таня аккуратно поставила рамку обратно. Опустила голову. Сразу ясно: не в духе. Светлые волосы уложены в красивый валик, у висков притихли завитки. Наверное, озвучивала какую-нибудь биографическую драму.

- Так, – стал он растирать ей плечо, – чего это ты у нас в таких настроениях? Сейчас мы тебя исцелим, – усадив ее в кухне, он достал прозрачную коробочку. – М? Налетай! А в четверг я иду на родительское…

- Саш… – она вяло махнула рукой, словно разгоняя дым.

Он достал букет и провел чашечками роз по ее шее. Таня с тоской закрыла глаза. Саша обнял ее. Но она устало поднялась и пошла в спальню. Полный тревоги, Саша остался один в солнечной кухне. У нее сегодня прямо какая-то черная меланхолия! А ведь они сегодня одни.

Вернулись из школы дети. А Таня взяла сумочку и куда-то ушла. «Сейчас спустит все деньги, а мы еще за квартиру не платили!» Раньше Таня тратила на себя почти весь свой заработок, и даже на это Саша соглашался. Он совмещал в редакции две должности, и на его зарплату они могли жить. Но теперь они платили не только за воздушную гимнастику, но и за спортивный клуб. Большие деньги были потрачены на одежду детей и школьные сборы.

- Все хорошо? – спросил Саша, пока Антон убирал со стола.

- Отлично! – мальчик засучивал рукава, собираясь мыть посуду. На локте красовался огромный синяк. – Ты сможешь? – взгляд сине-зеленых глаз, видных снизу.

- Конечно, – улыбнулся Саша, – здорово ты…

- А, упал неправильно, – светлые вихры мелькнули мимо. Антон надевал передник. – Ничего. Такой опыт тоже нужен. А где мама?

- Ушла в магазин.

- Я бы сходил! (глаза, полные возмущения, за отобранный шанс помочь).

Саша ждал Таню – румяную, с секретным пакетом, таящим сокровище и безумными глазами, но вернулась она поздно, без пакета и пошла в спальню:

- У нас лайм есть? – присела она на кровать, снимая черное болеро. – Голова болит адски. (Из комнаты донеслись голоса). Что они делают?

- Альбом смотрят, – Саша взял у Тани болеро, вешая на плечики.

- Какой альбом… – морщась, пробормотала Таня, ее пальцы подлетели ко лбу. И не успел Саша ответить ей, она вышла из комнаты.

- …это когда она меня еще не родила, – входя, услышала Таня. Дети сидели на диване с раскрытым альбомом. – Привет, мам! Как озвучка?

- Что смотрите? – нагнулась она, и увидела свое старое фото, черно-белое, в самый ужасный период жизни. – Какая неудачная! – она хотела вынуть снимок, но дети протестующее зашумели. – Да, – вдруг будто вспомнила она, и, достав из сумочки кошелек, вынула несколько купюр. – Это вам.

- Мы богатые! – помахала денежкой Алина входящему отцу.

Саша все меньше понимал, что происходит.

- Я за лаймом, – сообщил он.

- Нет! Я! – тут же вскочил Антон и собрался за минуту.

- Уберите эту фотографию, – услышал Саша, входя в спальню.

Таня сидела на кровати, подобрав ноги, забившись в угол. Ее глаза смотрели из полутьмы прищурено, как у больного животного. За окном было темно, в комнате горела только лампа перед тремя ее зеркалами, и их блеск добавлял в картину свое жутковатое свидетельство.

- Но они же только ее поставили.

- Не эту… – Таня нагнулась, коснувшись лбом подтянутых коленей, и тут же подняла незрячие глаза. – Умчался?

Саша закрыл дверь и присел на кровать:

- Таня, что с тобой происходит? Ты меня извела уже.

- Скажи, Бог есть?

- Есть, Таня. Бог есть. И я думаю…

- А правда, что дети расплачиваются за грехи родителей до седьмого колена?

- Ты озвучивала фильм про детей?

- То есть… – мысленно посчитала она, – больше ста лет.

- С тех пор пришел Христос, и…

- А Бог знает, что сто лет – это долго?

- Таня, что за меланхолия!

- Я проклята.

- Так, – встал Саша, – Бог прощал даже раскаявшегося убийцу, так что, на какое бы платье ты ни потратилась…

Таня посмотрела на него и вдруг удивленно улыбнулась:

- Господи, Сашечка, – и, погладив его, перевернулась на живот и попросила неожиданно теплым голосом. – Вынь мне шпильки.

- Ну наконец-то, – подсел к ней Саша, и от сердца у него отлегло. – А то какие-то проклятья…

- Наш семейный бюджет цел, – примятая к подушке, смеялась она.

Раздался звон ключей, и юный голос сообщил: «Лайм! Кому лайм!»

Таня приняла их заботу, пила чай, ела пирожное. «Опять вспоминала отца, – смотрел на нее Саша. – Какая ей там фотография не понравилась?»

Когда ложились, Таня зашла к комнату к Толе и неожиданно наткнулась на Антона. Он стоял с раскрытым альбомом и смотрел на то самое фото.

- Хватит меня разглядывать! – вырвала она альбом, резко захлопнув его. Антон замер. – Уйди, – тихо приказала она, прижав альбом к себе.

Антон вышел, аккуратно закрыв за собой дверь. А Тане хотелось раскричаться! Раскрыла альбом, долго смотрела. Вынула фотографию и, открыв шкаф, бросила в коробку со своими детскими. Подошла к воробью:

- Спи. Ты в клетке, и я в клетке. Ты прыгаешь, и я прыгаю. И убежать нельзя. Все же нас так любят… – Таня открыла форточку. Занавеска приподнялась от воздушной волны, и Таня склонила голову. Тонкая материя беззвучно коснулась ее лба. – Мы оба пойманы.

Такое ощущение бывает, когда по руке ползет жучок. Он крошечен, но ты *чувствуешь*. А если знать, что жучок ядовит...

Это усиливалось. В его смехе, в его улыбке. Господи, если Ты измыслил мне кару – Твое наказание самое страшное из всех!

Вечером подошла Алина и обняла.

- Что, моя хорошая? – нагнулась Таня, и ей сразу стало легче.

- Ничего… просто, – девочка смотрела на нее карими глазами, которые все еще считали ее всемогущей, – я тебя люблю.

- А я тебя, – присела Таня, поправляя ее темные волосы, и так крепко прижала к себе, что Алина издала тонкий радостный звук, который Таня называла «иголочкой счастья». – Все, беги, – поднялась она, но Алина все смотрела. Таня знала, девочке нравится ее шелковый халат. – Будешь хорошо учиться, тоже тебе такой сошью, – пообещала она, и, взяв прядь дочкиных волос, пощекотала ей нос. – Кто не спит? Кто глаза вылупил?

Алина улыбнулась и побежала в комнату. Таня услышала, как она со всей силы бухнулась на кровать. Вошла следом за ней в темную комнату.

- Спи, моя астрочка, – склонилась она к дочери, – а то твои феи уже уперли руки в боки: они принесли тебе сны, а ты все не закрываешь глазки.

- Сейчас усну, – пообещала Алина, – твои феи тоже уперли руки в боки.

- Нет, – улыбнулась Таня, – мои спят давно, я их сама заколдовала.

- Тогда не буди, – посоветовала Алина, – а то во второй раз не уснут.

Таня поцеловала ее и вышла, закрыв дверь.

«А меня не поцеловала!» – подумал Антон, лежа рядом в своей кровати.

Проходя через темный коридор, Таня не испытала облегчения. Обернувшись, она еще какую-то секунду стояла, колеблясь… Вошла в спальню, улыбнулась Саше улыбкой, о которой нельзя было знать никому. Развязала поясок… Легкая ткань, как птица слетела с ее плеч. В темноте его сильные руки обняли ее. Но даже там, в шуме своего безумства, Таня чувствовала причиненную ею боль.

- Белов, *стой*! – раздалось посреди школьного коридора.

Антон замер и, обернувшись, увидел, как учительница загоняет в класс расшалившегося ученика. …Прошиб пот. Будто время повернулось вспять!

Подошел к подоконнику, и, вцепившись в него, долго смотрел в окно.

Жар в груди заливал сердце, ладони вспотели.

Больше часа затихала в нем, дрожа, задетая струна.

Глава 17

Таня собиралась на встречу с новым учеником. Ее класс пополнялся. Будет чуть больше денег. Разве они станут актерами? А ведь каждый мечтает об «Оскаре». Она тоже мечтала… до сих пор. И почти презирала себя за это.

Таня сидела перед зеркальным трюмо. Кто была эта женщина? Почему она до сих пор здесь! …Протянула руку. Таня из зеркала, тоже протянула к ней руку, изучая. Ее часто сравнивали с молодой Одри Хепберн, Габриэль Анвар, и хотя сходство было, Таня не была чьей-то копией. Она была Татьяной Толлейн. Но никто не знал об этом.

…Идти на встречу. Предлагать программу. Улыбаться. *Не хочу*. *Не хочу!!!*

Таня разложила косметику и начала краситься. Макияж вышел отлично.

Зеркальная Таня подняла глаза и улыбнулась.

Им нужно только это – они не видят правды. Слепцы!

Мне всегда было интересно смотреть, как мама красится. Выглядело это, как волшебство. Кисточки, пуховки, подводки… Когда она не очень торопилась, то рассказывала нам с Антоном что и зачем делает, отпуская при этом комментарии, вроде: «Если так подвести глаз – он может вывалиться» «нельзя обвалить щеку». Но сегодня она вдруг предложила накрасить меня – ее встречу перенесли, и она сообщила, что мне пора узнать, что такое макияж. …Сердце замерло. Она усадила меня на свое место перед зеркалами и, заслонив отражение, принялась за дело. Антон наблюдал, затаив дух. Я поднимала и опускала глаза, втягивала щеки, косила в сторону губы… Антон начал смеяться, а я нервничать. Когда я выразила надежду, что уже достаточно, для мамы уже все превратилось в игру. И когда она отошла…

Это была не я!!! С ярко подведенными глазами, ресницами.

Не желая разгребать последствия, мама упорхнула на свою встречу, а я бросилась смывать весь этот кошмар. Я выглядела, как какой-то мертвяк в фильме ужасов – глаза превратились в темные пятна, губы смазались, брови тоже… Чтобы я еще хоть раз! Антон стоял в дверях ванной:

- Ну – удовлетворила любопытство?

Я посмотрела на брата. Тушь черными ручьями текла вниз.

- Знаешь, – оглядывал он, – вот тут похоже на жуткую угревую сыпь. Стой, – наконец решил он мне помочь, – водой не выйдет.

То и дело опрокидывая на ватный диск жидкость для снятия макияжа, он работал с моим лицом, как художник, делая точные аккуратные мазки. Я закрыла глаза и блаженствовала. Процесс снятия макияжа нравился мне куда больше! В какой-то момент ватка перестала касаться моего лица. Я ждала.

- Всё-о… – шепнул Антон.

Я была уверена, что нет. Он макнул меня ваткой по носу:

- Правда – все.

Какое разочарование! Я открыла глаза. О, наконец-то я!

В раковине валялась дюжина испачканных тушью ваток.

И все это было на моем лице???

- Могу тебя еще раз накрасить, – как бы невзначай предложил Антон, но я была настроена иначе. Он продолжал смотреть на меня, а его улыбка коварно расползалась все шире…

- Нет!.. – испугалась я.

- Да! – вспыхнули его глаза. И, хлопнув по выключателю, потащил меня обратно к трюмо. Оно стояло перед нами, прекрасное и безразличное. Священное. Осквернение священных мест…

- Антон, ты еретик.

Но его руки уже хозяйничали в маминых косметичках.

- Музыка! – спохватился он и мелькнул мимо. – Созвать оркестр!

…да он еще опасней мамы! Не прошло и минуты, как дом гремел. Антон врубил Майкла Джексона, и, двигаясь в такт, раскладывал на столе кисти и румяна, делая то изящный разворот, то выпад – и снова продолжал свое бесчинство. Раздался протестующий перестук дорогих флакончиков, карандаши покатились по полированному столику, драгоценности были вынуты из ларцов, как прекрасные внутренности. И это всюду успевающий Антон?.. Мы нарушали незыблемые правила дома!

Я разложила карандаши и тени по цветам, и мы отдали дань дикому ухарству наших предков. Писали на руках целые послания, можно сказать, полотна, потом смывали все в ванной, и поскольку в голову приходили новые идеи, – шли творить снова. Помадой рисовали на зеркалах сердечки и смайлики. На центральном написали «Привет, мама!» (верх кощунства, учитывая, во что мы превратили ее голливудский уголок).

Сначала все выглядело страшным варварством, но когда повсюду воцарился хаос, мы вошли во вкус по-настоящему. Можно было веселиться, не думая о мере счастья – просто идешь и берешь все чистоганом! Антон совсем разошелся и совершил покушение на мамин шкаф, выгрузил на родительскую кровать ее шляпки, шарфы и накидки. Он наряжал меня во все это, создавая немыслимые сочетания, превращая юбки в плащи, бусы в короны, набивая мне грудь шарфами, попутно обсмеивая девочек из моего класса. Схватил фотоаппарат и устроил мне фотосессию, то и дело вставляя перлы вроде: «так, с душой, плечо вниз… бедро осталось на месте. Грудь рельефней!» Заложив карандаш за ухо, он надел мамин сверкающий жакет…

…и вдруг мы увидели маму. Вернее – ее побелевшее лицо. Из-за музыки мы не слышали, когда она вошла. (Интересно, она здесь давно?) Мы замерли в своих нарядах, Майкл Джексон как раз издавал свои самые сексуальные гортанные звуки, а мама смотрела на раскатившуюся косметику, раскрытые тюбики тональных кремов… Перевела ошарашенный взгляд на кровать, где громоздилась пестрая свалка из ее одежды… Антон скорей нажал stop, музыка оборвалась, и мы оказались в полной тишине без поддержки поп-короля. Лиловая гирлянда из окрашенных перьев свешивалась с моей чалмы, одно перышко прилипло к накрашенной губе и никак не хотело быстренько сдуваться. Мы стояли, созерцая мамин столбняк, и понимали, что сейчас нас порвут в клочья (в мелкие).

- Мам… – глотая смех, Антон жестом кутюрье поправил на мне гирлянду, и лиловое перышко плавно полетело вниз. – Как прошла твоя встреча?

Мама не ответила.

- Здравствуй мама! – громко сказала я, чтобы не расхохотаться. И тут мы взорвались. «Прости, мам», – умирали мы, хватаясь друг за друга.

- Мило, – сказала мама. Губы ее подергивались.

Мы были наказаны всеми карами. Нам было сказано, что мы варвары, лентяи и заевшиеся барчуки. Она указала на поруганные тюбики. В мгновение ока мы были лишены телевизора, магнитолы, плейера, сладкого и самое ужасное – похода в цирк. Она лишила бы нас и жизней, если бы в субботу их можно было бы вернуть. Она лютовала над разоренным гнездом, видя масштаб причиненного ущерба, а когда увидела, что кое-где косметикой заляпана и ее одежда – разнесла нас в пух и прах и погнала мыться.

Мы заперлись в ванной. Только посмотрим в зеркало – и снова в смех. Неудивительно, что у мамы перекосилось лицо – у нас был такой вид! Наконец, немного отдышавшись, мы принялись отмывать друг друга. (Где стоял флакон с очищающим лосьоном мы уже знали). К тому же, за нашу сессию один, уже початый, мы полностью извели, но на наше счастье остался второй. Приятный такой, душистый, и смывал все сразу.

Сначала Антон снял с меня свои рисунки. На моей руке черным карандашом были нарисованы первобытные птички, которые бежали по руке в сторону ладони, где был лужок – там росла зеленая трава (пригодился мамин карандаш для век), а на подушечках пальцев были «семечки» – черные жирные точки – птички бежали к ним. (Я, наверное, заляпала ими пару маминых блузок…) Жаль было смывать такую красоту. Мама не оценила, а я вот теперь знала, что Антон прирожденный художник. Но ничего, фотографии-то остались, будем смотреть тайком за тремя замками.

Потом я занялась Антоном. На его правой руке я подписала все планеты солнечной системы. Вокруг его левой руки вилась цветущая лиана (мамины помады создали такую игру оттенков!) А еще я накрасила ему блестками брови и губы, отчего он стал похож на пришельца. …Отмывать оказалось труднее, чем рисовать, и очищающего лосьона ушло, прямо скажем, многовато. (Первый флакон мы догадались сразу выбросить). Сквозь дверь мы слышали, как мама ругается, находя очередной незакрытый тюбик.

- Плохо, что смеялись, – сказала я, стирая блестки в брови Антона.

- Знаешь, почему заработал вулкан Везувий? – спросил он, и в глазах его витал хмель веселья. – Он не сдержался.

Мы посмотрели друг на друга и треснули...

- Нет, они еще там смеются! – донесся до нас возмущенный возглас.

Из ванной мы вышли чистые и светлые, неся полные пригоршни черно-красно-буро-зеленых ваток. С молчаливой торжественностью мы прошествовали мимо потрясенной мамы в кухню, неся дары мусорному ведру. А она метнулась в ванную, схватила бутылочку… так и есть: бутылочка дорогущего очищающего лосьона была предательски легка!

- Да вы просто звери! ‘Да… – она не находила слов. (А обычно она их всегда находила). – А второй где?..

…Знаете это чувство внутри живота, когда понимаешь, что всё?

Больше она с нами не разговаривала. Когда к 11-ти домой вернулся папа, в воздухе витали шаровые молнии маминого гнева, а он не знал, как они распределены в пространстве.

- Антон? Аля? – заглянул он к нам. (Аля, как образцовая школьница чертила в тетради, а Антон постигал алгебру). Таня? – заглянул он в коридор.

Свет в кухне был погашен. В доме стояла тишина. Он вошел к нам. Я молча показала ему ребром ладони поперек шеи и сделала страшное лицо. Мы устремили на него ожидающие взгляды.

- Что отбить? – привычным тоном поинтересовался он.

- Цирк! – произнесла я одними губами.

Он набрал в грудь воздуха и пошел к маме. Она специально оставила все как есть. Сначала было тихо, а потом раздался папин хохот.

- Не сдержался, – констатировала я Антону.

- Сейчас будет извержение, – перевернул он страницу.

Мама разразилась возмущенной тирадой. Она была уязвлена в самое сердце! Если до этого времени она еще и ждала, что ей посочувствуют, то теперь мы поняли, что о цирке можно забыть. Папа тоже будет наказан. Словно отозвавшись на крики в спальне, Толя, до сих пор сидевший тихо, вдруг разразился оглушительной бранью, видимо, переводя мамины вопли на свой язык. Голоса родителей стали громче, мы скорее приняли вид мучеников, дверь открылась, и мама ворвалась следом за папой:

- Ты так думаешь, да? (Когда мама была в ярости, она была похожа на маленькую птичку с глазами коршуна, и это было очень смешно). К твоему сведению это были *мои* вещи, *моя* косметика, и все это было на своем месте, чистое! Дорогущий французский лосьон! Всего две капли осталось! И второй угробили, звери. Это ж как надо было изрисоваться, во сколько слоев! За один день убить два флакона. Понимаю, тебе слишком смешно.

- Мне не смешно, – отворачивался папа, но голос предавал его.

- Эти дикари…

- Ну поиграли, – пытался съесть свой смех папа, – все играют в индейцев.

- Я бы с удовольствием сняла с них скальп! – смотрела на нас мама.

- Дети, ваша мама в кровожадном настроении, – предупредил папа.

Мы совсем прижались к учебникам, но все было видно…

- О! Какое веселье тут у нас! – подошла она. – И ты еще хотел детей! Теперь их двое – по флакону на рыльце!

Мы легли…

- Таня, брось, давайте лучше в субботу все сходим в цирк…

- Никакого цирка! – отрезала мама. Она вдруг вспомнила, что мы тоже уязвимы, и в ее глазах появился хищный блеск. Теперь она разила направо и

налево и была великолепна. Светлые завитушки грозно трепыхались у висков, а глаза сверлили нас, предателей.

- Таня, они же растут, много энергии…

- Много энергии? – подхватила мама. – Отлично: значит, завтра будут всю квартиру драить. И Лея у нас наконец-то научится стирать и гладить. Измазать мне всю одежду! Вы понимаете, как трудно отстирать тональник! – это был крик, взывающий к разуму.

- Чик-чик-чик-чик-ЧИК!!! – перевел Толя из своей комнаты.

- Ты права, – дипломатично согласился папа, скорее опуская глаза, – дети, нельзя же так, надо все-таки знать меру.

Мы виновато склонили головы, зажав губы зубами изнутри…

- Никаких «но»! Никакого цирка! И я еще хотела сводить их в кино! Просто… для вас это все шуточки, да? Это мой профессиональный рабочий инструмент! А ну я сейчас пойду рыться на ваших полках! А тебе, Антон, вообще должно быть стыдно! Такой лось уже, а… (В гневе маме отказывал ее киношный аристократизм, и она изъяснялась просто и доходчиво, как вся ее псковская родня). – А ты? Ты с ними заодно! – тут же досталось и папе, потому что у него был недостаточно виноватый вид.

- Таня, Таня, ты хуже неуправляемого вертолета! Я пришел, а у вас тут гладиаторские бои. А я еще не ужинал. С кем ты воюешь?

- Они должны знать, что можно, а что нельзя, – отвернулась мама, игнорируя попытку примирения, потому что это была первая попытка.

- Ну все, – обнял он ее за плечи, – уже подняла перышки.

- Чирик! – вякнул Толя из своей комнатки.

На лице мамы промелькнула улыбка, и гнев ее выдохся.

- Кстати, я купил булочки со сливками, – добавил папа, уводя ее в кухню.

- Им не дадим, – обиженно жаловалась мама.

- Ни за что, – удалялись они.

Мы посмотрели друг на друга: кажется, все сошло нам с рук!

Мама сидела в кухне с чашечкой чая и перед ней стояла коробка с миниатюрными булочками. Ванилин и корица – эти запахи исцелят кого угодно. Родители поели и ушли к себе. Было слышно, как мама собирает косметику и чертыхается. Папа, видимо, помогал ей, потому что до нас то и дело долетало: «Подожди, далеко укатился». Через какое-то время он заглянул к нам. Его глаза весело блестели за круглыми стеклами очков:

- Эй, узники! Бросайте все! Там пельмени и пара булочек (он перешел на самый тихий шепот) в белой бумаге, где специи…

- А цирк? – умоляюще подняла я брови.

- Я работаю. Там как после взрыва, – он глотнул смех и снова скрылся.

Когда мы легли, он зашел к нам и сказал, что хотя цирк категорически воспрещен, мама милостиво согласилась заменить его на пиццерию.

…После того, как мы отдраили кафель в ванной, мама велела разморозить холодильник, а сама отправилась за новым лосьоном. Впрочем, мы знали, что она заодно купит себе под шумок и гору новой косметики.

Мы вынимали продукты и расставляли их на столе по группам, представляя, что это наши полк*и*. Под моим началом оказались зеленый горох, кукуруза, ароматическая свечка (а это откуда???) шпроты и консервированный ананас. Антон командовал кочешками капусты, свеклой, морковью и кастрюльками. Яйца были общим стратегическим запасом, правда, мы кокнули одно (но оно просто стояло неудачно). Играла магнитола, («запрещенная», она была в сто раз круче!) Мы топили льдинки в раковине, один кусочек я успела запихать Антону за шиворот, после чего он гонялся за мной по всей квартире, желая отомстить, а я, сбивая все на своем пути, неслась по квартире с диким ором, кидаясь в него вещами.

Протирали решетчатые полки. Антон сделал музыку громче и, схватив одну из решеток, «ударил по струнам». Я схватила вторую, поставила вертикально и пробежала пальцами «по струнам арфы». Антон положил свою на колени и «заиграл» на пианино. Мы музицировали, пока не пришла мама и не погнала нас за картошкой. Мы купили не ту, и она сказала, что… (ладно, пропустим). Правда мы заметили пакет «Рив Гош» у нее на кровати, и поняли, что ругается она больше для вида, и цирк не потерян окончательно.

…Ночью Антон пронзительно закричал. Я бросилась к нему.

- Прости, что, опять? – потер он сонный глаз.

К нам вбежал папа и включил свет.

- Все в порядке, – сразу сказал Антон, – мама проснулась?

- Это у многих бывает, – присел рядом папа, – иногда трудно объяснить почему. Мне вот в юности часто снилось метро и до жути пугало.

- Метро? – невольно удивились мы.

- Да. Эскалаторы. Как они движутся почти в полной темноте, я держусь за поручень, и вдруг эскалатор начинает выгибаться, крениться куда-то вниз, в черноту… ужас! А потом прошло, – папа улыбнулся нам. – Не надо бояться. Как мы прячем особо ценные вещи в коробочки, наше сознание прячет в снах важные переживания. Но всегда зашифровывает их, чтобы кто угодно не мог ими воспользоваться. Страх высоты прячет в упавший самолет, одиночество – в зеркало без отражений. Чем важнее тайна, тем выше уровень кодировки. Именно поэтому самые обычные вещи могут так напугать во сне. Ты помнишь, что тебе снилось? – обнял он Антона, но тот покачал головой. – Ничего. Это пройдет. Хотите, идите, попейте чай.

Когда он ушел, я сразу набросилась:

- Ты же помнишь!

- Метро, – улыбался он. – Как думаешь, что значит эскалатор?

- Не увиливай!

Антон вздохнул, и лицо его снова стало серьезным:

- Я вижу женщину во льду. Как будто королева на троне, и ее видно через лед… и это мама. Она хочет пошевелиться и не может, я начинаю согревать лед дыханием, руками, потом беру какой-то лом, начинаю отбивать, а она разлетается на куски вместе со льдом, и даже не может закричать, что я делаю ей больно. И вдруг она от этой боли становится горячей водой, и я начинаю тонуть, захлебываться в ней и…

- …кричишь?

- И такой ужас, что я в этой воде… как бы в маме растаявшей... в ее боли. Лучше бы ее не трогать, так она хоть жива была.

Мне самой стало не по себе, и я скорей обняла его:

- Она настоящая и живая… ну и коробочки там у тебя!

Лежала и думала: надо же, папе, оказывается, снилось метро (это же смешно!) И что за ледяная королева? Я хотела еще спросить, но вдруг увидела, что Антон спит. Его лицо было спокойно. И странно было думать, что под этой безмятежностью скрыт кошмар.

Глава 18

Так вышло, что Таня вернулась домой рано – из-за болезни режиссера отменили дубляж, из-за проблем с электричеством – студию. Ни детей, ни Саши. Войдя в комнату, сразу увидела рамку с семейной фотографией. Взяла, и, вбившись спиной в шкаф, долго смотрела. Даже Дориан Грей не всматривался в свой портрет с таким ужасом, с каким она снова и снова всматривалась в лицо Антона. Прошла к учебному столу, стала перебирать его книги. Форзац учебника аккуратно надписан: *Чирик-Толлейн Антон, 8 Б*.

Конспекты… Ее пальцы проводили по исписанным страницам, которые чуть шуршали, когда она их переворачивала. Стремительный почерк, нетерпеливый, с восклицающими кончиками букв: *сочинение на конкурс. Тема – двойственность. Успеть!!!* Амбиции зашкаливают. *Подготовить доклад на ОБЖ. Эпилепсия. Викторина по французскому. «Случай с домашним животным» Я ведущий, вопросы, шутки.* Ему мало вопросов, ему еще и шутки нужны! Таня невольно усмехнулась. У нее теперь есть сын.

Вчера сидел над физической картой мира.

- Знаешь, никто в студии не верит, что ты приемный, – призналась она, заходя полить цветы, – говорят, мы так похожи… Ты мне подражаешь? – осторожно спросила она, отводя листик растения. – Когда на кого-то долго смотришь, он начинает прорастать в тебе. Но какой толк быть копией?

- Если ты будешь играть в фильме, я смогу играть твоего сына.

Таня бессильно улыбнулась и покачала головой:

- То, какой ты на самом деле – гораздо важнее. Оригинал важнее копии.

- А нам на архитектуре говорили, что лишь благодаря римским копиям мы знаем, какими были греческие оригиналы.

Черт. Всего 12-ть, а уже такой умный!

- Да, но это в том случае, если утерян оригинал…

- А я тебя про запас скопировал, – улыбнулся Антон и вдруг признался. – Я рад, что похож... Будто я и правда твой.

- Конечно! – подлетела она. – Конечно, мой!

Случайное сходство помогало ему ощутить родство. Едва Таня получила объяснение, ей словно отпустили грехи. Она не сознавала: для того, чтобы принять Антона, расстояние между ними должно было быть огромно.

…Таня отошла от учебного стола, присела у цветочного столика и развела дверцы нижней полки. Тут он наверняка припрятал что-нибудь свое! (Она никогда не рылась в чужих вещах, но в этот раз решила узнать побольше). Маленький леопард охраняет книги. Перебирая тетради, Таня заметила, что на полях Антон иногда делает рисунки. Острые, как осколки, треугольнички соединялись пунктирами через углы, отчего получалась занятная «паутинка». Листочек с выписками. Ого! Список изречений! Как похоже на нее!

«*Это что еще за кувырок природы!*» (…довольно странные)

«*Если ты мальчик, это еще не значит, что это оправдание!*»

«*Иногда твое владение ситуацией вытрясает из меня последние кости!*» (ЧТО?) *«Нельзя уходить в себя, потому что уходишь в интернет»*

Точно! Кто это сказал?

«пока они говорили о философии, я купила их туфли».

Таня уставилась на лист и вдруг прочла: «*Обобрали вороненка!*» Это… ее перлы? Он записывает за ней!? Таня с улыбкой побежала дальше: «*Это был салат-непроходимец*» Это она когда сказала? Она не помнила ничего, кроме «вороненка», и была удивлена тем, что вообще так плохо помнит, что говорит. Ну она и подарочек! Зачем ему вся эта ерунда? Как занятно.

В небольшой прозрачной папке нашла домашние записки. Как трогательно, он хранит их! Лея написала, нет, вы смотрите: «*Целую!*» Саша… так, тут все по делу, а доброты – стекает с каждой буквы. Таня вздохнула. У нее не сохранилось записок от мамы и папы. Единственное, что она помнила – слова бабушки на форзаце «Алых парусов». Аккуратно возвращая все на место, заметила что-то блестящее. Ее старая косметичка! Она же выбросила. Открыла – ничего. Схватив листочек, написала записку и спрятала. Улыбка играла на ее губах. «*Тихие убийцы*» зацепились глаза. Ооо! …а вот это интересно. Вытащила черную книгу. На обложке треугольник с черепом:

Питер Макиннис. Тихие убийцы. Всемирная история ядов и отравителей

…ядов? Зачем Антону такая книга? Раскрыла. Знаменитые случаи с отравлениями. (Он бы еще про черную магию притащил!) Вдруг вспыхнуло:

«*склонен к внезапной агрессии, погружается в фантазии, замкнут, наносит себе раны острыми предметами…*» Замкнут? Да он же душа компании!

…Мороз снова обежал голову… а что если все это лишь видимость?

Наблюдения мгновенно сложились в другую цепочку: фразы собрал, косметичку вытащил, ее фильм смотрел годами… Поймал воробья, весь город прошел, нашел парадную, нашел квартиру…

За всем этим стоит не по-детски четко продуманный план!

Умный мальчик в интернате? Шизофрения? Гениальность на гране безумия? Опекуны отказались от него, несмотря на ум и красоту…

П о ч е м у?

В книге мелькнула закладка, и Таня невольно задержала вдох.

«*Цикута… пена изо рта, судороги, быстрый паралич*» Резко захлопнула книгу и, выдохнув, несколько минут сидела, глядя перед собой. Так: у кого шизофрения, у него или у нее? Кто роется в его вещах? Кто читает его записи? Решительно поставив книгу на место, Таня увидела прижавшийся у стенки фотоальбом. Первое же фото – счастливая улыбка Антона, почти засвеченного утренним солнцем в сентябрьский день, и она рядом с ним у школы. …перелистнула страницу. Дзюдо. Уже сфотографировался кое с кем из ребят. …Да нет, он совершенно нормальный ребенок.

Таня успокоилась. Какой у них там зал большой. Мальчишки в кимоно. Но он смотрится лучше всех. …Алина за учебным столом. А согнулась-то! Где же наша осанка, мисс воздушная гимнастка? Алина на выступлении – вот тут все в норме. О! В школе с классом! Таня изучала лица ребят. А девчонки ничего. Тут он в центре, улыбка блещет. И опять самый красивый, – не без удовольствия заключила она. Алина. Это упрямое выражение портит ей просто все. Ну почему она такая… ведь родная! И Таня в который раз ощутила досаду оттого, что у нее, такой красивой, – такая обычная дочь. Да, карие глаза, подбородочек, но… Антон куда больше похож на ее ребенка!

…Мысли сорвались, как с обрыва. Перед глазами затуманился снимок, на котором Антон оборачивался в кадр. Не выпуская альбома, Таня прошла в комнату к Толе, достала коробку со своими детскими фотографиями и высыпала их на тахту. Вот ее фотография в 12-ть лет. Поставила два снимка рядом. И страх, как черный дым, заполз в душу... Наконец, захотелось просто закричать: последней в альбоме Антона стояла ее черно-белая фотография. Та самая, которую она убрала. Мысли Тани остановились. И обернувшийся с фотографии Антон посмотрел на нее совершенно живыми глазами.

Она-то думала, что тайком подсмотрит в его мир, а он уже давно обшарил ее собственный! Таня в отчаянии смотрела на снимок…

Ох, она и вздует его сегодня! …И обнаружит себя?

Она вернула альбом на место и аккуратно сомкнула дверцы учебной полочки. Этого парня стоило бояться. Потому что у него тоже была какая-то тайна. А Таня знала, какими безжалостными бывают красивые люди.

- Угадай, почему люди чокаются, когда пьют? – вошел в спальню Саша, держа какие-то листки. Таня рассеянно посмотрела на него и снова сконцентрировала внимание на правой брови – она собиралась на встречу. – «*Древний обычай чокаться, чтобы вино выплескивалось из одного кубка в другой, служил тому, чтобы показать, что в вине нет яда*» – прочел Саша и положил перед ней листки. – Его сочинение. Какая тема! «Двойственность: яд в душе и яд в склянке». И список литературы! Это все от моих статей. Хотел бы я тут пару вещей почитать. Вот: «Тихие убийцы»…

- Я идиотка, – тихо пробормотала Таня и снова занялась бровью. – Он решил там всех убить своим интеллектом?

- Тут про Сократа, который выпил сок цикуты, и про Сальери, который у Пушкина Моцарта отравил… даже Дориан Грей!

- Это все ты! – кивнула на него карандашом Таня. – Им рано еще. Там Бэзила кислотой сжигают, это что – сказка?

- Я просто привел в пример идею с портретом. Он узнал, что сочинения пойдут на конкурс и написал, хотя не был участником.

- Он выиграет, – Таня потянулась за тушью, и ее взгляд зацепился за строки: «*красота Дориана, которая сначала восхищает, позже начинает пугать, потому что такой ход вещей неестественен*». «Неестественен»! Только мужчина мог завернуть такую фразу! «*Ведь какой бы он не был красивый, зло отражается на лице, и если провести смысловую диоганаль…*» Таня подняла брови, узнав свою фразу. – Тут ошибки, – указала она. – Надо «ни» вот здесь: «ни был красивый» и «диагональ», конечно. Неуч. Это он у меня в студии нахватался. …Дашь почитать?

Но в этот момент раздался звон ключей. Антон вернулся с тренировки. Пока он принимал душ, Саша вернул сочинение на место, аккуратно поправив ошибки карандашом.

А Таня подняла глаза и встретила взгляд своего зеркального двойника:

«Зло отражается на лице? Как бы не так, милый».

Антон открыл альбом. Вместо черно-белой фотографии ударила в глаза цветная: мама летом на набережной, улыбается и машет ему рукой.

Она была здесь!!! Похолодел. Открыл косметичку. Сердце остановилось: белеет кусочек бумаги. «*Я просто хотела посмотреть, как ты устроился. Уууууу, сколько у нас секретов! Я спряталась в один из них – найдешь? ☺ Мама*». Под надписью было нарисовано яблоко, из-за которого с одной стороны выглядывала хитрыми глазами гусеница. Антон выдохнул и улыбнулся. Не сердится! На втором рисунке было только яблоко, но сверху стояла указывающая стрелочка: «*я все равно тут*». Антон улыбался – мама нарисовала ему целый комикс! На

третьем рисунке из-за яблока торчали только усики-антенны… На последнем – объевшаяся гусеница, пузатая на все «сектора» своего тельца, лежала среди крошек, блаженно прикрыв глаза и сложив «ручки» на каждом из «животиков». Надпись под обжорой гласила: «*Я съела все твои тайны, дурачок*». «Не все…» – вздохнул Антон и переложил драгоценную записку в папку, решив оставить в косметичке ответ. Нарисовал корзину, полную яблок, рядом – одно укатившееся, и написал: «Не все». Тайная переписка! Может, и на фотографии написала? Да! «*Антон. Здесь я красивее. Не лазь больше туда. Дориан Грей*». Она читала его сочинение. Значит, можно кое-что рассказать!

«Не все». Хм…Что же в этом укатившемся яблоке?

Таня улыбалась. Саша говорил, что надо как-то расшевелить его насчет прошлого. Может, пора? Нарисовала любопытную гусеницу, из-за угла поглядывающую на яблоко, а сверху поставила стрелочки с «пузырями»: «А оно не отравлено?» «Его специально оставили!» «Так, я на диете». Положила записку в косметичку и затаилась. Трудно было не заметить, как светится в последнее время лицо Антона. Вернулся из школы – сразу к полке. Таня украдкой наблюдала. Он делал вид, что кладет учебники, но было слышно, как вжикнула молния. «Вот мы тебя и поймали!» – подумала она.

Уходя на тренировку, крепко обнял ее. И сияющими глазами сообщал, что ответ уже написан! …Едва скрылся за школой, полезла смотреть. На месте ее записки лежал листок. Ну нарисовал!.. На первом рисунке гусеница с опаской смотрела на укатившееся яблоко. На втором – ела его с набитыми щеками. На третьем ей становилось плохо, она заворачивалась в кокон, а вокруг падали листья и летел снег. Но вот из кокона появилась бабочка, села на корзину и машет Тане лапкой. «Странно…» – забыв улыбку на губах, смотрела Таня. Он неплохо рисует. Видит сюжет, видеоряд. И, нарисовав сбоку огромные глаза, написала: «*НУ И ЧТО ЭТО????*»

Теперь точно расколется!

Осторожно, Таня. Он твоей породы. Поймалась ты.

Попасть в такой фильм было ее мечтой. Интересная роль, историческая картина. Даже пробить анкету оказалось непросто. Соперницы имели на счету не один фильм, а ей разрешили участвовать только из-за внешних данных. Однако, Таня вцепилась в эту возможность и учила отрывок для проб. Эта была одна из ключевых сцен, где разоблачают героиню – на пол выпадает записка, выдающая ее вину. Сцена до сих пор была предметом споров и, хотя сценарист трудился денно и нощно, каждой претендентке предлагалось самой придумать, как найдется записка.

Пребывая в своих внутренних картинах, Таня то и дело заносила в блокнотик наблюдения. Уже продумала мимику, походку, интонации… В

костюме будут большие рукава. Таня решила, что записка будет в рукаве. Уже нашла у себя потрясающую розовую блузку с рукавами-парусами, с которой технически удалось провернуть момент «выпадания». Пусть, когда герой заходит, у героини порвутся бусы. Она приседает на пол, и вдруг – выпадает записка! Девушка поднимает глаза, бусины раскатываются, а он давит их сапогами, как символ хрупкости ее предприятия.

Репетируя, Таня вспомнила, что у нее полно порванных бус. Прошла в маленькую комнатку, открыла шкаф и полезла за кубышками. В последнее время она ничего не писала Антону, а он все украдкой обращал на нее глаза и будто чего-то ждал. Поэтому, увидев коробку со своими детскими фото, она решила проверить. Села на тахту. Так и есть! Среди черно-белых мелькнула цветная. Опять полез! Какой-то дом… Таня перевернула фотографию:

«*Это детский дом в Пскове, где я жил, пока тебя не было*».

…вскочила, отбросив, будто паук упал на лицо. Что за игры!..

Отступая, задела шкатулку с бусинами – и те брызнули под тахту.

Детский дом в Пскове… Казалось, вместо крови по ее жилам струится ужас. Таня заметила, что у нее мелко дрожат руки и отметила это для своей героини. Рассыпавшиеся бусины. Да. Их мелкий стук.

Растерянность и внезапный страх похожи на этот звук.

Глава 19

Мы играли и совсем разошлись. У мамы назавтра было прослушивание, она столько готовилась, подобрала себе образ. Нежно-розовая блузка с пышными рукавами висела на плечиках в нашей комнате, зацепленная за ручку шкафа. И тут случилось непоправимое. Спасаясь от меня, Антон не удержал равновесия и, падая, инстинктивно схватился за нее. Раздался треск, и мы оба застыли, глядя на оборванный лоскут в его руках.

- Лейка… – обесцветился его голос. Несколько секунд мы молчали. – У нее же бывает… запасная или… ты не помнишь, где она ее покупала?

Дрожащими руками пересмотрели святая святых – мамин шкаф, но ничего похожего не нашли. Мама вот-вот должна была прийти. Чего врать, мы оба тряслись, но главное – не знали, как все исправить! А она пришла такая вдохновленная, и первым же делом сообщила, что придумала потрясающий ход для своей героини, что… Она увидела наши лица, ее взгляд скользнул за наши спины, лицо побелело… она медленно подошла к шкафу.

- Это я, мам… – еле слышно признался Антон.

- Он не специально, – ожил во мне голос, – может, ее можно…

- Что вы тут делали? – мама держала оборванный край рукава. – Вы ее что – снимали? – тон ее пошел на взлет, а наши души прижались к земле.

- Мы играли, – заторопилась я, – мы ее даже не трогали… (Мама сняла вешалку и показала ее нам). Мы носились, – сбивалась я, во рту пересохло, таким ястребом смотрела на меня мама. – Антон поскользнулся и…

- Мам, прости… – не смел поднять глаза Антон.

- Спасибо, – тихо сказала мама. – Хорошо поиграли. Молодцы. В чем мне идти завтра! Убрать было нельзя? (Антон, покраснев, молчал). Лезешь, куда не надо! Провалил мне все завтра! – она с силой снова зацепила крючок за дверцу шкафа. – Нормально. Вам плевать, что… теперь прахом все, черт!

- Но если ты хорошо сыграешь, им же все равно будет, какая на тебе блузка, – взмолился Антон, – главное же талант!

- Замолчи! Никому нет дела до твоего таланта! И до тебя вообще, запомни! Главное, как ты выглядишь, на какой машине прикатил! Очнись! Думаешь, те семьи приходили за тобой, потому что ты талантливый? Черта-с два! Тебя выбирали, потому что ты красивый!

Антон побледнел, как смерть.

- А ты… ты тоже меня выбрала, потому что…

- Не я тебя выбрала, а ты меня! – пресекла она его, ходя по комнате. – Вы живете… в каком-то идеальном мире! Но вам все равно придется оттуда выйти! И разговоры о талантах можешь забыть сразу, Антон! Надо быть женой продюсера, тогда у тебя сразу найдутся и талант, и душа! Или дорисуют! Господи, что вы наделали!..

- Но, может…

- Да замолчи! – оборвала она его, не зная, что предпринять. – Где же мне найти такие рукава… – подлетели ее пальцы к вискам.

- А если ты…

- Антон, замолкни! – мама была уже в ярости.

- Не кричи на него! – вдруг не выдержала я, плохо понимая, что впервые бросаю маме вызов и вообще кричу на нее. Мама обернулась на меня в изумлении… и указала на дверь. – Не пойду! – закричала я, удерживаясь на месте. – Ни за что не пойду! – в каждое слово было вложено такое сопротивление, что мама на секунду потеряла дар речи.

Руки Антона опустились на мои плечи, как молчаливая благодарность.

- Так: вы оба, – быстро сказала она, и по моей спине волной прошел мороз. – Лея идет в кухню, а мы с тобой, Антон, поговорим. А потом Антон уйдет, и мы тоже с тобой поговорим.

- Он не виноват! – закричала я в тишине. – Это случайно! Он же…

- Антон, отпусти Лею, пожалуйста.

Руки Антона оставили мои плечи, но он стоял за моей спиной.

- Все равно не пойду, – тихо сказала я, обхватив себя руками.

Мама молча открыла дверь из комнаты и ждала. Мне было очень страшно, но я не двинулась. Мама подошла и, схватив меня за руку, потащила к двери:

- Немедленно! И не смей разговаривать со мной таким тоном!

- Не пойду! Ты не заставишь меня! – закричала я, упираясь.

- Мам!.. – попробовал остановить ее Антон.

- Ненавижу тебя! – вдруг закричала я, и она тут же отпустила мою руку. Я упала на пол и увидела ее лицо. Господи… как я могла сказать такое маме!

Она потрясенно посмотрела на меня, потом на Антона, молча кивнула, в глазах ее к нашему ужасу блеснули слезы и, ничего не сказав, она быстро вышла из комнаты, громко закрыв дверь.

- Нет! – закричал Антон. – Она не хотела! Мам! Она… Лейка! – обернулся он, но я не владела языком от страха. – Мам!!! – и, рванув дверь, бросился к ней. Но мама вдруг возникла перед ним, – в руках у нее была сумочка, – стремительно прошла мимо в прихожую и стала надевать сапоги. – *Нет!* – схватил ее Антон, но она вырвала руку, и быстро сняла с вешалки берет. – Мам, прошу… она не хотела! …ну что мне сделать!

- Я не хочу быть там, где меня ненавидят, – она застегивала пальто.

Сердце мое разбилось. Я подбежала к ним:

- Мам… мы же случайно… – заревела я.

- Случайная такая ненависть… – она рывком затянула кушак и повернулась к двери.

- Мама! – бросился к ней Антон.

- А ты хорошо тут ужился, – развернулась она, – моя дочь меня ненавидит. А когда тебя здесь не было, она меня любила. Счастливо оставаться, – сказала она, выталкиваясь на площадку, – я понимаю, что я вам уже практически не нужна. – И дверь с силой захлопнулась.

Мы услышали удаляющийся стук каблуков. Грохнула дверь на улицу…

Антон смотрел перед собой незрячими глазами, а я не могла двинуться. Такого у нас еще не было. И в эту минуту я, готовая на коленях просить у мамы прощения, действительно ее возненавидела!

Антон резко повернулся и пошел в комнату.

- Нет! – бросилась я, обхватив его руками. – Нет, это из-за меня!

- Она взяла меня из-за красоты.

- Нет!

- Ненавижу себя! Пусти! – срывал он мои руки, взял рюкзак.

Я приготовилась удерживать его силой. Но он достал книги, зажег лампу и сел, открыв учебник, сразу весь уйдя в чтение. Я была сражена. Этот поступок навсегда оставил в моей душе зарубку, как надо поступать в таких случаях. Не сказав ни слова, я погасила свет и тоже скорее села за уроки.

Мы остались одни в темной комнате, при свете двух ламп. И тишина. Огромная какая-то. Я открыла дневник. Антон бессильно опустил голову, сжав в руке карандаш, его волосы задрожали. Я сдалась при виде этого молчаливого страдания. Вскочила, а он накрыл голову руками, спасаясь уже от меня… Крепко обняв его, я почувствовала, как он чуть заметно прижал свою щеку к моей. И я заплакала после этого.

- Лейка… – вырвалось у него, – ну что ты так…

- Не уходи! Клянись, что не уйдешь! – я еще крепче прижалась к нему.

- Мне некуда. Но лучше уж быть уродом, чем…

- Не смей! – закричала я. Он до боли сжал меня, запрещая говорить. Я вцепилась. Антон мой! Никому не дам мучить его! – Раскиснешь – сама тебя вытурю, – пообещала я мокрым голосом и легонько стукнула его по плечу.

Он улыбнулся и смотрел на меня с какой-то хитринкой. И я вдруг увидела, что эта искорка лукавства не имеет никакого отношения к веселью. Это блеск удерживаемых слез. Я обняла его, и старалась успокоиться, чувствуя его легкие волосы на своем виске. Он был таким хорошим, таким добрым, что его хотелось защищать вечно – лишь бы это удалось!

…Сколько времени мы так просидели – не знаю, но вернулся папа, и мы поняли, что уже очень поздно. А мамы все нет.

- Ну что, брат с сестрой! – с улыбкой вошел он к нам, включая свет, и вдруг увидел наши лица. – Что такое?

Мы рассказали ему о случившемся. Он осмотрел порванную блузку. Сразу позвонил маме, а я прижалась к нему. Он знал, что я не хотела!

- Я хочу сказать вам, дети, что нам еще много раз будет трудно, – говорил он. – Вам сейчас сложно это понять, но мама горячо любит вас обоих.

- Она вернется? – со страхом спросил Антон. – Идем искать ее!

- Я сам. Аля, ставь чайник. На улице холодно. Давайте-ка, – поторопил он, отправляя нас в кухню, – чаем ее напоим.

Мы с Антоном бросились готовить! Сварили картошку, сделали два салата, поставили маме самую красивую чашку, нарезали пирог. А папа, не переставая звонить, угостил нас очень вкусным мясом из кафе, которое открыли у них на работе. А мы были такие настрадавшиеся, что сожрали все.

Мы закончили уроки. Мы постелили постели…

- Таня, а ты где? – услышали мы и превратились в слух. – Что за… ты совсем с ума сошла? Ребята, идите в ванную, – махнул он нам.

Мы с Антоном переглянулись, но с места не сдвинулись. На улице опасно, а мама одна. А если с ней что-нибудь случится... А если она умрет?

- Таня, ты думаешь вообще – половина одиннадцатого! Почему трубку не берешь? По сигналу тебе пеленговать что ли!

Он велел нам ложиться, а сам быстро оделся и ушел. Но мы не могли спать. Когда мы уже дошли до пика своих страхов, открылась дверь, и мы замерли в своих кроватях. Мама вернулась домой! Она была жива!!!

Но для Антона в этот вечер в очередной раз разбился мир, и более всего он страдал оттого, что все еще испытывал муки разочарования. Едва уснула Алина, он приподнялся на кровати. За двумя закрытыми дверями папа разговаривал с мамой. Главное – она жива и здорова, но «*когда тебя не было, она меня любила*»… «*Лезешь, куда не надо!*» Значит, она вовсе не открывала ему путь к себе, а лишь терпела и злилась! Он все понял не так!!!

Если бы можно было все вернуть и не класть в коробку ту фотографию! Не выдержав, он встал и, подойдя к двери, беззвучно повернул ручку... Слушал, затаив дыхание. Болезненно, с невероятной силой сопротивления, он любил

свою мать. Он не мог расслышать слов. И тогда в немом отчаянии вернулся, лег в остывшую кровать и долго смотрел в потолок блестящими глазами. Потом зло смахнул навернувшиеся слезы, отвернулся к стене и ждал, пока душевная боль станет хоть немного меньше…

А тем временем в кухне двое взрослых пытались вести разговор.

- …этот мальчик не просто любит тебя. Он тебя боготворит!

- Да не надо меня боготворить!

- Тихо. Он старается, любой может совершить ошибку, это могло…

- Знаю, – мрачно ответила Таня.

- Ты говоришь иногда чудовищные вещи. Слава Богу, что обжился. Он твой сын теперь. Я не понимаю, что не так? (Таня мотнула головой). Я сразу понял, что дело не в блузке! Можешь мне сказать, в чем дело?

Таня молчала. Разговаривать с ней дальше не имело смысла. Да и ходила она явно не в магазин. Все эти три часа она бродила неизвестно где, по темным улицам. Как уследить за ними всеми!..

- Извинись перед ним. И все равно иди на прослушивание. Не важно, в какой блузке. И будь с ним ласкова.

Таня резко отвернулась. На этот раз долго молчал Саша.

- Он мог бы уйти сейчас из дома. Мы не знаем, что с ним было.

- Вот именно! Не пора ли узнать! Мы совершенно…

- Он не сказал тебе ни единого слова, не сорвался, а ты что сделала? (Таня полыхнула злющими глазами). Бросилась на улицу, чтобы дети мучились, а я сходил с ума. Знаешь, почему он так не поступил? В нем живет чувство ответственности. А если бы с тобой что-нибудь случилось?

- Вот и отлично!

- Господи… какое ты еще дитя… Мы любим тебя. Мы все связаны!

- *Связаны*, – Таня явно вкладывала в эти слова другой смысл.

Саша прекрасно знал, куда повернула тропинка, на которую завела Таня:

- Аля тоже... не надо на меня так смотреть. Ты хотела этого мальчика.

- *Ты* хотел мальчика! – выдохнула она.

- Но именно *этого* мальчика хотела ты. И твоя дочь любит его…

- Да, – повернулась Таня, – я заметила.

- Ты была очень груба с ним, она…

- …иди и похвали ее еще раз! – резко встала Таня. – Она сказала, что ненавидит меня. Это тоже достойно похвалы? Я устала. Я хочу спать. Иди, – в ее голосе послышались низкие, задавленные у самого горла слезы, – он искренне к тебе привязан.

- Таня, я тоже устал. Но я еще не закончил. (Но тут зазвонил его мобильный). …Да, Людмила Петровна…

Таня обмякла всем телом. Только не опека! *Только не завтра*!!!

- Как не работал? – Саша тихо попросил Таню. – Проверь телефон, она не могла дозвониться, а ты не отвечала.

Таня пошла проверять. Действительно, контакт отошел, гудка нет. Дети побесились. Отлично! …И злоба снова взметнулась в ней!

- Да, вот Таня говорит, действительно... простите, а во сколько завтра?..

- Нет! – простонала Таня в темноте коридора и почувствовала, как последние силы оставляют ее. Нагрянет проверка. Будут смотреть, чисто ли, есть ли еда (а ее нет, кстати) и Бог знает, что теперь наговорит Антон после… А ведь отлично! Если он скажет, что она плохая мать, его заберут обратно! (Мысль родилась быстрее, чем Таня осознала все ее кощунство).

- В три? – записывал Саша. – Да ничего страшного... Антон? Антон у нас молодец…

Таня вошла в кухню и прислонилась к двери, скрестив руки.

- Отлично, – констатировал Саша, нажав отбой, и махнул листочком, – завтра придет опека. Что скажем?

- Правду, – спокойно ждала Таня, – кстати, – и кивнула в коридор, – это они поиграли: штепсель почти выдернут.

Саша пристально посмотрел на Таню:

- Он сильный, но и он может сломаться. Простишь ли ты себя потом? …И надо будет сделать хоть какую-нибудь уборку. (Таня умоляюще посмотрела на него, но он не знал жалости) Давай, привыкай уже, – ласково погладил он ее по сердитой голове. Он знал, что это подействует быстрее, чем любая грубость. Тане сейчас было от силы лет 15-ть и вести себя с ней надо было соответственно. – Во сколько твое прослушивание?

Она посмотрела на него из-под светлых завитков:

- По-моему, уже очевидно, что я не иду.

- Идешь, конечно. И я уверен, что... (Она отвернулась от него) Бродила невесть где. Надеюсь, не по подворотням. И чтоб больше такого не было.

Саша вошел в комнату. Здесь была жизнь детей, висела на стульях их одежда, лежали учебники. Любовь Саши к детям была необъятной. Он был готов жертвовать ради них всем. Но никогда, никогда нельзя было забывать о Тане, которая, в сущности, тоже так и осталась ребенком. Да, она познала взрослую жизнь и борьбу, но, то ли ей не хватало мужества, то ли сил, но именно эта ее открытость и делала ее такой искренней во всем хорошем и, увы, – во всем плохом. Саше дорого приходилось платить за любовь ко всем троим – нервами, волнениями, постоянным боем с ее демонами, о происхождении которых он ничего не знал. Таня была как цветок, в который швырнули камнем, и он упал. Но какая-то сила снова подняла его, и остались те же, полные аромата лепестки, именно потому, что цветок был ранен, но появилось и новое: знание о том, что с ним могут так сделать.

Сашины глаза привыкли к темноте, и он увидел детей, спящих в своих кроватях. Подошел к Алине. Девочка крепко спала, прижав к себе игрушечную лошадку. Антон спал, отвернувшись к стене. Саша нагнулся. «Таким боем прорваться сюда и получить удар в самое сердце!»

Поправил одеяло. Мальчик вздохнул – сон его был чуток.

- Спи, малыш. Дать тебе второе одеяло? (Антон молча посмотрел на него и резко отвернулся). Ничего, – вздохнул Саша, испугавшись, что трещина в отношениях с сыном стала глубже. – Прости, что разбудил. (Антон обернулся). Не надо об этом думать, – тепло погладил его по голове Саша и присел на край дивана. – Я знаю, как тебе тяжело. Это испытание, но… мы справимся. Мы же семья. Мы вместе. А вместе не так страшно. Все наладится. Мы все очень любим тебя. И она тоже любит, просто...

Саша вдруг понял, что не чувствует внимания Антона, и увидел, что он спит. За секунду ушел в сон, как по волшебству. Вспомнились рассказы отца, как нашли его ночью в садовом кресле. «Двенадцать лет один, – смотрел он в тихое светлое лицо. – Какая любовь. Какая прекрасная сильная душа!»

Глава 20

Уж если и был когда-нибудь образец красавицы и чудовища в одном лице, то это, конечно, была Таня Воз. Как отчаянно пыталась она вытравить из себя все, что напоминало ей о доме, об отце, при котором, казалось, надо было с позволения дышать! Она уехала в другой город. Она оборвала все связи. Сменила фамилию. Но протест так и остался в ней на всю жизнь, как страшное разочарование в самых близких людях.

Таня сидела на супружеской кровати, упираясь ладонями в мягкий край, и болтала босыми ногами. Она знала, где сейчас Саша. Он гладит детей и не знает, куда деться от своей любви. Разорви ему грудь – мир засиял бы, ослепленный таким количеством света. А ей будто отказано в этих чувствах. И оттого, что она не имела в своем сердце такой любви, она считала себя уродливой, наказанной взамен за внешнюю красоту незримым, но самым страшным увечьем на земле – неспособностью любить детей.

Она и хотела бы чувствовать, как Саша, но не могла. Ей трудно было анализировать, ее чувства были сумбурны и сменяли друг друга, как летящие по небу рваные облака. Иногда луна ненадолго освещала дикий выжженный край ее души, но потом скрывалась снова. И в наступившей темноте земля начинала крениться под ногами, и Таня кубарем летела куда-то вниз, стукаясь о камни, вскрикивая, сжимаясь в ожидании удара, со всего маху расшибалась обо что-то и – начинала видеть снова. Сильная душевная боль была для нее единственным светильником, и зажигать его было страшно. Но сидеть в темноте было еще страшнее.

Лею она любила. Просто не ласкала, как многие мамы, но всегда верила в нее. Захвалишь – будет самовлюбленной и расслабится, а жизнь этого не прощает. Однако, личность и характер дочери были для нее загадкой. Бывали, правда, чудесные моменты – и они были не так уж и редки – когда все это страшное куда-то уходило, и мир Тани заливал яркий свет. Тогда она видела

все четко и ясно, знала, что шепнуть дочери, щедро любила Сашу и благодарила его за все его терпение. Но когда в их доме появился Антон – ее мир озарился атомной вспышкой. А потом ударная волна смела ее и…

Тьма. Страшная. Глубочайшая.

Обо что ударилась Таня, она не знала. Но удар она почувствовала всей своей жизнью и продолжала жить контуженная. Она не слышала ни любви этого мальчика, ни увещеваний Саши, а лишь понимала: с ней происходит что-то страшное. Никто не мог знать того, что знала Таня. Она ударилась о гроб жертвы, которую убила много лет назад, и убежала, стерев все улики. Волей судьбы ее швырнуло обратно и ударило об этот гроб. И жертва в нем оказалось жива! Она выжила после всех мучений, доставленных ей, стала сильной, все помнила и в любой момент могла указать на нее.

…Казалось, от страха у Тани вылезут все волосы на голове. Ей приходилось жить бок о бок со своей жертвой, видеть ее увечья, жертва с любовью тянула к ней руки, а закричать было нельзя.

В наказание. За то, что изменила тогда Саше... Она впервые влюбилась так, что потеряла голову. Вообще, – впервые влюбилась. В феврале, когда она училась на 3-м курсе, молодой режиссер, увенчанный наградами зарубежных кинофестивалей, приехал в Театральную Академию отбирать статистов для картины. Харизма, чувство юмора, королевская небрежность расстегнутой у горла рубашки. Природный блондин. Провел лекцию, – набилась вся Академия. Передавали записки с вопросами. На одной он прочел: «*вы не боитесь того, что не замечаете, как одиноки?*» с улыбкой развел руками: «А разве похоже, что я одинок?» и сразу добавил уже серьезно: «Успех всегда делает вас одиноким, запомните».

И Таня влюбилась. Светловолосый, в белой рубашке, он стремительно шел в тот день по коридору. Они столкнулись у кафедры. В руке она сжимала книгу Питера Брука «Пустое пространство».

- Не стремитесь к этому, если можете жить иначе, – кивнул он на книгу.

- Я хочу быть актрисой, – ответила Таня, замирая от того, что он так близко. Рядом он казался еще невероятнее. Будто не с этой земли.

- Однажды вы станете знаменитой и сами узнаете, что такое одиночество посреди успеха. Это жизнь в эпицентре взрыва. Вокруг шумит огонь, ты понимаешь, что тебя сжигают, а огонь – уже часть тебя. (Таня потрясенно смотрела – как он узнал, что тот вопрос задала она? Он улыбнулся) У вас были самые серьезные глаза. Вы из тех, кого любит камера. Мой друг снимает фильм о войне, ему нужны актеры для массовых сцен, найдите меня, я вас с ним свяжу, – и посмотрел на часы, – надо же с чего-то начинать.

К нему вышел декан, а Таня поспешила исчезнуть. Но пока спускалась вниз, все внутри нее замедлялось… В тот день она увидела его еще раз, он отдавал распоряжения своей группе. В голосе слышалось недовольство и звенели властные нотки. О, мой король! Девочки бегали толпой, просили автограф. Впереди летние съемки и он уедет – договор в Голливуде.

…Таня жила, как во сне. И, конечно, пришла, и вдруг сразу, буквально на следующий же день оказалась на съемочной площадке, в костюме селянки на промозглой февральской погоде. Сколько потрясающих ощущений… она – *актриса*! Ее гримировали, делали прическу! Говорили, что надо бежать мимо того сарая и упасть в лужу (там развели страшную грязь) – ее героиню убивают. Она упала. И когда поднялась, с ее волос ручьями текла грязная вода, а режиссер сказал, что она была великолепна, и все поздравляли ее «с боевым крещением». Чувство реальности пропало совсем. Даже странно было разоблачаться. Она успела прожить целую жизнь на войне… Надо отблагодарить! И полетела, снова нашла его – уже на съемках в павильоне. А он, не отрываясь от процесса, кивнул на кресло рядом, спокойно заметив, что пора учиться, раз она собирается посвятить этому жизнь.

Не веря своему счастью, отпрашивалась у мастера, ездила, делала зарисовки, вела конспекты. И все смотрела... Общение с ним пьянило, а он был спокоен. Неожиданно он выделил ее из круга остальных женщин. Встречая, подавал руку, водил по студии. Подвозя к общежитию, вдруг повез к себе. И Таня узнала, что такое любовь мужчины. Да, до этого был Саша, но только сейчас она впервые была так счастлива! Так всецело отдалась любви!

Расцвела весна. Они ездили к нему на съемки, и она сидела рядом. Ребята из съемочной группы рассказывали ей байки про знаменитостей, и Таня чувствовала себя взрослой, что ей открылся новый, настоящий мир. Однажды сказала, что боится, что спит, а он взял ее за руку и так крепко сжал, глядя в глаза синевой своих... Он водил ее по летним ресторанчикам, танцевал с ней на улице в дождь. В нем было что-то мальчишеское. В чем-то властный, а в чем-то уязвимый. И она умирала от любви к нему! И столько лгала Саше… И не могла забыть, как они бежали к его машине, как дождь хлестал по стеклам, гремел гром, сверкали молнии, а он так любил ее!

…Вместе с ним прожить жизнь! Работать! Он охотно рассказывал ей о монтаже, о камере. Иногда бессильно смеялся, так много она задавала вопросов, и все старался накормить. Говорил, что там, в Америке, у него будет семья. А она врывалась к нему в комнату и любила до сумасшествия… Спала, рассыпав волосы по его груди, тая главный секрет – у нее в животе ребенок! Еще с того первого раза в марте. И он будет такой же красивый, талантливый, и непременно мальчик! Таня мучила его светлые волосы, осыпала поцелуями… Ей хотелось за каждую минуту отблагодарить его. Он сделал ее счастливой! Ее наконец-то любили, наконец-то отдали должное!

В июле успешно завершились съемки, в августе – монтаж, и готовы были документы на отъезд, а она все боялась отвлечь. А Саша все время уезжал по делам своей редакции, и Таня верила, что ей помогает сама судьба. Потом он вынужден был уехать в Таганрог, и у нее было время подготовиться, чтобы сказать: они расстаются, она его не любит, ждет ребенка от другого мужчины и едет с ним в Америку. Перед лицом ожидающего счастья разбитое сердце Саши казалось ей не такой страшной данью за будущее.

Он уехал в Лос-Анджелес. Таня ждала, что он пришлет ей вызов, тихонько разговаривала со своим ребенком и мечтала, как они будут воспитывать сына (почему-то представлялся именно сын), строить карьеру и вместе пойдут к золотым высотам. Он будет гордиться ею! Говорил, что такое чувство диалога и грация даны не всем… Звонила в отель узнать, как он устроился, но все не могла застать, а звонки в Америку стоили дорого. И она снова просила передать через администратора, что звонила Татьяна Толлейн…

Знакомые со съемочной площадки уже снова были очень заняты и теперь едва кивали ей при встрече, а в глазах женщин постепенно загорался злорадный огонек. Наконец, общий знакомый оператор, краснея, передал ей конверт. Замерла… Вызов! Убежала на лестницу, едва не плача от счастья… главное успеть до родов… В конверте оказались доллары на аборт и записка, что, к сожалению, он не может взять ее с собой, и чтобы она больше не звонила. Он благодарит ее за все, что она ему дала и надеется, что она найдет себя в профессии – данные у нее хорошие. Внизу был приписан телефон врача, который может помочь, – пусть не боится, врач проверенный.

…Проверенный?.. Мир качнулся… Как нарочно рядом оказался тот, кто достаточно громко сказал: «Да он всегда так: понравится – устроит к Мише в массовку, в грязь шлепнуться, и все – дальше они сами бегут благодарить».

Но он же любил… он же… Он и не думал брать ее с собой. Он с самого начала… *Но она беременна*!!! Просто еще не видно!

Земля закружилась под Таней. В кругах шептались. Намеками ей было указано, для чего она предназначена, а уж никак не для кино. Ее присутствие терпели исключительно ради него. Доллары порвала в клочья, задыхаясь от ярости. Ведь она любила, все было решено!.. Свергнувшись на землю, Таня поняла, какой была дурой. Все подыгрывали ей! Тот режиссер, когда хвалил, что она великолепна. Ведь она ничего такого не сделала…

И задрожала жизнь. Из Голливуда, где ездили блестящие машины и пахло дорогими магазинами, она пешком вернулась в спальный район, в обшарпанную комнатку общежития, чтобы готовить на общей кухне и терпеть жадные расспросы. И все деньги на звонки потратила, и есть не на что. И с беременностью уже ничего не сделаешь. И эти слова, что хорошие данные, что врач «проверенный». Таких, как она было много.

Хотелось умереть. Боялась боли. Боялась рожать. Потерять учебу. И желанный, самый любимый на свете ребенок стал ненавистным бременем! Вся ярость Тани обратилась на него.

Саша такой доверчивый... И Таня увидела, как все подло. Ведь Саша не расставлял ловушек, не врал так искусно. Он был неловок и краснел от смущения. И сейчас также наивно верил ей, как еще недавно, ослепленная, верила она сама. Но у Тани отняли даже ее недолгое счастье – ведь все было подлогом, ее взяли только из-за красоты… К сентябрю у худой Тани начал появляться живот. А Саша хотел ребенка! Мальчика! Хотел жениться! Все,

что она хотела с другим, хотел Саша. Но ей казалось, что скромный молодой мужчина с нелепой фамилией не пара для нее…

В самом начале учебного года, так и не показавшись Саше, Таня уехала в родной Псков. И там тоже податься было некуда. Отец бы душу из нее вытряс. Униженно просила старую знакомую (они даже не дружили). Пришлось умолять приютить на три месяца – не было ни денег, ни работы. Обещала все отдать, просила по-женски понять, лгала Саше, что ей хорошо у папы с мамой, что они помирились (звонила с телефона знакомой, пока той не было дома). Ей предстояло рожать в единственном роддоме, куда дороги вели через ухабы и грязь, а в душевой кабине, как она слышала, ползали мокрицы… Она умирала от страха, что Саша приедет и все узнает.

Но удача улыбнулась ей: благодаря своему трудолюбию и таланту, Саша получил более престижную работу, о чем с радостью сообщил ей во время их последнего разговора. Его отправили в несколько серьезных командировок, а мастер курса выхлопотал ей отвод «по семейным обстоятельствам». Однако темные слухи уже просочились на курс и расползались в умах возмущенных соперниц. Решила прорваться? Через постель! Ее презирали и боялись. Уже замирали: вот-вот прикатит на машине роскошная звезда. Но она же… Воз! Этот идиотский псевдоним ее не спасет! …А Таня не знала, как жить дальше.

Теперь Саша казался ей спасением. Единственным человеком, для которого она все еще оставалась не запятнанной. Приглядевшись, Таня поняла: Саша – не просто любит ее, он не может без нее жить. А кто у нее еще есть кроме Саши? Отец отрекся и проклял. Любовник предал. В общежитии, одной, с ребенком… В городе она никого не знает. Ее вот-вот отчислят. Жить негде. Долги затянули на шее настоящую петлю. Везде и отовсюду на Таню жадно смотрели беды. Они подступали, как звери…

Правду говорить нельзя. Саша не заслужил такого – теперь Таня по опыту знала, в какую пучину страстей низвергнется его душа. Он так любил ее и разом решил бы все ее проблемы, а она носила ребенка, который, еще не родившись, преграждал ей путь везде, – в учебе, карьере, личной жизни и тянул на дно, где лежало отцовское проклятье. И повзрослевшая против воли Таня, была полна испепеляющей ненависти к себе! Она навсегда замаралась ложью и пороком – с того момента, как упала в грязь на тех первых съемках. В памяти оживал злой голосок одноклассницы: «тех, кого проклинают, несчастья преследуют всю жизнь». Вернись она домой – это будет полное торжество отца. А она не могла прийти вот так, с поражением!

Каждый день Таня истово молила Бога о трех вещах: умереть в родах; чтобы Саша не вздумал найти ее родителей и понять, что она не у них, и чтобы он никогда не узнал, как она предала его. Потом остались только два последних желания, но, кажется, Бог решил исполнить и первое, но потом передумал. Роды были тяжелыми, мучительными, на исход. Это была пытка огнем, и если ад и правда существовал – он обрушился на Таню в холодный ноябрьский день. Ничего не могла поделать Таня. Она не могла это никак

остановить, прекратить! Она сильно навредила себе, желая скрыть свою личность – пришла без паспорта, уже рожая, как оказалось, – с серьезной инфекцией, которую спровоцировала беременность. Никому не нужна была она и ее злосчастный ребенок. Она была одна и ей было двадцать.

Когда, на исходе очередного часа, она услышала детский плач, ей показалось, что она умерла. Словно вся жизнь вместе с этим криком отделилась от нее. Младенца положили ей на грудь, но она закричала, что ненавидит его, теряла сознание от боли, бредила. А в бреду – снова звонила и просила передать, что звонила Татьяна Толлейн, а там в трубке раздавался детский плач, и она понимала, что у него уже есть семья… Но вдруг плач раздавался совсем рядом, она видела над собой белый потолок.

Акушерка хотела навести о ней справки. Таня заплакала, сказала, что принесет документы, заберет ребенка… снова теряла сознание. Не все сестры хотели иметь с ней дело, считали пропащей, жалели ребенка. Что-то из обрывков этих разговоров смутно осталось в ее памяти. И именно потому, что даже память не могла уже различить эти слова, она всю жизнь мучительно напрягала внутренний слух, чтобы услышать.

Иногда казалось, что ребенка все-таки прикладывают к ее груди, и тогда она громко кричала, и очень болела грудь. За ней ухаживала только одна акушерка, женщина преклонных лет, добрая и немногословная. Сколько прошло времени, прежде чем она смогла передвигаться, Таня не помнила. Но в памяти остался момент, когда акушерка снова поднесла ей ребенка и сказала: «Да вы посмотрите, какой у вас чудесный мальчик! Волосы-то золотые! Чисто солнышко! Назовите его!»

Золотые волосы? Таня отвернулась и сказала: «Потом».

- Хорошо, пусть будет Антон, – не расслышала акушерка, вынося ребенка, оставив Таню давиться своим отчаянием.

Смотреть на ребенка этого предателя? В нем его подлая кровь! Ни одного взгляда. Отрезать навсегда. Она за все расплатилась этой страшной болью, этими унижениями. Едва получив возможность встать, Таня сбежала из роддома, украв чью-то одежду. Вернулась к подруге в чужих туфлях, с температурой, на нетвердых ногах. Подруга спросила, где ребенок. Таня сказала: «умер». Подруга не поверила и открыто заявила, что презирает ее. Спросила, откуда одежда. Таня призналась, что украла. Подруга заявила, что больше не собирается терпеть ее под своей крышей. Таня дрожала как лист, пыталась сохранить достоинство, но ей дали деньги на билет. Умоляла не раскрывать ее имени. «Не волнуйся, ты и так никто».

В тот же день, прождав 3 часа на вокзале, униженная, больная, презираемая и отвергнутая, пережив все муки и совершив самое страшное святотатство, Таня уехала из Пскова. И поклялась, что никогда больше не вернется. Прибыв в Петербург, дрожа от холода, окончательно застудившись на ледяном ветру, она зашла в канцелярский магазин и попросила телефон. Позвонила Саше, сказала, что ей очень плохо, соврала что-то про выкидыш, осложненный

инфекцией, которую подхватила в бассейне… Он сразу примчался. То, что он увидел потрясло его. Таня выглядела худым пепельно-серым мертвецом с живыми затравленными глазами, в рвущейся на ветру одежде, в какой-то кофточке и мокасинах посреди ноября… И уже сипела и хрипло кашляла. Это так с ней обращались родители?!!

Немедленно положил ее в профильную клинику, оплатил дорогостоящее лечение, достал справку в Академию. Мастер снова прикрыл перспективную ученицу, однако Таня получила последнее предупреждение. А время было упущено. Таня сильно навредила своему здоровью во второй раз. Еще одни роды стали бы для нее теперь вопросом жизни и смерти. А Саша хотел жениться. Оказывается, он ездил в Таганрог за наследством дяди, чтобы повезти ее в путешествие, чтобы купить самое красивое платье…

Она согласилась на брак, как соглашаются на смерть. Но Саша окружил ее такой любовью, приезжал каждый день, расспрашивал, (и приходилось снова лгать!) ругал за то, что снова пошла жить в общежитии, и зачем эта гордость. Брал подработки, привозил одежду, цветы – это было невыносимо! Она заслуживала только смерти и знала это. И страдала, видя рядом доброго обманутого человека, понимая, как теперь недостойна его любви.

Претерпев множество физических мук, она выписалась и вернулась к Саше. Но что-то навсегда разрушилось в ее светлой природе – словно треснуло зеркало, показав черную бездну за ним. Таня навсегда захлопнула в себе черный сейф со страшной тайной. Но детский плач еще долго мерещился ей по ночам. Мальчик. Волосы золотые… Она так и не дала ему имя. Даже не посмотрела на него. А ведь в нем и *ее* кровь. Понемногу она начала понимать, что это и *ее* ребенок. Она бросила своего ребенка!

Но она не вернется в Псков. Какая судьба ждет его? И боясь, что сойдет с ума, Таня захлопнула над сыном крышку гроба: она представила, что он умер. И надеялась, что рожая снова, умрет, и он будет отомщен. Ночами обливалась горячими слезами раскаяния, прося у него прощения… Но так и не смогла опустить гроб в могилу. Словно какая-то сила не пустила. И потому гроб всегда был внутри нее. А Саша, страшно переживавший, что они потеряли ребенка, так любил, так нежил, рисовал перед ней такие сияющие горизонты! Помогал учить темы к экзаменам, ее долги были уплачены.

Она вернулась к учебе. С золотым кольцом, что очень удивило однокурсниц. И не звездой, а бледной, измученной и молчаливой. Уже Толлейн по паспорту. Замелькали мимо и свидетели разбитого счастья… Но опять, словно из ниоткуда, судьба, обойдя всех, вынесла ей шанс. Ею заинтересовались киношники. Приезжали отбирать на кастинг и случайно увидели, (она не ходила на пробы – играть мать мальчика?) Но именно для нее случилась главная роль в «После полудня» за которую так хвалил мастер, простили педагоги и так завидовали девочки. Ведь пока они учились, она пропадала неизвестно где, и не надо думать, что они ничего не знают! И мужа завела, теперь своя квартира! И уже главная роль! И в титрах Толлейн! И

мастер вечно прикрывает. (Видимо, неспроста). А критики писали, что «в глазах юной актрисы есть какая-то притягательная взрослая печаль…»

Успех был минутой, ей вручили диплом, а фильм сошел с экранов за две недели. Впереди была неизвестность, и теперь она также обманывала Сашу, как совсем недавно обманывали ее. Что ж. Ему она сердце не разобьет, хотя обманывать – не меньшая подлость…

Через два года тяжелейшие роды едва не унесли ее жизнь. Они были еще более долгими и мучительными. Но она все равно не умерла. Ей предстояло жить дальше. Родилась дочка. Здоровая крепкая девочка, так похожая на Сашу. И Таня снова услышала над собой детский плач. Врачи категорически запретили ей рожать. Саша хотел сына, но Алину полюбил с первого мгновенья, а Таня, еле живая, безропотно переносила свое болезненное материнство, кормя грудью, всегда помня о мальчике, которого оставила и отвергла. Это ей за него. Но и теперь она понимала: вернись все назад – она поступила бы также, потому что как сказать Саше? Светловолосый ребенок. Он сразу все поймет. Он и так ревновал, что она ездила на студию «к этому голливудцу». Признание убило бы всю их жизнь.

Она не знала, что делать с Сашей, но уже была его женой и матерью его ребенка. Пропадай, жизнь! Прощай, кино! И когда Саше казалось, что все только начинается, для Тани все уже давно было кончено. Она не ценила его, потому что оставалась страдающей и неудовлетворенной, потому что никогда серьезно не думала выйти за него замуж. Но именно он устроил ее жизнь. Когда-то она думала, что тот мальчик перечеркнет ей путь к заветной съемочной площадке. Но вот новое материнство окончательно пригвоздило ее к дому и к Саше. Теперь, спустя годы, она готова была отдать жизнь, только бы вернуть тот день и забрать сына! Только это, пожалуй, и спасло бы ее душу от окончательного разрушения, но она сама оборвала все нити. А если начать искать – все откроется… Нет-нет, он умер! Он был слишком маленький, чтобы пережить такое предательство...

Жизнь шла дальше, обвязывая Таню своей вязью, туже затягивая узлы и хороня в ней ее тайны. Они ушли глубоко внутрь и превратились в страшные язвы. И открывались всегда, стоило вспомнить. Поэтому она старалась избежать всего, что могло стать напоминанием. Наряжалась в легкие платья и старалась удержаться на тончайшей кромке внешнего благополучия, бегая по ней, как по тонкому льду, и улыбаясь Саше улыбкой кинозвезды.

…А Саша хотел сына. Что-то ужасное было в том, что он хотел именно сына, мальчика, и у нее был здоровый сын! По той же причине она не крестилась. Она была уверена, что стоит ей креститься – как перед ней тут же возникнут Рай и Ад. Теперь, когда дочери было уже десять, мечта о сыне совсем одолела Сашу. *Он же не знал*! И, вся покрытая невидимыми увечьями, Таня пришла в детский дом. И когда увидела Антона, сердце ее так забилось! Это был знак к спасению, последний! Заботясь о нем, искупить вину. …Но карающая Божья Длань не знала к ней милосердия!

Мальчик, взятый от чужих родителей, по странному обстоятельству ждавший именно ее, – вдруг стал превращаться в ее маленькую копию. Линия за линией перед ошарашенной Таней проступал ее собственный портрет... Она с ужасом заметила, что даже родинка на шее у него в том же месте, что и у нее! Да, бывает, но… тоже из Пскова. Родился в ноябре. Отказник. Блондин. И лет столько же. Это сводило с ума, чувство вины удесятеряло любую мелочь, а страхи отбрасывали тени. Конечно, мальчик похож случайно, конечно ее сын умер, но… *что, если нет*?

Дальше этого предположения Таня просто не в силах была идти. Везде ее встречали странные указатели. Даже характер Антона напоминал ее собственный. Та же наивная надежда, что все будет как в сказке. Та же опасная открытость миру, полному предательства. Та же ослепленность и упертость! Круг замыкался и огненный обруч сжимался вокруг ее головы. И Таня снова начинала слепить улыбками, отбиваясь от тысяч догадок, как от тысяч бабочек, которые летели и сгорали в ней заживо, и она кричала, кричала от ужаса… А снаружи – все видели, как она хороша, и всякий раз говорили, что ей бы быть актрисой.

У Антона тоже есть прошлое и он молчит о нем. Что там, в этом черном пятне? Она по-своему любила и ценила мальчика, но не могла жить лицом к лицу с собственным кошмаром. Она пыталась как-то отстраниться, а он искал встреч, делал какие-то намеки. Мучения становились невыносимы. А с тех пор как у него отрасли волосы, сходство стало еще разительнее!

…Таня сидела в темной комнате и тихонько болтала ногами, чуть задевая по полу. Как она могла сказать такое Антону? Теперь она и этого мальчика не любит. Чем дальше – тем кощунственнее становились ее поступки.

Вошел Саша, сел рядом и внимательно посмотрел. Снял очки. Потер лицо. Он устал! С ней маялся, детей утешал… Она чудовище. Господи, как же жить! Ей до слез было жалко его, и она, не глядя, погладила его по спине.

- Таня, – нежно произнес он.

Невыносимо! Добрая, безмятежная душа! На горе влюбленный в нее до самой крови! Таня молча привалилась к нему и положила голову ему на плечо. Ее волосы дымчато спадали вниз в темноте.

Он обнял ее теплой рукой, чуть покачивая:

- Ну что же ты так расстроилась… Давай ложиться. Дети спят.

- Он не спит, – смотрела в квадрат окна Таня.

- Спит. И ты ложись, смотри, вся замерзла, сидишь тут…

Он пошел в душ, а Таня лежала и смотрела в потолок блестящими глазами, страстно желая умереть. Когда он лег рядом, она вдруг вся обвилась вокруг него, вжалась в грудь и расплакалась. И никак не могла успокоиться. А он целовал ее, прижимал к себе и чувствовал в объятьях дрожащего ребенка, который больше не в силах выдержать… Таня провалилась в сон внезапно. А Саша еще долго не спал и гладил ее по голове.

Глава 21

На следующий день Антону было сказано, что придет опека и он молча кивнул. Таня принялась убирать и готовить, и когда вошла добрая, немного замотанная женщина из опеки, – дома пахло выпечкой, дверь ей открыл вежливый Саша, в прихожей встретила одетая в платье Алина, а следом предстали улыбающиеся, как близнецы, Таня и Антон. Атмосфера прекрасная, Антон что-то без устали рассказывал, а Таня так мило смеялась, прижимая его к себе… В опеке все знали историю Антона Белова и, конечно, даже мысли не возникало отнять его у Татьяны и лишить их этой сказки. Служительница закона спросила, есть ли проблемы, и Саша сказал, что Антона приходится сдерживать, так он рвется учиться. Саша вызывал доверие, а Таня – Таня просто... И женщина ушла, составив свой отчет, унося в сердце приятное волнение, сладость выпитого чая с домашним пирогом и улыбку Антона. До чего же красивый мальчик! Какая счастливая семья!

Счастливая семья. Она быстро разбрелась, расцепив золотые звезды. Аля и Антон сели за уроки, Таня помчалась через весь город, надеясь успеть на прослушивание, а Саша поехал на работу. О визитах опеки начальство знало и разрешало приходить попозже. Приемный мальчик всем нравился. Когда Саша впервые привел его в редакцию, женщины побросали свои дела и наперебой стали расспрашивать его об учебе, поить чаем, вокруг сразу же собралась толпа. Антон улыбался всем, и даже суровый начальник перестал быть суровым, когда к нему обратился юный посетитель. Этот звонкий голос! И рассуждения! Хорошенькая секретарша вообще была от Антона без ума и заявила (так, чтобы остальные мужчины могли ее слышать), что выйдет замуж только за Антона. Она всегда оставляла для него какие-нибудь приятные мелочи: батончики с мюслями, блокноты, закладки… А когда он уходил, привставала со своего стула и наклонялась: «А поцеловать Леру?» Он целовал ее в щеку, и все женщины ей немножко завидовали…

Вот и сегодня, едва Саша появился на пороге, коллеги спросили, как все прошло, и очень жалели, что на этот раз он без Антона. Саша улыбался и благодарил, но на душе у него было тяжело как никогда. На его глазах только что разыгрывалась красивая киношная ложь, в которой 12-летний Антон играл свою роль не хуже Тани. Начальник, памятуя о том, как много в последнее время Саша работал сверхурочно, дал ему назавтра отгул, а Лера передала для Антона новенькую авторучку. Сверкающий мальчик покорял всех. Никто не знал о том, как он несчастен.

Дом залит солнцем! Саша с наслаждением пребывал в родных стенах, сидя в спальне перед зеркалами Тани и читал Пушкина. Дети в школе. Таня отправилась на «озвучку» какой-то американской комедии, после чего должна

была бежать в студию. (На прослушивание она вчера так не успела). …Как хорошо никуда не торопиться, не подтягиваться, сидеть в домашней рубашке без ремня и галстука и поить душу светом великого гения! Сварить кофе и пить его маленькими глоточками. Саша так отвык от бездействия, что проснулся в семь, но потом, вспомнив про отгул, – блаженно проспал до десяти. Еще одним подарком стала записочка Тани:

«Я приготовила тебе кое-что – оно в самом леднике!
СПИ!!! Тебе это только снится!!! ☺»

В морозилке он нашел домашнее фруктовое мороженое. Это когда такое было в последний раз! Стоял погожий, звонкий от холодка октябрьский день, разноцветная листва за окном празднично озаряла улицу рыжим и красным, вся волнуясь в свежести и свете. Закрыв глаза, Саша долго стоял у окна, чувствуя кожей тепло. Что-то подсказывало ему, что фруктовое мороженое своего рода взятка, чтобы отвести его гнев.

Антон во всем старался быть образцовым сыном. Помогал по дому. Тренер по дзюдо его хвалил. Классная руководительница отметила победу в конкурсе по литературе (сочинение о ядах действительно получило 1-е место). А учительница французского на родительском собрании сказала, что Антон Чирик-Толлейн сделал на ее памяти самый невероятный скачок: выучив язык с нуля, не только догнал свой класс, но и стал лучшим в группе. Она при всех поблагодарила Сашу за то, что он вырастил такого сына.

Дочь тоже была в восторге от солнечного мальчишки. Антон был старше, и Алина тут же ринулась за ним, не желая отставать ни в чем. Казалось, лишь теперь Саша узнавал ее характер. Упрямство, практичность и невероятная находчивость девочки до сей поры скрытые послушанием, проявились во всей красе. Дети подружились сразу, но нерушимым, негасимым центром жизни Антона оставалась Таня. Едва он приехал, она принялась купать его в своей любви, водила на прогулки, читала, учила, и вдруг… Чуткий мальчик мгновенно почувствовал перемену: она пыталась отстраниться от него, все чаще ссылалась на срочные дела, стала раздражительной.

Когда они забирали Антона – ему, в его 12-ть, можно было спокойно дать 10-ть. Худой, с обритой головой, как маленький заключенный, он не добирал ни по весу, ни по росту. Острые коленки, осторожный взгляд. Спрашивал, можно ли посмотреть телевизор. Взять книгу из шкафа. Но за лето, обласканный Таней, он вдруг понял, что можно, принялся бегать, прыгать, носиться, какой это был восторг! Саша и представить себе не мог, что Антон мог так выдумывать, разыгрывать! Мальчишка расцвел в благодатной атмосфере любви и заботы и всего за три месяца догнал по всем показателям. Стал смелее общаться, проявлять себя. Отрасли и волосы. Развеянные вечным ветром его стремительных движений, они очень изменили его облик.

Но Саша знал Таню и не обманывался. Сначала она будет играть заботливую мать, фотографироваться «всей семьей», а потом неизбежно настанет момент, когда восторженность уйдет, киношная картинка в которую

она себя поместила – погаснет, и возникнет реальность, в которой будет много трудностей и проблем. Еще на психологической подготовке их предупреждали, что идеальный ребенок может внезапно превратиться в настоящего деспота, проверяя своих родителей на прочность. А учитывая, что от Антона отказывались дважды, и во второй раз – когда он уже был в сознательном возрасте, ждать срыва полагалось от него.

Но Саша боялся не за Антона. Он полюбил мальчика сразу, (сердце сжималось, когда слышал слово «папа»!) Но что творилось с Таней? Антон выбегал ее встречать, едва она появлялась на пороге, варил ей кофе, интересовался всем, что она делала, старался порадовать. За порванную блузку можно было поругать, но не так. Приняв удар, Антон не убежал, не расплакался, (а ведь он был очень чувствителен) однако, за такой выдержкой могли скрываться страшные раны. Саша хотел поговорить с Таней сегодня. Вчера она сияла перед опекой, а после бросилась на прослушивание, но, так и не успев, вернулась домой мрачная и полная сопротивления.

Саша закрыл томик Пушкина. Надо убедить его, что Таня сказала это в порыве усталости. И как следует накормить.

Когда Саша уже накрывал на стол, домой вернулся Антон.

- Здравствуй! – вышел к нему Саша.

- Привет, пап, – отвел глаза мальчик, снимая рюкзак.

- Давай куртку. Как тренировка, как в школе?

- Нормально, – Антон укладывал шнурки ботинок внутрь. – Тройка по французскому. И надо сдать деньги на альбом.

Он был в светло-голубых джинсах и синем джемпере, который, поджигая его глаза, делал их такими же синими. Подбородок воздушно приподнят, храня недосягаемость.

- Тройка? У тебя? – прошел Саша следом за ним в комнату, с удивлением наблюдая это чувство собственного достоинства, которое так зримо проявлялось в минуты обид.

- Надо было еще один диалог выучить, а мне никто не сказал, – Антон выкладывал учебники. – Меня тогда за журналом послали. Я пересдам.

- Пересдашь, конечно, – заверил Саша. – Читал твое сочинение… У нас в редакции его бы оценили. (Антон выкладывал кимоно). Так, оставь все это, идем есть.

- Поел в столовой, – Антон искал что-то на дне рюкзака.

- Да что ты там ел!

- Не хочу еще, – в ответе ясно слышался мужчина, который сказал «нет».

- Ну вот, – засунул руки в карманы Саша и привалился плечом к шкафу, – а я надеялся, составишь отцу компанию, открыл тунца.

Антону очень хотелось есть, и из кухни очень вкусно пахло...

Сидели и ели. Поговорили о французском, о том, что давали в столовой, и разговор оборвался. «Господи, – думал Саша, украдкой глядя на ту жадную торопливость, с которой мальчик орудует вилкой, – он же растет». Напоил

Антона свежим чаем с ромовой бабой, и когда тот собрался мыть посуду, отпустил его. Антон поднял глаза, словно пытаясь угадать, что за всем этим кроется, а Саша потрепал его по голове:

- Не переживай из-за тройки. Ерунда все это.

- Пойду заниматься, – вздохнул Антон и ушел в комнату. – Пап, – снова возник он, уже переодетый в домашнюю рубашку, – а Лейка где?

- У нее сегодня Эрмитаж, – обернулся Саша, – она не говорила?

…Чем же его отвлечь? Когда ребенок улыбается, ему уже гораздо легче помочь. Судя по шагам, Антон не делал уроки, а подошел к клетке с воробьем. Прошел в прихожую взять что-то из куртки. По дому ходил обиженный человек, на душе у него было тяжело, и Саша чувствовал эту тяжесть. Но вот шаги стихли. Войдя в комнату, Саша увидел, что Антон лежит на своем диване, зябко подогнув ноги и обняв себя одной рукой. Дети часто так делают, не найдя ответов на свои вопросы. Им кажется, что если они заснут, то, когда проснутся – обнаружится, что проблема решилась сама собой. Саша укрыл сына теплым пледом и, склонившись, осторожно поцеловал в спутанные волосы. Антон открыл глаза.

- Спи, вот правильно. А я тут 4-й уровень никак пройти не могу.

- Какой? – не понял Антон.

- Да вот… хотел попробовать… в ваш «IQ Элемент».

- А задание какое? – тут же оживившись, приподнялся Антон. Эта головоломка получалась у него всегда. – Уровень синий? (Саша с улыбкой кивнул. На самом деле идея пришла ему только что, когда он увидел на их тумбочке коробку с игрой. Антон взял книжечку с заданиями) Какое?

Саша ткнул в 77-е. Антон быстро вставил четыре стартовые фишки в дырочки игрового поля и начал думать, как уложить остальные. Минута прошла в полном молчании. И вдруг Антон быстро сложил всю головоломку.

- Ого! – изумился Саша. – Это сложный уровень. Как у тебя получается?

- Считаю количество ножек. Это же 3-D фишки. Смотри, – Антон вынимал разноцветные фишки, – у этой две ножки с краю, у этой – одна по центру, эта – как крестик. Если посчитать, сколько тут дырочек и сколько нам нужно оставить… (А Саша смотрел и улыбался. Заметив это, Антон поднял брови) Пап, со мной все в порядке.

- Я вижу, – Саша забрал игру, – все: пошел считать ножки…

Антон проводил его глазами. И снова стало тихо. Остались только звуки лапок вечно прыгающего Толи. Саша сидел в спальне с книгой Пушкина, но читать не мог. И понимал, что Антон тоже один. И только подумал – ощутил на себе взгляд. Мальчик стоял в дверях.

- Не спишь? – поднял он голову.

- Ты тоже не считаешь ножки, – Антон сжимал ногтем край рубашки.

- Иди сюда, – Саша протянул руку, приглашая птенца под свое крыло, – смотри, как Пушкин пишет (и прочел несколько строк). Какая свобода жила в его душе! Ничего в жизни нельзя сделать, пока душа не станет свободной.

(Антон сильно вздохнул и опустил голову). Давай поговорим, – решился Саша, откладывая книгу.

- Нет! – отступил Антон. Его щеки мгновенно зажглись.

- Ты же знаешь, она уже раскаивается…

На Сашу посмотрели недетские глаза. «Господи… Какая же ты личность!»

Антон забрал со стола головоломку. Его дыхание вдруг словно наткнулось на невидимое препятствие…

- Антон, – быстро встал Саша, желая обнять сына.

- Нет! Пусти! – закричал мальчик, не зная, куда деваться. – Я ей не нужен! Она взяла меня из-за… – и вдруг, так и не сумев вырваться, весь сжался, зажмурился…

Саша крепко прижал его к груди – и в этот же момент Антон громко разрыдался. Саша сам едва сдержался, услышав этот заходящийся, давящийся плач. Антон хотел сдержать себя и злился, что не может!

- Ну что ты, что ты… не надо так, – похлопывал он по напряженному плечу, с удивлением чувствуя за этим существом огромную силу.

Антон поднял блестящие глаза, быстро смахнул ладонью слезы. Вся душа смотрела из этих глаз! Обхватил отца руками, прижался головой, и на краткую секунду сжал руки чуть крепче…

«Господи, прости нас!» – взмолился Саша.

- Больше этого не будет. Ты не виноват. Мы очень гордимся тобой. Аля тебя любит.

Слезы внезапно снова побежали по щекам Антона, и он стал стирать их ладонями, прижимая ресницами, словно пытаясь остановить… На его пальце осталась ресница.

- Ой! – вдруг остановился он, удивившись. – А можно я желание загадаю?

- Конечно! Только надо сильно дунуть, она же мокрая.

- А ты возьми ее, а я сдуну ее с твоего пальца, – тут же нашел выход мальчик. Он верил в желание на реснице, но к решению вопроса подходил конструктивно. Это был чудесный ребенок!

Осторожно снял ресницу и аккуратно опустил на подушечку сашиного пальца. Вес веры. Вес чуда. Саша невольно замер, так неслышно легка была детская ресница, и так верила эта чистая, настрадавшаяся душа.

- Готов?

- Сейчас, – заторопился Антон, и вдруг лицо его озарилось, он набрал в грудь воздуха, но не дунул, потому что вдруг улыбнулся, – сейчас, – повторил он, собравшись…

Раз! И ресница исчезла. Антон мокрыми глазами посмотрел на отца.

- Теперь точно сбудется, – заверил его Саша, и секунду они оба молчали. – Знаешь, я всегда мечтал о сыне. Но не сложилось. И я думал: за что так? А теперь вижу, что Сам Бог привел меня к тебе. Это как то расстояние на картине, где они не касаются, помнишь?

- Но если коснешься – разрушишь, – шмыгнул носом Антон.

- А мне кажется, ты мог бы коснуться и сделать еще лучше.

Антон пристально смотрел на Сашу, жадно впитывая смысл этих слов.

- Хочешь, я расскажу тебе о маме? …Я знаю, как ты ее любишь, – начал Саша, когда они сели рядом, глядя в светлое окно, – я тоже ее люблю. Безумно. (Антон не ожидал… но понимал!) А жить с ней сложно.

- Я не сержусь.

- А я сержусь.

- Не ругай! – коснулся Антон сашиного плеча. (Он уже защищал ее!)

- Я уже видел такое. Потом она ужасно мучается, не знает, как…

- Я не буду! – горячо заверил Антон. – Я не сержусь, я простил!

- Я знаю, Антон. Просто я хочу, чтобы дома был мир. У них дома всегда кричали. Ее отец человек непредсказуемый. Мог за малейшую провинность ударить... твоя мама больше времени проводила в библиотеке, чем дома, и книги постепенно воспитали в ее душе другой мир. Ее родители не могли понять, как можно наслаждаться, стоя перед какой-то картиной. Если передавали джаз, отец мог запустить ботинком в радио.

- А мои книги выкидывали в окно…

(Саша принял это к сведению).

- У ее отца случаются вспышки ярости – боюсь, они-то и передались твоей маме. Он часто запирал ее одну.

- Запирал? – изменился в лице Антон.

- Да. Был очень строг с ней, все время контролировал. Пределом его мечтаний было, что она поступит в техникум, выйдет замуж… будет жить, как нравится ему. (Антон привалился к Саше). Смеялся над ее мечтой. А талант – это и есть мечта. Мечта Бога в человеке. Бог верит, что мечта сбудется, и человек беспокоится, чувствуя эту веру свыше. Твоей маме такая сила дана. Когда она училась в школе, у нее совсем не было друзей, но она рассказывала, что бегала в кино смотреть фильмы, а потом играла все роли.

- Вот почему она актриса! – воскликнул Антон. – Она пряталась!

Саша подивился тому, насколько точно и сразу была названа причина и в этот момент сам что-то понял: Таня действительно пряталась! И, боясь, что ее найдут, перебегала из одного образа в другой. Вот почему ей невыносимо было жить без роли – реальность оголяла ее, делала беззащитной.

- Ты прав. Дома, при отце она боялась проявить себя, но, проживая жизнь какого-нибудь героя, делала глоток свободы. Художник всегда ищет пространство, в котором его талант становится максимально зримым. Движение, звук, краска. Для твоей мамы это была игра.

Разговоры с отцом были в жизни Антона чем-то совершенно новым, а Саша впервые открывал для себя удивительный дар Антона – проникать в суть вещей. И понял, что происходит это от удивительной чистоты души.

- Однажды к ним приехал наш театр, и она влюбилась в актера, который играл Гамлета. Она уже читала тебе «Гамлета»?

- Она даже заставила меня монолог выучить, – улыбнулся Антон.

- Ну вот, она уже мечтала, как приедет в Петербург, поступит в Театральную Академию, они поженятся... Обо всем его расспрашивала, стала готовиться. Дома разразился скандал. Отец заявил, что быть актрисой все равно, что быть… – Саша невольно запнулся, но сын кивнул. – И чтоб она выкинула эту идею из головы. Но твою маму это нисколько не остановило.

Антон против воли улыбнулся. Естественно! Это же мама!

- А чем несбыточней мечта… Отец чинил ей всякие препятствия, но она все равно уехала. Для них это был шок, представь: выпускница школы, одна, в чужой город, без знакомых, почти без денег. Для ее отца это было еще одно подтверждение того, что она пропащая. А она, тем временем, нашла того актера. Он разрешил ей переночевать в своем доме, но оказалось, что он женат. Он помог ей устроиться в общежитие, (это место, где временно живут студенты из других городов, пока учатся), помог найти работу. Скоро она уже мыла посуду в кафе, где к ней сразу же начали приставать мужчины.

Антон с тревогой посмотрел на отца.

- Она ведь такая красивая, – мягко улыбнулся Саша, – да еще без денег, без всякой защиты. А она, несмотря на всю свою лихость, очень оробела. В Академии требования оказались куда выше, чем она думала. И тут-то ее и нашли родители. Приехали, как цари, готовые простить, она обрадовалась, что они помогут ей, но вдруг поняла, что ее хотят увезти обратно. Наотрез отказалась. Отец пришел в ярость, напророчил ей полнейший провал, а она сдала экзамены и поступила. (Антон заулыбался, облегченно вздохнув). И началась новая жизнь. Репетиции, лекции, новые люди. Приходилось еще и работать, но она на все была согласна. А родители, поняв, что проигрывают, вообще перестали с ней общаться. Закончив первый курс, она не приехала к ним на лето, и это был последний удар. Отец проклял ее, и ее связь с семьей оборвалась. Ребята на курсе считали ее шальной. Ее красота вызывала зависть. А шальная… она у нас и правда немного шальная, верно?

Антон с улыбкой кивнул. Саша понял, что выбрал правильный путь. Мальчик уже забыл, что наговорила ему Таня. Он всецело был предан ей и, незаметно сообщал о себе то, что было полезно знать.

- А потом вы встретились!

- Да. И я старался помочь ей, и она переехала ко мне сюда.

Антон облегченно вздохнул. Мамины испытания закончились.

…И вдруг Саша увидел, как радость, только что озарившая черты сына, стремительно уходит с его лица. Антон вскочил и выбежал из комнаты.

- Антон! – бросился Саша, сразу поняв, что сработало прошлое мальчика. Вцепившись в занавеску, Антон стоял у окна, стараясь унять бушующие чувства. – Господи, что такое? – осторожно взял он его за плечи.

- Я все испортил! – закричал, мальчик, оборачиваясь. – Я…

- Что ты испортил? Как ты мог что-то испортить?

Но тут на пороге появилась Алина. Антон скрылся в маленькой комнатке, потом вышел – с совершенно сияющим лицом – и подхватил сестру на руки.

- Ну? Все картины посмотрела? – в его голосе и подавно не было слез.

- И часы-павлин, – делилась Аля, разматывая шарф. – Но они не играли.

Нельзя было и представить, что минуту назад он едва не плакал. В памяти всплыла первая их встреча, и Саша вспомнил, как мальчик пытался взять себя в руки. Сейчас произошло то же самое, только еще быстрее!

«Как мало мы знаем их!» – подумал он и вышел обнять дочь.

- Маленький, – подошла Таня к Антону. Она была похожа на испуганную девочку, и Антона убивал ее виноватый голос.

- Мам, не надо, – запретил он ей говорить.

- Ну пожалуйста… – сказала она, покорно останавливаясь рядом и робко касаясь его плеча. – Я тебя так обидела.

Антон сглотнул. Эти слова значили для него на целую вечность больше, чем вкладывала в них Таня.

- Я ничего не слышал, – мужественно отказался он от извинений.

- Не из-за красоты, – нежно обняла она его, – мне душа сказала. – И, коснувшись губами его щеки, зашептала. – Ну прости, стрекозёныш. Ты ведь простишь свою дурную мать?

У Антона перехватило дыхание. Он бросился ей на шею.

Татьяна Толлейн была очень хорошей актрисой.

Глава 22

Близилось 18-е ноября – Антону должно было исполниться 13-ть. Мама с папой, конечно, думали, как это отметить. Мама предлагала кафе, уже звонила, договаривалась, но папа, заметив, что Антон нервничает, спросил прямо. Антон признался, что хотел бы побыть со всеми дома. Однако, чем ближе был день рождения, тем больше он замыкался в себе. Даже заикнулся, что, может, вообще ничего не праздновать. Родители встревожились, спрашивали меня, но я знала не больше. Вечером, когда мы ложились спать, он сказал: «Не хочу!» – и резко отвернулся к стене. И больше ни слова.

В канун его дня рождения я вернулась из школы. Думала, первая – в квартире было так тихо. Вошла в комнату. Весь день лил дождь, капли и теперь барабанили по стеклу. И вдруг – Антон у окна. Его одинокая фигура напомнила мне о завтрашнем празднике. А я уже нарисовала ему открытку… Получился такой красивый павлин. Я каждое перышко ему в хвосте прорисовала! Осторожно подошла и встала рядом, положив руки на теплую батарею. Антон молчал. Волосы отнесены назад, будто порывом.

- Ничего не изменится, – смотрел он в окно.

- Что не изменится? …Ты из-за дня рождения?

- Не хочу день рождения! Я ненавижу этот день!

Молчание. Ужасная неловкость…

- Отметим дома, как ты хотел.

- У меня уже был дом. Целых три… четыре! Ваш – пятый.

Я почувствовала укол в самое сердце:

- Мы что – тебе чужие? (Он молчал) Хочешь, скажу, какой будет торт?

- Я все равно никому не нужен! – вдруг засверкали мне навстречу его глаза. – Никому и никогда! И… оставьте меня! Потому что… если б нужен был… Она взяла меня из-за красоты! – его голос ломался и звенел. – А так – не взяла бы! – и, отвернувшись, снова вцепился в батарею.

Я растерялась, не зная, что говорить...

- Но ты же не виноват, что красивый, – наконец снова решилась заговорить я. – В школе ты всем нравишься. И в моей тоже…

- Думаешь, мне *это* нужно? – посмотрел он мне в глаза, будто ударил.

- Но тебя любят не только за красоту, а за то, что ты… такой добрый, за то, что… – я вдруг увидела, как он слушает и поняла! И слова любви полились нескончаемым потоком! – Они звонят, чтобы твой голос услышать. Ты умный, честный… Я сразу полюбила тебя! Даже не знала, как тебя зовут… ждала, что ты еще придешь. А ты стал моим братом! И я…

Антон вдруг схватил мое запястье:

- Я и есть твой брат, Лейка! Я и есть твой брат!

- Ну… я знаю, – смутилась я, немного оторопев от такого напора.

- Да нет! *Я и есть твой брат*! – повторил он. – Мы брат и сестра! (Я смотрела на него, ничего не понимая, а он вдруг заговорил лихорадочно быстро) Я расскажу. Только нельзя, чтоб они узнали. Я стоял у вашего окна, не потому что… у нас только отцы разные!

Меня обдало жаром. Потом морозом. В глазах засветило. Я испугалась даже, что упаду. Казалось, все волосы разом отделились от моей головы...

- …только поклянись, что не выдашь! – Антон все сильнее сжимал мое запястье, опуская меня на корточки между батареей и цветочным столиком. – У твоей мамы был еще один ребенок, я. За два года до твоего рождения. Она родила меня в Пскове, и сразу же отказалась от меня. Поэтому я – отказник.

Сильный вздох поднял мою грудь. Стало трудно дышать. Во рту пересохло. Закололо в груди – кажется, я как-то не так вздохнула…

- …я жил в детском доме, там, то есть, сначала... я думал, что я один… но однажды в день моего рождения она пришла.

- Мама?..

- Нет. Женщина. Я ее не видел раньше… вся в черном, высокая, старая. Я сбежал в холл, а она сказала, что принесла мне подарок. Я думал, это какая-то помощь, а она достала из сумки конверт и сказала, что когда я родился, она помогала моей маме, что она врач и… что моя мама была очень-очень больна и не смогла сразу меня забрать, но теперь, наверное, поправилась… и в этом конверте ее имя, и если я захочу, то смогу найти ее, ведь мне уже 8 лет, я взрослый, и решать только мне... И еще что-то говорила, но я не запомнил… и что мама актриса и живет в Петербурге.

- Что? – щурясь, пыталась вслушаться я, но будто ослепла.

- Она просила никому конверт не показывать, и когда спросят – показать игрушку, и дала мне пакет с медведем. А мне как раз сказали, что у меня будет семья – меня опекуны хотели взять.

- А в конверте что было?

- Такой листочек… очень тонкий. На нем дата моего рождения и имя «Татьяна Толлейн». Я стоял с этим медведем и листком, у меня руки тряслись… Я так испугался! Прямо, как преступник. Потому что вдруг мама придет, а я уехал с другими. Я спрятал его под рубашку. Те люди меня обнимали, дарили подарки, говорили, что я поеду к ним... Но ведь если мама болела, я думал, значит, она не виновата? Я так мучился… но никому не сказал, боялся, что листок отнимут. И меня забрали на следующий же день.

- Так она пришла за день до твоего отъезда?

- Да! Я был так счастлив! И у них было так здорово… правда, я лоб порезал… я хранил листок, а потом…

- А твой папа?

- Не знаю. У меня тогда был папа. Мне говорили, что это навсегда. А потом оказалось, что меня хотят вернуть. Орали друг на друга, вообще все не так было. А потом по телевизору показали «После полудня»…

- Маму!

- Да! Ее имя на экране! Оно совпало! Я вспомнил про листок, хотел найти скорее ее, чтоб они не успели меня в детский дом обратно отдать, а сразу к ней. Просил их, чтоб они достали мне кассету. Они сначала говорили, что я вернусь в Псков – я тогда во втором классе учился, – а потом отвезли меня в интернат. И я там кассету смотрел на вахте у дяди Миши. Это наш охранник был. Я так рад был, что не в Псков – ведь мама-то здесь живет!

…Мне казалось, что у меня голова едет. Какое-то головокружение поднялось не только в кончиках пальцев, но и в ногах, в руках… все тело будто закружилось. Голос Антона бился в мою душу непрекращаемыми маленькими волнами.

- …но здесь меня тоже могли усыновить. А я не хотел, ведь иначе я к ней вообще не попаду! И я писал ей письма…

- Письма? Но мы…

- Я их не отправлял. Не важно. Я хотел увидеть ее. Вот почему я стоял под окном. Когда я нашел ваш дом, я увидел в номерах квартир, что вы на первом этаже. И это окно как раз и оказалось вашим! И выглянула ты! Я же не знал… я только потом уже понял, что ты мне сестра.

Я сидела на полу уже даже не на корточках, а упав всем весом, потому что ноги отказывались мне служить.

- Тебя кто-то позвал и…

- Мама позвала! Я упала и разбила горшок отсюда, – указала я на угол цветочного столика. – Боялась, что пока буду в кухне, ты уйдешь, а мама…

- Закрыла окно! – горели глаза Антона. – Я увидел ее! (он так обеими руками сжимал мою руку, что в ней кололо иголочками). Она не заметила, я стоял там у стены… Вот почему я на два года старше тебя, – сказал он, отпустив мое запястье, – она нас обоих родила… – и внезапно замолчал.

Я молчала тоже. Мне надо было как-то понять, но этого не происходило. Я *не могла*. Все обрушилось на меня такой лавиной. Жизнь покачнулась, и я съезжала с нее, как со скользкой пластины, стремительно, с ускорением!

А н т о н м о й б р а т.

Мой… н а с т о я щ и й брат.

И тут целый пласт жизни осел вниз, обнажив новый рельеф:

Мама бросила своего ребенка!

Видя, как я потрясена, Антон, пододвинувшись на коленках, крепко обнял меня. Я услышала, как сильно бьется его сердце!

- Антон… а ты можешь показать мне… ту бумажку?

- Да. Только не смотри, где я ее прячу. Еще нельзя. Но я потом обязательно ей скажу! Это моя самая главная мечта!

Я подняла на него ошалелые глаза, а он вскочил и убежал в кухню. …Он прячет ее в кухне? Я попыталась подняться, но все силы отказали мне разом. Так мама усыновила… *собственного сына*??? А почему она его бросила? Значит, он не от папы? А кто был тот мужчина? Это было раньше или она изменила папе?..

Мама изменила папе???

…А папа знает?

Они скрывали все это от меня!

Так я не единственный ребенок!!!

Я дышала, пытаясь прийти в себя, но мир кружился, не давая мне всмотреться ни в одно из своих явлений. Наконец, поднялась и, еле протащившись через комнату, рухнула на кровать. Все. Отсюда я уже никуда не двинусь. Антон вбежал с белым конвертом в руке, включил свет, и комната ярко озарилась. Я зажмурилась. Порыв ветра дробно бросил в окно капли, и мы снова услышали, что идет дождь. При виде белого конверта мне стало так страшно, будто все это действительно было правдой. Сердце забилось так больно! Антон сбросил туфли и залез на мою кровать:

- Вот, – он осторожно отогнул белую плоскость и аккуратно вытащил сложенный вдвое темно-желтый листик.

Все тело стало, как гиря. Я не могла взять листок, даже руку протянуть. И почему-то по привычке запоминала свои ощущения.

- Я не могу… – сказала я и мучительно покраснела. – Прости…

Отложив квитанцию на тумбочку, Антон подобрался ко мне и, обняв, держал так, прижавшись. (Лучше б на месте убил. Мне бы сразу стало легче!)

- Пусти… – слабо попросила я, чувствуя, что голос мой куда-то уходит, глохнет. Меня давила какая-то духота. Попыталась отвести его руки. –

Пожалуйста, пусти, – попросила я ломающимся голосом. Я не могла дышать. Все тело ломило, как от температуры.

Антон отпустил. Он страшно испугался и раскаивался во всем:

- Но ты говорила, что любишь меня, что ты…

Я сильно вздохнула. Я уже не могла всего этого перенести и заплакала. Не знаю почему. Антон с ужасом смотрел, как слезы капают мне на колени.

- Лейка, я идиот! – вдруг закричал он. – Надо было как-то постепенно…

- Нет! – замотала я головой. Я с трудом дышала, сильно хватая ртом воздух. – Мне просто надо… не говори ничего...

- Я тоже люблю тебя, Лейка! – горячо обнимал он меня, а голос был такой нежный, срывающийся! – Пожалуйста, не плачь, а то я тоже сейчас… – он еще сильнее стиснул меня, – Лейка, ну пожалуйста…

Мы оба сдались и ревели, обняв друг друга. Вернее, как бы держась друг за друга, стараясь не упасть, помочь друг другу это выдержать. Когда слезы вышли из наших душ, нам стало немного легче, и мы очнулись в комнате, словно в другом мире. Посмотрели друг на друга. Передо мной сидел мой брат. А я – была его сестрой. Такое большое потрясение, как и счастье – трудно было принять сразу. Мы почти одновременно улыбнулись друг другу, все еще вздрагивая от уходящих от нас слез, удивляясь, что мы такие вот… сидим тут… брат и сестра, оказывается. И неловко рассмеялись.

Наконец, мы были готовы смотреть квитанцию. Мне снова стало тяжело, но я уже могла перевести дыхание. Надо было до конца все узнать. Антон дал мне самой. Я осторожно развернула – бумажка тонкая, ее было так легко порвать! Я увидела старую больничную квитанцию. Сразу бросилась в глаза дата, написанная выцветшей ручкой: *18 ноября 1997* и незнакомым почерком: *Татьяна Толлейн*. О Боже! Это правда! Мамино имя!

Я прочитала еще раз. Это был талончик на дополнительную…

- Анестезия? – удивилась я.

Антон опустил яркие глаза.

- Она очень тяжело меня рожала. Ей было так больно, что делали обезболивающий укол. Это я уже потом понял. Когда я вижу эти буквы, то вспоминаю, что она страдала из-за меня. Иногда даже собирал из них слова…

То, что мы переживали, вряд ли можно описать. Мы отдыхали от потрясения, пережитого вместе. Оно стало залогом нашего родства, болезненно слившегося спустя столько лет. Теперь надо было привыкнуть. Главный удар был позади. Но осознание – впереди.

- Да, – перевела я дух и протянула квитанцию, – и когда ты хочешь ей сказать? Завтра?

- Ты что! Еще не скоро, наверное. Это будет такой удар для нее.

Да. Могу по себе сказать – удар будет… сносящий.

Я протянула руку и потрогала его руку, лежащую на покрывале. Надо же… мой брат. Антон с улыбкой смотрел на меня. Потом осторожно наклонился,

держа в одной руке квитанцию, а второй упираясь в кровать, приблизил лицо и поцеловал меня в щеку.

- Привет! – сказал он.

И вдруг огромное счастье затопило душу!

- Привет! – сказала я, вдохнув всей грудью, и тоже поцеловала его. – Привет! – и засмеявшись, полезла за платком и громко высморкалась.

Мы перевели дух, каждый испытывая облегчение. Драгоценное доказательство было спрятано в тайник, и мы вспомнили про уроки. Я с удивлением оглядывала распахнувшийся простор, обозревая жалкие обломки того, что было раньше моим миром. Когда родители вернулись с работы, шепчась о завтрашнем празднике, я смотрела на них другими глазами. И мне кажется – Антон тоже. Ведь теперь мы делили тайну пополам. Как много было у нас теперь! Я смотрела на маму, которая суетилась у зеркала и вдруг с ужасом поняла: она отказалась от Антона, он жил и страдал, лишенный ее любви, а она живет, будто ничего этого не было. И не сказала папе! И мне!

…И все еще раз перевернулось…

Я не могла представить, что мама может совершить такой поступок – ведь она была такой хорошей! Ведь… она бы не бросила меня? Мысль о том, что она могла бы оставить меня в чужом доме другим людям, и делать вид, что меня нет, так испугала! И я новыми глазами посмотрела на Антона.

Склонив головы над тетрадями, мы, наверное, ничем не отличались от миллионов детей, которые делали уроки по всему миру. Но все изменилось навсегда. Как здорово, что мы даже спим рядом. Огромная любовь к брату затопила меня. Ее было так много! Хотелось броситься и обнимать его вечно! Огромный незнакомый мир хлынул в мою душу, вышибая все с привычных мест. Это было больно, но в то же время это было освобождение.

Проснулась – Антон еще спал. На его стороне учебного стола лежали два пакета с конфетами, которыми он сегодня угостит одноклассников.

Я вдруг все вспомнила: *он мой брат!*

И волной в моем мире обновились краски. Смотрела на комнату и думала: всё, я уже большая. Я теперь его настоящая сестра и должна заботиться о нем. И так захотелось обнять его! Он смотрел мамин фильм, писал ей письма… Я бы всю правду в первый же день рассказала, а он молчал, хотя это была самая большая его мечта. И Толю подарил! А мама бросила его.

Это было новое знание о маме. Она оставила его… прямо в день рождения! «Не хочу день рождения! Ненавижу этот день!» – вспомнилось мне. Выходит, ровно 13-ть лет назад в Пскове, где я никогда не была, мама родила Антона? Но ведь он… и правда очень похож на нее! Я только сейчас поняла, что Антон *очень похож на маму*! И это *доказательство*! Странно, но пока я не узнала, что он мамин сын, я этого как-то не замечала.

…А вдруг папа заметит? – похолодела я. И тут же обрадовалась – но ведь так же лучше! Папа заметит, и скажет… Мои мысли остановились. Вот

почему Антон молчит. Он же от другого папы! Мама изменила, а папа не знает! (Такие преступления, я считала, совершают только самые ужасные люди). И мне вдруг стало так не по себе, что в животе скрутило. Антон молчит, потому что любит папу, хотя он ему не родной.

Действительно, как же сказать тогда? Получается, если Антон скажет, то… сразу все обнаружит. И я поняла, что Антон в сто раз умнее меня, и даже стыдно стало, что я сразу не поняла таких вещей, ведь мне уже почти 11-ть! Бедный Антон! Ну и пусть он от другого папы! (Правда это было так удивительно, что мы родные брат и сестра, а папы разные). И надо же так случилось, чтобы он приехал в Петербург, и мы пришли именно в этот интернат… Мысли остановились, когда я наконец-то по-настоящему осознала, что произошло! Это же прямо как в «Русалочке», когда ведьма дает ей ноги взамен на голос! Мама же могла выбрать другого, а выбрала… своего же сына! По-моему, это уже нельзя понять. Мы живем в сказке! И у Антона тоже будто отняли голос взамен за то, что он у нас. Он все знает, но не может заговорить! …Бедная русалочка, как же ей было трудно!

Я встала с кровати и подошла к Антону. Он свернулся калачиком, уткнув нос в подушку. Антон… Я погладила его светлые волосы. Они такие теплые и мягкие (гладить бы их всю жизнь!) А кто же тогда назвал его Антоном?

У меня была уже тысяча вопросов, но задать их я могла только ему, а он спал и у него был день рождения. Интересно, когда он родился? Вот я родилась в 5 утра. А он? Может, ночью? Или днем? Из разговоров родителей я знала, что мама рожала меня очень тяжело, из-за того, что в Пскове потеряла первого ребенка. У нее был выкидыш. …Я посмотрела на Антона и поняла. *Она его не потеряла!* Она его там родила, чтоб папа не видел, и бросила одного… А маленький ребенок – он же еще не умеет говорить! (Это показалось мне самой страшной подлостью. Ведь ребенок еще не умеет говорить. Он только плачет!) И вдруг сердце переполнилось, потому что я представила, как малыш плачет там совсем один, где-то на полке с ненужными детьми, и все проходят мимо, и делают вид, что не слышат.

И что – мама просто взяла и ушла? Как он мог быть ненужным! Он же такой добрый и хороший! И я едва удержалась от того, чтобы не броситься к Антону. И захотелось отдать ему все свои игрушки – ведь у него никогда не было таких конструкторов и пони, и мозаику тоже подарю. И он не ходил в цирк! (Мой папа лучше его папы, он тоже его бросил).

…Мысли опять полностью стихли. А кто был тот папа? И почему мама любила его? И почему тогда он не взял Антона? Может, мама не могла его взять, но тот папа-то, наверное, мог? Или ему он тоже не был нужен? (Все во мне сжалось! Он что – *вообще* никому не был нужен? Как это возможно, это же целый ребенок!) Наверное, тот папа тоже не хотел кому-то говорить…

У меня в животе опять все закрутилось. Вот как взрослые делают. И эти ненужные дети растут в детских домах, – сделала я следующий вывод, и наконец-то поняла, откуда берутся детские дома и интернаты. Все

произошедшее лишь сегодня начало постепенно укладываться в моей голове, и это было похоже на то, как если бы там, грохаясь откуда-то с неба, укладывались железные дома и вагоны.

Так сколько же мам и пап тайком бросают своих детей? Ведь детских домов много! А потом живут, делая вид, что это не они… Какой ужас!

И мне представилось, что где-то в роддоме есть потайная комната с полками, куда прокрадываются мамы и кладут туда своих детей. А медсестры их также тайком оттуда забирают, приезжает машина и ночью скорее увозит их в детский дом. А потом ребенку говорят, что его родители умерли или… (А что им, говорят, кстати?) Им делают прививки, и мама не поцелует их после этого?.. Стоять одному в очереди сдавать кровь!

…Как мне после этого любить маму?

Выходит, если бы я была от другого папы, она бросила бы меня также? Чужим людям? Воспитателям??? (Я чуть не заплакала от страха). Она думает, что я по-прежнему считаю ее доброй и хорошей, а я теперь все знаю! И тихо, чтоб не разбудить Антона, я прижалась к нему, невесомо обхватив руками. Антон! У тебя сегодня день рождения! Если бы я знала, то нарисовала бы тебе много-много открыток, на все твои дни рождения, отдала бы тебе все игрушки, и книжку про птиц! Я люблю тебя, Антон! Больше всех на свете, потому что должна быть справедливость! И мне стало легче оттого, что я нашла выход. Я буду любить Антона больше всех.

- Спит? – раздался шепот за моей спиной. Я обернулась и увидела маму в ее шелковом халате. Она улыбалась мне, еще немножко сонная и такая красивая! Подошла, присела рядом и шепнула. – Ну, красивый у тебя брат?

«Она взяла меня из-за красоты!» – пронеслось в голове. Я осторожно разогнулась, чтобы не разбудить Антона. Значит, она действительно взяла его не из-за любви, а только из-за красоты. Из-за своей красоты!

- Помнишь, ты боялась? – напомнила она, обнимая меня. – А мы говорили, что выберем тебе самого лучшего брата.

«А там еще остались другие дети, за которыми не пришли» – подумала я.

- Поможешь разложить подарки? Сделаем ему сюрприз.

Как мама может быть такой хорошей и такой плохой одновременно?

- Давай, – и она поднялась, – совсем взрослый мой вороненок.

Все во мне снова перевернулось. Я даже не знаю, чего мне захотелось – закричать, подбежать, стукнуть маму посильнее или расплакаться от какого-то бессилия перед всем, что я стала вдруг понимать… Я просто шла за мамой в такой буре чувств, а Антон спал один в комнате. Мы зашли в спальню – папа уже оделся. Он поцеловал меня:

- Ну что, у брата день рождения?

«Мама тебя обманула» – посмотрела я на него, и мне стало так жалко папу! Ведь он так любит маму! И я крепко обняла его. Он этого не ожидал, но решил, что я от радости. Мама уже суетилась, доставая красивые свертки в подарочной бумаге. Странно, обычно мне всегда интересно, что в подарках,

но сейчас я находилась в каком-то новом, словно замедленном измерении, потому что видела сразу две жизни: одну – снаружи и тайную – внутри. И приходилось понимать сразу обе и делать вид, что я ничего не знаю.

Мы внесли свертки в комнату, стали раскладывать вокруг кровати Антона. Я все думала, что бы ему еще подарить. Может, мой кулон с кувшинчиком? Но открывая тумбочку, забыла, что она щелкает. Антон проснулся.

- С днем рождения, белохвостик! – тут же с улыбкой раскрыла объятья мама. – Ты страшно взрослый! Тебе 13-ть!

- Спасибо, – растерянно произнес Антон, а мне было больно смотреть на это. Он был сонный и такой беззащитный… Я видела: мама играет. И тут же отобрала Антона у мамы и крепко обняла его:

- Я тебя люблю! – и поняла, что надо было сказать: «С днем рождения!»

А потом он, смущенный, разворачивал подарки, сидя в пижаме на корточках у кровати, а папа снимал их с мамой на камеру фотоаппарата. Мама, присев рядом, спрашивала: «ну, а что у нас здесь?» и Антон то прикладывал к себе новую рубашку, то доставал из коробочки красивую модель самолета (это от папы!), а мой павлин так его впечатлил! «А это тебе от Толи, вкусные бяки» – протянула мама Антону пакетики с арахисом в шоколаде и разноцветными M&Ms. Антон улыбнулся, а мама внесла в комнату клетку и сказала за прыгающего воробья смешным хамоватым голоском: «С утра прыгаю от радости! Ой, не могу перестать, такое счастье, такое счастье! Остановите меня!!! (мы смеялись) И чтоб учился на пятерки, чирик-толлейн! И чтоб сдал на пояс, чирик-толлейн! И счастлив был! А не то будет тебе – чирик-толлейн! Ой, какая радость! Какое счастье!»

…Как это все может быть? Я смеюсь, я все знаю. Антон знает. И обнимает маму за подарки. Позавтракав всякими вкусностями, мы пошли в школу. Едва мы оказались одни на лестнице, Антон сжал мне руку:

- Ты ничего не сказала? Не говори! Ни за что, я прошу!

- Я не скажу!

- Поклянись!

- Я клянусь! (Мы вышли из дома и пошли к моей школе). А почему твой папа тебя не забрал?

- Может, он вообще не знал, что я родился.

…Эта мысль не приходила мне в голову.

- А ты вообще ничего о нем не знаешь?

- Нет, – Антон остановился у школьного крыльца и, нагнувшись, посмотрел мне в глаза. – Пожалуйста, не говори.

- Да я же поклялась! (я почти обиделась).

- Ты даже не представляешь, что будет... (Я смотрела на него с улыбкой, и он сдался). Я хочу, чтобы ты была со мной. Ты же моя сестра!

- Привет, Антон! – в три голоса поздоровались с ним мои одноклассницы.

А со мной не поздоровались, козы!

- Привет, девчонки! – бросил он им лучезарную улыбку.

Это был уже другой Антон. В секунду отбросивший свет от всех своих граней. Мимо прошел мерзкий старшеклассник Титов, который вечно задирал младших, бросил на нас косой взгляд, но сказать ничего не посмел, потому что рядом стоял Антон.

- Не скажу, – пообещала я. – Ты такой крутой… уже 13-ть. Я тоже хочу!

- А я не хочу, – сказал он, и его лицо озарилось улыбкой, которая сразу исцелила меня, – хочу, чтоб ты была младше, и чтоб… – он подхватил меня на руки, внес на крыльцо и, опустив у гардероба, поцеловал в щеку.

Девочки просто умерли от зависти, а я стояла и взирала на них с высоты Эвереста. И знайте, паразитки, ему сегодня 13-ть!

Домой он вернулся с подарками. Некоторые ребята в классе подарили ему что-то от себя. Какая-то Даша Соколова вручила ему набор очень дорогих ручек и ежедневник, (я тоже хочу ежедневник!) где весь класс написал свои телефоны. Удобно! Особенно для девушек: они там нарасписывались все! Я тоже не выдержала и написала свой телефон, хотя Антон знал его и так.

Он рассказывал, что его сначала выгнали из класса, а потом он вошел, а они все стоят и поют ему: «С днем рожденья!» Здорово!.. У меня вот так никогда не было. Но я радовалась. Пусть Антону достанется как можно больше любви. Сегодня я ходила по школьным коридорам, примеряясь к тому, что я его *настоящая* сестра, и казалась самой себе особенной.

Вечером на стол были выставлены салаты, зазвучала музыка. Папа повесил в кухне гирлянду. Это был странный праздник, потому что мы с Антоном как бы отделились от родителей, и я чувствовала это отстранение. Когда видела, как мама красится у зеркала, как папа накрывает на стол. Это было *знание*. Я ходила по дому и *знала правду*. Погасили свет, и мама в белом платье, похожая на невесту, внесла торт с 13-ю горящими свечами. Я знала, какое желание загадал Антон. И запомнился момент, когда он задул свечи, и его лицо исчезло в темноте. Мама подарила ему белые электронные часы (младший брат Томаса ☺), и сказала, что он человек нового времени.

С этого дня в моей душе началась грандиозная перестройка. Огромные строительные краны рассуждений переносили по воздуху гигантские грузы новых знаний. Я начинала *жить*.

Это усиливалось. Странное чувство внутреннего неудобства. Теперь ей казалось, что не только приемный сын, но и родная дочь смотрит на нее как-то иначе. Таня обрывала эти мысли, но покоя не было. Это психоз… что дети могут знать? «Тайная» переписка с Антоном давно прервалась. Он ходил на свои тренировки. Но Алина! Взгляд девочки как будто стал более долгим и внимательным. Таня боялась что-то говорить Саше, понимая, как абсурдно все будет звучать. «Это все ты… это ты! – мысленно обращалась она к Антону, глядя на фотографию в рамке. – Я *знаю*, это из-за тебя!»

Глава 23

- Эй! – зашептала я из кровати. – Как ты поймал Толю? (Антон скрестил руки на груди и смотрел в потолок). Я все равно тебе спать не дам! – и, спрыгнув с кровати, я уселась к нему, поймала в клетку рук и нависла.

- Что предлагаешь? (вид невозмутимого торговца).

- Познакомлю с Федоровым. (ждет) Отдам свои карманные! (прыснул со смеху, демонстративно отвернувшись к стене). Ах так! – и я припала к нему, вцепившись в его плечо. – Тогда я прочту маме твои стихи!

То, что Антон пишет стихи, стало для меня открытием, и я окончательно и бесповоротно поняла, что он совершеннее меня.

- Какие еще… – Антон рывком вскочил на кровати.

- А я – нашла! Я нашла!

- Тихо!

- Нашла-нашла!

- Лейка, молчи! Если ты это сделаешь, я тебя в ванной запру!

- И тогда я буду читать их оттуда на всю квартиру, – я поудобнее уселась на краю его кровати, победоносно сложив руки на груди.

- Ты ногу на ногу забыла положить, – подсказал он. Я гневно посмотрела на него, а он, расхохотался и рухнул, накрывшись одеялом.

- Гадкий, мерзкий мальчишка! – бросилась я на него, а он смеялся, придушенный одеялом. – Смотри, а то и правда скажу.

Антон перестал смеяться и посмотрел на меня из-за кромки одеяла изучающими глазами – и снова расхохотался!

- Всё. Расскажу, – я сползла с кровати, но он тут же крепко схватил меня.

- Ладно, стой, – он сел. – Молниеносность. Много наблюдения и… смотришь, где птиц больше в пределах досягаемости, чтобы рукой схватить.

- Ты поймал Толю… р у к о й? – глаза мои полезли на лоб.

- Ну не сачком же! – в его голосе заиграли нотки самодовольства.

- Ты их подкармливал?

- С воробьями это не сработает.

- На лету?

- Когда он на ветке сидел.

Я потеряла дар речи.

Антон наслаждался, отщипывая от своего триумфа по кусочку.

- Они любят сидеть на кустах. Если представить, что их приклеить – ты спокойно дотянешься до любого из них, просто надо опережать импульс.

«Опережать импульс…» – записывала моя невидимая камера.

- Я использовал центростремительную силу руки, когда описываешь ею круг, как на физре, когда просят «грести». Делаешь это, только очень-очень быстро. Идешь на ветку, глаза вниз, а рука… – ррраз! – и смела его с ветки. Если бы она тянулась к нему снизу – он бы удрал наверх, а рука летит, как

снаряд на леске, по окружности. И он не успевает – рука тут же уносит его вниз, поняла? – и он показал молниеносное движение.

Я вздрогнула. И долго молчала.

- Ты самый крутой в мире. Но… он же так умереть может.

- Я его еще три дня в себя приводил.

- Ты бы видел мамино лицо, когда мы клетку нашли!

- Я по нему скучал, честно. Он хороший. Но он меня никогда не простит.

- Не простит. А как ты стихи пишешь? «*Я зажигаю свечу*… – Антон зажал мне рот, но я вырвалась. – *Чтобы не думать. Чтобы она...*

- Лейка! – схватил он меня. – Не смей читать эту дурь! Я же просил!

- Да ведь здорово же!

- Я все сказал.

(Нет, я не могу, когда он такие фразы выдает!)

- Ну как ты их придумываешь?

- Я их не придумываю, я их… как бы слышу.

- Что – прям в готовом виде?

- Лейка, это глупость. Спи, давай!

Он лег, а я опять уселась на его кровати: надо поймать подружку для Толи. Я поймаю! У них будут воробьята…

- У тебя руки слишком короткие, – прочел мои мысли Антон.

- У меня? У меня короткие? – набросилась я, показывая ему свои руки, и началась новая возня. Наконец я пнула его коленкой и, забравшись в свою кровать, затихла. Прошло несколько секунд.

- Лейка! – шепотом позвал он. Я молчала. – Не придуривайся. Лейка, ты не спишь. (Я молчала. Он уселся на мою кровать). Лейкааа… Ле-ечкааа… *Лейка*! Надо же, – многозначительно произнес он сам себе. – Вообще уснула. Совсем. Полностью. Окончательно. Ле…

- Ну что тебе! – вскинулась я, и мы стукнулись лбами.

- Уй! – схватился он за лоб. – Дурацкая Лейка! – хищно схватил он меня за плечи, вдавил в подушку и затряс. – Дурацкая, дурацкая Лейка!

- Пусти! – меня душил смех, и мы то и дело шикали друг на друга.

- Маме не показывала? А то затрясу.

- Нет, – отсмеялась я, – но хотелось. Я тебе в пенал положила.

- Это я так… под влиянием Шекспира. Представь, она хочет, чтоб я монолог Гамлета в студии читал.

- А ты не боишься перед всеми? Я бы не смогла. У тебя талант.

- Правда?

- Да. Ты в маму… я их сразу запомнила.

- Только теперь снова не повторяй. Сможешь забыть? Ну – полностью обратное движение сделать – как запомнила, так и…

- А разве так можно? – округлила я глаза. – «Обратное движение?»

- У тебя мозги лопнут, ты еще слишком маленькая, спи.

- Сам ты маленький!

- Я на два года старше.

- Спи! – вытаращила я на него глаза, копируя его тон.

- И познакомь меня с Федоровым, – укладывался он в свою кровать, и было ясно, что это не просьба.

- Давай, Антон, выходи на сцену, – Таня велела всем остальным ученикам сесть на стулья, а сама села в центре, – расскажи нам свое «быть или не быть». Помни о внутреннем тексте: Гамлет стоит перед тяжелейшим выбором: он сомневается, не играет ли с ним судьба, его предала мать, он чужой в собственной семье. Его внутренняя борьба настолько сильна, что выходит на поверхность этим монологом. Да? Понимаешь? Давай!

Они находились в красном помещении актерской студии, где был небольшой зрительный зал. Таня сидела, опустив на колено сцепленные руки. Антон поднялся на сцену. Таня попросила погасить весь свет, а на сцену направить сверху лишь один луч. Антон встал в этом луче.

- Я могу делать что хочу? – посмотрел он, глядя в темноту пред собой.

- Это твой монолог, – ответила из темноты Таня.

Антон вышел из луча, тут же исчезнув.

- Только на свет выйди, – попросил кто-то из ребят.

- Так я должен стоять в свете или делать что хочу? – прозвучало из темноты с некоторым вызовом.

- Делай что хочешь, – отозвалась Таня, предвкушая что-то интересное.

Антон стоял в темноте и чувствовал их ожидание. Засунув руки в карманы, медленно прошел мимо луча и снова скрылся в темноте. Прошел обратно. Все слушали его шаги. Подошел к лучу. Теперь этот луч был как бы еще одной личностью, с которой он вел разговор:

- *Быть или не быть*… – произнес он и протянул руку к свету. – *Вот в чем вопрос*. – Исчезнув, снова ушел вглубь сцены. – *Достойно ль*
Смиряться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивленье – рассуждал он,
опять остановился, словно решаясь. –
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними? – сделал шаг к лучу. –
Умереть… – еще шаг. – *Забыться.*
И знать, что этим обрываешь цепь –
Антон поднимал голову, его профиль очертился ярким светом, –
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу. – опустил голову, тихо признаваясь, –
Это ли не цель желанная? Скончаться.
– вдруг весь шагнул в луч света. – *Сном забыться* – посмотрел вверх, туда, откуда исходил луч, словно ожидая ответа, но, горько усмехнувшись, вдруг перевел взгляд в темный зал. – *Уснуть… и видеть сны?* (Зрители невольно сжались) *Вот и ответ.* – Кивнул он себе, поднимая руку, изучая

луч света пальцами, перебирая его, как вещество. – *Какие сны в том смертном сне приснятся, когда покров земного чувства снят?* – сжав кулак, резко «сорвал» с луча незримое покрывало.

Тане стало не по себе. Она кожей ощутила… до слез в глазах! Если бы был здесь поэт, который мог бы повернуть произносимые со сцены слова изнанкой, Таня с ужасом прочла бы в них историю своей судьбы:

Признаться или нет, вот в чем вопрос.
Убить тебя твоей преступной тайной
Или молчать? От правды убегать,
Всю жизнь свою мучительно страдая
От непосильной ноши? Для тебя
Что лучше: жизнь прожить, меня не зная,
Как я тебя любил, как я хотел
Обвить тебя беззвучными руками,
И тихо, как молитву прошептать:
«Я сын тебе!» Ужели ты не помнишь,
Как жизнь дала и, дав, – отобрала?
Мне ль облегчить истерзанную душу,
Или надежды все предать забвенью?
Иль, истину осмелясь обличить, –
Гармонию бесценную разрушить,
Чтобы никто уже полюбоваться
Не смог тобой, в душе не осудив?
Когда б ты знала, как мне тяжело
На ощупь пробираться там, где свет
Мне должен был сиять неугасимый!
И греясь у родного очага, –
Дрожать и мерзнуть, как в сырой пещере!
И сто призывов к Высшей Благодати
Не будут так полны, как слово «мама»,
Когда его ребенок назовет.
Но мне отказано в отраде этой.
Я для тебя чужой и ты на ключ
Замкнула от меня святой источник.
Я смерти обречен. Признаться мне?
Спасти себя? Дверь выломав внезапно, –
Наброситься и требовать любви?
Но это ведь подобно святотатству.
К святым местам идут с покорным сердцем,
Мое же полно бури и огня.
От копоти я черен. Где был храм –
Черно по стенам. На алтарь безмолвный
Роняю слезы я, как на надгробье…
Вот вся моя душа перед тобой.

Что делать мне? О, если бы ответ
Начертан был на этом небе светлом!
Когда бы я в душе твоей прочел
Беззвучное святое разрешенье
Обнять тебя как сын, и, боль отдав, –
Узнать твою любовь! И встретить счастье!
И от его избытка умереть!

Таня была сражена. Понимала одно: Антон талантлив. С ним надо работать. Она вся замерла, подобрав ножки в туфельках подальше под стул.

…Вот в чем разгадка. – читал Антон. *– Вот что удлиняет*
Несчастьям нашим жизнь на столько лет.

«Вот в чем разгадка!» – снова перестала слышать его голос Таня.

…Удар кинжала! Кто бы согласился,
Кряхтя, под ношей жизненной плестись… –

«Удар кинжала! Зачем я тогда не умерла! Но если умру, то буду наказана»

…Так погибают замыслы с размахом,
В начале обещавшие успех… –

«Так погибла моя мечта, моя вера, вся моя жизнь погибла в тот день!»

Но довольно! Офелия! – вдруг протянул к ней со сцены руку Антон. –
О …радость! Помяни мои грехи в своих молитвах, нимфа.

«Господи!» – блеснула молния ужаса в танином сердце, и в тот же миг луч света, в котором стоял сейчас, протягивая к ней руку Антон, – дрогнул и погас. Упала тьма. Ребята, оцепеневшие на своих стульях, испытали страх.

- В чем дело? – раздался в темноте испуганный вскрик Тани.

- Пробки полетели опять, – донесся голос рабочего сцены, – проводка…

- Жуть какая, – пробормотала Таня. – Дайте свет! Включите аварийный!

Послышалась возня справа от пульта. Приглушенно и красно зажегся аварийный свет, и Таня увидела пустую сцену:

- А где он? – чувствуя суеверный страх, обернулась она. – Уверена, наш принц скрылся для пущего эффекта! – обратилась она к двери зала.

Ребята сразу заговорили, все хором, что у них просто мурашки…

Но на вешалке пальто Антона не было. И тут Таня вспомнила:

- Ну конечно! – и посмотрела на часы. – Дзюдо. У принца тренировка.

Она отпустила учеников. Те поспешили домой, обмениваясь впечатлениями, а Таня осталась одна перед пустой сценой.

- Господи! – не выдержала она и быстро закрыла лицо руками.

…Весь день Таня не могла найти себе места. Догадки, одна страшнее другой, как трещины, раскраивали поверхность, на которой стояла ее жизнь, с треском отделяя куски и показывая разломы. Ей просто мерещится. Она не оставила тогда никаких сведений о себе. Но почему от его взгляда по спине у нее шел мороз! Почему не могла она больше нормально спать! Чтобы так читать Гамлета, нужно иметь другой жизненный опыт!

И Таня снова упиралась в стену: Антон просто очень одаренный мальчик, вот и все. Надо признать и гордиться этим. Пыталась успокоить себя: светло-русых мальчиков много, и... Лея напрасно с ним любезничает! Сколько можно обниматься! Она теперь буквально виснет на нем! Таня остановилась, потрясенная мыслью: а что если ее дочь *влюбится* в Антона? Ведь по-настоящему они не родные. Их кровати стоят рядом. Нельзя было селить их в одной комнате! Нельзя забывать о той характеристике – он способен схватить острый предмет и поранить себя, а значит и другого!

Таня опять обругала себя, но тревога против всех доводов росла. Изо всех сил Таня старалась спрятать свой страх, но он, как воздушный шар, надувался над ее головой, отрывая от земли, она цеплялась за траву, а трава рвалась в ее пальцах...

Был один из холодных декабрьских дней. Делая уроки, я замерзла. Увидев, что я дышу на руки, Антон сказал, что пора сделать перерыв. Взял сборник мифов, сел на диван, усадил меня к себе на колени, укутал свитером, и стал читать про Дедала и Икара. Я мигом согрелась и сидела в нем, как в домике. Прижала ухо к его груди и слушала его голос внутри. Так смешно!

Но тут вошла мама и застыла, глядя на нас:

- Лея, встань! – сказала она так резко, что мы испугались. – Просто неприлично уже… (Я не ничего поняла, Антон возразил, что мы замерзли, но она не слушала) Уроки не сделаны, нечего тут любезничать, – и ушла к себе.

Мы с удивлением переглянулись. Мы не «любезничали», мы просто сидели вместе. Отложив книгу, мы вернулись за учебный стол.

Саша с интересом разглядывал альбомный лист, на котором Алина изобразила дерево с ветками-руками и разноцветными листьями.

- Это я так Антона люблю, – пояснила она и оглушительно укусила сухарик, – было задание нарисовать любовь. Сказали на выставку возьмут!

- Он уже видел? – улыбнулся Саша (девочка помотала головой и в ее глазах мелькнула радость предвкушения). А это? – он указал на второй лист и заметил, что Алина хотела его спрятать. На рисунке были изображены полки, на которых стояли корзины и коробки.

- Это… это склад.

Врать Алина она не умела, и ее манеру оправдываться Саша тоже знал в совершенстве – она опускала глаза, и начинала накручивать волосы на палец.

- Склад чего? – поинтересовался он, внимательно наблюдая за дочерью.

- Вещей, – Алина разглядывала свой поясок и выглядела очень виноватой, что заставило Сашу еще раз невольно вглядеться в рисунок. Из одной корзины торчала маленькая детская рука, но она была стерта, и на бумаге остался лишь легкий след от карандаша.

- Тут кто-то лежал? – сощурился Саша. – Кукла?

- Да, – быстро схватила Алина листок и положила под другие.

«Как странно!» – удивился Саша.

- А это? – потянулся он, увидев черный угол альбомного листа, наглухо заштрихованный простым карандашом.

- Это он, – хрустела сухариком Алина. – Рисует всякую жуть.

- Довольно мрачно, – согласился Саша. Вверху листа, словно нависая, была нарисована дверь с ободком света по контуру. И полная тьма вокруг.

- Весь карандаш на это истратил, – поделилась Алина.

- Он сказал, что это?

- Просто хочет казаться взрослым, – сказала Алина, – все мальчишки так.

Алина ошибалась. Саша увидел черный край неизвестной ему жизни.

- Лейка, почему женщины так переживают из-за одежды?

- Я не переживаю, – складывала я на стуле свои вещи.

- Она готова была убить меня из-за той блузки.

- Да забудь ты уже! Может, это счастливая блузка была. Тотем.

- Где ты набралась таких слов?

- Урок про древних людей.

- Значит, это была древняя блузка, – заключил он. – А раз так – могла и порваться. …Она избегает меня. Я ей неприятен?

- Ты не можешь быть неприятен! – тут же вырвалось у меня. Брат метнул на меня засверкавший внезапным зазнайством взгляд, и я поскорее сменила тему. – Как там твоя география? Ты уже час над страницей сидишь.

Он спохватился, закрыв лист рукой, а я уже была рядом, полная внимания.

- Если обещаешь молчать, – тут же поставил условие Антон.

- Опять? Я и так все время молчу.

- Это пока черновик, – и он отвел руку.

Я увидела текст, испещренный правками, стрелочками и добавлениями. Забежала брату за спину и, по привычке захватив его плечо подбородком, жадно заскользила по антоновым строчкам. Какие-то характеристики, мамин стаж работы в кино, знание английского, разговорный французский… Вторая страница вся была покрыта ее подписями. *Поддельными*!

Антон смотрел, ожидая. Я нахмурилась и пребывала в раздумьях.

- Еще одна подсказка, – улыбнулся он и расписался маминой подписью.

Ого!.. Я в восхищении посмотрела на него, но...

- Последняя попытка, – нагнулся он и полез в свой рюкзак.

Боже, сколько у него там дисков! И тут меня осенило:

- Ты ходил в видеопрокат! Класс! Что взял?

Вместо ответа Антон выгрузил на стол стопку совершенно одинаковых дисков… с маминым «После полудня». Я уставилась на яркие обложки. Фильм же был только на кассете!

- Ну? – ждал Антон. (Я смотрела на него с испугом). – 14-ть дисков. Я нашел семь киностудий. Пошлем в каждую по одному, плюс резюме.

Меня хватил столбняк:

- Ты пишешь маме… резюме?

- Я гений в этом вопросе, – поправил он на носу воображаемые очки. – Ну… чтобы помочь ей… – он уже складывал диски обратно в рюкзак. – Должен же я как-то искупить вину за испорченный экспонат палеолита, – и, подавив смешок, сидя возле рюкзака, посмотрел на меня исподлобья.

Вот тут-то мои глаза стали уже, наверное, как плошки. Я даже сглотнула два раза, чтобы слюна прошла. Так вот куда ушли все его карманные деньги. Заделался маминым продюсером! Во псих!

- Антон… а ты уверен?

- Абсолютно! Я напишу, а ты со своим поэтическим чутьем проверишь.

У меня поэтическое чутье? Он спятил. Он что, серьезно решился продвигать мамину карьеру? А если кто-то узнает, что подписи поддельные!

- А адреса студий… откуда?

- «Желтые страницы», интернет, – пожал он плечами, – смотри, вот список, – и вытянул из-под учебников еще один лист. – Послать посылку совсем не сложно. Я еще реставрацию изображения заказал – цвет стал ярче!

И давно он этим занят? Подпольщик! И все из-за розовой блузки???

- Блузка того не стоит, – уверенно сказала я.

- Она больше всего хочет играть, – не слушал он, – давай подтолкнем! Она же никогда не умела себя пробивать. (Вот это он зря). Может, если бы я тогда все не испортил, ее бы взяли… Моего одноклассника Геру помнишь?

- Высокий? (вспомнилась жизнерадостная каланча на снимке класса).

- Да. У него подруга у мамы… так, еще раз, – поправился он, пытаясь повторить движение своей мысли, что выглядело так, будто он нанизывал на пальцы невидимую пряжу. – У Геры мама. У мамы Геры – подруга. В Москве. Так вот: эта подруга – большая шишка на одной киностудии, и там в закрытых кругах стало известно, что идет кастинг на новый фильм и претендентки на главную роль присылают видео-резюме и анкеты.

- Что же это за «узкий круг», если даже ты узнал об этом?

- А нам-то что, – улыбался Антон, – женщины всегда все друг другу рассказывают по секрету (он смотрел в мое непроницаемое лицо). Мама под эту героиню так подходит!

- Ты что – уже и сценарий прочел?

- Узнал содержание. Я напишу резюме и пошлю вместе с фильмом. Все на какой-то сайт видео загружают, а этого фильма нет нигде. Сюрприз! Я еще нам хочу сделать, вдруг пригодится на премьерах, ну, устроить викторину для зрителей, выдавать, как призы.

- Да… – (больше я не знала, что сказать).

- Леечка, ты ведь понимаешь, что если ты об этом заикнешься…

- То умру страшной смертью, – и я показала ему «рыбку-пучеглазку».

- Вот кому надо было быть актрисой! – рассмеялся Антон.

- Ну уж нет! Краситься? – и я изобразила, как мама красит глаз.

- «По флакону на рыльце» – вспомнил он и вдруг серьезно посмотрел на свои листки. – Думаешь, из этого что-нибудь выйдет?

- Ну, (я скопировала его ясные глаза) послать посылку совсем не сложно!

Глава 24

Они уже уходили из торгового центра.

- А мои языческие нужды? – покосилась в сторону витрины Таня.

Антон и Алина следили, как папа оценивает степень риска, которому подвергается семейный бюджет.

Таня очень выразительно смотрела на огненно-синюю сумочку, обшитую стеклярусом, которая красовалась за стеклом. Степень риска зашкаливала.

- Нет, – отрезал он жестко.

Таня закусила губу:

- Очень подойдет к моему синему платью, – более тихо добавила она, осторожно вздохнув. – И к черному тоже... с бахромой, помнишь?

Саша поднял брови, будто с ним разговаривал инопланетянин.

- А если я скидку попрошу? – с надеждой посмотрела она.

- На твою сумочку можно зимние сапоги купить.

- Зимние у меня есть, – хозяйственно напомнила ему Таня.

- И сумок миллион, это что, – кивнул он на ее модную сумочку, которую она тут же спрятала за спину. И, подняв опасные уголки улыбки, припечатав ямочки на щеках, посмотрела так проникновенно:

- Саша... – острые кончики ее глаз унеслись вверх, ресницы – за ними, веснушки позолотились и тихонько заворковали. А глаза гипнотизировали...

Дети с интересом наблюдали.

- Даже не думай! – отвел взгляд Саша.

Антон, спасая положение, толкнул тележку вперед.

Они уходили от огненно-синей сумочки! Они *удалялись*!

- Таня, идем, – звал Саша, – мы еще за квартиру не платили, дома только картошка и геркулес, а дети есть хотят.

- Дети, вы хотите есть? – изумленно обернулась Таня, будто только что обнаружив их в своей жизни.

- Хотиииим! – закончили оба, предательски улыбаясь.

- И нечего на меня смотреть, – упредил Саша. – Всё. Погасни!

Таня знала, что он получил премию, и просто решила указать на вещь, которая ей действительно нравилась. Саша решительно встал в очередь. Таня покорно прошла за ним и увлеченно разглядывала всякие мелочи на кассе.

- Дети, хотите леденцов?

Но дети знали: дело дрянь. Пропал папин покой и папина премия. Сумочка только с виду оставалась на витрине, а на самом деле она уже торжественно плыла к Тане...

Вообще, когда Таня что-нибудь просила, она становилась убийственно хорошенькой и такой покорной, готовой принять отказ (конечно, одна видимость, но какая!) Она применяла разом все запрещенные приемы, выпуская сладкие коготки обаяния, тончайшие, как микроскопические иголочки, – и полосовала душу, вливая в ранки смертельную дозу своих чар. Никакого буйства и в помине. Только кроткая (наглая!) просьба и ясные чистые глаза. И так было всегда. Саша знал этот механизм в совершенстве, мог разложить его на составляющие, но… А вдруг эту шляпку купят? Она растеряна. Глаза на мокром месте. Розовые губы чуть приоткрылись – и видна эта сумасшедшая линия воздуха. Нет, вам не хочется, чтобы этот ребенок плакал! Вы готовы отдать абсолютно все, лишь бы он не смотрел на вас этими расстроенными глазами, полными надежды на ваше всесилие и если что – готовыми упиться печалью…

«Когда ты умеришь свои аппетиты! У тебя сколько шляпок?» – «Саша, это же мечта, взгляни!» (Он знал: глядеть ни в коем случае нельзя, но не глядеть не мог!) Она подлетала, снимала самую стильную, черную – и этим чисто женским движением, разведя локти – опускала ее себе на голову. «Ну?» – оборачивалась она. Чего и следовало ожидать: она была всех милее в этой шляпке. Что-то среднее между леди и девчонкой, удравшей с уроков. Шляпку стоило купить уже хотя бы за то, как она с ней обращалась, чтобы видеть, как она подхватывает ее снизу, поддерживает легкий край, усаживает на прическу, клонит набок и вертится перед зеркалом, радуясь, как дитя. Красивое, уличное, голодное, способное разорить даже миллионера.

И, конечно, шляпка покупалась, и Таня, тут же надев ее, хватала его под руку и прижавшись, смотрела на себя во все витрины, и люди оборачивались на нее, до того она была хороша. А ему в такие моменты почему-то жалко было ее до слез. Хотелось любить ее до сумасшествия, чтобы утолить эту ее жажду любви. Как она обращалась со всеми этими молниями, крючками, шнурочками, ленточками! А этот звук, когда она расчесывала волосы, и они пушились, окружая ее диковатое лицо. А глаза, чуть видные снизу!

Она была создана просто для того, чтобы являть себя миру. Всегда выбирала смелые вещи и умела их носить. Гардероб ее состоял из десятков боевых единиц разного калибра: балетки, шпильки, босоножки, тенниски. Чего не было – так это кроссовок и спортивных штанов. Зато были туфельки и сапожки – замшевые, кожаные, лаковые, бархатные. А ремни и пояски, а искусственные цветы из шелка и войлока, которыми она украшала прическу, а бесконечные сверкающие брошки в виде всего на свете – страшно сказать, сколько их было… И что-то во всем этом просвечивало детское. Какая-то сиротская жадность, собирательство этаких «штучек». Шарфы, вьющиеся на ветру. Серьги, серебряные браслеты на ее тонких запястьях.

Шляпки – отдельная статья. Надев шляпку Таня становилась… А сумочки! – это была вообще часть ее мышления! Но больше всего было платьев – легкие, струящиеся, таящие прозрачность, с легчайшим переливом и

отблеском материалов, рукавами, переплетом лифа. Эти вырезы, открывающие ключицы, эти декольте, линии шеи и загорелых плеч… сверкающая кожа… черные платья в пол, каблуки… Единственное, чего Таня не носила никогда – это мини юбок. Зато обожала драные джинсы и маечку-размахаечку, чтобы ветерок обдувал, и ходить босиком, с тонкой цепочкой на щиколотке и орать от испуга, что наступила на дохлую лягушку.

Отказывать ей в подарке, если уж она на что задумала – все равно не имело смысла. Она дулась, упрямилась, ловчила, пускалась во все тяжкие, но все равно бежала и покупала заветное сокровище, будто оно могло спасти ей жизнь. И прятала на дне шкафа, чтобы потом, спустя недели две, (на больше ее просто не хватало) «случайно» найти. Разумеется, Саша все эти хитрости знал, оценил, пытался бороться, но пришел к выводу, что бесполезно. Последнее, что могло бы ее убедить, – это трезвые доводы рассудка.

Мужчинам она кружила головы не глядя. Они сворачивали себе шеи, следя за ее перемещениями, а она шла навстречу Саше через холл кинотеатра, где была очередная премьера *не ее фильма*, шла, подбивая подол в стремительном шаге, и скромно брала его под руку. Вокруг щелкали камеры, виновники торжества подозрительно косились на светловолосую красавицу, а она, наклоняясь, смущенно отвечала репортерам, что она просто гость, но она тоже снималась в кино и от всей души поздравляет группу фильма… А потом лихорадочно высматривала журналы в разделе «Светская хроника» – попала ли она хоть на одну фотографию.

Каждый такой выход – испытание для его близоруких глаз, не выдерживающих яркого света. Приходилось тайком капать капли в туалете, но без него она ходить не хочет. Стоит в длинном вечернем платье, сверкающая сумочка зажата подмышкой, черные перчатки выше локтя, валик светлых волос на затылке, спина открыта. Ни одна женщина не выглядит здесь роскошнее… и нелепее – все одеты проще. В руке бокал шампанского (Таня держит его для вида, алкоголь она не никогда пьет). Достаточно взгляда, чтобы понять, как ей здесь одиноко. С нее будто живьем содрали кожу. К ней боятся подойти, но все ее разглядывают. Внутри стоит крик: *жизнь проходит*! В такие минуты он понимает, как мало подходит ей. Рядом с ней должен быть герой из фильма. …Идет. «Какая тоска! – мчится ее шепот, она на ходу ставит бокал шампанского на поднос… – Идем!»

Лето. Таня в легкой тунике, с голыми ногами бежит к нему через комнату. Свежий цвет лица, вся светлая, с просвеченными волосами, – завитки пушатся у висков и лба, будто смеются, на переносице бледные веснушки – красота дает свой избыток. «Хочешь семечки?» – протягивает горсть. О, эти коварные глаза со звездным остроконечьем! Лямочки… чистая россыпь веснушек на каждом плече. Эти веснушки были уже чем-то запредельным. Саша дня не мог прожить, чтобы не вжаться в них губами. А Таня в шутку вымогала у него за это всякие лакомства, а потом сидела, чистила ему тонкими пальцами

апельсин, приспустив бретельку. Веснушки улыбались Саше, а Саша сходил с ума от всех этих линий, от их перезвучья…

…И все же было в ней что-то сломанное, – и повреждение это было так сильно, что всегда становилось заметным, едва Таня совершала движение. Всю жизнь Саша пытался понять, что это, и как стянуть края пропасти, которую не могли заполнить ни сумочки, ни платья, ни нежные слова… Даже его огненная любовь не в силах была остановить эти безмолвные страдания, которые ходили внутри нее осторожными шажками...

Таня была без сомнения очень талантлива. Жить с ней было трудно. Порой в ней высвечивался взрослый незаурядный ум, умение за минуту собраться и сделать блестяще! – но Саша знал: ее не хватает надолго. Она изо всех сил старается, но просто не может выдержать – и отпускает вожжи. Сколько дней и ночей любуясь ее пораненной красотой, которая так настойчиво, так упрямо запрещала себя защищать, Саша чувствовал горечь невыплаканных слез над этой разрушенной кем-то жизнью. Над силой, о фантастических возможностях которой можно было лишь догадываться, не окажись она разбитой. Таня могла бы получить весь мир, если бы захотела, но ей нужно было только одно: любовь, вопреки всему, и чтобы не ругали.

Он понимал, что позволяя ей всю ее безалаберность, делает еще хуже. Но давить было нельзя – характер Тани тут же выкидывал «пружинку». Вдруг обнаруживалась вся хрупкость этой конструкции, которая чудом удерживала баланс, подорванная где-то в основании. Саша никогда не чувствовал, что хоть на йоту приблизился к разгадке. Лишь ясно, до физической боли чувствовал, что ей плохо. И спешил подарить еще одно платье, и крепче обнять ночью. Но отмычки к ее несчастью не было.

И все же, даже разбитая страшной бурей и вынесенная прибоем к его ногам, Таня была прекрасней всех на свете, и ни одной секунды он не отдал бы за право снова стать свободным. Он прижал бы ее крепко и до самого конца держал бы. И целовал бы волосы, и берег веснушки, и дышал бы только рядом с ней. Но он не успевал за ней. Она летела вперед с какой-то страшной скоростью, и он боялся, что она опять поранится, и изо всех сил старался не потерять ее из виду, а она мчалась все быстрей!

Был вечер, и мы были одни дома. Теперь нам как-то спокойнее было без мамы, она стала такой раздражительной. Я включила «Русалочку» и устроилась на тахте, откинувшись на валик. Антон завалился рядом.

- Смотришь? – я так любила песню Ариэль «Часть твоего мира»!

Но Антон спал. Я нажала на «паузу». За окном порошил снег… В этой гимназии столько задают. Неудивительно, что Антон устал. Мама теперь все время его одергивает. И в детстве его не гладили... Мне вот самой так иногда хочется, чтобы мама как раньше прижала меня к сердцу и назвала «мое перышко»… Но та мама осталась где-то в прошлом.

На экране замерла Ариэль, так и не допев свою песню. Я нажала на кнопку извлечения, и диск тихо выехал из DVD-плейера. В животе у Антона заурчало. Я погасила свет и пошла в кухню, размышляя над тем, чем бы его накормить, ведь все-таки было уже 9 вечера и у меня у самой урчало в желудке. Открыла холодильник: мамин сок, творожная корзиночка, папины капли, мамины кремы… капуста. Ряд яиц. О! Горошек! А еды-то у нас нет. Сварю картошки и открою мясные консервы. И еще (я бегло оценила неполную корзину с помидорами) сделаю салат. Добавлю огурцы, зеленый лук, перец – раз они кончатся, мама же все равно купит. Антону надо поесть!

Я принялась за работу. Через 30 минут в кухне вкусно пахло вареной картошкой. (Ужасно боюсь пара, но Антон же как-то ее сливает). Красиво разложила тарелки, вилки, поставила горчицу (мужчины ее очень любят). Занял место и мой салат – он так аппетитно пах свежими огурцами и луком, что у меня у самой потекли слюнки... Даже магнитолу включила. Все, как Антон! Прошла в комнату и громко открыла дверь. Этот звук разбудил его.

- Боже… который час? – приподнялся он.

- Кто садовый сонь? – включила я свет и нависла над ним.

- Очень вкусно пахнет, – признался он и потер глаз. – Так чем кончилось?

- Она вышла на принца Эрика, – улыбнулась я и сообщила. – Я приготовила ужин! (Он посмотрел на меня более осознанно). Картошка с мясом, салатом и горошком!

- Лейка… – он посмотрел на меня и покорно кивнул, надеясь на мое гостеприимство. – Я все это хочу.

- Тогда иди мыть руки! (я хотела сама побыстрее запихнуть его в ванную, чтобы он поскорее увидел, как я все оформила).

- Нееет! – вдруг горестно воскликнул он и рухнул обратно на тахту. – Французский опрос… Убей меня, Лейкааа… мне столько учить.

Сидели и уплетали за обе щеки, а Томас показывал почти 10-ть.

- Мммм… Леечка, ты ангел, – Антон глотал кусок за куском.

- Не, не ангел. Цветами не пахну. Света нет.

- Будешь? – его глаза хищно остановились на сочном салате.

Мне тоже хотелось, но я замотала головой. Ему нужнее. Антон поднял салатницу и запросто опрокинул салат в тарелку. Типичный жест Антона.

- Господи, как вкусно! – жевал он. – Лейка, ты прирожденный кулинар.

- Да ты голодный просто, – ответила я, но сердце обливалось счастьем.

- Что у нас к чаю? – в его бодром голосе проснулись силы, глаза оживленно заблестели, движения стали быстрыми.

- Есть корзиночка с творогом… да отдай ты! – отобрала я у него тарелку, которую он вычищал кусочком хлеба. Я ему еще блины испеку!

Поставила нам чашки. Я чувствовала себя очень взрослой, наливая ему кипяток, держа тяжелый чайник двумя руками, как Золушка.

- Это мамина! – увидев корзиночку, запротестовал Антон.

- Она сказала, мы можем ее есть, – уверенно соврала я.

- Правда? – во взгляде Антона все еще было сомнение.

- Как хочешь, – сказала я, пожав плечами, – убирать?

Корзиночка быстро исчезла из прозрачной коробочки.

Ого! Да я как взрослая, прямо… Антон предложил помыть посуду, но я, снова надевая фартук, строгим голосом отправила его учиться.

- Будешь хорошей мамой, – посмотрел он на меня и исчез.

Когда Томас показал половину 11-го, пришла, наконец, мама, еле живая после генеральной репетиции в студии (они ставили «Евгения Онегина»). И я тоже ее накормила. Только она не заметила, что ужин готовила я, и что он вообще был. Не спросила, как наши дела, как прошел день. Но поев, увлеченно рассказывала о каком-то новом фильме, и будто даже не мне… что там роль как раз для нее… Может, Антон прав с этим списком? Я вдруг увидела (наверное, именно потому, что сама приготовила ужин, а она не оценила), что она вообще не очень-то замечает нас всех.

Я снова убрала со стола, помыла посуду, а внутри было какое-то незнакомое удивление, которое воспринималось, как взрослость. Мама изменяла папе. Мама бросила Антона. И хоть она не бросила меня, это, наверное, потому что папа был рядом… и я ей… не очень-то нужна.

Я вернулась в комнату, где занимался Антон, и мне сразу стало легче. Ему я нужна! И стала делать уроки на другие дни. Но мысли продолжали приходить сами. …Она не спросила, как мои оценки. Вот Антон даже знает, что я сделала шпору на биологию. Что у меня карандаш с голограммой. И две зеленые ручки, потому что у меня клин, что одна потеряется.

Я посмотрела на брата. Он страдал больше, чем я, его забирали чужие люди. …И вдруг так захотела увидеть папу!

- А где корзиночка? – раздался голос из кухни.

- Ее съел растущий организм, – сразу громко ответил Антон.

- Какой из них? – судя по голосу, мама была готова рассердиться.

- Мой, – хором сказали мы, являясь на пороге кухни из темноты коридора.

- Бей, – самозабвенно выпятил грудь Антон.

Мама посмотрела на нас, видимо решая, что с нами делать, но снова полезла в холодильник. Странно, в этот момент она могла бы спросить, как наши дела, оценки. Но она просто достала сыр, багет и принялась делать бутерброд. Я стояла и осуждала ее. Я очень хорошо помню этот момент. Она почувствовала и, посмотрев на меня, наконец-то по-настоящему увидела.

- Что? – спросила она, и ее рука с ножом замерла.

- Лейка, пойдем, – тут же завернул меня Антон. Он каким-то седьмым чувством всегда угадывал, когда в воздухе собирались тучи.

И мы снова сидели и занимались. А я так ждала папу! Скорей бы. Он так много работает. Надеюсь, ему хватит там еды. Я легла, а Антон все учил, иногда тихонько проговаривая французские слова. Сквозь сон я слышала, как вернулся папа. Сказал, что поднялся сильный ветер, и снег летит прямо в лицо. Зашел, поцеловал меня – от него шла морозная свежесть улицы.

Приоткрыв глаза, я видела, как он стоит за спиной брата, и читает что-то в его тетради. Он любит нас! Потом он ушел есть, а я провалилась в сон. Самое приятное в том, чтобы быть мамой – это наработаться, устать побольше, а потом они говорят, что было очень вкусно.

Таня почувствовала обвинение в ее взгляде. Алина еще никогда не смотрела на нее так. А Антон убрал ее с дороги, и они ушли. «Черт знает что! – подумала Таня, механически продолжая делать бутерброд. – С тех пор как он появился здесь, у нас творится черт знает что!» Остановилась, увидев свое отражение в черном окне. Задернула занавеску. В тишине раздался колкий звук мелкого снега, брошенный порывом в окно.

«Я одна, – вместе с этим ударом поняла она. Кромешный мрак открывался за этой мыслью, но Таня вернулась к бутерброду. – Скорей бы Саша. Это *он*, *он* все сделал! Черта-с два прикопаешься! Он же *знает*, что я мучаюсь! Что он сделал с Леей? Он страшный, почему только я вижу это? …Потому что страшно только мне, – поняла Таня и села, держа в руке нож и бутерброд. – Ненавижу тебя! – мысленно сказала она Антону. – Я выпровожу тебя отсюда (схватила яблоко). Они не знают, кто ты. Даже я, даже я не знаю ничего! – чистила она яблоко, срезая шкурку. – Ты все гасишь. Ты…»

- Мам, – вошел в кухню Антон с тетрадью, – можешь проверить, я…

Она остановилась и посмотрела на него. Ее глаза были такие черные и такие страшные. Они делали ее красивое лицо зловещим.

- Ладно, – понял Антон, но увидел спиральную шкурку яблока, подошел, и, сунув ее в рот, жуя, улыбнулся. – Самая сила!

И ушел. Таня посмотрела на очищенное яблоко в своей руке и почему-то вспомнила рисунок и надпись: «не все». «Я узнаю твое прошлое! Ведь ты такой идеальный, чтобы я и вправду решила, что ты такой!»

А Антон с сильно бьющимся сердцем стоял посреди комнаты, освещенной одной лишь лампой. Он никогда не видел у мамы такого страшного лица. Она *такая* – могла его бросить. Она не понимала, как этот взгляд изуродовал ее. Будто он увидел демона, живущего в ней. Не зная, как успокоиться, Антон обнял спящую сестру – она дышала тихо и спокойно.

…Ветер бился в окно всю ночь. Таня слушала его, замерев в горячих руках Саши. Слушал его и Антон, лежа в своей кровати без сна. Ветер порицал их обоих, бросался в окна, улетал ввысь, набирал гнев и возвращался снова. Он не умел молчать.

Глава 25

Антон обожал заставки Google.com, флаги разных стран и помидорчики черри. Стоило родителям их купить – ему сносило голову, и он съедал их все. Потом ужасно стыдился, но черри все равно уже были съедены. А еще

географию. Рисовал мне карты и подписывал: «*Лейкина обида. Масштаб 1:3*». Ненавидел ограничения. Когда мама в очередной раз накричала на него, запретив слушать магнитолу, он тут же включил ее на полную мощность, и заявил: «просто она тоже решила, что я виноват и не сдержала эмоций». Мама сдалась, поставив ему «5» за талант и «15» за наглость. Я никогда не смогла бы так, а он сразу переходил к действиям.

Эти фразочки, смс-ки: «Что делаешь?» – «Ем творог». «Капли не капаются, интернет не интернится», «Лейка, слышишь? Это падает пыль» «так, ты в зоне ответственности», «твой чай охладел». Смотрит, как сгущенка укладывается ниточкой на кашу: «Тебе еще долго?» – «Меня это завораживает». Сквозняк перенес пакет: Антон шарахается в сторону, выкатывая глаза: «Он живой!» «Меня сном сразило»: сонно моргает склеенными глазами, лохматый – ужас! – и идет обратно в комнату, как слепой... Он мог разговаривать серьезно, но предпочитал нести всякую чушь.

Он был гибкий, легко садился на шпагат. Я учила его профессиональным растяжкам, а он меня – самообороне. Я сидела у него на ногах, когда он качал пресс, но он говорил, что я слишком легкая и просил меня брать еще папины гантели. Иногда, когда он отжимался на руках, я была «гирькой» у него на спине. А если пыталась ему помочь, он грозил: «А*лл*ея!» (с нажимом на две «лл»). Так у него «Леечка» трансформировалась в сигнал-предупреждение и первый признак недовольства. Постепенно он начал приподнимать меня. У него уже такие мускулы… Однажды нас так застала мама, тут же сняла меня с Антона и сказала, что он свихнет себе шею, а я что вообще думаю? И мы решили, что будем отжиматься, когда ее нет.

Дома было холодно. Сквозило отовсюду. Мы с Антоном улеглись на тахте перед учебником французского, укрылись пледом и принялись учить. Но тут вошла мама и рывком сорвала с нас плед. Мы испугались, увидев ее лицо.

- Мам, нам холодно, – заметил Антон, а я показала наш учебник.

- Антон, встань, – не глядя на него, ждала мама. Антон поднялся с тахты и надел свои домашние туфли. – У тебя уроки сделаны?

- У нас перерыв. Мне только…

- …ты считаешь, что поступаешь правильно?

- У меня уже все, – пришла я на помощь.

- Антон, выйди.

Он посмотрел на нее с удивлением, и, выйдя в комнату, обернулся.

Что мы сделали? Заняли тахту? На ней все равно никто не спит…

- Как здорово! – констатировала мама, и впилась в меня глазами.

- Мам, мы просто читали, – снова заговорил Антон.

- Ты сейчас же идешь в кухню и доделываешь уроки, а Лея…

- Почему в кухню?

- Почему я здесь? – спросили мы почти одновременно.

- Чирик! – вдруг неожиданно возник воробей, и я улыбнулась, а мама, заметив мою улыбку, пришла в ярость:

- Потому что я так сказала! – закричала она, отшвыривая плед в сторону. – И ты слезай!

- Чирик! – жизнерадостно добавил Толя.

- Мам, что с тобой? – спросил Антон, невольно подавив улыбку.

- Не надо мне тут идиота разыгрывать! – закричала она, краснея. – Лея, выйди! – и сожгла Антона глазами. – Кто ты вообще такой!

- Толя не хочет, чтобы он ушел, – улыбнулась я.

- Зато я хочу!!!

После этого крика сразу стало тихо.

- Только скажи, – вдруг раздался в тишине холодный голос Антона, – и меня завтра же здесь не будет. Только бумаги о моей непригодности подпиши. И характеристику.

Мама посмотрела на него с ненавистью.

- Тогда я тоже уйду, – выступила я и смотрела на нее в упор, не сводя глаз.

Секунду она молчала, глядя на нас, и вдруг с отвращением выдохнула:

- Цирк…

- Причем тут цирк! – взвилась я, задетая за живое.

Ненавижу, когда с презрением говорят «Цирк!» *Ненавижу!*

- Мам, что с тобой? – заметил мое побагровевшее лицо Антон.

- Я не с тобой разговариваю! – рявкнула мама. – Ты хоть слышишь себя, Лея, какая ты стала! Посмотри, в кого ты…

- Мы просто учили французский! – закипела я.

- Не надо! Я все вижу!

- Ты ничего не видишь, – спокойно возразил Антон, удерживая меня.

Несколько секунд мама смотрела на него, и быстро вышла, бросив:

- Продолжай в том же духе, Антон, ты же у нас специалист.

Спустя минуту, она оделась и ушла из дома, хлопнув дверью.

Мы остались одни в мертвой тишине. Я ничего не понимала. Что мы сделали? Уроки были готовы, мы не шумели, не включали магнитолу, не трогали компьютер… Почему она хотела отсадить Антона?

Антон сел на свой диван. Я присела рядом.

- Не думал, что здесь будет также, – наконец сказал он, глядя перед собой. Помолчав еще пару секунд, он встал, сел за стол, достал какой-то учебник и, уперев лоб в ладонь, весь ушел в чтение. – Папе ничего не говорим.

А я вдруг поняла, что не слышу толиных лапок. Подошла к клетке. Толя сидел внизу на газетной подстилке, весь сжавшись, припав грудкой к полу.

- Толя… – сердце мое переполнилось жалостью. – Толя испугался, – сказала я, обернувшись, но Антон не ответил. Я открыла клетку, протянула руку, воробей, спасаясь, метнулся от меня и снова завелся и пошел.

- А меня сегодня Маша Зинович с лестницы столкнула, – вспомнила я, возвращаясь за стол, – весь день болит. Если хочешь, я тоже не скажу.

- С лестницы столкнула? – Антон поднял глаза. – Она что, больная?

- Просто вредная.

- С самого верха?

- С середины.

Антон встал, включил большой свет и подошел ко мне.

- Ой, да ладно, мне из-за этого колготки снимать, – сжалась я. Брат молча ждал. Делать нечего, сняла колготки. Я и не думала, что будут такие синяки...

- Когда ходишь – болит? – быстро спросил он.

- Немного. Но больше, когда сгибаю.

- Зинович? – уточнил он.

- Ой, не надо, они такие богатые…

- Значит, им будет, чем платить за ущерб, – ледяным тоном отрезал он, и, присев, уже осматривал мое колено. Хоть отвлекся…

Неожиданно вернулась мама. Бросив на нас взгляд, прошла к себе.

- Только коленками ударилась? – переспросил Антон, не обратив на нее никакого внимания.

- Еще рукой, но не сильно. И вот тут, – я показала локоть.

- Ни головой, там, ничем таким не стукнулась? – Антон оценивал локоть. – Сдачи дала?

Я испугалась, что должна была столкнуть Зинович с лестницы.

- Она сразу убежала, – соврала я. (На самом деле Зинович еще отпустила пару едких шуток вроде того, что у меня ноги кривые, поэтому я и упала).

- А была какая-то причина? – продолжал дознание Антон.

Я вспомнила причину и сразу опустила глаза.

- Мой новый пенал, – призналась я (пенал с Русалочкой, который подарил папа). – Она сказала, что… даже если я везде наклею себе Ариэль, я все равно уродина, ни одному мальчику не нравлюсь, что я закомплексованная консерва...

- Лейка, да ты в тысячу раз красивее Ариэль!

- …и что кого я хочу обмануть, мне не место в нашем классе.

Антон метнул взгляд на мою сторону учебного стола:

- «Не место в классе»? Не место в классе??? И где твой пенал?

- Она… – я покраснела, вспоминая свой ужасный день в школе.

- Она… – помогал мне Антон.

- Бросила его в туалет.

- В мусор? (я закусила губу). В унитаз, – понял Антон. – И ты позволила? И не врезала ей?

- Она его, когда я в столовой ела, из моего рюкзака вытащила.

- Ты сказала учительнице? (я помотала головой) Почему?

- Потому что, – еще тише призналась я, – боялась, что она тогда все мои вещи испортит, а у меня еще тетрадка с Бэлль…

Наступила тишина. Я тяжело вздохнула.

- Пенал достала?

- Нет, – и тут я вспомнила свой новенький пенал со всеми разноцветными ручками в унитазе, и слезы сами закапали из глаз.

В эту минуту вернулся домой папа.

- Так, сиди, – и Антон мягко положил руки мне на плечи. – Не плачь, – и вышел в прихожую встречать папу (мама не вышла).

В моей душе затеплилась надежда. Кто-то отомстит за меня!

- Привет, – улыбнулся папа. – Как дела в школе?

- Девочка столкнула Лейку с лестницы и утопила ее новый пенал в туалете. У нее синяки на коленках и локте. Я буду разбираться.

- Что? Аля, это было сегодня? Почему ты не позвонила! – папа быстро повесил дубленку, скорее подошел ко мне и увидел синяки. – Господи, Аля!

- Я завтра же поговорю с учительницей, – сказал Антон, – и с Зинович надо взыскать.

Мне стало страшно, как мощно все обернулось.

- Зинович? – вспомнил папа. – Уже слышал эту фамилию на собраниях. Богачи. Алечка, а давай продезинфицируем.

- Нет! – взмолилась я.

- Спортсменка, а боишься, – пожурил папа. – Антон, перекись.

- Нет! – сжалась я. – Я не содрала кожу.

- Содрала. Вон, смотри. Ходишь в спортзал, нужно, чтобы все быстро зажило. Кошмар какой, столкнуть с лестницы. Что, правда утопила пенал? (Антон вернулся с баночкой перекиси). Давай, Антон, я пока руки вымою. Мама знает? – он разогнулся.

Антон смочил ватку. Я зажмурилась.

- Да брось, Аля, какая ерунда! – оглянулся папа с улыбкой.

Он пошел к маме, а ватка осторожно промокнула мои коленки.

- Ой, Лейка, сжалась, как ежик, – улыбнулся Антон. – Все, можешь открывать.

- Таня? – заглянул папа в спальню. – Ты в курсе истории с пеналом? (Мы с Антоном замерли). А что случилось? – спустя секунду раздался его изменившийся голос. Мы старались расслышать, но папа закрыл дверь.

- Спасибо, – с благодарностью посмотрела я на брата, а он закрепил мне пластырь. Он может справиться с Зинович. И даже к директору пойти!

- Таким надо сразу отвечать. Иначе сядут и поедут, – сурово сказал он. – «Не место в классе»! В следующий раз бей в нос, резко, я тебя научу – поняла? Сразу станет вежливей.

- Поняла, – послушно кивнула я, не представляя, как я дам в нос крупной, уже грудастой Зинович, с ее маникюром и дважды проколотыми ушами.

Папа вышел из комнаты и вернулся к нам:

- А что же вы маме ничего не сказали? Такое нельзя оставлять, а то сядут и поедут. (Уважение к брату подскочило до высшей отметки). Антон, беру это на себя. Но только сначала, Аля, ты мне все подробно расскажешь.

Мы переглянулись. Он ничего не знал. Папа мгновенно почуял недоброе и выжидающе замер. Теперь скрывать было бесполезно.

- Антон, ты был за старшего, у вас тут что-нибудь было?

- Ничего особенного, – уже снова садился за уроки Антон.

- Мама сказала, *кто он вообще такой*, – с неожиданной злостью сказала я и осеклась, увидев негодующие глаза брата.

Папа посмотрел на Антона, потом снова на меня:

- …так и сказала? – ничего не понял он.

- Просто она устала, и ей не понравилось, как я на нее смотрю, – попытался смягчить все Антон. – Мы учили французский и...

- Мы просто для теплоты плед взяли, – поспешила добавить я.

- И все?

- И что он строит из себя идиота и в этом специалист, – также жестко выдала я, – и хотела отсадить его, чтоб он в кухне был.

Ничего не говоря, папа ушел на ту половину квартиры, закрыв за собой дверь. Я не поднимала головы, а Антон жег меня глазами:

- Зачем! Опекуны все время из-за меня ругались. Она орала на меня, а он на нее. Она снова орала на меня, и так по кругу! Я не хочу этого здесь! Теперь он ее ругать будет.

«А вот и пусть» – впервые подумала я и тоже села за стол. Антон прочел мои мысли и долго смотрел на меня. Я уставилась на цифры в своей тетради.

- Лейка, ты что, совсем ее не любишь?

Я подняла глаза – но не потому, что осмелела, а потому что была удивлена. Она гнала его, а он ее жалел. Этого я понять не могла. Вернее, для того чтобы понять, требовалось приложить усилие, а я его не приложила.

В спальне послышались громкие голоса. «Ты так сказала?» – «Оставь меня в покое!» – «Таня, ты вообще соображаешь, что говоришь!» Антон зажмурился, а потом посмотрел на меня, как на предателя. Его лицо сморщилось, как лепесток цветка, который продавили ногтем. Не выдержав, он решительно встал. Но в этот момент на той половине резко открылась дверь, и папа сердитыми шагами вошел к нам.

- Папа! – бросился к нему Антон. – Она не виновата, я просто…

- Антон, – папа взял его за плечи, – мама попросит у тебя...

- Нет! – закричал Антон, будто его ударили. – Я не хочу! Я…

- …а твоей Зинович завтра придется просить прощения перед всем классом. И ты выберешь себе новый пенал, а они оплатят. И учите французский, Бога ради.

Все-таки здорово, когда за тебя заступаются. Вообще, папы – это проявление справедливости в этом мире. И старшие братья тоже.

Ужинали мы втроем. Антон ел молча, низко опустив голову. Он считал себя виновным за мамино отсутствие за столом. А утром папа пошел со мной в школу, и я была полностью отомщена.

После того как Антон получил оранжевый пояс по дзюдо, мама вырезала из картона смешного вороненка с рыжим поясом и закрепила на стене. Она уже вовсю ворковала над Антоном, подарила ему модный свитер, и в доме снова звучал ее смех. Мы выдохнули. Когда было плохо ей – было плохо всем. Странно было наблюдать. Едва Антону казалось, что можно раскрыть тайну, мама каким-то непостижимым образом сразу делалась тревожной, хмурой и снова цеплялась к мелочам. (Кстати, прощения она так и не попросила). Но едва он отступал, – веселела и снова была нежной и ласковой. Решающий разговор откладывался, грядущий Новый год казался мне удобным поводом, и наши споры по поводу «сказать или не сказать» превращались в настоящие бои: «Я сожгу квитанцию! Что от нее проку!» – отчаивался он. «Только попробуй!» – пугалась я.

Он держал ее в каком-то тайнике. Это был всего лишь больничный листок, тонкий и хрупкий, а ведь это было доказательство! Но однажды я нашла. Листок оказался в тоненькой книжке рецептов, спрятанной под кухонный шкаф, где немного отставал линолеум. В день, когда Антон обнаружил пропажу, мы остались вечером одни – папа с мамой с ушли на светский прием. В комнате горела только лампа. Мы столкнулись:

- Отдай! Я знаю, это ты взяла!

- Что взяла?

- Думаешь, я шучу? Отдай сейчас же! – прижал меня к двери Антон.

- Я не дам тебе ее сжечь! Скажи ей в Новый год, в бой курантов!

- А ты подумала, что с папой будет? Не любил – сказал бы.

- Я тогда сама скажу!

- Только попробуй. Я тебе обещаю на своей крови, что в тот же день убегу из дома.

- Тебя полиция найдет, – боролась я, выворачиваясь из его стальных рук.

- Не найдет. Лейка, отдай!

- Так нечестно! Она ведь… я тоже, когда не знала, любила тебя, но не так… когда знаешь, все совсем иначе!

- Она за столько лет даже не вспомнила обо мне!

- Откуда ты знаешь?

- Открыть все, значит сказать, что она не очень-то хороший человек. И папа разлюбит ее. Это разрушит вашу семью.

- *Вашу*? Не думала, что ты такой трус! – оттолкнула я его.

Доля секунды – и я рухнула на пол, задев стул, который упал на меня, больно ударив еще незажившие коленки (чертово дзюдо!) Я вскрикнула от боли и от неожиданности. И в ту же секунду, отпихнув злосчастный стул, он сжал меня в объятьях:

- Если ты прямо сейчас меня не простишь, я умру, – сказал он, и я почувствовала, как он боится – вдруг я заплачу.

- Прости. Я знаю, что ты не трус… Почему «ваша» семья?! – обернулась я с негодованием. – Я что – тоже для тебя приемная?

- Родная, – сказал он тихо. – Родная. Ну прости... прости.

Мы расцепились и сидели на полу.

- Больно ударилась?

- Коленки, – вздохнула я, морщась, разгибая ногу.

Антон опустил голову и молчал.

- Ударь меня, – подставил он руку, – давай, со всей силы.

Я легонько ударила. Он скорчил мне кислую мину.

- Да не хочу я тебя бить!

- Трусишь?

Я врезала ему по носу, как он меня учил, чего он никак не ожидал. Я в ужасе застыла, а он подхватывал ладонью бегущую кровь и… хохотал!

- Лейка… пять баллов!

Я бросилась в ванную, грохнула по выключателю – яркий свет ослепил меня. Что я наделала? Избила собственного брата. Вбежала в комнату:

- Вот, держи! – сунула я ватку. – В ванную! Быстро!

Наши глаза встретились в отражении зеркала. Я, перепуганная, виноватая и лохматая, он – в запятнанной кровью толстовке.

- Отличный удар!

- Зачем ты меня этому научил? – протянула я ему новую ватку.

- Зато никто не трус. Мир? – он сунул ватку в ноздрю.

- Мир. Как нос?

- Сломан в двух местах.

- Что?..

- Да нормально все, – рассмеялся он. – Как коленки?

- Будут синяки, не обольщайся. …Мы идиоты.

- Зато родственники, – Антон протянул руку за квитанцией. Я принесла буклетик рецептов. Он проверил – ценная бумага была на месте. – Запомни, – его рука легла на мое плечо, – ты предашь меня, если расскажешь первой.

- Я испугалась, что ты ее сожжешь. Ты бы жалел потом.

Он склонился и молча поцеловал меня в макушку.

Я вздохнула. Обожаю, когда меня целуют.

Когда родители вернулись, в комнате был порядок, стул стоял на месте, а капли крови были вытерты. Мы оба лежали в своих кроватях и, как полагалось, спали, – а они, прямо с праздника, возбужденные, вошли и сразу заговорили шепотом, чтобы нас не будить. (Все родители так делают!) Я не знаю, спал ли Антон. Мы пожелали друг другу спокойной ночи два часа назад. Но я не спала. И, прислушиваясь к маминому голосу, вспоминала: «…это значит сказать ей, что она не очень-то хороший человек».

Каждый день Антон просыпался с надеждой, что найдет способ открыть правду. Мы оба жили этой верой и придумывали, какой праздник устроим, когда все откроется. …Как мы были наивны!

Глава 26

Был вечер воскресенья. Мы с Антоном провели весь день вместе, гуляли по городу, папа дал нам денег, и мы сходили в кино на целых два фильма, всласть наобсуждались (мама привила нам эту привычку). Стало темнеть, мы возвращались домой довольные, весело толкая друг друга и предвкушая, как мы сейчас поедим. Уже подходили к двери, как вдруг замерли – мы услышали крики! Первая мысль: забрались воры! Но мы узнали голоса. Мама и папа о чем-то спорили в большой комнате, а она была как раз напротив входной двери. Инстинктивно затаившись, мы подались к скважине.

- Да она же влюблена в него! – кричала мама. – Она его целовала!

- В губы?

- Нет. Но они все время обнимаются, целуются, ходят за ручку.

- И все? – улыбался папин голос.

- Они не брат и сестра! Какими глазами она на него смотрит! Ему четырнадцатый год пошел. Теперь смотрю: уже лежат вместе. Она колготки перед ним спустила…

- Ее девочка с лестницы столкнула, почему тебя *это* не волнует?

- А почему она мне не показала? Я мама! Я женщина!

- Ты накричала на них, а потом вообще ушла.

- А нечего на тахте разлеживать!

- Господи, Таня… я наоборот… Это все вздор. Я думал, что-то серьезное случилось. Извини, но они еще чистые дети, им и в голову не придет…

- Ты что – слепой? Я нутром чую: она прямо вся уже…

- Да, он красивый парнишка, но он любит ее, как сестру. Она так ожила...

- Она посылает меня теперь к черту, вот как она у нас «ожила»! «Я тебя ненавижу!» «Я уйду из дома!»

- А ты что сама наговорила? Дети на тебя никогда не нападут. Они просто *реагируют*.

- Они слишком часто остаются одни, – мамины каблуки застучали громче. – Дети тоже бывают разные. Пробуют наркотики, нюхают клей, туда ходят педофилы…

- Так. Стоп. Боже… ты слишком много смотрела своих фильмов. Антон любит ее, как брат. Точка. Аля любит его, как…

- Ты не статью свою пишешь! Опекуны писали, что он может…

- Они лгали, чтобы избавиться от него. Ты обвиняешь детей, а забываешь взрослых. Его мать не оставила даже отказной, родила и сбежала! (Мы с Антоном перестали дышать). Как вообще можно после этого назвать ее матерью? А ведь она где-то ходит!

- Может, с ней случилась беда, и никто не мог…

- Даже если беда, Таня, взрослый человек может о себе позаботиться, а младенец нет. А то, что они обнимаются и целуются, так, может, потому, что ты их не гладишь и не целуешь? Ты бегаешь на свои собеседования.

- Саша, мы сделали ошибку, взяв его. Что нам делать, если что-нибудь случится?

- А что может случится? – не понял папа. – О Господи, Таня, мне трудно понять, как идет твоя мысль.

- Но с ним что-то не так! Он все время наблюдает за мной… вдруг это для того чтобы узнать, когда меня не будет дома? Она теперь смотрит на меня как-то... Может, им уже есть что скрывать! (Мы с Антоном переглянулись. Безотчетно, хоть и не с той стороны, мама отыскала причину своих волнений). Девочки нам уже весь провод оборвали, а он у нее вообще все время перед глазами. Правда, она не так красива…

- Он еще ребенок!

- Совсем не следит за внешностью. Неудивительно, что она никому не нравится.

Меня убили наповал. Так вот что думает обо мне мама… А на день рождения она мне говорила совсем другое! Антон посмотрел на меня. Мы оба были несчастны, но не могли перестать слушать.

- Ты так мало знаешь их, Таня, – грустно зазвучал папин голос, – так мало доверяешь им, а дети всегда это чувствуют. Он ничем...

- Ты знаешь, каким тоном он со мной уже разговаривает? Как он смотрит!

- Я не замечал, чтобы он как-то специально наблюдал за тобой.

- Но это так! Я старалась заботиться о нем, брала на прогулки, водила в театр, я занималась! Я каждую рубашку выбирала… а какое пальто…

- Как ты не понимаешь, Таня, ты покупаешь ему дорогие вещи, которые никогда не были для него доступны. Тебя же учили разбирать конфликт на твоих лекциях? Поставь себя на его место. Вспомни, в чем он был, когда мы его забирали? Футболка, джинсы, одна куртка чуть ли не на все сезоны. А ты ведешь его в эти магазины. Он привык носить простые вещи, постоянно двигается, носится. Нужна одежда, которую не жалко порвать. А ты как будто яркий прожектор на него направила.

- Но это не значит, что он должен ходить, как оборванец. Дай тебе волю, у нас все будет, как в естественной среде! Какие часы я ему подарила!

- Таня, ему нужны не часы, ему нужна твоя любовь!

Наступило молчание. Мы с Антоном вжались в дверь…

- Я боюсь его, – вдруг призналась мама. И в этом впервые, за всеми несусветными отговорками послышалась правда. – Мне хотелось бы держать его на расстоянии. На *очень* большом, Саша. Он знает обо мне буквально все.

- Но ты же его любимая актриса.

- Да я же снялась всего в одном фильме! – в отчаянии воскликнула мама. – Этого фильма никто не знает. Почему я? Ему что-то нужно от меня, он что-то скрывает. Он читал у меня Гамлета… меня прошибло до костей, он будто… Саша, он совсем не такой! Вежливый, любящий – а там черное дно под этим! Не может такого быть. Я же ему не мать! Должен же быть хоть какой-то

зазор! Я прихожу домой и напрягаюсь, вместо того, чтобы расслабиться, потому что он там, как убийца пасет меня.

- Я не знал, что всё так далеко зашло. И знаешь, что я думаю: тебе надо успокоиться. Потому что этот страх – страх перед вторым ребенком. Ты не знаешь, как вести себя с ним, потому что он уже взрослый, а попав в новый дом, он, естественно, тебя изучает, и да, у него тоже есть прошлое, которое он может бояться открыть. Я специально его не спрашиваю. Но твой страх – просто гипертрофированное чувство растерянности, он…

- Саша, все, что я хочу – это чтобы он исчез. Чтобы…

У Антона вырвался отрывистый вздох.

- А вот этого не будет, – спокойно возразил папа. – И я прошу тебя прекратить все разговоры на эту тему. Мы семья. Тебе придется справиться. Это непростительная трусость и слабость, недостойные тебя. Вспомни, как ты сама хотела взять его, не хотела смотреть других детей? Ну вспомни!

- Я была дурой…

- Ты была счастливой! Я никогда не видел тебя такой. Ты сказала, что будь у тебя сын, ты бы хотела, чтобы он был именно такой. И все сложилось! И парень чудесный. Мы прошли все инстанции, сдали все экзамены… Уже почти год прошел. С Алей поладили.

- Но прошел год, и *я* не могу справиться, Саш. Я все время ловлю себя на том, что хотела бы от него что-то скрыть. Не знаю… накричать на него! Это его внимание как… радиация какая-то. Это *я* живу под прожектором! Он вытесняет меня из моей жизни! И плевала я, что зацепок нет. Он весь – сплошное совершенство. Начиная с этой его внешности. Мы даже на фотографиях похожи. Один цвет волос!

Мы с Антоном переглянулись: так значит, мама все увидела и поняла!

- Таня, я уверен, что есть еще тысячи людей с таким цветом волос. Он смотрел твой фильм годами, он весь – твоя копия. Дай время, это исчезнет.

- Не исчезнет. Это усиливается! Он ужился тут, всем угодил…

- Вот сразу пресеки, ладно? Его объективно есть за что хвалить. И твой страх – он только твой, пойми это, как взрослый человек. Ты-то уже не ребенок. Только давай…

- Может, это потому что обычно берут маленьких, – не слушала мама, – и я не успела стать ему своей…

В ее голосе слышалась подавленность. Она мучительно пыталась догадаться, в чем кроется тайна, а *тайна была*! И она чуяла угрозу. Так вот почему она так срывается! Я посмотрела на Антона. Он был так бледен.

- Тань, будь он маленький, – пытался успокоить папа, и мы услышали скрип, (он сел на мою кровать), – ручаюсь, тебе было бы тяжелее.

- Может… пошлем его в какую-нибудь школу? В Европу?

- Он учится в одной из лучших школ города. Заграница нам не по средствам. И он несовершеннолетний. Хватит с него и одного переселения. Точнее двух… даже трех! Не забывай, была же еще опека. И его вернули.

- Да может, неспроста! Я уверена, они тоже сначала были покорены этим его обаянием.

- Для него это тоже было непросто. Представь: довериться снова, совершенно незнакомым людям. Это огромное мужество надо иметь. И воробей – это поступок. И поступление в гимназию. Может, это у вас обоих период такой. Нас об этом предупреждали. Дай ему время. Нельзя просто так взять и услать его. Он теперь по всем документам – наш родной. Он Александрович и… если ты от него откажешься, то его адвокат отсудит у нас часть этой квартиры, потому что ему надо будет где-то жить, и ты будешь до восемнадцати лет платить ему алименты.

- Саш… – почти заплакала мама, – ну пожалуйста, помоги. Я не могу так одна больше...

- Таня, ты не одна. У тебя есть я. Хочешь – давай съездим куда-нибудь, отдохнем…

- И оставить их вдвоем? – в голосе мамы был неподдельный страх. – Да не могу я, как ты не понимаешь! – судя по цокоту каблуков, она опять вскочила.

- Ты сама загнала себя в угол, и не оставляешь себе выхода.

- Нет! – страстно возразила мама. – Это *он* не оставляет мне выхода. Это *он* запер меня здесь!

- Так, все, – папа тоже поднялся. – Давай остановимся.

- Я хочу, чтобы он ушел!

- Это невозможно.

- Уж лучше алименты!

- А о нем ты подумала? – повысил голос папа. – Ты его мать.

- Нет! Не его! – закричала мама. – Моя дочь – Лея, я точно знаю, что она моя, а он… Рядом с ним она тоже изменилась. Кричит на меня, нападает!

- Ты взяла его как сына, – жестко отрезал папа, – сама пришла, выбрала...

- …но ребенка хотел ты!

- Мы – семья. Ты взяла на себя ответственность. Я говорил тебе, что ты не готова взять подростка, ты меня слушала? Ты же у нас сама все решаешь. Ты дала ему обещание первая. Это же не кино!

- Причем тут кино! – взвилась мама.

- Потому что он не игрушка, черт побери! – взорвался папа. – Он живой человек, с нервами, с надеждами! Ему рано пришлось взрослеть. Его бросила мать. Взяли люди, которым он поверил, и бросили в чужом городе, в этом интернате. А ребенок талантливый. Ты сама говоришь, он там всех потряс в твоей студии. Взял сразу столько нагрузки. Ты можешь представить, что будет значить для него твой отказ?

- Саша!

- Нет, постой. Давай, ради справедливости, развернемся на 180 градусов и посмотрим на это с другой стороны: он называет тебя мамой, он рос среди чужих людей, его вернула опека, он четыре раза отказался иметь семью ради тебя, а ведь он сирота. Докажи сначала, что стоишь такой жертвы.

- Но именно это-то меня и пугает! Он как будто выбрал меня!

- Нам говорили: дети часто придумывают себе родителей. Его нельзя отправить назад.

- Я слышала, что можно. Если они не уживаются….

- Не уживаешься с ним только ты. Попробуй, отними его у Али и это поменяет и ваши отношения. Как ты можешь так предать их!

- Но Лея в него влюблена!

- Чушь! Оставь их, наконец. Ты совсем запуталась в своей жизни и тебе придется с этим разобраться, – папа тяжело дышал. Весь этот разговор ему давался нелегко. – Ты веришь мне? Если не ориентируешься, если потеряла управление – положись на меня, для этого мы и есть друг у друга. Нет ничего такого, что тебе мерещится. Да, в нашем доме теперь живет еще один человек, и он требует к себе внимания. С его прошлым он мог бы сейчас пить, курить, связаться с дурной компанией, не знаю… воровать! Но ты получила просто идеального сына. И это для тебя-то, которая едва занимается детьми – и не спорь, я прав. Отлично учится, воспитан, хорош собой, учителя хвалят. Ты ведь не ходишь на родительские собрания, Таня, а я знаю, что он выиграл две олимпиады и один из лучших игроков в баскетбольной команде. И сдал на пояс. Уже в школе на хорошем счету. Але с уроками помогает. Встречает ее с гимнастики, когда темно, хотя сам еще ребенок. Ты это делаешь? А ведь он ей чужой, а ты – родная. Ну как? Неужели ты веришь, что все это можно делать с какой-то дурной целью! Сама посмотри, как нелепо все выглядит. Да, я сам удивлялся: нет зазора. Но ведь у других именно с этим проблемы, а нас и эти сложности обошли стороной. Ты все время его отталкиваешь. Остановись! И хоть иногда похвали Алю, хоть за что-нибудь. Это не будет длиться вечно. Лично у меня этот парень вызывает глубокое уважение. Он личность. А ты…

- А я? – уязвленно подцепила мама.

- Не потому ли ты так боишься, что он сильнее тебя?

- Саша, он все время следит за мной!

- Нет, это ты никого к себе не подпускаешь. Алю тоже. Естественно, они ищут твоего внимания. Им надо куда-то…

- А если он сын какого-нибудь уголовника?

- А ты уверена, что Але не передалась тирания твоего отца? Никто не идеален. Ты подумала, какой в этом случае будет резонанс? Нас занесут в черный список. Мы уже никого никогда не сможем усыновить!

- Я обо всем об этом думала, – отвечала мама, – я заперта со всех сторон… я все бросила ради Леи, – голос ее вдруг стал прерывистым. – Я знаю, что ты скажешь, но у меня была мечта, я рождена, чтобы играть! Может, поэтому я больше ни для чего и не гожусь. Никто не смог увидеть, как я хороша в игре, зато все видят, как я нехороша для всего остального. Я родила тебе дочь, у тебя красивая жена… – ее голос вдруг сорвался на крик. – Но я не могу быть просто «красивой женой»! Я хочу действовать, а не сидеть тут с двумя детьми, пусть даже самыми распрекрасными! Это *моя* жизнь проходит! Мне

скоро тридцать три – а что я сделала? Снялась в одном глупом фильме и до смерти впечатлила какого-то мальчика! Браво! Это все, чего я стою?

Антон не дышал. Мое сердце колотилось и ухало в висках. Я еще никогда не слышала, чтобы родители так кричали друг на друга и вообще говорили такие вещи. Наша семья вовсе не такая счастливая. Все вообще не так… И Антон со своей тайной показался мне единственной правдой в этом непрочном мире.

- …я мечтала о фильмах, в которых сыграю, о наградах, которые получу, да! Чего мне стоило вырваться из Пскова! Ты жил здесь, среди музеев и дворцов. Тебя родители любят. Какой дом у вас в Таганроге. Сколько там любви в каждом дереве, в этом винограднике! А мой отец бил меня, жег мои книги, кричал, что я «опозорю семью»! Ты имел все с самого начала, а я бросила дом и приехала сюда, жила в грязном общежитии среди приставал, была неграмотна, неопытна, но я поступила!

- С этого и надо было начинать, – сказал папа. – Как я понимаю, дети тут вообще ни при чем. И в отличие от десятков иногородних выпускниц Академии, ты не снимаешь комнату, отдавая за нее последние гроши, а живешь со мной, в моей петербургской квартире.

- Не надо так со мной. Ты просто ремесленник, у тебя никогда не было мечты, за которую отдашь жизнь. Ты ко всему приспосабливаешься, ты не занимаешься искусством!

- Но я отдам жизнь за тебя и за любого из них, – спокойно ответил папа, хотя голос его дрогнул. – Давай закончим, Таня. Дети могут прийти.

- Не уходи от ответа!

- Таня, разница между нами в том, что ты можешь изводить себя часами, и потом весело смеяться, а я после этого на неделю выбит из жизни. У меня тоже была мечта. Я увидел тебя, и мне было все равно из Пскова ты, из Казани, из Луги. И когда я попросил твоей руки – ты сказала «да». Моя мечта сбылась – просто быть с тобой, защищать тебя…

- Так защити, умоляю!

- От кого? Я не могу защитить тебя от тебя самой!

- Саша, я хочу играть, мне тошно от этой студии… я люблю дом, и Лею, но я хотела б*о*льшего! И моя мечта – не сбылась. Она сбылась даже у Антона! … Моя мечта никогда не была в семье и детях, прости.

- Я сделал все, чтобы ты чувствовала себя в безопасности. Чтобы у тебя был тыл, куда ты можешь вернуться в случае неудачи, потому что таким людям как ты, это действительно нужно. Я никогда не отказал тебе ни в одном наряде, ни в одной светской встрече, хотя я их не выношу...

- Вот именно! Тебе противен этот мир!

- Таня, я не продюсер. Я журналист. Я честно окончил филфак и работаю по специальности. И еще халтуру беру, потому что денег явно не хватает. И я не понимаю, почему ты всех и во всем винишь – Антон у тебя соблазняет нашу

дочь, дочь не следит за своей внешностью, я не устроил твою карьеру. Почему ты не обратишь взор на себя?

- Хватит!

- Вот именно. Правду всегда тяжело слушать…

- Да ты понятия не имеешь! – зарычала мама.

- …я работаю на двух работах, чтобы у тебя было больше времени, чтобы, наконец, решить, чего же ты все-таки хочешь. Антон ходит в магазин, хотя хозяйка дома ты. Ваши ссоры разбираю я. Я занимался Алей, когда она была еще маленькой.

- Я тоже ею занималась! – закричала мама. – По-твоему я какая-нибудь бессердечная карьеристка? Может, и надо было быть такой, но я не умею!

- Если ты так хотела сниматься в кино – почему ты выбрала меня, а не вышла замуж за продюсера, за режиссера? К вам приезжал тогда такой – я помню, ты все бегала. Мечтала о Голливуде. Выходила бы тогда за него, он доставал бы тебе роли!

- Да иди ты к черту! – вдруг, как ударенная, закричала мама. – Ненавижу тебя! Ненавижу вас всех!

- Таня, ты ведешь себя безобразно.

- Вы все такие правильные, просто святые! Над Антоном разве что нимба нет! – мама не то рычала, не то рыдала. – Так оставьте меня с моими грехами в покое!

- Таня, у тебя есть семья. Ты говоришь – трудно с Антоном, Аля – твоя дочь. Почему тебя не интересуют ее успехи?

- Интересно как все у тебя! Разве не я отстояла ее гимнастику, когда ты только и твердил, что она свернет себе шею? Разве не я нашла Сивко, не я звонила, не я просила друзей достать нужные телефоны, – свирепо выдыхала мама, – да-да, Саша, это были те самые люди со светских вечеров, куда ты так не любишь ходить. Именно они-то мне и помогли!

- Да, ты сделала это. Но чтобы доказать, что можешь всех очаровать.

- Неправда! Если я красива – то несправедливо винить меня в этом. И как ты смеешь винить меня, если сам женился на мне из-за красоты? Сын тихонького инженера, который всю жизнь мечтал иметь рядом королеву!

- Замолчи! – взревел папа, но голос у него был не так хорошо поставлен, как у мамы, и он закашлялся. Несмотря на это он хрипло продолжал. – Не забудь, что именно я вношу плату за их занятия. Твоей зарплаты никогда не хватит на такие уроки.

- Какая у нас прекрасная семья! Все считаются, разыгрывают счастье...

- Играешь здесь только ты! – хрипло крикнул папа. – А мы – мы тут живем, Таня!

Мне стало жаль его голоса и сердца.

- Теперь у нас будет еще более прекрасная семья, – уже не могла остановиться мама. – Более… продвинутая, так сказать. Моя дочь влюбилась в парня, который может порезать сам себя. И теперь…

Губы Антона побелели. Казалось, он сейчас вдарит кулаком по двери и пошлет всех к черту. Но он стоял молча, полный отчаяния.

- Твое воображение – хороший материал для психолога, Таня, или для сценариста… и не трогай Антона. Это недостойно и низко – винить его в том, что ты не стала великой актрисой. Он мой сын, он брат Али. Я мечтал о сыне, и я не виноват, что так получилось…

- «Так получилось!» – поддела мама, и в голосе ее послышался страшный сарказм. – Черта с два! Я просто не умела быть расчетливой, не умела пользоваться своей красотой!

- Думаю, хватит, – папа говорил быстро и отрывисто.

- Я хирею здесь! Вы понятия не имеете, *как* я живу!!!

- Не кричи. Дети могут вернуться.

- …а два ребенка это уже приговор…

- Приговор? Вот как ты воспринимаешь детей? А наша Аля, значит, досадная помеха? Родила и отчиталась. Если бы ты не была такой трусихой, то увидела бы, что полно актрис, и молодых и в возрасте, которые… – папа закашлялся, – которые играют и при этом имеют семью. Ты наказала их тогда за этот бардак с косметикой, а я был рад, что они тебе это устроили! Ты наконец-то вспомнила, что у тебя есть дети.

- Что?

- Ты вообще умеешь любить, Таня? А если ты не способна любить, то как ты вообще можешь быть хорошей актрисой?

- …Что ты сказал?

- Ты любишь свою дочь?

- Да как ты можешь...

- Насколько я помню, ты и взяла Антона только потому, что он боготворил тебя, и тебе льстило, что ты хоть для кого-то звезда. Но для него ты просто роковой случай. Может, ты и хорошая актриса, Таня, но в фильме ты играла заботливую мать, а на деле – собираешься его вышвырнуть! Этот мальчик любит тебя! У него в десять раз больше причин биться в истерике, а он ведет себя достойно. Тебе тридцать два, а ему тринадцать. Он выносит твою жестокость, а тебе какие-то «взгляды» не нравятся! Ты живешь на всем готовом, у тебя миллион платьев, дом, прекрасная дочь, муж, который приносит в дом деньги, не пьет, не изменяет, у тебя есть родители, пусть вы и не сошлись взглядами – и при всем этом ты кричишь, что нас ненавидишь. Да кто бы ты была без всего этого! Кто мешал тебе ходить на кастинги, кто? Больше всего во всем этом меня возмущает твой чудовищный эгоизм. Антон не ширма, чтобы прикрывать свою беспомощность. Хочешь играть – играй! Мы будем ходить на твои премьеры. Мы будем дарить тебе цветы. Но мы не можем сделать это за тебя. Надо иметь мужество брать на себя *ответственность*. Я взял ее, когда женился на тебе, потому что, несмотря на всю твою красоту, я взял тебя напуганную, одинокую и совершенно больную… и уложил тогда, Таня, все дядино наследство. Да, я не говорил

тебе, но на что ты думаешь, я оплатил те счета? Ты знаешь, какие там были суммы? Думаешь, на свою зарплату? Сколько стоили твои лекарства, процедуры? Твои родители помогали тебе? Это я вытаскивал тебя из твоей депрессии! Это я ходил в твою Академию и просил оставить тебя!

- Но я же…

- Ты не снималась и тогда, когда Антона тут и в помине не было!

- …ты так правильно все говоришь, такой пафос, – горько усмехнулась мама. – «Родила и отчиталась». Я чуть не умерла, отчитываясь. Или ты забыл, что меня чуть в катафалке из роддома не вывезли!

- Тебе было так плохо, потому что ты поехала тогда в Псков и где-то пропадала!

- Это случилось внезапно! – закричала мама, будто ее ударили. – Я же говорила, там было не до обдумываний! Не важно! Кому какое дело, пусть я тут хоть в горячке умру!

- Таня, сядь! Как можно так доводить себя!

- …я думала, второй ребенок поможет мне с этим покончить! – вдруг громко разрыдалась мама. – А все стало только хуже… я тоже надеялась!..

- Таня, просто живи.

- Да я не хочу жить ТАК! – закричала она. – *Мое время уходит*! Я сгораю изнутри! Я умираю здесь заживо!!!

Послышались звуки борьбы, рыдания. Мы с Антоном стояли, прижавшись к двери, совершенно оглушенные. Папа увел маму в спальню.

- Надо на улицу вернуться и обойти вокруг дома… – сказала я, удивляясь, что у меня самой еще остался голос.

- Да. Раз сто... – добавил Антон, прижавшись лбом к двери дома, который уже начал считать своим.

Мы вышли, почему-то постеснявшись взяться за руки. На улице было уже темно, и мы совершенно не знали, что нам делать.

- Пойдем до дальнего магазина, – решила я, – это минут тридцать.

- Все равно, – тихо сказал Антон и посмотрел в звездное небо. Он был без шапки, и его светлые волосы чуть приподнимались в холодном воздухе.

Долго шли молча, каждый – засунув руки в карманы. Горели фонари. Прохожих было мало. Наконец Антон взял меня за руку.

Как странно. Будто сто лет прошло.

- Замерзла, – сказал он, сжав мою руку. – Не слабый разбор полетов. Такое есть в каждой семье, Лейка. Я уже такое слышал. Только опекуны еще матом крыли, а я из школы пришел и тоже под дверью сидел… (Я молчала). По крайней мере, я знаю правду. Папа меня любит. Мама – нет. Не знаю, на что я еще надеялся. Она и тогда меня оставила.

И только сейчас до меня дошла уродливая правда.

- Так, значит… – остановилась я, – она и меня не хотела тоже?

- Да нет, хотела, конечно, – поспешно заверил меня Антон.

И мы снова шли молча, а с моей души сходила лавина. Антон крепче сжимал мне руку, словно запрещая моей боли вырасти, но, словно страшный дракон, расправляя уродливые крылья, во мне поднимался гнев.

- Я больше не буду ее любить, – снова остановилась я.

Антон посмотрел на меня и повел дальше. Но дракон забился, царапая мне грудь изнутри острыми когтями. Отчаяние накрывало удушливой волной, и с каждой такой волной я понимала больше, и с меня все сильнее смывало детство. Душа оставалась обнаженная, как ожог, и это место болело!

- *Я больше не буду ее любить*, – с расстановкой повторила я, остановилась и в упор посмотрела на Антона. – *Ни за что*.

- Я тоже так думал, – спокойно сказал он, – я не смог. Думаешь, ты сильнее меня?

- Как ты можешь ее любить?! – закричала я почти с ненавистью. – Она гадкая! Что она говорила о нас! Она не хотела меня, она только для папы… – слезы вдруг побежали по моим щекам. Антон быстро обнял меня, а я кричала внутри его объятий, и била кулаком, топая в снег ногой. – Я больше не буду ее любить! Никогда больше! Ненавижу ее!..

Антон ничего не говорил, только сильнее прижимал меня к себе. Шапка моя упала, слезы на морозе жгли щеки. И пусть я заболею! Пусть умру!.. Антон расстегнул пальто, в котором ходил сегодня, несмотря на мороз, и полез за платком. Но я была безутешна.

- Она не любит нас! Только свое кино!

- Ну – мы же с тобой отправили диски, – горько пошутил он, сомкнул полы пальто и окружил меня своим теплом.

- Чтоб она там провалилась!

- Лейка…

Но я рыдала и топала, а он принимал все это и понимал, как никто. Потом я подняла на него глаза и увидела совсем рядом его бесконечно любящий взгляд. Сердце мое зашлось:

- Я всегда буду тебя любить! – пообещала я, глотая слезы. – Я не предам!

Антон поднял мою шапку и стал ее отряхивать:

- Придется гулять, чтобы не было видно, что ты плакала.

- А я туда и не хочу, – сказала я, вытирая глаза. И вдруг поняла, что мы стали взрослыми – ведь мы стали такими отменными лгунами! – А тебе не холодно без перчаток?

- Мне уже давно не холодно, Лейка.

Зато мне стало холодно от его слов! Этот мороз покрыл мои первые душевные раны, и я перестала их чувствовать. Мы уходили все дальше от дома, куда так спешили, а в домах вокруг нас горели вечерние огни.

- А был такой хороший день, – сказала я через какое-то время.

- Он и сейчас хороший, – сказал Антон, – я узнал, как ты меня любишь.

- А ты что, не знал что ли? – удивленно подняла я глаза.

- Знал, – глядел он вперед, – я тоже тебя люблю, – и вдруг остановился и посмотрел мне в глаза. – Ты самый близкий мне человек. Наверное, если бы… о, у меня осталась мелочь. Посидим в кафе у метро?

Когда мы возвращались, то были очень голодны, но потом все прошло. А тут я решила, что совсем ничего не есть на таких нервах – это сгубить здоровье, а мне оно нужно для цирка и для жизни. И чтобы Антону помогать.

- Пошли, – уверенно сказала я.

Было уже больше одиннадцати, но торговый городок вокруг метро был ярко освещен. Отбрасывали свет рекламы, воздух был свеж. Закусочную 24 часа держали какие-то восточные люди. Мы прошли к стойке мимо ряда пустых столиков. Посетителей почти не было. Антон заказал черный чай, чебуреки и пирожное. Подвел меня к столику у окна, отодвинул предо мной стул. (Он был первым в моей жизни, кто сделал это). Мы сели и стали ждать. За окном шла обычная жизнь. Из метро шли люди. Кто-то даже с детьми. Я никогда еще не была так поздно в городе без родителей. И все это казалось мне началом новой, правдивой жизни. Антон жил в ней давно. Вот откуда он такой! Я радовалась, что теперь тоже была здесь, с ним.

- Смотри веселей, – кивнул мне Антон. – Однажды все будут приходить, чтобы посмотреть на твои смертельные номера.

- А ты? – польщенная, подняла я глаза.

- Если билеты на халяву достанешь, – остроконечная улыбка заиграла на его губах и сразу же вернула меня к жизни.

Если Антон после всего может так улыбаться, значит, жизнь еще не кончилась. Значит, она просто больше, чем я думала.

Перед нами возникли две большие чашки с горячим кипятком, пакетики с чаем, а на бумажных тарелках пахнущие мясом горячие масляные чебуреки и мое пирожное со сливками. Еда! Мы ожили.

- Приятного аппетита! – улыбнулся мне брат.

- Угу! – я уже жевала чебурек. Обожаю восточных людей! Ммммм…

Заставила его попробовать пирожное. Он вытер губы салфеткой. Я невольно отметила, какой естественный аристократизм сквозит в его движениях. Как взросло выглядит Антон, сидя боком за столиком, в черном расстегнутом пальто, без шапки, положив одну руку на стол.

- Пора, – сказал он, поглядев на часы, – иначе заподозрят...

Мы поднялись и вышли на холодный воздух. Изо рта шел пар, и мы притворились, что курим воображаемые сигары. Вспомнили Таганрог, и пошли синхронно, вразвалочку, изображая «бывалых», даже смешно стало… Наверное, Антону, холодно без шапки. И перчаток у него нет. Он снова взял меня за руку, и мы пошли к дому. Руки у него всегда теплые. Я его люблю. Но чем ближе мы подходили, тем тяжелее становилось на душе. У дома мы остановились. Мимо нас проехала машина, и снова все стало тихо.

- Не холодно? – спросил Антон, оглядывая меня. Глаза его вдруг загорелись. – Покажем, что такое настоящая игра? «У рыб нет зуб, у рыбов нет зубов…»

- «…у рыбей нет зубей!» – закончили мы вместе.

Когда мы были у квартиры, то громко смеялись, гремели ключами, заведомо сообщая о своем появлении, ввалились, толкаясь, в прихожую, включили свет и начали раздеваться.

Папа вышел нас встречать. Лицо у него было встревоженное:

- Ребята, вы знаете, который час?

- Папочка! – бросилась я и повисла у него на шее. – У Антона нет шапки и перчаток.

- Ерунда, – с улыбкой отозвался Антон, разматывая шарф и вешая пальто, оставаясь в белом свитере. – Лейка, давай куртку. Кто-то в туалет хотел.

- Точно! Жуть, счас описаюсь!.. – скинула я ботинки и умчалась в туалет, удивляясь, как это мы так здорово играем свои роли.

- Антон, возьми мои, – сразу же сказал папа. – И пожалуйста, не ходи без шапки, голову застудишь. Почему куртку не надел!

Я спустила воду и вышла из туалета, делая блаженное лицо:

- Фффух, счастье!

- Идите ужинать. А то, что вы там ели сегодня, чебуреки, небось, какие-нибудь. (Мы с Антоном обменялись улыбками). Так я и знал. Это не еда для таких пацанов, как вы.

- А мама? – спросил Антон. По его веселому тону никто не догадался бы, что еще пару минут назад он был глубоко подавлен. И я подумала: «сколько же еще он вот так скрывает?» И ужаснулась, впервые так близко увидев обратную сторону его жизни.

- Она легла, очень устала. Не будите ее, ладно? Тихонько там.

Мы пошли мыть руки. Я бросила взгляд на дверь родительской спальни – свет за ней был погашен. Мы до отвала наелись пельменей с соусом, и, отвалившись, смотрели друг на друга новыми глазами. Чашечки весов, на которых измерялась наша значимость и боль – остановились ровно друг напротив друга. И в этом равновесии был покой.

Глава 27

«Где бы я ни шел –
Далеко ли, близко ли,
Снова и снова Ты сияешь мне
Сквозь тьму ночи, взывая ко мне».

- Ты что, пишешь и белые стихи? – удивилась я, прочитав написанные Антоном строки.

- Дай сюда! – сразу же выхватил он у меня лист.

- Что это?

- Не важно. (Я молча сверлила его глазами – он избегал моего взгляда). Это песня. Видишь? – он перевернул лист. «FAR AWAY» – прочла я.

- Аааа, перевод. И зачем тебе? (Он покраснел. О Боже…) Антон, ты что, будешь это петь?

- Если ты хоть кому-нибудь заикнешься...

- Когда? – навалилась я на учебный стол. – Дай! – и, отобрав лист, перевернула, пытаясь прочесть английский вариант:

Wherever I go
Far away and anywhere...

Лист улетел из моих рук.

- Так ты что – по-английски? – я переползла через стол на его половину.

- Тебе это знать не положено, – складывал он лист вчетверо.

- Положено! – я держала его за свитер. – Когда? Скоро?

- Завтра.

- ЗАВТРА? И ты мне не сказал?

- Да это как-то случайно получилось, – оправдывался он, пряча глаза, щеки его горели. – У нас… будет там какая-то комиссия, есть хор…

- Ты будешь петь с хором? – я поднялась на столе на коленках, надавив ему руками на плечи, и свесилась, заглядывая ему в лицо.

- Я солист, – признался он, и в его голосе сквозь стеснение послышалась гордость. – Это хор младших классов. Лейкаааа, – застонал он, откидывая голову, потому что я затрясла его за плечи.

- Во сколько? Я приду! Я все равно узнаю!

И он пытался от меня такое утаить? Да это же все равно, что киты проплыли бы через нашу квартиру! (Интересно, где он репетировал? Я ничего не слышала). И как давно? *Две недели*? А у папы завтра какое-то важное совещание, а мама принимает экзамены у учеников. Антон с хором будет выступать в 15.00 в актовом зале. Сниму на камеру фотоаппарата. Пусть папа с мамой хоть так посмотрят. И что за песня, не знаю такой.

Все! Иду! Разве можно такое пропустить!

Я протиснулась в актовый зал, держа фотоаппарат наготове. Перевела его в режим видеосъемки. У них тут все такое огромное, наш актовый меньше… Антон прав – школа красивая. Озираясь по сторонам, чуть не сбила с ног какую-то девочку с гитарой. Столько народу! Люди в пиджаках в первом ряду – это, точно, комиссия. На сцене уже стоял в три ряда хор – все в черно-белом, мальчики и девочки 3-х, 5-х классов. На сцене за роялем сидела женщина в сиреневом платье, а сбоку у сильно склоненного микрофона – двое парней с гитарами на лентах через плечо. Как празднично! *Меня отдали не в ту школу*! Антон! Куда он подевался? Я уже вела свою запись.

- А сейчас, – объявила одна из учительниц, – мы представим вам последнюю работу нашего хора (в этот момент Антон, одетый в черные брюки

и белоснежную рубашку, поднялся на сцену) …вот и наш солист. Ученик 8 Б класса, Антон Чирик-Толлейн!

Мое сердце полыхнуло от гордости. «Антон Чирик-Толлейн!»

Зал зааплодировал, а Антон занял свое место в центре первого ряда.

- Сейчас прозвучит песня «FAR AWAY»

В этот момент Антон увидел меня и наши глаза встретились. «Давай!» – сказала я ему одними губами. Руководительница встала перед хором и, мягко подняв в воздухе красивые руки, – собрала на себе все внимание. Зал затих. Антон весь подтянулся… она отмерила кивком паузу и…

- Where-ever I go… – зазвучал в тишине голос.

- Far away and aaaanywhere… – возникли вокруг нежные голоса младших, которые, словно окружая его, потянулись вверх.

Я замерла. Это голос Антона? Вступил рояль и две гитары – имитируя переборы арфы. Потом мягкая фонограмма из динамиков.

Чисто и смело лился над залом голос, который я не узнавала. Это было как песнопение. Антон начинал фразу один, постепенно к нему присоединялись остальные – он затихал, оставляя их, а они пели, переходя от нежности куплета к мощи припева. Детские голоса сливались и разливались, восходя вверх, расщепляясь, касаясь, будто целуясь и оплетая друг друга, все выше и выше… И чище всех, как самый яркий луч – взлетал над ними голос моего брата! Разве могла я знать, какое сокровище спрятано у него в горле? А он стоял и пел, с горящими от волнения щеками, и это было незабываемо!

Какое торжество было в этих длящихся голосах! И самый великолепный момент, когда Антон оставался додержать ноту, теряясь там, на недосягаемой высоте, а хор вдруг всей мощью подхватывал этот полет, и песня расправляла свои белые крылья! Когда, слившись, голоса детей замерли – спустя секундную тишину раздался гром аплодисментов. Антон уже кланялся, хор спускался со сцены, о чем-то переговариваясь... Неужели это было? Хочу услышать снова! А у нас есть хор?

Я закончила съемку и вдруг поняла, что страшно хочу в туалет. Спрятав фотоаппарат в чехольчик, проталкиваясь, я выбежала из зала и, нашла на углу туалет, (по счастью пустой). Поправила хвост, заправила рубашку...

- А ты что здесь делаешь? – раздался за спиной удивленный бас.

Я обернулась и увидела высоченного старшеклассника.

- Я уже все, – буркнула я и пулей вылетела наружу.

Приняв восторги гостей школы с той скромностью, которая подобает венценосным особам, Антон вышел из зала. Расписание не позволяло ему почивать на лаврах. Сквозь шум расходящейся толпы, он уловил звуки гитары – кто-то наигрывал мелодию только что исполненной им песни. Но толпа была слишком большой. На какой-то миг у стены мелькнула девочка с гитарой в руках. И в тот же миг на него, как индеец, сразу обхватив и руками, и ногами, налетела Лейка, и стала обцеловывать ему все щеки.

- Ты куда пропала? Эй! Ну ты чего… – улыбался он, а она сияла ему навстречу обожающими глазами:

- Слушай, это было… да'… это было просто вообще! А я зашла в мужской туалет, прикинь? Ты самый лучший! Во всей вселенной!

- Лейка…

- Ты гордость школы! Они все должны знать!

- Лейка, да тихо ты…

Но она смеялась и кричала на весь коридор, и Антону еще никогда не было так приятно. Она смотрела на него, как на бога, и все видели, что она любит его. Незнакомое чувство. Доказательство миру, что он уже не один.

Наконец Лейка ухватила его руку и потянула провожать до класса, где он оставил кимоно. Уходя, он оглянулся, чтобы увидеть, кто играл на гитаре, но там уже никого не было. А впечатленная комиссия смотрела вслед мальчику из 8 Б. Директриса, не удержавшись, поделилась: спешит на тренировку. И, краснея от удовольствия, добавила:

- Король школы. Но он заслуживает. Потрясающий мальчик!

Когда срочно искали замену заболевшему солисту, и руководитель хора обратилась к седьмым классам, все пугливо отнекивались. А едва кто-то заявил: «да что я – мелкий?» – его примеру тут же безоговорочно последовали остальные, дабы не потерять только что обретенную взрослость. И только новенький мальчик с труднопроизносимой фамилией робко появился на пороге, спрашивая, можно ли попробовать.

Трудно описать счастье. Это был чистый нежный тембр! Голос еще не успел загрубеть, мог брать нужные ноты. А помимо всего – прекрасная музыкальная память и абсолютный слух. Голос Антона сразу же затмил голос прежнего солиста, и умная женщина поняла, какую из этого можно извлечь пользу. Была выбрана новая песня. Мало того, Антон имел какое-то влияние на ребят. Через три дня, входя в актовый зал, она застала его буквально обвешенного малышней, – они во что-то играли и хохотали до упаду. Трудно было не проникнуться… она уже не могла представить хора без этой светлой головы! Вопросы по ходу репетиций выдавали его ум и желание понять «образ» и «конфликт», а потом выяснилось, что мама актриса. Вот что значит, когда с ребенком занимаются!

Когда стало известно, что петь в хоре с малышами будет Антон, в спину ему полетели насмешки. Кто еще согласится на такой позор? И вдруг – комиссия. И Антон, так ярко выступивший на глазах у всей школы, мгновенно обрел статус. Его фамилию стали произносить как-то иначе. Он не только показал себя. Он *помог школе*! Люди из комиссии жали ему руку! И песня оказалась не каким-то дурацким «хором», а настоящим синглом на английском. Что и говорить, парню свезло. Директриса окрестила его «королем школы»! Комиссия даже в спортзал зашла про дзюдо спросить…

Зависть расползалась по школе, зато 8 Б своей новоявленной звездой очень гордился. Однако, успех не мешал вершиться истинному школьному правосудию. Тут были свои силовые расстановки, обозначившиеся задолго до появления Антона. Его задирали, провоцировали, говорили, что он «толчется с малышней». А малышня уже вовсю с ним дружила (что, к удивлению старших, нисколько не коробило Антона, его отношение к детям было буквально семейным!) Дети это чувствовали и, польщенные дружбой со старшим мальчиком, выкладывали в социальные сети видео, снятое их родителями. Теперь все могли посмотреть на звездный час светловолосого новичка. Говорили, что Антон «пищит, как мелкий». Впрочем, и Антон не давал спуску. Уже на следующий день один из мальчиков, красный от ярости, орал ему: «Да я тебе сейчас в ухо дам! Я тебе сейчас в глаз плюну!» На что Антон орал с не меньшей яростью: «Вперед! Рискни!»

Вокруг стояли другие мальчики, подзуживая к бою, вот-вот закипела бы драка, глаза противников сверкали истым огнем, но завуч, проложившая маршрут именно через этот этаж, лишила их возможности доказать друг другу, кто чего стоит. Пользуясь случаем, она еще раз похвалила Антона за помощь в «поддержании высокого имиджа гимназии» и попросила зайти к директору, чтобы получить «небольшой поощрительный приз».

Коверкали слова песни, изображали, как Антон тянет шею на выступлении. Из кожи вон лезли, чтобы узнать, что же он получил в подарок, бегали к директорской, посылали разведку, обвиняли в подхалимстве и готовы были порвать его в клочки, когда узнали, что Антон получил билеты на передвижную выставку акул! Весь день они жалели об утраченных возможностях, а звезда Антона Чирик-Толлейн разгоралась все ярче.

Глава 28

- Лейка, идем со мной, сейчас, скорее! (Эти слова были сказаны именно в таком порядке). Да одевайся же! – почти закричал он, рывком застегивая куртку.

Я только вернулась из школы, но снова оделась, и мы вышли из дома.

- Что-то в школе? – бежала я за ним. – Ты Толю покормил?

Он тащил меня не за руку, а за запястье!

- Может, скажешь, что случилось?

Мы пересекли мост через замерзшую речку и свернули в старый квартал в сторону кладбища. Что там могло понадобиться Антону?

Бандиты! Он стал свидетелем убийства и теперь…

- Ты что-то увидел, да?

Ограда кладбища с крестами и заснеженными деревьями потянулась слева.

- Мы идем в храм, – ответил Антон и свернул в калитку.

В храм мы не ходили. Только папа, иногда. То есть, мы были на стороне христианства и даже покупали куличи на Пасху, но не могу сказать, что мы были религиозной семьей. Мама крещеной не была. Хотя три небольших иконки у нас дома было – Христа, Богородицы и святой Татьяны – они стояли в углублении книжной полки рядом со сказками и детской Библией.

- Антон, стой! – закричала я. Никогда еще не видела его в панике.

Он резко остановился и схватил меня за плечи:

- Она отдаст меня! Мои документы у нее на столе! Я видел сегодня, когда она в ванну пошла! Все! Она хочет вернуть меня!

- …документы? – похолодела я. – Может… может, она их для чего-то другого достала?

- Я больше так не хочу. Хватит! – зашагал он дальше.

- Но в храм-то зачем?

- Молиться! – яростно обернулся он. – И ты будешь молиться со мной!

- Но я не умею. Я не крещеная… Антон, там, по-моему, так нельзя!

- Ты идешь или нет? Ты еле тащишься!

- Да я бегу даже!..

Никогда не думала, что так испугаюсь идти в храм. Меня никто не учил, что там надо делать. Только помню, как в мультике Диснея Белоснежка молилась, чтобы Ворчун ее полюбил. И что Христу проткнули грудь копьем. И про ветку лилии. И что слово «Бог» пишется с большой буквы, если считаешь себя культурным человеком…

- А крестики будут проверять? Я ни одной молитвы не знаю!

- Тогда я один пойду! – резко обернулся Антон.

- Нет, идем… Папа все равно не отдаст тебя!

- Я знаю, как это бывает, – быстро шагал он, – раз – и все. И дальше – как хочешь. Опять новый дом, опять интернат, новая школа! *Нет*!

Я съежилась. Я боялась кладбища почему-то, хотя был день, и даже Антона, и что документы у мамы на столе... Больше мы не сказали друг другу ни слова. Наконец вышли к голубой церкви. Люди, подходя, крестились и кланялись. О, фффух, мы здесь не одни. Я с удивлением разглядывала нищих на ступенях. Антон посмотрел на женщину, стоящую впереди и, повторив за ней, перекрестился и поклонился. Как странно… он делает это, чтобы войти? А мне как? Я не запомнила… как мне?.. Он подошел, встал за моей спиной, взял мою правую руку и повторил то же движение.

Я неловко поклонилась крыльцу.

- Теперь пошли, – сказал он, поднялся и толкнул тяжелую дверь.

В лицо дохнул запах храма. Я ни разу еще не была здесь. Ух ты… И что теперь? Молодая женщина в платочке, перекрестившись, прислонялась лбом к иконе с Христом. Как спортсмен, я мысленно запоминала ее действия, но они вызывали у меня смущение. Антон ввел меня в расписной зал. О! Ангелы! Их я знаю. Добрые и всегда спасают. Их рисовали, когда было Возрождение. …Я немного успокоилась. Я имею право быть здесь.

- А почему это у нас молодой человек в шапке? – спросила пожилая служительница в черном, строго посмотрев на Антона, вынимая огарки свечей из тяжелой золотой тумбы.

Он вздрогнул, увидев ее пред собой, и тут же снял шапку. Светлые волосы рассыпались. Служительница обомлела. Он дернул меня за руку, и я тут же сорвала с себя шапочку, оставшись лохматой и растерянной.

- А женщинам как раз голову надо покрывать платком.

Платком? Я смятении уставилась на Антона. Про платок уговора не было.

- Просто снова надень шапочку, – более мягко посоветовала она.

Я нахлобучила шапку. Косо получилось, но ладно…

Ну и правила! У мужчин одни, у женщин другие. Интересно почему?! Я уже хотела спросить, но Антон сжал мне руку.

- И варежки надо снять, – заметила служительница, – вы что, первый раз в храме?

- Да, – ответил Антон, – я хотел бы помолиться.

- Вы крещеные вообще? – смотрела она на нас с удивлением.

- Нет, – волнуясь, ответил Антон, – но я хочу помолиться. Я…

Служительница вздохнула:

- Мы храм сейчас на уборку закрываем, – пояснила она. (Вобщем-то она была добрая, и мой «ерш» возмущения понемногу «опустился»). – Вы бы хоть узнали заранее, у нас телефон есть, служба уже закончилась, – указала она. Антон растерянно посмотрел на толпу выходящих из зала людей. – Приходите позже, будет новая служба, вечерняя.

- Я не могу ждать! – закричал Антон. – Можно нам хоть на пять минут!

- Это только у батюшки спрашивайте, – развела она руками.

- А где его искать? – оглянулся Антон. Он не знал правил и был такой всклокоченный.

- Что тут случилось? – раздался позади красивый мужской голос.

Мы обернулись и увидели высокого мужчину лет 35-ти в черном одеянии. У него были темные внимательные глаза, и я сразу поняла, что он добрый.

- Мне нужно именно сейчас… время идет на часы! Может, на минуты! – в полном отчаянии заговорил Антон.

- Кто-то умирает? – встревожился священник.

- Это хуже смерти!

- Видите, там предел пустой, – показал он, – где Богородица, (мы жадно устремили взгляды, и мне казалось, что там должна была стоять Богородица, а ее не было) – вот там можете помолиться. Главный зал сейчас мыть будут.

- Спасибо! – в глазах Антона отразилась огромная благодарность, и мы побежали в дальнее углубление зала. Остановились и оказались перед…

Стеной? Иконы со святыми – у них над головой такая светящаяся тарелочка, признак святости, но я забыла, как она называется. И много ангелов. У них такие расслабленные кисти рук, будто они спят. И выражения тоже немножко сонные. «Точно, на трапеции не занимались!» – подумала я

быстрее, чем мысленно заткнула себе рот, и тут же испугалась, что они все слышали. Оглянулась. …Надеюсь, не слышали.

И тут Антон сделал по моим представлениям что-то невероятное. Он встал на колени. А мне куда? Мне тоже становится? …или ждать? Я страшно растерялась, не зная, как быть, но действовать надо было быстро. Оглядываясь, никто ли меня не видит, я тоже встала на колени на затоптанный деревянный пол. Антон комкал в руках шапку… Сильное волнение вдруг охватило меня, горячо обдав все тело. Взяв мои руки, словно найдя в них опору, Антон склонился лбом в моему лбу:

- Господи… – он пытался сосредоточиться, забыв о незнакомой обстановке, зажмурил глаза, а его руки вцепились в мои. – Господи… – не открывая глаз, снова начал он и снова остановился. Я сильнее сжала его руки, чтобы хоть как-то помочь ему. – Господи! – в третий раз начал Антон и тихо зашептал, с такой страстью! – Если они не убили Тебя тогда на Твоем кресте! Если Ты есть! Пожалуйста, не дай ей сделать этого! Потому что я больше не смогу… я уже больше никогда не смогу простить!

Мы стояли так, и горячий шепот Антона переворачивал мне душу.

- …мир несправедлив, но *Ты же справедлив*!.. – Антон мучительно морщился. Горячие слезы катились по его щекам, светлые волосы покаянно светились вокруг головы. Руки до боли сжимали мои, как бы все время обхватывая, разминая их, – …не оставляй меня, Господи! – заклинал он, сжимая мои руки. – Не оставляй меня, пожалуйста, Господи!..

«Я никогда не оставлю тебя! – мысленно зашептала я, закрыв глаза. – Даже если никого рядом не останется. Никогда не брошу! Никому не дам тебя обидеть! Всегда буду защищать тебя и беречь!» – и я стала молиться всей душой, чтобы Бог не дал маме снова совершить предательство.

Я не помню, сколько времени прошло, но мы очнулись одновременно – от взгляда. И не разжимая рук, повернули головы. Священник молча смотрел на нас. Антон вытер слезы и посмотрел на него покрасневшими глазами. Я поняла, что тоже вся зареванная, и скорее полезла за платком...

- Брат и сестра? – догадался он и подошел. – За кого же вы так молитесь?

- За маму, чтоб она его снова в детский дом не отдавала…

Я услышала ответ прежде, чем успела понять, что это мой голос.

Антон потрясенно оглянулся и тут же поднялся на ноги.

А у меня предательски само договорилось до конца:

- Потому что она отказалась от него при рождении, а потом не смогла родить и взяла мне брата из детского дома, даже не зная, что это он и есть! А теперь хочет отдать обратно. Но я его люблю! И папа тоже! – и бросая вызов, поднялась на трясущихся ногах. Пусть убивают. Я остаюсь с Антоном.

Видимо, новость была такая, что даже священнику нужно было какое-то время, чтобы ее осмыслить. Брат закрыл лицо руками. Я бросилась к нему:

- Он не скажет! Он же не знает, где мы живем!

Священник подошел к Антону и обнял его. И в тот же момент Антон громко разрыдался. Он изо всех сил старался подавить рыдания, но всхлипы выходили громкими, дикими… Что творилось с нами в этом месте?

- Как тебя зовут? – спросил священник, когда Антон немного успокоился.

- Антон, – и Антон снова закрыл лицо руками. – Извините…

- Я буду молиться за тебя. И знай, это Бог привел тебя сюда сегодня. И Он тебя никогда, – он тихонько потряс моего брата, – никогда не оставит.

- А вас как зовут? – поднял глаза Антон.

- Отец Александр.

- Спасибо вам… большое… – грудь Антона снова судорожно поднялась.

Отец Александр покачал головой и вздохнул:

- Если бы мы за все могли попросить прощения… Она этого не сделает. Разве такое может быть случайно? Она любит тебя. Просто иногда такое осознание приходит позже. Но любовь обнаруживается всегда. Это закон. Не ищи – дай ей самой найти тебя. Она должна сама. Ты найдешь любовь, потому что она есть в тебе самом. Бояться нечего.

И я увидела, как эти слова исцелили душу моего брата. Будто произошло чудо – прямо на моих глазах! Храм – удивительное место. Почему мне не рассказывали про священников? Почему они всегда в черном? Они знают Библию наизусть? И почему у всех святых на иконах расслабленные руки и худые щеки? Почему они все такие строгие и грустные? В голове поднялась тысяча вопросов!

Антон вдруг крепко обнял священника, схватил меня за руку, и мы быстро пошли из храма. Пока пересекали абсолютно пустой зал, я поняла: мы пробыли здесь довольно долго. И никто ничего не мыл. Дверь нам открыла та же служительница и сказала: «с Богом».

Мы вышли и сразу попали в такую метель! Снег летел белыми тучами. Лица мгновенно покрылись влагой – ветер бросал в лицо колкую снежную пыль. А в храме было так тепло и тихо… Порывы буквально сносили с ног. Антон крепко держал меня за руку. Так и забыл надеть шапку – нес ее, сжав в кулаке. Его волосы запорошило снегом.

- Надень! – сквозь ветер крикнула я ему. – Шапку надень!

- Я верю ему, – сказал он, остановившись, и посмотрел на меня.

- Я тоже! – закричала я. – И зовут, как папу! – и вырвала из его железных рук шапку. – Бог не хочет, чтоб ты заболел, – и хозяйственно утрамбовала шапку у него на макушке. – Пойдем, тебе на дзюдо завтра, давай! А то заставлю смотреть «Русалочку»!

- Ну уж нет! – против воли усмехнулся он. – Хочешь ромовую бабу?

- Да я сейчас слона съем, – призналась я, щурясь от летящего снега.

Он посмотрел на меня, и в его глазах вдруг засверкала радость:

- Пойдем за слоном! Пойдем и купим его прямо сейчас!

И мы побежали домой. Ветер усиливался, и мы бежали, исчезая в вихре снежной пыли.

Таня сидела перед своими зеркалами и смотрела на документы об усыновлении, трижды отраженные в них. «*Белов Антон Андреевич. Дата рождения: 18.11.1997 Место рождения: Псков».* Тот же год, тот же город. Ноябрь. Но как же он тогда оказался в Петербурге? Опекуны. Детский дом в Пскове – опекуны – интернат… Почему опекуны вернули его? Почему боится темноты? Ведь сбежал же тогда из студии, когда свет погас. Таня выдвинула ящик и достала рисунок, который Антон искал, но так и не нашел. Черная дверь, а по краю – ободок света и дальше – снова темнота. Как будто всю жизнь она была заперта за такой дверью и смотрела на ободок света… А что если это *он*? Это не может быть он! Он не знает ее фамилии, ее имени!

…но ведь бывает же, что чудо!

Да. Она тоже тогда верила, что «чудо». Что она уедет в Америку. Что любима. Только невинные сердцем могут так мечтать.

Таня посмотрела в окно. А она предала Сашу ради этого. Ради своей веры. В «чудо»! Бросила дитя, живое, беспомощное, раздавила себе сердце. Это не чудо. Это кара. Мальчик, которого жизнь швыряла, как хотела, сам сотворил себе мать. И все-таки, у него есть тайна («не все»!) Воробей… ее фильм. Она до сих пор помнила чувство, когда развернула лист, и увидела на нем свое имя. Будто там его написал Сам Бог. Для этого мальчика она была мечтой.

Белов Антон Андреевич / Чирик-Толлейн Антон Александрович

Ее сына могли забрать еще из дома ребенка. Антон просто очень похож. Ее сына не должны были наказывать чужие тетки, отчитывать чужие люди!..

Таня убрала документы. В бумагах все равно нет ни одной зацепки. Путь один – спросить напрямую. При одной мысли об этом Таня похолодела и метнулась в сторону. Ее рассуждения приняли будничный оборот: …а где дети? Она посмотрела на часы. Куда они делись? Тренировки сегодня нет, у Леи уроки давно закончились. Таня прошла в комнату и вынырнула из кошмара – вокруг был мир детей. Взяла с кровати дочери Молли и прижала лошадку к себе. «Если б я только могла узнать, что у тебя все хорошо. Где ты?» Но ответа не было. Какая метель! Вот какой мир, когда выйдешь за черную дверь. Таня думала, что заперла за ней свою тайну, а тайна ускользнула в ободок света и потерялась в этой снежной буре.

- Мам? – заглянул в спальню Антон.

В ванной шумела вода – Лейка согревалась под душем.

- Если бы я за все могла попросить прощения, – сказала Таня, одиноко сидя на кровати.

- У нас крем-суп! – нетерпеливо подрагивал он коленками, хотя от ее слов сердце его замерло. – Я бы тебя за все простил, – с улыбкой подошел он и присел рядом с ней на корточки, – я гренки сделал! …Мам?

Душевная боль пресекла Тане голос. Она едва слышно произнесла:

- Если бы… он мог меня простить!

- Кто, мам? Лейка, ты вылезешь оттуда? («Сейчас!»)

- Куда вы ходили? – спросила Таня, глядя на свои колени.

- Гуляли. Я закидал ее снежками.

- Нашли, когда гулять. Антон, я… – Таня сжала его руку. Антон быстро накрыл ее руку своей. *Она решилась!* Но она прошептала. – Я буду наказана!

- Мама! – воскликнул он. – Ты не будешь ни за что наказана!

Она посмотрела на него глазами затравленного животного, которое знает, что умрет:

- Спорим, у нас даже линии похожи? – и она перевернула его руку ладонью вверх. Мальчик напряженно ждал ответа. Ужасная усмешка искривила губы Тани. – Антон, я репетирую (в этот момент щелкнула задвижка и послышалось: «Ну где вы там, я уже всё!») – Иди, я сейчас.

Антон почувствовал смертельный холод, тончайшей иглой входящий ему в сердце. Перед ним сидела ледяная королева из его снов. Он вышел из комнаты, а Таня осталась одна в наступившей тишине. Она хотела сказать ему… Но как только решилась, стало так страшно!

Из кухни донесся веселый голосок дочери: «Ой, гренки! Я уже ем!»

Таня вздохнула, но тяжесть не ушла. Боль, которую она причиняла приемному сыну, была для нее странным отмщением. Но стоило Антону уйти, струна натягивалась, лопалась, и душа истекала кровью. Этот мальчик был как-то связан с ней. Он имел над ней власть, но ей казалось, что едва она откроется, он убьет ее тем, что это *не он*. И что он тогда сделает? Расскажет все Саше? Начнет шантажировать ее? А что будет с Леей!

Надо терпеть. Подавить в себе страшный соблазн раскрыть правду и выносить каждый день: «Мам, привет!» «Мам, как дела?» – хотя каждая его фраза острым лезвием вонзалась в душу и рвала ее тонкую поверхность. Она боялась Антона так же сильно, как против всех страхов рвалась любить его. И так боялась любить, что ненавидела. Едва она набиралась храбрости, он поднимал на нее такие глаза, что она бросалась прочь, и молила лишь об одном: чтобы не было больше никогда этого взгляда, этого зова, обращенного из миллионов женщин именно к ней! Но перестав слышать его, оборачивалась в темноте и смотрела туда, где виднелся ободок света… И шла обратно, чтобы снова увидеть его глаза и – бежать, бежать без оглядки!

Глава 29

С памятного выступления с хором, Антон часто приходил в младшее крыло играть с детьми и те встречали его радостным шумом. Но в этот раз его встретил рев. Мальчик разбил нос. Вокруг толпились его одноклассники.

- Девушки, – обратился Антон к второклассницам, – мне нужны платочки.

«Девушки», разумеется, поспешили ему помочь. Антон отвел мальчика в туалет – дети заглядывали и смотрели. Им было и жалко, и любопытно.

- Подними голову, – присев, аккуратно промакивал он разбитый нос холодной салфеткой.

- У меня вся кровь вытечет...

- Не вытечет.

- Ее уже много было…

- Съешь сегодня свеклу. Шрама не останется. Видишь, у меня на лбу шрам? Это меня вентилятором задело, а у тебя-то ерунда.

- Который у самолета? – глаза мальчика широко раскрылись.

- Нет, который на потолке.

- А как ты там оказался?

- Я спал там. Да шучу-шучу. Потолок низкий был. Смотри, уже заживает, – уверенный голос Антона успокоил бы кого угодно.

Прибежала учительница: «Ох, Паша!» Но Антон сказал, что все в порядке, а маленький пострадавший, желая выглядеть героем, заверил ее в том же. Девочки и мальчики, причастные к спасению товарища, гордо вытянули шеи. Антон был их настоящим другом, которых любил их, и они это чувствовали.

…Спустя пять минут они уже играли. «Покажи вора! Антон, вора!» И Антон крался мультяшной походкой, выглядывая из-за угла, дико озираясь по сторонам, корча рожи, а они хохотали. Но вот время истекало, Антон уже прощался, а дети, сами не зная, чего еще у него попросить, бежали за ним.

- Мам, ты ведь высылала свои анкеты в актерские агентства, на киностудии? – спросил Антон, входя в кухню, где мама пила чай.

- Ой, куда я только не высылала, а что?

- Не зря! – выпалил Антон, пряча что-то за спиной – глаза его так и сверкали. Мама, мгновенно почувствовав в его голосе что-то особое, обернулась. Он ждал этого момента! Красивым движением вынул из-за спины белый лист. – Ты отобрана… прошла по отбору!

- Какой отбор? – ничего не поняла мама. Антон буквально глотал ее глазами, каждое малейшее изменение в ее лице, пока она держала лист и читала. Ее недоверие было равно надежде. – ZanFilms? Но откуда у них…

- Ты же оставляла анкеты! – тут же горячо возразил Антон, бросая на меня победоносный взгляд. – Они смотрели твой фильм. Ты снова можешь играть.

- Откуда у тебя это?

- Просто поверил почтовый ящик. Кстати, вот счет за квартиру.

Счет за квартиру не удостоился даже мимолетного взгляда.

- Тонечка! – вдруг сказала мама, неожиданно проговорив это незнакомое прозвище, вставая, и тихо обнимая Антона.

- Я так и знал, что ты разволнуешься, но все же решил сказать!

- Конечно, сказать! О Господи…

Она обернулась ко мне с таким видом, будто ждала, что я сейчас же ей все объясню. Но я не могла сказать, что сын, от которого она отказалась, стоит рядом с ней, написал от ее лица анкету и разослал по всем киностудиям.

- Ну ничего себе… – мама села обратно на стул. Над ее светлой головой мы с братом обменялись взглядами. Антон был абсолютно счастлив. А я просто не могла поверить, что все получилось! – Когда папа возвращается? – соображала мама, тщетно пытаясь сосредоточиться.

- В одиннадцать, – поспешил ответить Антон.

Он летал вокруг нее разве что не на крыльях, говорил, что теперь ей надо бросить все и репетировать, готовиться к решающему туру, она всех покорит… Мама впитывала информацию. Он сварил ей кофе, принес красивую чашечку из серванта (за успех надо пить из особой чашки!) Он не сомневался в ее успехе. Голос его звучал бодро и уверенно.

И с этого дня появилось у них это ласкающее имя «Тонечка». Антон был на седьмом небе. Это был первый хрупкий мост родства между ними. Едва папа в тот день показался на пороге, мама налетела на него и стала взахлеб рассказывать. Он не знал, что делать с этой бурей. Мама была словно в лихорадке, уже хотела раздобыть сценарий, роман по которому будут снимать. На следующий же день она написала заявление об уходе из актерской студии к великому сожалению своих учеников. Папа умолял ее подождать по крайней мере до объявления результатов, но в нее словно дьявол вселился. Она немедленно желала распрощаться со всей старой жизнью, и была одержима кастингом. Засветилась, запылала, ждала!

За окном мели метели, а она учила роль. Ее героиню звали Анна. Антон помогал ей репетировать, подавая реплики. Они не замечали непогоды, порывов ветра. Антон делал ей бутерброды, варил кофе, приносил книги. И вот, наконец, трепеща, мама, отправилась на пробы.

- Спасибо! – уходя, сжала она руки Антона. – Ждите с победой.

Вернулась она затихшая. Результатов надо было ждать еще три дня, пока продюсеры в Москве оценивали материалы. Все эти три дня мама слышала и ветер, и колкий снег, бивший в окно, и как звенит ложечка о чашечку... Могла вдруг заплакать, и мы все бросались ее утешать, с ужасом думая, что будет, если ее не выберут. Она же просто умрет от горя! Она ведь уже уволилась с работы. Но вот настал заветный день и…

Мама получила роль!

То возбуждение, которое сотрясало наш дом еще неделю, я не забуду никогда. Это была не мама, а какой-то обезумевший ястреб, который метался по слишком маленькому пространству не в силах полностью развернуть крылья. У нас началась новая жизнь. Мама не уезжала, она улетала на съемки!

Получила огромный по нашим представлениям аванс и сразу же его спустила. Новый круг общения требовал от нее «реинкарнации гардероба» – сообщила она нам, возбужденно распаковывая хрустящие пакеты.

Еще она познакомилась с каким-то продюсером, и ее пригласили в сериал. Мама сразу же дала согласие и теперь уже была просто ядерная какая-то. Съемки шли параллельно. В первой картине мама играла девушку в пышных кринолинах, которая ищет свою семью, а в сериале – современную женщину, которая, из-за случившегося с ней несчастья, вынуждена вести двойную жизнь, появляясь то в образе бизнес-леди, то представать роскошной дивой. Она сказала, что в сериале ее героиню хотят убить, она успевает выбраться из машины, машина взрывается, а ей надо упасть и катиться по асфальту…

«Так, меня не трогать, я в дрейфе…» – сбивала она с ног сапоги, появляясь на пороге после огромного съемочного дня, румяная, в своей новой черной шубке. Приняв душ, заходила к нам в комнату с чалмой из полотенца, и дальше следовало хрестоматийное: «А что бы пожрать?» и ее красивые остроконечные глаза обращались к Антону.

Несмотря на занятость, Антон всегда старался купить ей фруктов, «а не кофе и фисташки». Теперь он иногда делал на заказ рефераты и презентации, и у него появилась своя небольшая статья дохода. Голодная мама набрасывалась на еду, а потом приходил папа и тоже набрасывался. Поужинав, мама заваливалась спать и спала мертвым сном где-то до трех ночи, потом вскакивала, брала текст роли и уходила учить в кухню. Утром она уезжала раньше, чем звенели наши будильники. Мы еще продирали глаза, а она уже убегала от бандитов или танцевала на светском балу.

Стояла белая пушистая зима, с морозом и солнцем, но мама не видела. Она жила в своих картинах. Мне трудно пересказать все, но в нашей жизни очевидно произошло смещение тектонических плит, и мы поняли, что мама уже не будет прежней. Со своей стороны, мы старались привыкнуть ко всему новому, что в ней появилось. Это было непросто, но выбора у нас не было. Одно могу сказать точно – эта перемена сделала маму счастливой. Раньше я как-то не задумывалась, счастлива ли она. Мне и в голову не приходило, что у родителей тоже могут быть мечты.

Возвращаясь домой, мама рассказывала какие-нибудь смешные истории со съемочной площадки, когда было можно, брала нас с собой, фотографировала в исторических декорациях. Я увидела, что красивые интерьеры снимают в обычном павильоне и была так разочарована! Я-то думала, что все эти замки и правда где-то существуют… А еще я увидела, как маму гримируют, укладывают ей волосы, подкладывают шиньоны, чтобы сделать старинную прическу, как делают кровь и «шрамы». Как для того, чтобы снять маленький диалог, постоянно перемещают камеру.

Мое умение правильно падать сослужило хорошую службу, и я показала маме, как упасть в сцене, где она выбрасывается из машины. А Антон подсказал актеру, который играл бандита пару приемов дзюдо, которые тот с

успехом использовал для сцены драки. Ассистент режиссера сказала, что нас укажут в титрах, в списке благодарностей. Ух ты! Мы тоже попадем в фильм!

А какая мама была красивая в пышных нарядах! Я с восхищением трогала ее кружевные рукава, меховые накидки, шляпки с цветами. От всего этого пахло чем-то искусственным. Мы успели побывать на всех съемочных площадках и сделать много видео нашей новенькой камерой. Постепенно на маме появился налет киношной стремительности, и она задышала полной грудью. Жаль только, она не знала, что всем этим счастьем обязана худенькому мальчику, который сияющими глазами следил за каждым ее движением. Я намекнула, что премьера фильма «Гранаты и письма» – отличный повод сказать правду. Но Антон сомневался. А вдруг это собьет ее настрой? Ведь будут журналисты... Он думал об этом.

Что за счастье иметь сестру! Антон никогда не мог до конца охватить всю бесконечность, которую простирала над ним любовь ревнивой Леечки. Хозяйственная, пугливая, шумная, готова расплакаться, если хотела, как лучше, а все пошло не так. Эти расстроенные глаза… И все готов сделать ради нее! Эта привычка перехватывать карандаш, когда, страшно сосредоточенная, она смотрит в учебник. Пальцы в чернилах. Натруженные на занятиях руки, царапающие мозоли на нежных горячих ладонях. Абсолютное бесстрашие, когда она делает обрыв на трапеции… и душераздирающие признания в том, что завтра ее фотографии появятся в интернете. (Этот случай, наверное, стоит упомянуть особо, ибо стыдливее Лейки не было на земле человека). Пришла из школы вся красная, забилась в уголок. «Что случилось?» – «Все нормально».

Но врать Лейка не умеет и в этом вся ее прелесть. Вдруг плач: «Все пропало! Теперь у мамы все роли отнимут!» – «Почему?» Опять слезы. Потом признается: «Как я тебе *такое* скажу? Вдруг они покажут пленку со мной?» Пленку? (Невольно вспыхивает страх). Наконец, уже не видя никакого выхода, спрашивает: «Ты знаешь про красную пленку? На которой человек виден голым?» Крайне заинтригованный, Антон попросил подробностей. Девочка шепотом рассказала. Сначала он хохотал до колик, а потом ужасно рассердился. Оказывается, мальчики принесли в школу самый обычный фотоаппарат и, подлавливая младших девочек, говорили, что снимали их на «красную пленку», и теперь они все посмотрят и другим покажут. Девочки сходили с ума, вспоминая, кто же в чем был, а мальчики умирали со смеху. Много труда понадобилось, чтобы убедить до смерти напуганную Лейку, что никакой красной пленки не существует, и мамины роли целы. Месть была произведена точечно и молниеносно, и на следующий день все в школе снова убедились – Алину Толлейн лучше не трогать.

…Лейка пишет ему смешные смс-ки, когда ей грустно и просит, чтобы ее позаплетали (удовольствие, за которое она продаст душу). И этот радостный вскрик, когда она несется к нему с объятьями из комнаты. Она ранима.

Обидчива. До слез любимая девочка! Переживания по поводу того, что она не нравится мальчикам, и в знак протеста – еще более насупленный вид. Лейку нельзя представить без этого выражения. Поэтому, едва заметив эти тучи – он любил пощипать ее за щечку, чтобы улыбнулась. А какой восторг, когда ей доставалась очередная рубашка, из которой он вырос! Спортивной Лейке очень шли рубашки. Осенью он собирал для нее каштаны. В канцелярских магазинах покупал тетрадки и блокнотики с героями Диснея. В швейных магазинах выбирал необычные пуговицы.

Ей нравятся балерины, и она вырезает их из журналов и реклам. Мечтает о кукле Джей-долл, которую увидела в интернете (но это страшная тайна), Лейка протрендела ему про нее уже все уши. Хрупкая шарнирная красавица ростом в 27 сантиметров, с выразительными глазами и двумя «кулачками» светлых кичек, облачена в пышную золотую пачку и стоит на крошечных пуантах. Заказывать ее надо из-за границы, но он непременно купит. Кукол у Лейки не было, ей больше нравились звери, настольные игры, но этой она отдала всю душу. Недавно у нее появились два игрушечных волнистых попугая, и она сидит, перекручивая их, заставляя безудержно целоваться…

Лейка очень активная, страстная девочка, у нее есть воля к победе и при этом она может страшно стесняться. Обожает обниматься. Глубоко вздыхает. Беспощадная, яростная, неистовая менятельница мрачных аватарок на своей странице ВКонтакте. Антон наблюдал за ее осторожной шеей, за гладко зачесанной головой, за ее балетными ногами, и думал, что эта девочка еще всем покажет. Он отчаянно скучал без нее, до боли в сердце слышал ее маленькие обиды, но мог устать от ее шумных радостей за пять минут. В этом она очень напоминала ему маму, но не понимала этого.

Я пришла сменить Толе газету. Антон стоял у окна, поставив ногу на перекладину стула, прислонив к колену вывернутую запястьем руку. У него в другой руке была иголка с ниткой!

- Вот, – обернулся он ко мне, – зацепил за парту…

Никогда не видела, как мальчики шьют.

- Стой, – остановила я. – Мама зашьет. (Но тут же поняла, что на маму рассчитывать не стоит) Я зашью, – сказала я быстрее, чем успела подумать.

Шила я хуже всех в классе. То есть, на уроках рукоделия меня даже учили вышивать техникой Ришелье, но швейная машинка с педалью казалась мне одним из видов инквизиторских пыток. Моим пальцам, привыкшим к нагрузкам, подтягиваниям и грифу трапеции было неудобно возиться с крохотной иглой. Но я уже упрямо стягивала с Антона джемпер.

- Бабушка говорит: зашивать на себе – плохая примета. Зашьешь на себе все беды.

Антон пошел за свитером, а я с ужасом уставилась на дырку у локтя.

- Я сейчас принесу, а ты иди, согрей нам чай, – прогнала я брата.

Он ушел, а я, подражая маме, приколола иглу к рубашке и внимательно оглядела дыру: надо знать, с чем придется работать. Антон зашил ее почти до конца, и, надо признаться, довольно умело. Но пока снимал джемпер, дырка разошлась. Я потянула за нитку – стежки сомкнулись. Ух ты!..

- Чай готов! – позвал из кухни Антон.

…Ну почему электрические чайники закипают так быстро!

- Сделай бутерброды! С помидором!

Так. Как так вышло, что в 10 лет я не умею шить?

Помогая себе коленями, я неуклюже продела вторую руку обратно, сделала первый стежок… и почувствовала себя ужасно взрослой. Вот я сама сижу и зашиваю своему брату одежду!

- Все готово, ты идешь? – через пару минут раздался голос Антона.

Как я ни старалась, мои стежки бросались в глаза. Никуда не годится. Поддевая нитку иглой, я принялась распускать, но ткань протестующе сжалась, словно корча мне рожу. Как я могу покорить цирк, если не справляюсь даже с этим! Антон подошел, присел на корточки, бросив руки на колени, оценил мой запыханный вид, попытался забрать джемпер.

- Нет! Я сама!

Нитка снова стянула уродливую гармошку, иголка упала на пол с легким звуком. Антон с огромной любовью смотрел на меня, а я насупилась.

- Лейка, ты прям, как сычик, – рассмеялся он, поднял иглу и присел рядом. – Дурацкий, – кивнул он на скомканное чудовище в моих руках.

- Дурацкий, – подтвердила я, все еще глядя на джемпер, как на врага.

- Я тоже раньше не умел, – он забрал шитье, легко вдел нитку в ушко и насадил дырку на ладонь. – Меня одна нянечка научила (он аккуратно сделал стежок), у нее было столько наших колготок, рубашек, она и говорит: «Научись сам и будь себе хозяин». Видишь? Как шнурки в ботинках, крест-накрест от каждого края, – Антон сделал узелок.

- Жаль, что я не смогла попробовать.

- А знаешь что! Давай порвем его вообще весь, и будешь пробовать! Он мне все равно уже мал. И сядем зашивать на скорость!

Никогда еще перспектива зашивать дырки не внушала мне столько энтузиазма! Мы решили, что их надо много, самых разных форм и размеров. В конце концов джемпер выглядел так, будто покрылся пухом. Неделю я тренировалась не менее упорно, чем в спортзале.

Перед состязанием мы поставили таймер.

- Только не поддавайся!

- Я буду жесток, – Антон смотрел на мобильник. – На старт, внимание…

И мы бросились каждый к своему рукаву.

Через условленное время запищал таймер.

- Я выиграла! Выиграла! – кричала я видя, что Антон зашивает последнюю прореху.

- Не радуйся раньше времени, – с видом знатока произнес он, перекусывая нитку, – посмотрим на качество. – И, встряхнув мой рукав, как оценщик в ломбарде, принялся его исследовать.

- Посмотрим на твою часть, – подсела я с его стороны.

Некоторое время мы молча изучали противоположные рукава.

- А вот тут можно было бы и получше, – указал он на одну из лучших моих строчек. – Позор, какая спешка! Как тебе мой рукав?

- Вполне сносно, – сделала я в отместку скучающую мину.

- Сносно?! – набросился он на меня. – Да я лучше всех! Я…

Я выставила защиту, намертво зажав свой рукав, мы принялись лупить друг друга, раздался треск… Джемпер не выдержал издевательств. На нем, посередине, как рот, вопящий немые ругательства, зияла страшная дыра.

- Знаешь, – сказал Антон, – по-моему, это *очень* большая беда.

- Не сдержался! – сказала я нашу любимую присказку.

- Удостоился! – смеялся Антон. – Беду надо зашить!

Мы сменили нитки в иголках, скрутили узелки:

- Рыцари! – провозгласил Антон. – Вы можете взять свое оружие!

…Мама долго изучала джемпер, который мы попросили ее постирать.

- У него были хирургические будни, – пояснил Антон.

- Может… – мама не решалась сказать правду, – может, мы его просто выбросим? Это что – реликвия? Антон, ты носил это в школе?

- Это писк моды, – укорил Антон, – швы наружу, везде лохмотья.

- Но откуда столько дырок?

- Я в нем чесался – он же синтетический.

Глава 30

Папа вносит елку. Она душисто пахнет хвоей и смолой. Мы достаем елочные игрушки. Заяц из золотого картона (ухо я ему отгрызла в детстве). Мамины звезды, обшитые пухом! Гирлянда. Примерим корону из огоньков!

- Так-так-так, с дороги, милые, – как свежий ветер пронеслась мимо нас мама в серебряном платье. В руках – тарелки.

Елка сверкала в полутьме комнаты. На ней мигала гирлянда и поблескивали шары. Это был первый Новый год Антона с нами.

- А я знаю, кто ты, – шепнула я ему, улыбаясь. – Может, сегодня скажешь?

Но, глядя на оживленную маму и счастливого папу, которые весело перешучивались, доставая шампанское, я и сама с трудом представляла, как можно сегодня обрушить на них такое потрясение. Едва я думала, что Антон скажет все прямо сейчас за столом, как сразу становилось страшно и в животе все скручивалось. Мама, наверное, будет плакать, или у нее случится какой-нибудь приступ… а папа! Не представляю себе его лицо.

Но как же тогда найти подходящий случай? И мы с Антоном промолчали, а праздник был спасен. Наевшись до отвала, мы вышли на улицу и хотелось носиться, орать, падать – от облегчения, что ничего ужасного сегодня не случится. Катали папу на санках, лепили снежки, жгли бенгальские огни. Мы с Антоном корчили дикие рожи, выкрикивали «С новым годом!» хриплыми голосами монстров, шамкали, как беззубые, пищали, как мультяшки. Мама с папой смеялись до слез, а нам становилось легче… легче… легче…

Вслед за наполненным событиями январем наступило относительное февральское затишье (правда, только у нас – у мамы продолжались съемки).

- Заусеницу срежешь? – подошел ко мне Антон, едва я проснулась, и протянул маникюрные ножницы.

Я понимала, что мне оказано высшее доверие – ножницы Антон не любил. Но едва взялась, он положил мне что-то на кровать.

- Я видела! Видела! – закричала я и окончательно проснулась. У меня день рождения! Антон посмотрел с укоризной. – Все-все, – сдалась я и аккуратно срезала. – Ну а теперь можно? Клянусь, мне уже точно одиннадцать!

- Нет, – заявил он, – сначала обнимешь меня. Все, как положено, – и сел, ожидающе заложив руки на груди.

- Спасииииибо, – потянулась я и обняла его. – Можно теперь?

- Нет. Я еще не понаслаждался (я обвила его шею руками и поцеловала в щеку). Ну хорошо, только если тебе и правда уже одиннадцать.

Я схватила с одеяла белый сверток. Рву бумагу. В руки мне выпал чудесный игрушечный шмель. Какой хорооооооший!!!

- Антон… – едва дыша, произнесла я, стиснув пушистый подарок.

- С днем рождения, шмелек. Это твой собрат. Попросился к тебе жить.

- Какой мягонький! – прижала я игрушку к лицу. Не выпуская шмеля, я издала «иголочку счастья» и подарила брату самые благодарные объятья.

У нас иногда бывали затмения рассудка. Чего мы только не делали, пока родителей не было дома! Однажды прочли в интернете, что можно избавиться от заикания, если перекрикивать шум. Заиканием мы не страдали, но тут же решили устроить эстафету (благо, осудить нас за это мог только Толя, который имел к перекрикиванию особый дар). Схватили по книжке, синхронно открыли (уговор был: прочесть, не сбившись и не рассмеявшись). Но у меня был учебник по биологии, а у Антона стихи Хармса:

- *…безусловные рефлексы передаются по наследству…*

- *По вторникам над мостовой…*

- *…а условные рефлексы – это рефлексы, такие, как например…*

- *Воздушный шар летал пустой.*

Он тихо в воздухе парил…

- …если вы вставали по будильнику, спустя некоторое время…

- …в нем кто-то трубочку курил…

- Чирик! – решил поучаствовать Толя и Антон, рассмеявшись, срезался.

- Антон, – глянула я в ноутбук, в поисках наказания, – когда придет мама, ты должен будешь ответить ей четыре раза: «*думаю, она утонула*», – что бы она ни сказала. А на пятый раз скажешь: «*это случится в субботу*».

Пришла мама. Бедный Антон уже готовился.

- Черт, – переобувалась она, – где вторая тапочка?

Я зажала рот обеими руками…

- Думаю, – глотая смех, выдавил Антон, – она утонула.

- Нас Игнатий затопил? Что на этот раз с его стиральной машиной!

- Думаю, она утонула, – быстро отвернулся к окну Антон.

…Я тихо никла над столом…

- Господи, кто утонул? Лея, разогрей суп, умираю есть хочу. Антон, мне со студии ассистентка не звонила? (Получив ответ, мама несколько секунд стояла в дверях комнаты, побивая указательным пальчиком косяк двери, а из кухни, куда я унеслась, доносились взрывы смеха). Что ты сделал с сестрой? Что там за хрюканье? – кивнула она.

- Думаю, она утонула, – объяснил, разводя руками, Антон.

- Видимо, еще борется за жизнь. Лея, когда ты вынырнешь?

…Антон рухнул на стол, сотрясаясь от смеха.

14-го февраля, на день святого Валентина, когда вся школа обмениваясь волнующими признаниями, Антон получил странное письмо. Это был скатанный в трубочку обрывок тетрадного листка, обмотанный красной ниткой. На нем крохотными печатными буковками было написано:

«Против обыкновения, барон и молодой человек отправились в отель пешком. По дороге Тим впервые спросил барона:

– Почему вам так нравится именно мой смех, барон? Так нравится, что вы отдаёте за него полцарства?

– Меня удивляет, – заметил Треч, – что вы никогда раньше не задавали мне этого вопроса, господин Талер. Ответить на него не так-то просто. Формулируя мою мысль коротко, могу сказать следующее: когда вы были маленьким мальчиком из переулка, господин Талер, вы пронесли свой смех через столько непостижимых зол и невзгод, что он закалился и стал твёрдым, как бриллиант. Ваш смех не подвластен разрушению, господин Талер! Он несокрушим».

Джеймс Крюс «Тим Талер, или Проданный смех»

Любопытство Антона тут же подскочило до высшей отметки – эту книгу он не читал! Но ниже стояла удивительная фраза:

Антон, храни себя, ты – смех жизни. Весь мир – с тобой.

Сердце замерло. Сладкое и тревожное чувство, будто крошечная молния ударила в сердце. От этих слов веяло чьей-то любовью! *Настоящей*! Он спрятал записку, шутил, что все его валентинки от младших девочек (что лишь отчасти было неправдой), но сердце стучало больно и сильно. Кто же написал? Он ни разу в жизни не получал валентинок, и вдруг столько! И одна – от красавицы Даши Соколовой. Но все меркло перед загадочным письмом.

Весь день он ломал голову. Точно не из его класса. Прошла тренировка по дзюдо. Делал дома уроки… Он получил 24 записки, но лишь здесь вглядывался в почерк, пытаясь угадать спрятанного за ним человека: «Весь мир – с тобой». Словно кто-то обнял его! В этом «храни» было столько чувства! Достать бы книгу. В школьной библиотеке ее не оказалось – вернее, она была на руках. А вдруг автор записки списывал как раз с нее? Фантазия уже рисовала ему тысячи картин, но ни в одной из них прекрасную незнакомку нельзя было развернуть лицом.

- А мне как всегда ни одной! – вошла в комнату Лейка, грохнув рюкзак на пол. – Ненавижу этот день! Ненавижу все эти «I LOVE YOU!!!»

- Разве Сивко тебе не написал? – улыбнулся Антон.

- Ага! Счас! – бухнулась на кровать Лейка, стаскивая с ног рейтузы. – Я просто идеально сделала переворот, там такой… ты слушаешь? И я звезданулась… а Машка сделала. И гордилась! Он ее хвалил! – рывком сняв свитер, девочка подошла к учебному столу, встав руки в боки, как всегда отвернув их ладонями назад. Заметив у брата записку, она закатила глаза. – Господи, как ты можешь верить во всю эту чушь!

- Просто устала. Не обращай внимания.

- Уже обратил.

- Забудь! – Таня отчаянно рылась в сумочке и сдула из-под губы завиток.

- Провалами не страдаю. Успокойся, ты успеешь на интервью.

- Черт, где карточка? Кажется, моя сумочка ее уже переварила... Пытают меня, буду ли я танцевать на премьере. А это сюрприз! Откуда они узнали?

На миг остановилась… Саша улыбался. И так не хотел, чтобы она уходила! Быстро подошла, чуть коснулась губами его губ:

- А я тебя ни капельки, – (она любила отвечать на его мысли). И вышла в кухню. Рука подлетела к тарелке, где были черри, – тарелка была пуста. В этот момент в ее сумочке прозвенела смс-ка. – Ну что еще! – воскликнула Таня, вжикнув молнией. Интервью перенесли. А она уже оделась, накрасилась. – Он столько ест! – враждебно посмотрела она на пустую тарелку, не зная, куда выдохнуть досаду.

- Растет, – улыбнулся Саша. В новом сиреневом платье она была так хороша! – скоро и Аля начнет также лопать. Готовься класть им в клювы, ты у нас теперь богатая леди.

Солнечный свет горел в волосах Тани. Вдруг, сменив темп, она подошла, искрящимися глазами разглядывая Сашу... Он не удержался и обнял ее.

- А у меня еще четыре часа, – намекнула она. И вдруг, расстегнув ему рубашку, зарылась лицом в горло, нещадно щекоча волосами.

- Таня… – в голосе мужа послышались шальные нотки.

Она подняла на него невинные глаза из-под взлохмаченных волос:

- Что?

Он смотрел на нее – беспомощный перед своим желанием! А она расхохотавшись, сама потащила его в спальню, толкая вперед, поддавая ему коленом, и ероша ему волосы сразу обеими руками:

- Уууух! Сейчас я с тобой что-нибудь такое сделаю! – и, откинув голову, смеялась, как девчонка, грубо, свободно.

…Лежали рядом, и Таня дышала все тише – буря уходила от нее.

- И за что я такого удостоился? – улыбался Саша. Сейчас он был абсолютно счастлив.

- Ты меня не ругаешь, – прижалась она щекой к его груди.

- Тебя очень трудно ругать, – Саша вдруг рассмеялся, – но делать это надо постоянно.

Антон перерыл весь шкаф, но «Тима Талера» у них не было. Ведомый любопытством, на следующий же день он зашел в школьную библиотеку:

- А Крюса еще не сдавали? (сказав это, он почувствовал, что краснеет).

- Пришла! – заулыбалась, увидев его, библиотекарь, хорошо знавшая его, и обернувшись, сняла с полки книгу. – Держи. Отложила для тебя.

На обложке были профили людей, и в центре лицо смеющегося мальчика со светлыми вьющимися волосами. Антон пересыпал страницы – мелькнул рисунок. В глаза бросилась фигурка мальчика на черном фоне: серьезный и задумчивый, он одиноко сидел в кресле, глядя на паука, свисавшего с хрустальной люстры, а за креслом, в окружающей его тьме, как дирижер или маг, вскинув тонкие руки, застыл зловещий человек в черном фраке…

- Великолепная повесть! – заметила его интерес библиотекарь.

- Спасибо, что отложили. А ее… часто берут?

- Когда как, – она уже записывала книгу на формуляр.

- А кто сдал? – Антон постарался, чтобы его голос звучал непринужденно.

- Вчера Дина Михайловна принимала. Это важно? – подняла она карие глаза, в которых светилась изучающая улыбка.

Антон поспешил заверить, что нет. До конца перемены он стоял у окна, приткнувшись спиной к стене, унесенный невероятной историей. С юным Тимом, оставшимся сиротой рядом с чужими людьми, его роднило многое. Однажды на ипподроме к мальчику подошел странный господин в клетчатом костюме и предложил купить его смех взамен за право выигрывать любое пари… Увлеченный чтением, Антон не заметил, как на несколько секунд на нем остановились внимательные серые глаза, жадно впитывая весь его облик. Он читал и уже мысленно умолял Тима не подписывать страшный контракт!

- …слушайте! Вы вырвали меня из кровати с корнем, я в шоковом состоянии, а вы спрашиваете мой год рождения!?

Саша приподнялся на кровати. 4.20 утра. Таня ругалась с кем-то по телефону. Эти киношники не знают никакого стеснения.

Таня вернулась в спальню и рухнула в кровать:

- Дурдом! Им нужно анкету заполнить, прикинь? Пять страниц! Все, я спать. И только попробуй… – она не договорила, потому что уже спала. А он проснулся и заснуть не мог. Вышел – Антон сидел в кухне и читал.

- Ты чего не спишь? – удивился он.

- Я не могу… опять…

Саша вздохнул. Его кошмары так и не проходят.

- Что читаешь? – сощурился он. – Аааа… потрясающая книга!

- Треч – это же «Черт» наоборот! – горели глаза Антона (сна в них не было). – Этот барон такой жуткий. Это демон, да?

- Спал бы ты лучше, – вздохнул Саша. В этом доме одни лунатики.

А Антон, вернувшись к Тиму Талеру, как раз дошел до строк: «Почему вам так нравится именно мой смех, барон? Так нравится, что вы отдаёте за него полцарства?» Эти слова можно было бы расшифровать как: «*Почему ты мне так нравишься Антон? Так, что я даже решаюсь написать тебе?*» «…господин Талер, вы пронесли свой смех через столько непостижимых зол и невзгод, что он закалился и стал твёрдым, как бриллиант. Ваш смех не подвластен разрушению, господин Талер! Он несокрушим». Сердце Антона замерло. «Когда я был в интернате, во всех моих невзгодах я закалился, как бриллиант, я несокрушим!» – с волнением и внезапно нахлынувшей гордостью перевел он загадочное письмо и даже выпрямился. Наконец-то кто-то похвалил его! Оценил! Но кто мог знать о его страданиях?

Антон так и не смог найти автора записки. По какому-то наитию он пытался отыскать среди старшеклассниц ту, что написала «ты – смех жизни», но не видел глаз, которые сразу же признались бы. Таинственный отправитель по-прежнему ходил где-то рядом, и само его присутствие и одновременно неуязвимость делали поиск почти мистическим.

Мы, конечно, не смеялись вслух, когда мама купила книгу по йоге, но...

- Что? – защищалась она. – Мне нужно быть гибкой!

- «Поза горы?» – удивленно смотрел на картинку Антон, и тут же встал на вытяжку, вперив глаза в пространство. – Что – просто стоять на месте?

- Надо сконцентрироваться! – отняла книжку Таня.

- «Поза трупа?» – выкатила глаза Алина. – Мы спим в позе трупа.

- Ты спишь в позе комочка, – поправил Антон, изучая книгу.

- …Поза дерева… поза воина… – Лейка листала страницы.

- Концентрируюсь! – встал Антон руки по швам. – Один, ноль, ПУУУСК!

- Счас я встану в позу недовольной матери, – замахнулась в шутку Таня, но дети уже унеслись в комнату, откуда послышалась их веселая возня: «Поза гордого сыча»! – «Сейчас клюну!» – «Поза недовольного сыча»! – «Поза зазнавшегося брата!» – «Поза сыча, спасающегося бегством!» «Аааа, мамочка, спасииииии!»

Наступила весна, и 6 марта Тане исполнилось 33 года. Антон нарисовал ей карту страны Короля птиц и преподнес прямоугольный сверток.

- Она похожа на тебя, – пояснил он, сцепил руки за спиной и, сильно вздохнул, когда Таня достала репродукцию Мадонны Филиппо Липпи. Растроганная, она крепко обняла сына, и, спасаясь от волнения, скорее умчалась к серванту за чашками.

- Как прекрасна женщина с младенцем! – изучал Саша знакомую картину.

- Ага, – отозвалась Таня, – и что получила Мария, родив самого прекрасного Младенца на земле? Кинжал в сердце.

- Что? – вздрогнул Антон.

- В переносном смысле, – Таня подала сыну две чашки. – Христа распяли, и, увидев Его муки, сердце Марии словно пронзил кинжал… или… – Таня посмотрела на Антона и вдруг вздохнула. – Тоня, как же тебе идет белый!

Глава 31

После почти полугода съемок, монтажа и озвучания была завершена первая из двух новых картин Тани «Гранаты и письма». Яркая роль в исторических декорациях сулила успех. Киностудия «ZANFILMS», (ZAN – по фамилии основавших ее братьев Зангольц) ставшая за три последних года одной из самых влиятельных в стране, покупала лучшие сценарии. Команда была подобрана блестяще. Таня страшно нервничала. После долгого простоя в карьере, она вдруг снова оказалась перед камерой. На счастье, они быстро нашли общий язык с режиссером, а опытные партнеры оценили ее самоотверженность. Очень скоро стало ясно, что Таня затмевает на экране всех. Она буквально расцветала перед камерой. Ее мимика была богата, импровизация – бесподобна, а природная грация делала похожей на фею. При этом она могла быть ужасно смешной, споткнуться, рыкнуть и выдать пару слов по цепочке.

Вдохновленные своей находкой, Зангольц не жалели денег на костюмы. Они не прогадали, взяв совершенно неизвестную актрису, анкеты которой отвергли все студии до единой. Диск, который она прислала вместе с резюме, доказал многое. Волновались лишь об одном: не сильно ли она изменилась? Но она была еще прекраснее: взволнованная, с длиннющими ресницами и веснушками… Они подписали с ней контракт на три года. Видели, как она рвется играть и понимали, что убивают двух зайцев – неизвестная актриса не

станет требовать высоких гонораров (а они вложили в «Гранаты и письма» больше, чем в любой другой свой фильм) и такую жемчужину найдешь не каждый день. Таня не имела привычек, которые успевают испортить даже самого одаренного человека. Она не опаздывала, не капризничала, не срывала съемки. Таня не успела догадаться, что кто-то прислал резюме за нее, потому что в свое время высылала их множество. На первой встрече она услышала, что они «оценили ее анкету» и «с большим интересом посмотрели фильм». Она думала, что они его просто где-то нашли… Судьба сохранила щедрый дар Антона в тайне.

Главная героиня будто специально была создана для того, чтобы помочь Тане раскрыть свою переменчивую натуру. Сюжет строился вокруг перевоплощений девушки, которая в поисках семьи постоянно меняла образ, попадая в самые невероятные ситуации. Анна умудрялась быть и смешной, и трогательной, и серьезной. У других героев создавалось впечатление, что они знакомы с разными девушками – бездетный граф делал ее своей наследницей, юный поэт – музой, молодой князь предлагал руку и сердце, а пожилая дама учила манерам. Постепенно из бедной родственницы Анна превращалась в роскошно одетую даму, обретая все большее могущество и попутно помогая всем героям. Но ее озорной характер оставался неизменным. На пути к цели Таня-Анна подделывала почерк в письмах, по-разному обыгрывала одно и то же гранатовое колье, танцевала, хитрила, надеялась и жила, жила в кадре! Оператор сразу оценил ее летучую пластику и фотогеничность глаз, а звуковики благословляли солнечный голос.

Примерив с десяток париков – от черных и каштановых, до огненно-рыжих и пшеничных, сменив двадцать одно платье и неисчислимое количество шляпок с цветами и вуалями, Таня, наконец, поняла, что справилась. После просмотра первого монтажа она вернулась домой и со слезами бросилась на шею мужу: «Получилось! Получилось!» – повторяла она, обнимала детей, и все, сбиваясь, говорила, как она счастлива…

Тем временем «ZANFILMS» готовили пышную премьеру и программу-презентацию, главным событием которой должен был стать танец из фильма – Таня и ее партнер исполнят его в большом зале, в бальных костюмах. Танец ставил один из лучших хореографов города и, разумеется, Таня хотела быть лучшей. Написанный в темпе вальса, танец содержал много современных элементов, отчего смотрелся неожиданно и смело. Танцевать Таня должна была в роскошном декольтированном платье, (студия спешила продемонстрировать работу художника по костюмам) и пышная юбка, конечно, затрудняла движения. Таня, не видя своих ног, теряла от страха чувство равновесия…

Подготовка шла полным ходом, в «ZANFILMS» не сомневались: у них появится новая звезда: Татьяна Толлейн! И имя звучит прекрасно! Уже шли переговоры о зарубежном прокате картины. Но буквально за 4 дня до торжества случилось непоправимое: актер, танцующий с Таней, сломал ногу.

Хореограф честно заявил, что времени для того, чтобы поставить танец с другим актером – слишком мало. Таня была в отчаянии.

- Будет вся пресса! – ходила она по комнате. – Это никто не выучит, никто! – и обращала на Сашу расстроенные глаза.

Правда, был еще один человек, знавший танец. Желая довести движения до совершенства, Таня снова и снова просила Антона репетировать с ней – он был того же роста, что и актер в фильме, игравший юного брата Анны. Она бегала с ним в актерскую студию, брала ключ от зала... Актер в фильме был блондин, волосы ему перекрасили для сходства с Анной-сестрой, Антон же имел светлые от рождения. Ответ напрашивался сам собой. Таня позвонила режиссеру: «это, конечно, безумная идея», – начала она…

После того, как они показали танец, продюсер сказал:

- А по-моему, это бомба будет. Расскажем, как в последний момент Костя ломает ногу. А что: Анна ищет семью, помогает семья! – и, оглядывая мать и сына, добавил. – Вы так похожи! Сразу видно, что родственники. Надо было его снимать, один в один.

По таниной спине пробежал холодок, а Антон не верил, что все это происходит. Его уже обмеряли, шили на заказ копию костюма из фильма. Когда Антона вывели из примерочной – несколько секунд молчания опытных киношников значили многое. Теперь все ждали танца с еще большим нетерпением. Антон страшно волновался, но старался этого не показывать, а Таня нервничала еще сильнее, и все время говорила:

- Только не наступи на юбку, она триста километров! И потом будет на выставке и… Ты слушаешь? Антон, ну что ты стоишь!

- Жду тебя в позе горы.

25 мая. 25 мая. Среда. Этой среды мы ждали с трепетом. Она была отмечена красными рожицами и молниями в календаре.

В среду 25-го мама вскочила в 5.30 и уже будила Антона:

- Тоня, вставай! Быстро! Я все забыла! – расталкивала она его, а он лег всего 2 часа назад, потому что готовился к контрольной по французскому.

Мне было так его жаль! Я прижала к себе шмелька и перевернулась на другой бок. Мне можно. ☺ Сегодня все по-особому. В школу мы не идем. ПРЕМЬЕРА. *…о нет!* Мой измученный слух уловил за двумя закрытыми дверями мелодию. Не могу ее больше слышать! Бедный Антон, он вообще не спит в последнее время. Мама будет в платье, как Золушка или Бэлль… Я еще не видела брата в синем костюме, который шили специально для него.

- Антон, с левой ноги! – долетело до меня, и по маминому голосу было ясно, что нервы ее взвинчены до предела.

Прижала шмеля к себе покрепче, спи, мой хороший... Мама – актриса! И это сделал Антон. (И я тоже). Надо просто действовать и тогда все получается. Папе для премьеры специально заказали черный фрак, а мне

платье. А я так хотела брючный костюм с галстучком… Ужасная мелодия заиграла снова, и я укрылась одеялом с головой.

- Антон, как там мама? – обернулся от окна Саша.

- Еще облачается.

Они все уже были готовы и все нервничали.

- Опаздывают. Ну как ты, спаситель студии? – подошел отец к сыну. Антон лишь смущенно улыбнулся, а Саша видел, как мальчик устал за эту неделю. С его губ не слетело ни одной жалобы, а ведь он спал по три часа в сутки и продолжал учиться, май – пора контрольных. – Горжусь тобой! – опустил он руки на его плечи. – И немного завидую.

Антон только рассеянно улыбнулся.

- Тоня, только запомни… – влетела Таня.

- …не наступить на юбку… – монотонно отозвался он.

- Да! И на меня! – Таня уже смотрела в окно. Макияж ей сделали час назад, и стилист уже уехал. Таня была великолепна, но весь ее образ, пышные волосы, накладные ресницы ничего не значили – только беспокойные глаза были ее и блестели от возбуждения.

Когда к дому подъехала машина, Таня бросилась в прихожую:

- Все! Идем! Это они!

- Таня, спокойней.

- Иди к черту! – Таня быстро поправила волосы перед зеркалом. – Так, – обернулась она, мгновенным взглядом оценивая всех троих. – Улыбаемся, говорим умные вещи. Тоня, я забыла все! С чего начинать… с…

- Я начинаю, – напомнил Антон.

- Да! – она сильно вздохнула и снова метнулась к зеркалу. – Всё. Всё. Я не звезда, я избушка на курьих ножках. Вперед!

Блестящая машина подкатила их к зданию студии, откуда Алину и Сашу отвезли к месту событий на обычной машине, в то время как Таня, должна была появиться особо. Для рекламы решили, что Антон, одетый в строгий черный костюм, будет сопровождать ее. Таинственный молодой человек – это заинтригует публику!

…И она появилась, – ослепительно улыбаясь, в невероятном белом платье, с живыми цветами в волосах. Антон, жестом истинного наследника престола подал ей руку, помогая сойти на красную дорожку, которую расстелили до самых дверей. Пешеходы останавливались, фотографировали, толпа уже собиралась со всех сторон… И сразу померк вокруг летний город.

Они направились мимо ряда вспыхивающих камер и афиш в два этажа высотой. Таня приветственно махала рукой и посылала воздушные поцелуи, а сердце 13-летнего мальчика рядом с ней разрывалось от волнения. Осознание того, что он смог создать все это сам, сообщало его прямой спине и подбородку такое достоинство, что он легко раскланивался с совершенно

незнакомыми людьми. Наконец, прошли в фойе, где их уже ждали. Какие-то люди по рации передавали: «уже у лестницы». Под пристальным наблюдением камер, подхватывая пышную юбку, Таня поднялась по мраморным ступеням – на руках у нее были высокие белые перчатки.

- Я счас грохнусь… – улетающим голосом прошептала она.
- Придем домой, я сделаю тебе чай.
- Я вообще ни черта не помню… что мне говорить?
- Расскажи рецепт гренок.
- Жарища… эти туфли жутко скользкие, я сейчас точно грохнусь!

В зале этажом выше уже толпились именитые гости и журналисты. Едва Антон и Таня вошли – зазвучала музыка из фильма, и все взоры устремились в их сторону. «Что вы ждете от сегодняшнего вечера?» «…просто находка!..» «Да, но, возможно, они пересмотрят договор…» «…возродить жанр…» «… думали, как выйти из положения…» – мелькали мимо Антона обрывки фраз. Было ощущение, что он ведет маму по какому-то зазеркалью. Все казалось ненастоящим, люди, голоса, предметы, интонации... Он искал глазами папу и Лейку, но их нигде не было, зато у входа в большой зрительный зал, занавешенный бархатными портьерами, возле огромной афиши толпились люди. Кусающий звук то и дело срабатывающих фотоаппаратов не давал стоять на месте.

Играла музыка, везде, поворачиваясь на штативах, за ними следили камеры, и все, абсолютно все смотрели на маму, уступая ей дорогу, а она плыла мимо них, кивала и так нежно смеялась, приседая в облаке платья. Антон чувствовал ее напряженный локоть и старался прикинуть размеры зала, потому что понял, что танцевать они будут здесь.

«А кто молодой человек?» – не раз слышал он. Скорей бы погас свет и начался показ! Он вдруг тоже все забыл. Даже музыку!

- Оооо, я уверена, вы получите удовольствие, – прикладывая руку в перчатке к груди, улыбалась Таня и, миновав очередную группу фраков и вечерних платьев, пробормотала. – Господи, за что мне все это…

…Но реальность протыкала острым когтем танину сказку.

Большой зрительный зал был наполнен до отказа – и только два пустых места в центре четвертого ряда бросались в глаза. Таня, расточая улыбки, то и дело тревожно косилась на них, взгляд ее перелетал к выходу, где появлялись опоздавшие. «*Дорогие папочка и мамочка!* – начиналось ее торопливое, взволнованное письмо, к которому она приложила красивую маленькую афишу и билеты. – *Я так хочу, чтобы вы это увидели! Приезжайте обязательно!!! Я так вас жду!!!* (Дальше Таня подробно описывала, кто будет их встречать и отвезет к месту событий). *У меня уже два фильма с главной ролью, но этот просто потрясающий! Я буду танцевать – угадайте с кем? (Это*

сюрприз – приезжайте, я вас с ним познакомлю!!!) Целую, ваша Таня»

…Таня ждала до конца, но они не появились. Знал только Саша. Она надеялась хотя бы на звонок, но ее телефон, спрятанный в кружевах тайного кармана, молчал. Даже сашины родители прислали сообщение и обещали посмотреть фильм. Но вот зал приятно погрузился в темноту, и на нежно-синем экране появилась надпись: ZANFILMS представляет… Таня проглотила слезы. Они не увидят ее такой! Не увидят этого момента! Она для них никто. И почувствовала, как Антон на миг сжал ее руку. В темноте она перевела на него блестящие глаза. Он, из чужой семьи, – был сейчас рядом с ней.

Я гордилась мамой. Фильм был такой интересный! Но главное, там была мама, и все время такая разная. А как пряталась за цветком, подделывала почерк! Как жестами показывала, где зонтик! Услышав мелодию танца, я вздрогнула, но сцена оказалась такой красивой! Я видела, как зрители плакали в конце, когда Анна нашла любовь и семью. И вот пошли титры, и на экране возникло:

«В РОЛИ АННЫ – ТАТЬЯНА ТОЛЛЕЙН»

«Толлейн!» Ведь это была и моя фамилия. Люди аплодировали, кричали «браво!», а потом полная впечатлений толпа хлынула в зал, хрустя букетами, чтобы завалить ими мою маму и увидеть главное – обещанный танец. Мы протискивались в толпе, и я слышала возбужденные голоса: «…начинаю любить наш кинематограф!» «Она замужем?» (мы с папой обменялись коварными взглядами) «Потрясающий оператор!» «А продолжение будет?» «Мне то красное платье понравилось!» …Моя фамилия летала над головой. Глаза у людей горели, все были полны впечатлений.

- Держись поближе, – взял меня папа за руку, лоб его блестел, он поправил очки. – Запомни, мы с тобой справа от «1-го канала».

Всеобщее возбуждение достигло предела. В подставленные микрофоны рассказывали о своих впечатлениях зрители. Моментами съемочных будней делились актеры. Но когда людей попросили отойти к стенам, все затаили дыхание – *сейчас*! Паркет сиял, над ним сверкала люстра. Женщинам не терпелось разглядеть Таню поближе, узнать, вправду ли она так красива или это все грим. Хотели рассмотреть платье, услышать голос… и вот:

- …мы снова перенесемся в историю Анны, – торжественно объявил режиссер. – Она искала свою семью и нашла ее. Должен сказать, что сегодня в паре с Татьяной Толлейн появится не Константин Гаринский, а ее сын Антон, выучивший танец, чтобы заменить Костю, который, к сожалению, сломал ногу. Без семьи никуда. Итак! – и он взмахнул рукой.

В тот же момент мягко полностью погас свет. Шепот зрителей пробежал, как дрожь, и смолк. В наступившей темноте послышались осторожные шаги

двух героев, выходящих в центр зала. На стенах зажглись «свечи» небольших бра, и зала сразу приобрела таинственный вид. Выявившись из полумрака, на блестящем паркете стояли рядом светловолосый юноша и тоненькая, под стать ему, белокурая девушка в белом платье, а гости вокруг создавали ощущения бальной залы, заполненной людьми.

Юноша протянул руку, приглашая Анну на танец.

- Мне кажется, я видел вас раньше.

Зрители замерли – его можно было полюбить за один этот голос!

- Это невозможно, – отвечала ему Анна, – я здесь впервые.

- Но мне знакомо ваше лицо… Откуда я вас знаю?

Они подошли друг к другу. Все души словно привстали на цыпочки.

В тишине, наполненной волнением, раздались касания чутких колокольчиков – вступление к танцу. Нежный отлив скрипок… пробег арфы… качнулась пышная юбка и… Мягко шагнув, юноша повел свою даму, бережно кружа ее по залу в ритме медленного вальса. Вторя плавным движениям, то свивалось, то развевалось нежное платье, они шли рядом, то прижимаясь, то отклоняясь друг от друга, зала постепенно все больше наполнялась светом. И вот они уже танцевали, полностью унесенные музыкой, лица зрителей пылали, белое платье, казалось, излучает свет! И так уверенно, так легко вел юноша свою партнершу. Отведя руку в атласной перчатке, она отгибалась на его локоть, оборачивалась, увлекала вперед. Они, касались пальцами, оборачивались, обходили друг друга. И вот – белоснежная Анна плавно отклонилась, на поддерживающей руке партнера, показав тончайшую талию и лебединую шею, и они замерли в отзвуках последнего аккорда…

Камеры сняли все. Продюсеры улыбались, мысленно считая прибыль, а двое героев стояли в ослепительном свете и плеске оваций, Таня – с румянцем на щеках, Антон, пытаясь отдышаться после танца…

На банкете Таня чокалась со всеми изящным бокалом, и никто не подозревал, что ее шампанское – разведенный водой яблочный сок. Саша, Алина и Антон тоже оказались под прицелом камер, а Таня все пыталась найти глазами родителей. Может, они где-то здесь, в толпе? Но их не было. Они не видели такого танца! Сегодня был день, когда можно простить все!

После поздравлений, объятий, интервью, общих фотографий и автографов Таня, отдавшая себя до последней улыбки, оказалась рядом с Антоном в машине, и вдруг вся сникла ему на плечо и тихонько заплакала.

- Спасибо, что был сегодня со мной, – сжимала она обеими руками его локоть, и сидела так до самого дома. А на Антона навалилась усталость.

Дома Таня снова расплакалась от перенапряжения, у нее дрожали руки. Как она устала от огромного тяжелого платья, которое казалось всем таким воздушным! Прижималась к Саше, у нее ломило колени… Уже звонили режиссер и продюсер, и люди из группы, – и все говорили, что пресса в эйфории, что все в восторге, что фильм принят на «ура», это успех! И завтра четыре интервью, расслабляться нельзя. А Таня, стоя в прихожей босиком,

что-то сбивчиво отвечала, потирая ножкой о ножку, и уже плохо понимая, что происходит, повторяла: «Да вообще, да я даже не представляю…»

- Тоня, – вошла она в комнату, но вдруг увидела, что он спит. Так устал за вечер, что, едва оказался в родных стенах, сразу вырубился.

Алина уже положила ему в руки своего шмеля… Таня присела к нему и, осторожно взяв ладонями его лицо, опустила поцелуй между его бровей.

- Тебе понравилось? – шепотом спросила она Алину. Та закивала, широко улыбаясь в ответ, (она сияла еще и потому, что нашла на кровати пакет с тем самым костюмом с галстучком). – А что больше всего?

- Как ты про зонтик объясняла. И танцевала. И как у тебя парик зацепился, – девочка крепко обняла маму, а потом широко зевнула.

- Ты тоже однажды станешь знаменитой.

Алина смотрела на мать с восхищением и верила ей.

- Таня, – возник на пороге Саша. Его глаза говорили: «пора спать».

Таня глубоко вздохнула, еще раз погладила Антона по светлым волосам, вспомнила, что завтра четыре интервью… Пора было думать об отдыхе. Но она сидела в комнате со своими детьми и не хотела уходить. Сегодня она имела успех, но не запомнила ничего, кроме двух пустых кресел. И эти минуты здесь, рядом с уснувшим сыном и прильнувшей Алиной – запомнились ей очень ярко, как осознанный момент счастья.

Она заснула внезапно, на стуле в кухне, прислонившись к холодильнику. Сказочная Татьяна Толлейн в домашнем платье, босиком, смешно подвернув ступню… Ее лицо без косметики. Саша смотрел: уставшая, молодая, красивая, впервые добившаяся такого успеха, получившая самый волшебный вечер в жизни, и в очередной разбившая себе сердце.

На следующий день вышли газеты и журналы, и на всех передовицах, тесня политиков и светских львиц, сияла Таня в белоснежном платье – то на фоне высокой афиши, то на красной дорожке. Фотографии танца были везде. Заголовки звучали песней: «*Триумф* «ZANFILMS!»

«Татьяна Толлейн: новое открытие российского кино!»

«**Без семьи никуда! Особый момент премьеры**»

«Гранаты и письма»: новая сказка о вечных ценностях!»

«Блестящий ответ ZANFILMS ***цинизму времени»***

«Анна покоряет город. Обзор костюмов картины ZANFILMS»

Видео танца сразу же попало в интернет и било рекорды по просмотрам. Таня проснулась известной и страшно невыспавшейся. Сидя на кровати, в спальне, залитой солнцем, понимала, что все, как она хотела. Потом вспомнила два пустых кресла. Может, отец будет смотреть ее интервью? Она обязательно поблагодарит родителей! Может, им что-то помешало приехать? Может, мама заболела? …Встала, подошла к зеркалу. Та настоящая, до сих пор прятавшаяся в ней Татьяна Толлейн – наконец-то вышла из тени. Вот она!

Таня улыбнулась, встречая ее. Она до сих пор не верила и хотела посмотреть репортажи, особенно танец. Вышла в кухню и сразу увидела на столе и на полу вазы, кувшины и тазы с цветами. Значит, все правда!

Она просмотрела видео танца, читала комментарии о том, какая она прекрасная актриса. Один журнал обсуждал актуальность возвращения моды на шляпки, другой писал о возможности строить карьеру, не отказывая себе в семейном счастье. Она уже превращалась в чей-то идеал!

Беды и трудности забывались, вытесненные теплом такого признания. А какие остроумные ответы давал Антон! И до интервью еще 4 часа. Вдруг осознав себя известной, красивой и сильной, Таня гордо вытянула шею, и была в эту минуту похожа на довольную кошку. Она прошла в комнату, уселась на диван, и стала зашивать Антону карман ветровки. Сидела, протягивала иглу и чувствовала себя абсолютно счастливой.

Глава 32

Так случилось, что дедушка с бабушкой не могли принять детей в Таганроге в первый месяц их каникул – в доме шел ремонт, и они сами ночевали у соседей. Хотели успеть до июня, но работы затянулись, о чем Виталий с сожалением сообщал Саше. Лето стояло жаркое. Таня, едва ли не сутками занятая на натурных съемках сериала, возвращалась домой едва живая и, не успев отдышаться, уезжала снова. Саше до отпуска тоже было далеко. Его откомандировали в Псков собрать материалы для журнала, и вечером Таня, еще не сняв накладные ресницы, заглянула к мужу:

- Это, конечно, безумная идея, но…

Саша встретил ее глаза и сразу понял: она так и не успокоилась.

- Может… их туда сначала отправить, на разведку. Мама будет рада.

После ужина, сидели одни в кухне и делились опасениями:

- Тут им не отдохнуть, – крутила кольцо на пальце Таня. – Ты в редакции, у меня съемки, забито все вообще… – она откинулась на спинку стула, обхватив себя руками. – Отец их там будет кормить, водить везде. Из кожи вон вылезет, но ковры расстелет. Мама будет метать на стол и стирать. Но им-то хорошо. А потом за чарочкой начнет поминать, какая у них мать проститутка. Два дня продержится, потом пробка вылетит. Откроет им «всю правду», как у него из-за меня был рак, знаю я, знаю все это! – резко оборвав себя, Таня схватила полотенце и принялась вытирать блюдо.

- При детях он такого не скажет.

- Ты моего отца не знаешь. Он когда орет – вся улица слышит. Он и тогда-то был не в себе, а сейчас... Может и хорошо, что не приехал, опозорил бы меня, – Таня встала и поставила блюдо в сушилку.

- Хорошо ли Антону ехать туда?

- А пусть знает, какая у него родня.

- Я не об этом. Он родился в Пскове, – напомнил Саша. Таня на секунду замерла. – Я их даже никогда не видел, Таня, они нам не отвечают много лет.

- Они не звери. Папа фашист немного, но с ними будет, как царь.

Всякий раз, когда Таня говорила об отце, она вся ощетинивалась, ее голос делался сухим и насмешливым. Поначалу она совсем не общалась со своими родителями. Выйдя замуж, начала посылать открытки. Она ни разу не получила ответа, но Саша говорил, что вода камень точит. Появилась Алина, и Саша сообщил новым родственникам. Скоро в Пскове с умилением рассматривали фотографию 4-месячной девочки… Но через какое-то время отношения снова испортились, последовало очередное проклятье, и танино сердце захлопнулось. О появлении в семье Антона никто не знал.

Сразу после премьеры Таня послала подарки, письмо, (она писала его три дня) и два диска с фильмами: «Гранаты и письма» и «После полудня». На волне успеха ее старая картина была оцифрована, а на диске «Гранатов» имелись дополнительные материалы, интервью и танец с Антоном. Однако посылка вернулась нераспечатанной. Слезы Тани были скрыты от детей, но Саша слышал, как она рыдает в ванной, включив воду на полную мощность.

Тот, кто не может взять в свидетели семью – берет в свидетели весь мир. О Тане писали модные журналы, в ней сейчас были заинтересованы киностудии, ее приглашали на фотосессии, а ей так хотелось убедить отца в том, что она поступила правильно. Увидев в сашиной командировке последнюю возможность, она уже и сама не знала, на что надеялась. Разумеется, договариваться придется Саше. Таня была почти уверена, что услышав голос отца, бросит трубку и помчится прочь. В конце концов, решили рискнуть. Саша дозвонился. Таня сидела в комнате, вцепившись в край кровати, и невидящими глазами смотрела в окно, ловя каждое слово… Сашина дипломатичность и природное миролюбие сделали невозможное. Не только разрешение – жаркое приветствие от стосковавшихся бабушки и дедушки летело к внукам в Петербург! Их уже ждали и готовы были принять, и почему не ехали раньше, у них такой дом и озеро…

Таня облегченно рыдала у Саши на груди, а потом бросилась собирать вещи. Детям было сказано, что они едут к бабушке с дедушкой знакомиться, и чтобы вели себя хорошо, и что в Пскове их ждут какие-то подарки. Таня то начинала рассказывать, какой дедушка хороший, и если вдруг будет на нее бурчать – «притворитесь глухими», то вдруг, махнув рукой, говорила, что посылает их в логово дракона, как ритуальные жертвы вместо себя. Дети были смущены, но обещанные подарки их, конечно, заинтриговали. Антон ничего не высказал по поводу поездки, и Саша и Таня решили, что Псков почти стерся из его памяти – ведь он провел в нем только самые ранние годы.

Уезжая, Саша крепко обнял Таню. Она провожала их до самой платформы. На глаза ей то и дело выступали слезы, она щурилась и говорила, что это от яркого солнца. И все поправляла на детях одежду. Долго смотрела вслед удаляющемуся поезду.

И вдруг: «щелк!» Обернулась – фотограф, видимо сидевший в засаде уже давно, делал крупные планы, нагло подскочив прямо к ней.

- Нет! – вырвалось у Тани. (Черт! Как она могла забыть очки! Она еще не привыкла к тому, что она теперь «звезда»).

- Как скоро вы ожидаете родных? – возникла перед ней девица с микрофоном, а за ее спиной тут же вырос оператор с нацеленной камерой.

…Обезоруживающая улыбка, ломкий всплеск рук – и перед камерами явилась Татьяна Толлейн. А пока она отвечала на вопросы, вокруг собиралась толпа: «Это она?» «Слушайте, это точно она!»

Вряд ли кто-нибудь поймет этот страх, если сам не бывал окружен толпой фанатов. Таня ругала себя за неосторожность, а телевизионщики понимали, что поймали ее. Теперь они единственные, к кому она может примкнуть, чтобы уйти от толпы. Таня раздавала автографы, толпа стала напирать... Выхода не было. Проклиная все на свете, она села в машину с логотипом городского телеканала. Когда вечером вернулась в пустую квартиру, закрылась в спальне, обхватила подушку, которая пахла Сашей, и вся сжавшись, сидела так тихонько. Люди – это ужас…

Вдруг прозвенела смс-ка. «*Комариная Ножка! Твой трясун в Пскове слышно! Успокоительное под кроватью*». Почти сразу же прозвенела вторая – от Саши: «*Пекло – градусов 30. Прыгал на американских горках – принял валидол, сижу в тени. Дети носятся по двору, поливая друг друга и твоего отца из шлангов*». Таня очень высоко подняла брови, пытаясь представить себе эту картину, но так и не смогла. «Американские горки»?

- Бедный Сашечка… – вздохнула она.

Полезла под кровать и нашла сверток, в котором оказался диск «*ANGEL VOICES*», на обложке – хор мальчиков в белых одеждах. Таня слушала до глубокой ночи и исцелялась. Одна из мелодий была ей знакома. Именно не пел Антон на выступлении, которое она видела лишь в записи. Написала сыну смс, но он, конечно, спит, укормленный дедом, на пуховых перинах…

«*На меня напали репортеры, а я была даже без ресниц! Как там все?*»

Сразу прозвенел ответ:

«*Мы ехали в кузове!!! Лейка объелась, как туз. Папу увезли с нами, он спит. Дом в 2 этажа, огромный. Оригинала ресниц вполне достаточно*».

«*Привет мамочка,* – пришла смс-ка от Алины, – *у нас все хорошо, но мы уже без тебя очень соскучились! Бабушка хорошая, дедушка громкий*».

Так… и эта не спит. Никакого режима. Таня попыталась представить себе маму. Как она теперь выглядит? И снова стало больно. Вся ее семья гостит у ее родителей. Закрыла ноутбук и пошла учить роль. Но все пыталась представить себе родной дом и хотя бы душой побродить по его комнатам.

В бабушку Лизу я влюбилась сразу – у нее карие глаза, как у мамы и добрая улыбка. А дедушка высокий, с острым носом и пронзительными светло-голубыми глазами. Налетел на меня, сгреб ручищами, и как заорет на ухо… Бабушка сказала, что он глуховат, и у нас с ней сразу установилось взаимопонимание. Папа, как ни отнекивался, – был взят в плен, и нас повезли на грузовике в открытом кузове.

Дедушкин сосед (это был его грузовик) мчался, как полицейские машины в американских фильмах: поднимая пыль, срезая углы и обгоняя всех. На дороге были горки, так что мы подпрыгивали, а даже какое-то время летели по воздуху! Я визжала, вцепившись в бабушку, а дедушка (он ехал в кабине) стучал нам и громко кричал: «ну как – с ветерком?» На что бедный папа только поправлял спрыгнувшие на нос очки, бабушка давала ему какую-то таблеточку, а Антон орал: «Отлично, дедушка!»

Наконец, когда мы приехали, он подскочил к кабине и закричал:

- А у тебя мотоцикл есть?

- А нам про тебя не писали, – говорил ему дедушка, вылезая из кабины.

- А я – сюрприз!

- «Сюрприз», – кряхтел дедушка. Мы заходили во двор, где возвышался зеленый двухэтажный дом. – Вот, дом построили, хоть внуки приехали навестить, – и уже махал кому-то из соседей. – Внуки приехали!

Здесь пахло опилками, шелестели деревья, доносился односложный вой электропилы. Вошли в дом. Первое, что увидели – четыре темных маски с грозно разомкнутыми ртами на стене напротив входа. Справа, сбоку – узкая лестница на второй этаж. Мы вошли в светлые сени, оставили рюкзаки на веранде, прошли в кухню, а потом в комнату. На окнах тяжелые портьеры, на стенах ковры, а в углу телевизор и кресло.

На втором этаже было что-то вроде гостевой – две кровати, (над одной тоже висела черная маска), большой стол у окна, стулья, этажерка. А все стены были в буквальном смысле сверху донизу утыканы квадратиками, овалами и прямоугольниками вырезок с шедеврами живописи. Все пестрело мадоннами, охотниками на привале, барышнями и античными героями. Дедушка махнул рукой и сказал, что тоже уважает искусство, и пока папа, уставившись на все это, глубокомысленно кивал, Антон нашел свою любимую святую Инессу Риберы:

- Как хорошо, что она у тебя есть!

- У меня все есть, – уверенно провозгласил дедушка. – Богиня!

- Дедушка, она не богиня. Инесса жила в Риме. Ее семья была языческой, а она тайно приняла христианство. За это ее приговорили к казни, а перед тем решили опозорить.

- Бедная девушка! – торопливо воскликнула бабушка.

- Ее велели раздеть и провести по улицам как проститутку. Но внезапно отросшие волосы скрыли ее наготу. Видишь, ангел несет покрывало?

- Вот что значит образование, – тут же обернулся дедушка к бабушке.

- А можно я здесь спать буду? – попросил Антон, оглядывая комнату.

- Выбирай, – по-царски простер руку дедушка на две кровати. – А ты будешь с бабкой внизу у нас, – добавил он мне.

Что?.. Нас разделят?

- А наверху что? – Антон указал на еще одну лестницу наверх.

- Чердак. Бабка там травы свои сушит.

Мы с любопытством рассматривали дом. Он был… чудн*о*й. На всех окнах первого этажа стояли решетки. На подоконниках второго – какие-то индийские фигурки, от которых везде отлетели стразы. (Страшненькие, если честно). Тяжелые железные стаканчики, в которых стояли тупые карандаши и ручки без стрежней. Мебель была новая, но из разных стилей. Рядом с белым столом с подсветкой (Антон объяснил дедушке, что на нем очень удобно просматривать негативы фотографий) стоял помпезный пуф с кистями. На одном из кресел лежала шкура медведя. «Настоящая?» – потрогал Антон. «Конечно!» – обиделся дедушка. И стал рассказывать, как он однажды ходил на охоту. Бабушка тихонько сообщила мне, что дедушка никогда не ходил на охоту, а купил эту «страхолюдину» у какого-то проходимца, и что на ней лучше не сидеть.

На участке помимо клубники, смородины, крыжовника и зелени, росли три яблони и вишня. Обходя участок Антон всем шумно восхищался, задавал вопросы и часто сообщал: «А я тогда такую рыбину поймал!» «…Правда? Слушай, у меня тоже так бывает». Он неуловимо изменился. Жесты стали размашистыми, походка раскачивающейся и «ударной». Они с дедушкой уже понимали друг друга с полуслова!

Показав нам новые шланги для поливки, дед неожиданно попал под водный обстрел – Антон стал обливать его и меня водой. Поднялся крик, я спаслась за бабушкой, а дедушка бегал с таким топотом, что даже упал, но бабушка скорее сказала, что все постирает... Папа вышел на крыльцо и нас фотографировал. А потом бабушка сказала, что «гости с дороги есть хотят, а вы тут как кони шальные топчитесь». (Но сказала очень деликатно). У нее были добрые смущающиеся глаза, и она была вся в веснушках.

Пошли мыть руки (одна мойка во дворе, другая – дома), бабушка вынесла нам чистые полотенца, а дедушка показал на очередной увесистый стаканчик, в котором стояли купленные для нас зубные щетки.

Сели за стол. Даже я сразу поняла, что дедушка… не очень образованный. Но пока мы уминали за обе щеки, он рассказывал нам что-то про хирургов, как они делают свои операции, про какой-то там клапан… про бизнес… А бабушка все подкладывала то Антону, то мне, то папе.

Мы не привыкли есть СТОЛЬКО. А дедушка ждал, что мы съедим все. «Они растут, им еще мало будет» – то и дело говорил он и подмигивал. Антон хвалил каждое блюдо, уже брал рецепт салата, уточнял что-то про петрушку… Никто не сказал про маму ни слова. Было ясно, что ее имя

упоминать нельзя. Спрашивали папу про его журнал, я рассказывала про гимнастику, дедушка закатывал глаза, пил за меня стопку за стопкой, а папа уже слабо мотал головой и говорил, что у него изжога.

Работал приемник. Шло все подряд – новости, спорт, реклама. Казалось, что тут говорит целая толпа. Но когда стали передавать новости культуры, дедушка выключил: «а то трещит, надоел…» Но все всё поняли.

Папу оставили отдыхать дома, а дедушка повел нас знакомить с соседями. В каждом доме приходилось повторять одно и то же, и пить чай. Там же нам подарили малиновое ведро для ягод, и Антон сказал, что возьмет его с собой в школу. Все засмеялись, хотя ничего смешного он не сказал. Шутки Антона – всегда тонкие и блестящие – вдруг стали грубыми и плоскими. Он, как хамелеон, принял цвет окружающей среды. Дедушка купился на это сразу, и едва мы вернулись, поднес нам подарки.

Каждому досталось по большому пакету. В моем я нашла два платья. Бабушка сшила их сама. Одно – голубое с коричневым, с фигурным воротничком и манжетами. А второе было все обшито яркими бабочками! Это же моя мечта! Каждая бабочка была вырезана из плотной ткани и обшита по краю. Я захлебывалась от восторга, а бабушка скромно улыбалась:

- …ну что ты Алиночка, я тебя такой и представляла.

А Антон, стоя рядом, уперев руки в боки и по-хозяйски широко расставив ноги, сообщал дедушке, что: «модель что надо, да и мамзель тоже», на что дед хохотал до упаду. Я выкатила глаза, а брат уже извлекал из своего пакета бежевый вельветовый костюм. Приложил – велико.

- Я же говорил, надо размер меньше брать! – тут же занервничал дедушка, метнув на бабушку огневой взгляд.

- Да я еще вырасту! – перебил Антон. – Если кормить хорошо будут.

Что-то внутри подсказывало мне, что все это грандиозный спектакль.

В пакетах было по пять больших шоколадных плиток – белый шоколад, с клубникой, с марципаном, пакетики с кедровыми орехами и миндалем. Антону достался вязанный бабушкой черно-белый шарф, а мне малиновый с голубым и лиловым. Антон достал со дна пакета огромное белое махровое полотенце и воскликнул совершенно дедушкиным тоном:

- Да я же всегда мечтал о таком! Это тебе не фиговый лист.

Меня передернуло, до чего была похожа интонация.

- Полотенце для настоящего мужчины, – радовался дедушка.

Мне досталось такое же, только розовое. Папа стоял рядом и говорил: «нет, вы с ума сошли», а Антон «как раз вспомнил» о наших подарках.

- Стойте, вы думаете, мы хуже вас что ли? – совершенно по-дедовски поднял он брови, – думаете, мы с пустыми руками? – и присел к рюкзаку. – Мы вам тут такого навезли, – растягивал он верх рюкзака, извлекая из него предмет за предметом. – Таааак… натолкали, навертели мне тут узлов… писк сезона, сам выбирал, – протянул он в бабушкину сторону красивые флаконы по уходу за волосами, которые мама купила в очень дорогом магазине.

- Своих у нас что ли нет! – возмутился сквозь улыбку дед.

- Это для хозяина дома, – Антон протянул ему длинный предмет в фирменной упаковке. – Мы с Лейкой долго думали... (Дед с удивлением извлек из упаковки массажный коврик для спины, состоящий из подвижных колесиков). – Короче, когда тебе от нас спину заломит – вот противоядие.

- Видишь, какие внуки-то у нас, – примиряюще сказала бабушка.

- Как это вы додумались! – качал косматой головой дедушка и был похож на озадаченную птицу. – Положим мне на кресло, – тут же дал он указание.

- Последние новости с кинофорума, – передал Антон бабушке обложкой вниз два диска с маминым фильмами. (Наши сердца замерли, потому что он передавал тикающую бомбу). – Надеюсь, у вас ди-ви-дишник-то есть? – тут же обратился он к дедушке, и тот не успел заметить, как бабушка скорее спрятала диски в ящик столика у себя за спиной.

- Мы не дикари, – почти оскорбился дед.

Наконец, все подарки были розданы, и за разговорами и соседями, незаметно наступил вечер. В небе носились стрижи, стягивая высокую тишину перекличьями. Папа отпросился «прилечь» и уснул на веранде. Завтра с утра дедушка отвезет его в город. А мы остались за столом, и Антон, обнаружив старое лото, уломал деда, отяжелевшего после вина, поиграть.

…Странная была атмосфера. Как будто на Антоне все и держалось. Он, активно комментировал игру, шутил, подзуживал. Перед ними на столе в свете лампы были разложены карточки с номерами. Бабушка Лиза вынимала из мешка очередной бочонок… шел уже третий час ночи. Уставшая за день, Лиза клонила голову, у Алины урчало в животе, потому что такое количество пищи было вызовом самой природе, а ее брат рассказывал о Таганроге. И тут Анатолий поднял поблескивающие глаза, откинувшись в своем кресле:

- Одно лицо, – произнес он, прищурившись.

Бабушка тут же выпрямилась, как струна, и втянула носом:

- Вот и я хотела сказать: Алиночка больше папина дочка, а Антон – вылитая Танечка.

Имя сверкнуло, как молния, и к нему разом бросилось все скопившееся электричество. Анатолий повернулся к жене:

- Ты ведь у нас считать умеешь? Сколько вон этой девочке? – показал он на Алину, застывшую с жетончиком в руке.

Бабушка словно за разъяснением, посмотрела на внучку.

- Мне одиннадцать, – ответила та и невольно подалась к брату.

Антона как будто вообще не интересовал этот вопрос, он изучал свои позиции, прикусив ноготь большого пальца…

- А брату твоему сколько? – тихо продолжал Анатолий.

- Я думал, ты знаешь, – отозвался Антон, – мне тринадцать.

- Тринадцать, – подтвердил Анатолий. – А нам только одну фотографию прислали. Когда ж она проклятая, тебя… – он считал, загибая пальцы.

Усмехнулся. Взял бутылку вина, где оставалось немного и молча вылил себе в стакан. Все слушали этот звук. – Говорил же, обманут… мужа надула…

Брови Антона замерли очень высоко, а взгляд пристально оценивал дедушкино состояние. Алина замерла от страха.

- Это, Антон, не к тебе претензии, – Анатолий вяло махнул рукой, в которой засыпала, сваленная вином, могучая сила. – Ты парень хороший…

- Прости, я думал, папа тебе сказал, – нисколько не смутившись, пожал плечами Антон. – Думал, ты просто из вежливости. Так вы не знаете?

- Что не знаем? – навалился на стол Анатолий, устремляя тяжелые глаза. – Что она с кем попало в постели кувыркалась за роли свои…

- Толя! – не выдержав, вся подобралась бабушка.

- Они уже взрослые, – не глядя, ответил Анатолий.

- Не хочется тебя прерывать, но… зря ты так, – заговорил Антон, катая между пальцами деревянный бочонок с номером «14».

- Только не надо мне говорить…

- Я не мамин, – тихо улыбнулся Антон, исподлобья глянув на деда. – Меня из детдома взяли. Год назад. В июне. (Потрясенная тишина, наступившая вслед за этим заявлением, была довольно долгой) Простите, но мама тут вообще ни при чем. И она очень любит папу.

- Это твой папа ее очень любит, – поправил его Анатолий и вдруг застыл, глядя перед собой. – Как из детдома? – и оторопело перевел глаза на жену. – Да он же – вылитая она!

- Так все говорят, – усмехнулся Антон в самых миролюбивых чувствах и попросил сестру. – Дай морса. Дед, открой окно, жарко.

- Я тебе компота принесу, – вспорхнула испуганной куропаткой бабушка.

- Не может такого быть. И кто твоя мать? – спросил Анатолий.

- Не знаю. Я отказник. Никому не был нужен…

- …да как же это такой мальчик-то никому не был нужен, – хлопоча, вошла с кружкой компота бабушка. – Вот какие матери-то теперь пошли…

- Они меня в петербургском интернате нашли. По анкете. Ба, спасибо, – поднял глаза Антон. – Но вы ведь не будете от этого любить меня меньше?

- Выходит, сама родить не может, – тяжело засопел Анатолий, но Антон, отхлебывая компот, уже передавал кружку Алине:

- Ее врачи повредили, когда она Лейку рожала.

- Зато у меня брат есть! – уцепилась за его руку Алина.

- Конечно, – в страхе посмотрела Лиза на мужа.

- Бедные дети, – вдруг увлажнились пьяные глаза Анатолия. – А матери, – сжал он мощный кулак, – жечь таких надо. На кол сажать, кожу с них драть!

- Толенька, а давай спать уже, – Лиза осторожно тронула его за плечо. – Устали все уже, ночь давно, с дороги…

Но Анатолий схватил голову руками и долго молчал, и никто не смел встать из-за стола. Бабушка глазами дала детям понять, что они могут идти.

Но едва они робко поднялись, Анатолий с гулом отодвигая стул, поднялся во весь рост и загородил им проход:

- Внук! – простер он ручищи. – Ты мне родной! – и обнял Антона.

- А можно Лейка со мной наверху будет? Нам хочется, где картины.

- У меня все можно, у меня никаких запретов, – тут же отдал приказ Анатолий и отпустил детей в сумеречную ночь.

…Алина чуть не упала с крыльца, запнувшись обо что-то на ступенях. Оба после духоты жадно вдохнули свежий ночной воздух и пошли к мойке.

- На, – протянула Алина распакованную щетку. – Я уже оглохла от тебя. Он маму «проклятой»…

- Тссс! – обернулся Антон.

В этот момент в желтом прямоугольнике дверного проема возникла громадная черная фигура.

- Эй, сокола, вы там? – спросила она, покачиваясь. – Я вам там зубные щетки… – протянул Анатолий слепую руку и закивал пальцем. – Две.

- Мы нашли, – откликнулся Антон.

- И еще… конфеты… – Анатолий явно забывал части своих мыслей.

Дети не ответили и, постояв, Анатолий развернулся и ушел обратно в дом.

- Я его боюсь, – прошептала Алина.

- Запомни, – Антон сплюнул пасту, – единственное, чего здесь нельзя – это бояться.

- Давай папе скажем, что у меня конкурс!

- Мы только приехали.

Когда, умывшись, они поднялись к себе наверх, их уже расстеленные кровати были засыпаны конфетами в ярких обертках, а откинув одеяло, Алина обнаружила у себя еще и орехи – частично в скорлупе, частично – без.

- Я под этим спать не буду, – показала она на страшную черную маску.

А Антон оглядывал утыканные вырезками стены. В полумгле комнаты они выглядели как фотографии жертв в комнате маньяка.

- У меня крошки, – Алина стряхивала с простыни и складывала на светящемся столике орехи. – Им, наверное, лет двести.

Вдруг прозвенела смс-ка. Антон бросился к мобильнику. Мама попалась репортерам! И так захотелось обнять ее! Алина тоже схватила свой телефон, и, стоя рядом, спина к спине, дети писали маленькие письма своей маме.

Глава 33

Я проснулась от того, что какой-то предмет ударился мне в лоб. Открыла глаза и тут же в меня попал еще один снаряд…

- Дедушка! – защищался на соседней кровати Антон.

Дед стоял и, смеясь, пулял в нас конфетами. Они со стуком падали на пол.

Мы явно должны были принимать игру с восторгом.

- Есть подано. Папа ваш на месте. Не хотел вас будить. Подъем!

Вот так мы и остались одни. Снизу вкусно пахло выпечкой, а вид Антона рядом в его пижаме немного успокоил меня. На стуле висело мое новенькое платье в бабочках. Это должно помочь. Мы оделись и спустились вниз.

Бабушка подавала блинчики с кленовым сиропом, а дедушка завел речь о витаминах и все говорил, что Антон ему теперь «кровь родная». После завтрака бабушка взяла нас с собой в магазин, а когда мы вернулись, в доме витал какой-то неприятный запах. Дедушка смотрел телевизор.

Бабушка попросила меня помочь ей достать покупки, и я увидела, что она купила свежие газеты и журнал. Сердце обожгли заголовки: **«Татьяна Толлейн: я всегда скучаю без своих детей»**. В другой газете: «**Толлейн отправила детей на каникулы**». Бедная мама! Я засмотрелась на нее. Тут подошел Антон и тоже впился в нее глазами. Мы уже ТАК без нее соскучились! И вдруг бабушка вырвала из моих рук газеты и сунула под покрывало кровати на веранде. В этот момент на пороге появился дедушка.

- А ты что, новости смотреть не будешь? – недовольно заявил он.

- Толя, сейчас, мы с покупками…

- Дети разберут, верно? – подмигнул он нам. (Я уже заметила, что он все время подмигивает).

Бабушка была вынуждена покинуть комнату. Я схватила газеты и журнал, запихнула под платье и скорее поднялась к нам на второй этаж, чтобы спрятать в рюкзаке. Но едва открыла, как увидела большой пакет чипсов.

- Антон, – тихо позвала я, нагнувшись, и когда он поднялся, показала рюкзак. – Он роется в наших вещах!

Антон оценил ситуацию и спрятал газеты под мой напольный коврик.

- Толя, стой! Я сама! – раздалось снизу, и мы услышали быстрый пробег бабушки из комнаты на веранду.

Спустившись, мы увидели следующее: дедушка вышел на веранду и на глазах помертвевшей бабушки, снял с кровати покрывало… Под ним ничего не оказалось. Она подняла расширенные глаза увидела нас и все поняла.

- Что, мальцы? Обвыклись? Это ваш дом! – обернулся на нас дедушка, и мы скорее закивали ему. – «Сама!» – передразнил он бабушку. – Могу я за женой поухаживать? Что я, старый дед что ли? – и снова подмигнул нам.

Он смотрел телевизор, а мы накрывали к обеду. Бабушка разливала свекольник, а потом попросила помочь ей достать к картошке маринованные помидоры. Подозвав нас ко входной двери, она указала на крышку в полу. Тут и погреб есть? Она взялась за железное кольцо и осторожно подняла крышку. Мы увидели открывшийся темный прямоугольный провал и лесенку вниз… В лицо дохнуло холодом и сыростью земли. Бабушка стала осторожно спускаться. Мы – за ней.

- Только голову осторожно, – предупредила она и нажала на выключатель.

Мы оказались в прохладном, низком, тускло освещенном помещении, среди полок с поблескивающими банками. Пол земляной. Антон крепко сжал мою руку. Неужели боится? А чего – здесь, прям, как у гномов…

- Держи, – сильно пригибаясь, протянула бабушка Антону банку с помидорами. Но он замотал головой, и банку взяла я. А он вдруг метнулся к бабушке и обнял ее. – Что, соловьеныш? – похлопала она его по плечу.

Сердце сжалось. Так вот откуда у мамы эти словечки!

Вдруг над нами грохнуло, и квадратный просвет выхода исчез. От удара моргнул свет, и мы оказались в полной темноте, в которой было слышно, как сверху на нас осыпается земля. Антон вцепился в меня, а я в холодную банку.

- Поймались, пташки! – послышался сверху голос деда.

Мы испугались не на шутку, а бабушка пояснила:

- Это у нас дедушка так шутит. Вы уж не обижайтесь, голова-то у него уже совсем дурная…

- Нет никого, – дед явно ждал реакции, – схожу-ка я к соседу.

- Хочет, чтоб вы просили, – шепотом намекнула бабушка.

И тогда я, прижимая к себе банку, наощупь нашла лесенку, поднялась и принялась колотить свободной рукой в опущенную крышку:

- Мы тут, дедушка! Не уходи! Выпусти нас!

- Что? – словно не слышал он.

- Дедушка, свет погас!

…Трудно передать, какое довольное было лицо у деда, когда, жмурясь от попавшей в глаза земли, грязные и пыльные, мы выбрались, наконец, из погреба. Ничего себе игры! Теперь всю голову мыть надо.

Мы обедали, дедушка говорил о политике, клеймил «коммуняг», но мы с Антоном не слушали, пребывая под впечатлением. После обеда бабушка взяла нас к своей подруге, чей дом стоял в конце аллеи. Та – миниатюрная старушка с быстрыми глазами, подвела нас к шкафу, и мы увидели мамины диски и стопки газет и журналов с ней. Так вот где бабушка прячет свои сокровища! Все это было так дико, и в то же время мы уже понимали.

- Запер в погребе? – усмехнулась хозяйка, когда мы поведали ей о наших приключениях, и кивнула на бабушку. – Он вот и ее там запирает.

- Лида! – вспыхнула та. – Он же тогда забыл!

Антон бросился к бабушке и крепко обнял ее...

- Ничего, Антоша, – успокаивала она, – я там вязанье спрятала. Там и связала тебе шарф… – она осеклась, и нам стало по-настоящему не по себе.

- А другим скажет, что она в город уехала, – выдала последнее старушка, и глаза ее сверкнули. – Вы уж ее на солнце держите, застудилась вся… сатана его возьми, проклятый! Из ума выжил, в дурдоме бы ему сидеть!

- Лида! – снова нежно вытянула шею бабушка, а Антон еще крепче стиснул ее в объятьях. – Все хорошо, Антоша, ну что ты... Вот, Лида, святое дитя, из детского дома взяли, а вылитая Таня… – и вдруг слезы побежали по ее щекам. – Простите… – поспешно вытирала она их веснушчатыми руками. – Я… ты ей

скажи, что… – наклонилась она к Антону. – Я ей письма-то писала, но он… – и вдруг замерла, как лань. – Быстро, уходим! – мгновенно изменился ее голос, и, не попрощавшись, она вывела нас на дорогу.

Из калитки вышел дедушка и двинулся нам навстречу, распахнув руки:

- Ну что – в лото играть будем? – и попытался поймать меня, – а ты чего бабка, никак в слезах? (в его голосе мы уже и на второй день научились распознавать страшные нотки).

- Совсем ты дурной, – рассмеялась бабушка, и мы поняли, ее смех похож на мамин. – Капли я свои не капала. Розы мы у Северовых смотрели…

- «Розы»! А вот не надо свои лекарства забывать! – тут же огласил он на всю дорогу. И, завидев кого-то из соседей, замахал ручищей. – Внуки ко мне приехали! Гляди какой у меня! – и развернул Антона за плечи в сторону соседского дома. Я физически ощутила, как тяжелы его руки. – Есть у тебя такой, а? Родная кровь! – и с гордостью потряс Антона. – А твой-то где? А?

Вскоре у нас появилось навязчивое ощущение, что дедушка следит за нами. Отправляя родителям смс, мы сразу стирали их из телефонов. Вечером Антон заметил, что печка теплая. Весь день было жарко, зачем топить?

- Эй, – позвал он меня, – смотри, – и открыл передо мной дверцу печки.

На меня пошел тот самый странный запах. Я увидела оплавленные уголки пластиковой коробочки. Дедушка сжег мамины диски! Меня охватил ужас. Антон был подозрительно спокоен, а я боялась дедушку все больше.

На ночь, усевшись на край моей кровати и поставив ноги на коврик, под которым лежали спрятанные от него журналы, дедушка читал нам сказку «Синяя борода». А мы боялись, что он зачем-нибудь решит перевернуть наши коврики… Дедушка вел себя непредсказуемо. У него было какое-то чутье. Казалось, он всегда знал больше, чем говорил, и вот-вот разоблачит нас. В душе поселился страх. Но, дочитав сказку, он попросил поцеловать его, подставляя каждому из нас колючую щеку, и, спустился на первый этаж. Едва он лег, мы включили свет, достали журналы и прочитали все статьи о маме. А потом еще долго не спали, потрясенные тем, что успели узнать.

Третий день заточения. Бабушка испекла пирог с яблоками. Однообразная русская эстрада начала нам надоедать. Мы привыкли слушать мамин джаз, Стинга, Элтона Джона, Уитни Хьюстон. Антон ловил на стареньком приемнике FM-станции, пытаясь найти джазовое радио «Эрмитаж» или классическое «Орфей». Но только мы истосковавшимся слухом приникали к родным звукам – дедушка замечал, что «какую-то лабуду передают».

Стояла жара. Самое пекло было у нас под крышей. На нас смотрели четыре маски с разомкнутыми ртами, будто предупреждая не входить сюда. Уходили за дом звонить маме, но все время казалось, что дедушка подслушивает – он то нес мимо лейку, то занимался яблоней неподалеку...

Я зря продемонстрировала, что умею стоять на руках, делать прыжки, шпагаты и колесо… Теперь, едва завидев на дороге соседей, дедушка звал их к нам и просил меня повторить. Я чувствовала себя дрессированной обезьянкой. Другое дело было с бабушкой. Она учила меня делать бабочек!

- А мозоли-то у тебя какие, – говорила она, направляя мои неумелые руки.

- Это от трапеции, – мы сидели с ней на солнечной веранде.

И вдруг она улыбнулась совершенно маминой улыбкой и тихо сказала:

- Вы не сердитесь на дедушку. Завтра вас на катере кататься возьмет. Специально соседа упросил. Может, искупаетесь.

Я была готова проводить с ней все дни, она была вся такая тихая, светлая. Сидела, резала салат, а мы с Антоном помогали ей, чтобы просто побыть рядом. (Обнимали ее без конца). Дедушка пригласил соседей со всей округи показать нас, и мы с Антоном замирали, что будет.

- Перепьются и орать будут, – прочла бабушка наши мысли. – И лысый свою гармонь притащит, – она остановилась. – Петь-то не могут, орут.

…Я думала, дом развалится от этих воплей. Здоровенные мужики глазели на нас с Антоном, будто мы были иномаркой или новым холодильником. Стандартный набор вопросов бесил: «Учишься на пятерки?» «Сестренку не обижаешь?» Брррр! «Циркачка»!!! Мы – *ц и р к о в ы е*! Но им бесполезно...

Музыка из приемника грохотала и шипела на полную мощность, лысый сосед дедушки, (когда он ел, то одновременно говорил и были видны крошки у него во рту) – играл на гармони и пел (слуха – ноль). И я поняла, что ненавижу пьяных мужчин! Они гадкие, у них жирные руки, они этими руками пытаются погладить тебя, потрепать по плечу. Я уворачивалась, как могла, но худшее ждало меня впереди. После еды мне пришлось выйти во двор, опять показать колесо, и стоять на руках, делая шпагат в воздухе, (я думала, меня вывернет). Антон продемонстрировал несколько приемов дзюдо.

В конце концов, мы были «одобрены», а бабушка только качала головой и убирала со стола посуду. Когда Антон понес кастрюли к мойке, я услышала, как она спросила: «Антон, а девушка-то у тебя есть?» Он смутился и отвечал, что нет. А я подскочила и сказала, что у него их целый миллион, и я спасаю от них Антона. И вдруг мы начали взахлеб рассказывать ей про нашу жизнь, и лицо ее засветилось, глаза ожили. Она усиленно всматривалась в наши рассказы, ища там свою дочь. А Антон слетал на второй этаж, достал спрятанные журналы, под футболкой вынес их с участка и отнес к Лиде.

- Потом прочитаю, – облегченно выдохнула бабушка, когда он вернулся.

- Как ты можешь так жить! – не выдержал Антон, оглянувшись на орущего у яблонь дедушку с компанией.

Бабушка виновато опустила глаза – в ней, несмотря на годы, осталось что-то девичье, застенчивое и хрупкое.

- Он не всегда такой был, – сказала она и взяла вытирать из таза чистые вилки. – Он был очень хороший человек. Только ему нигде пробиться не дали.

Он без семьи вырос, у чужих. Говорил, что его мать на войне убили. Потом сказал, куда-то она исчезла. Мне кажется, он искал ее много лет…

Мы с Антоном, затаясь, слушали.

- Он за то и Танечку не любил, «проклятьем» ее называл, – бабушкины глаза мгновенно увлажнились, и она быстро сменила тему. – Он не такой был, – и посмотрела на дедушку. – За все брался, где другие боялись. На завод его позвали – там директор был, проворовал все, а Толя взялся, и дела пошли. Ремонт сделали. Он столько работал, и всегда при рубашке, галстуке, даже шляпу носил. А потом там что-то устроили так, что у него не высшее образование, и сняли. Ох, он бесился. Дверь им выломал. Нельзя так, – бабушка вытирала тарелки, – они все барыши себе, а его за ворота, как пса. А он ведь всю технологию знал! – и снова посмотрела на мужа. – Ему нельзя дома сидеть. Он дома с ума сходит. Вот и шумит. Ему бы на стройках командовать. Он мог быть большим человеком, но все его отвергли.

- А почему отвергли? – серьезно спросил Антон.

Бабушка пожала плечами.

- Да опять все из-за семьи его. Он как сирота военный, но видимо подозревали, что… что-то там не так. Враги народа, может, не знаю… из-за матери. Тайны у него там какие-то. Он всю жизнь один, дети. Хотел все сына, да вот дочь, и та уехала. Если и я уйду – он сопьется с горя. Начудит. Теперь-то староват уже, а раньше многим «давал прикурить», – и в голосе бабушки мелькнула гордость. – Ему дай – он еще четыре таких дома построит, – уверенно сказала она. – Умел восстанавливать все, ему нравилось. Всем нашим соседям помогал, когда те строились. У него постепенно эти припадки стали… побьет, а потом не помнит, говорит, где это я так ударилась, откуда синяки, жалеет меня… а я уж молчу…

Нам стало страшно и до слез жалко бабушку!

- Хуже всего пожара боюсь – оставит газ… уже сколько раз закрывала, а он спит лежит. У него обоняние слабое. Иной раз ночью встаю проверить. Когда его с завода убрали, это его подкосило. И он тогда стал дом этот строить – все силы в него вложил. А потом Танечка сбежала, – бабушка произнесла это имя едва слышно. – Он же этот дом для нее хотел. Ходил добивался, чтобы у нас водоем не засоряли… Сложно, все, дети…

- А если мама будет писать тебе на адрес Лиды? – предложил Антон.

Но бабушка вздохнула и почему-то не ответила ему.

Папа звонил нам каждый день, и мы рассказывали ему, что катались на катере, купались, играли с бабушкой в шахматы. А он говорил, что очень рад, и чтобы мы отдыхали вовсю, что мама все время на съемках.

Дедушка угощал нас дорогим мороженым, они с бабушкой кормили нас самой вкусной едой, но лицо мамы, ее голос, улыбка, являлись нам в мыслях все чаще. Бегали к Лиде смотреть «Гранаты и письма». Один раз даже смотрели с бабушкой, она все время плакала, а потом куда-то ушла. И Лида

объяснила, что бабушка все время плачет, а у нее после этого глаза красные. Она даже придумала, что у нее воспаление и лекарство купила, чтоб дед ничего не заподозрил, и теперь пошла проветриться, чтобы глаза не выдали.

Папина командировка закончилась, и он уехал в Петербург. Прошла неделя. Антон исследовал окрестности, читал, отжимался во дворе. А я решила сделать маме косметичку с бабочками и целыми днями обводила на плотной ткани контуры, вышивала крылья и делала усики из ниток.

Бабушка, робко спросив дедушку, где диски, «которые дети привезли», получила указание смотреть кино в программке новостей. И больше вопрос не поднимался. О маме мы не говорили. Словно сам воздух не предполагал к произнесению ее имени. Здесь витала дедушкина воля. Невидимые клещи, которые сжимались и разжимались, когда он того хотел. Как-то, когда он был у соседей, бабушка сняла со шкафа круглую железную коробку. В ней оказались пуговицы, обрывки кружев, ленточки. «Танечка собирала».

- А я тоже собираю! – вырвалось у меня. – У меня коллекция!

- Возьми, – улыбнулась бабушка и подсказала. – Конфеты в нее сложи. Он вас ими не убил? Вы осторожней, а то он и глаз может выбить со всей дури.

Наверное, впервые в жизни я начала понимать что-то о своей маме. Теперь я увидела, как было у нее дома. И мы проверяли, выключен ли газ.

- А какой она была маленькой? – спросил Антон, усаживаясь ближе.

- Шить любила, – кивнула бабушка и приготовилась рассказывать. Улыбка озарила ее лицо. Не замечая, она поглаживала сухой рукой колено. – Бегать, читать. Все время читала. Танцевала, когда думала, что я не вижу, возьмет платок и танцует, декламирует… – бабушка замерла.

На крыльце послышалась тяжелая дедушкина поступь.

Как-то вечером, когда Антон пошел умываться, Анатолий вышел следом:

- Ты хоть и похож на нее, а дороже мне, чем она.

Антон остановился в рыжем отсвете окон, а высокий пожилой мужчина, возникая из неясности голубоватых сумерек блестящим глазом, скулой, и крепкой рукой, положенной на плечо мальчика, тихо заговорил:

- Ты не знаешь, какая твоя мать была. Она бросила и исчезла.

- У меня есть мать.

- Да. И она не такая, как тебе кажется, – уверенно сказал Анатолий.

- А какая? – повернул голову Антон, и их профили высветились друг напротив друга.

- Она меня доводила… у меня даже было подозрение на рак...

- Подозрение подтвердилось?

- Нет, но… я понимаю… Просто… не надо думать, что… – Анатолий кивнул, крепче сжимая плечо Антона. – Ты мальчик хороший, это знак… – воздел он палец, но потерял мысль. В глазах Антона зажглось презрение.

- Я тебя понял, – сказал он зловещей фигуре.

- Я даже… ты пойми, я же… ты мне больше нравишься.

Антона крепче сжал полотенце. Дед все кивал и все сильнее наваливался на его плечо, и вдруг, посмотрев куда-то в светлую ночь, сказал:

- Однажды ты поймешь, что создал ее сам. Природа не терпит пустоты. Иди, а то комары-то тебя, небось, искусали? – вдруг неожиданно подмаслился он ехидным голосом, и расхохотался. А мальчик, бросив на него быстрый взгляд, скорей пошел к мойке мимо затихших яблонь.

Бросая в лицо холодную воду, Антон пытался погасить вспыхнувшее негодование... и страх. Мама не фантазия! Она настоящая! По дороге назад он остановился, посмотрел наверх и увидел бледные звезды на светлом небе.

- Мама… – едва слышно позвал он.

Но небо молчало, полное своего безмолвия и красоты. Только через два участка где-то позади, доносилась какая-то песня. В ночи особенно хорошо слышны дальние звуки.

Утро. К нам в окно льется солнечный свет. Приподнимаюсь на кровати – Антон еще спит. В какой интересной позе он заснул! Он спал поверх одеяла в своей светлой пижаме. Одна рука брошена вдоль тела, вторая – перекинута через грудь и костяшками пальцев касается внутренней части локтя той руки.

Я слезла с кровати, взяла баночку с бабочками (их уже 32!) и, полная коварных замыслов, стала раскладывать их по Антону. Эту на челку. Синюю с оранжевым на живот. Желтую на грудь. На плечооо… спи, Антон. Зажимая в губах улыбку, аккуратно опустила ярко-малиновую на большой палец ноги. Черная маска что-то беззвучно кричала мне, но я показала ей язык и продолжала творить, а потом встала над братом, и принялась изо всех сил смотреть на него. Ага! Вздохнул! (Обожаю так делать!) Антон зашевелился, потянулся, протягивая длинные ноги, открыл глаза и сонно улыбнулся мне:

- Лейка, а сегодня уже вчера или завтра?

- Мы еще здесь.

- Тогда я еще посплю, – отвернулся он, – ой… – и уткнулся глазом во что-то яркое. – Господи, что тут на мне! – и схватил с челки бабочку. – Лейка!

- Тебя опылили. …Ой! – замерла я и с удивлением потрогала пальцем едва заметно выступающее место на его горле.

- Что? Щекотно же! – наморщил он шею, пытаясь посмотреть.

- У тебя тут что-то… застряло… Господи! – испугалась я. – Ты же себе во сне шею свернул! Не двигайся! Я счас бабушку позову!

…Так мы узнали, что у Антона появился кадык.

Глава 34

Вечер. Скукота. Бабушка с дедушкой ушли к соседям. Я сижу на крыльце и с тоски прослушиваю подряд все мелодии из своего мобильника (никогда не маялась такой дурью!) У Антона же скука вызывала приступы

неконтролируемого буйства. Дом был завален журналами «Приусадебное хозяйство», «Флора», «Садовод и фермер». Сначала мы не обращали на них никакого внимания, но поскольку делать было абсолютно нечего, – начали понемногу побираться. Зашла в дом, где было чуть прохладней, и услышала, как из комнаты донесся смех. Заглянула. Антон сидел, скрестив в лодыжках босые ноги, почти съехав с кресла с каким-то журналом в руках:

- Неожиданные однолетники, – посмотрел он на меня гипнотизирующими глазами. – Урожайные перцы. Сохраняйте верхушки клубней.

Я подошла и отогнула обложку: «Садовод и фермер». Глаза брата скользили по строчкам. «Томаты от А до Я». Он поглощал информацию о любимых черри! Взяла ради смеха первый же журнал из стопки на полу. С обложки на меня смотрели дикие заголовки: «Ручная работа: триммеры и мотоксы» «Время делать стрижку. Колесные косилки»

Антон провел рукой по волосам:

- А, «Садовая техника». Уже читал. Надо завести пару травокосов… О! – подался он вперед. – «Огурец Дюймовочка F1: ультраскороспелый, самоопыляемый, засолочный», – Антон поднял потрясенные глаза. – Лейка – тут такие заделы для фантазии… – он прочитал еще, упал в кресло, затрясся всем телом, руки его ослабли, а журнал сполз с коленей. – «Лук-севок»…

- Что за дурь ты читаешь! – смутилась я.

Он схватил новый журнал, что-то прочел и опять забился в истерике:

- «Редис Алеша»! – его смех говорил о высшей мере разнузданного веселья. Я тихонько смеялась, перебирая журналы. Антон поднял на меня веселые глаза. – Лейка, а «ель садовой формы» – это какая? О! Тебе не нужен торфяной горшочек? – и вдруг вскочил на кресле, озаряя пространство магическим полукругом пролетевшей руки. – Гладиолус! (Нельзя Антону маяться бездельем). Топинамбур! – спрыгнул на пол. – Древогубец! – уставился он на меня. – Надо вечеринку созвать. Это нельзя так оставить.

- Это тебя нельзя так оставить.

- Да сама посмотри. Это же… глаза облупить можно. Тигр*и*дии! – сделал он мистическое лицо, делая в воздухе знаки, подкрался к окну, обернулся с совершенно безумными глазами и начал ходить по комнате, как шаман. – Китайский лимонник! Форзиция! – подсматривал он в журнал. – Чубушник венечный! – и застыл, заклиная духов. – Ацидантера! Дицентра! Ирисы!.. Садовая земляяяя… – кружил вихри Антон.

- Антон!

- Сирень! – прикрикнул он. – Клематис-кизильник… – наступал он. – Газонная траваааа! – воззвал он, и в его голосе зазвучала мощь прорицания.

- Антон!!!

- Айва и ракитник… ты дашь мне дойти до экстаза?

Вошла бабушка и застала меня бьющейся на полу, а Антона – вскочившем на кресло и уже поставившим одну ногу на телевизор…

С тех пор «газонная трава» было его самое страшное ругательство, оно означало «банальщина». Его лексика обновилась: «не стрелкуется», «сообщи скороспелость в днях, пожалуйста». Приходит с утра, выпятив грудь: «Кто я?» – «Дурман-трава?» (Оскорбленное лицо): «Я душистый горошек!» «… Лейка, иди сюда, ты будешь инвентарем» «Антон, где твоя рубашка?» – «Тля поела». Кроме того, перебирая залежи макулатуры, Антон нашел несколько истинных сокровищ – вместе с бабушкой мы прочли по старенькому тому «Шагреневую кожу» Бальзака.

А еще, когда пора было обедать, я никак не могла найти Антона. Наконец, он отозвался со второго этажа. Когда его «сейчас» прозвучало в пятый раз, и он снова как-то подозрительно затих, я поднялась и увидела, как он спрятал за спину какую-то книжку.

- Что там! Покажи! – полезла я.

- Тебе такое нельзя! – его глаза выдавали, что он нашкодил.

- Что это мне нельзя, а ну дай!

- Лейка, уймись, это всего лишь советские правила дорожного движения.

Разумеется, это была наглая ложь! Я вырвала книгу. ЧТО???

На тоненькой, неприметного вида книжице было написано:

РУБОКО ШО. Эротические танки.

Я несколько секунд таращила глаза на это название, пытаясь понять, в каких правилах дорожного движения есть танки или другая военная техника. Вспомнились только парады. А почему танки *эротические*? Это как? …с наклейками? Прочитав у меня на лбу мои мысли, Антон упал на кровать. Я насупилась и открыла коварную книжку – какие-то стихи:

Ты вскрикнула
Найдя рукою жезл
И снова тишина
Глубокая
Ни звука. *

* Рубоко Шо. Эротические танки. Перевод со старояп. Питера Энгра. М., Панорама. 1991. с. 9

Я посмотрела на Антона думая, с чего так кричать, если она нашла рукой какой-то… и тут же отбросила книжку, отскочив, как от осиного гнезда:

- Фу! Что ты читаешь!

- Старинная японская поэзия. Тебе еще рано, – примирительно сказал он. – Так, нас звали обедать? – поднялся он с совершенно официальным видом.

- Тебе тоже рано! – поддала я ему коленом, глядя на него снизу запрещающими глазами. Он лишь улыбнулся. Я решила, что когда он потеряет бдительность, непременно прочту. Надо же, какие тут книги валяются! «Жезл»! У японцев не все дома, это точно.

- А что такое танки? – спросила я, когда мы стояли вечером у мойки.

- Это такие военные машины, – шепелявя пастой, ответил он. И тут же получил от меня тумак и глотнул смех.

- Что такое танки! – лупила я его коленками и полотенцем.

- Прекрати!
- Я бабушке скажу!
- Вперед!
- Японские тапки! Извращенец!

Он отобрал у меня полотенце, и, вытирая лицо, ответил:

- Да это жанр такой, балда… уйди, – отсмеивался он, отгоняя меня. – Тапка… ой, танка это японский стих такой короткий…

- Не морочь мне голову! Короткий стих!
- Да клянусь я!

- «Жезл»! – выдернула я у него полотенце, и он тут же получил по лохматой голове. – Вранье! Если б были жезлы – было бы видно!

Он смеялся, и сказал, что если я не перестану, он не даст мне почитать, на что я заявила, что читать такое не собираюсь. …На следующий день он застукал меня за домом с книжкой в потных от волнения руках, хохотал до упада и все делал порывы, что сейчас пойдет, расскажет бабушке, а я, покраснев, доказывала, что бедра «трепетать» не могут. Трепетать может юбочка от ветра. Говорю это, как воздушный гимнаст!

Под конец Антон так обнаглел, что читал эту порочную книжонку прямо на пляже, обсыхая после купания. Дедушка, раздавая бутерброды, укорял:

- Опять читает. Сколько можно читать! Что читаешь-то?
- Японская поэзия, – отвечал он, даже не покраснев.
- Пишут-то по-японски?
- Конечно, дедушка.

Дед выкатывал глаза, его острый нос казался еще острее, и он становился похож на птицу, которую надувают воздухом:

- А ты и японский знаешь?
- Конечно, дедушка.

…Наглец!

Это случилось, когда сидели за обедом. Дети немного пообвыклись и уже начинали понимать расстановку сил. Накупавшись в озере, загоревшие за эти полторы недели, они уплетали суп, а дедушка рассказывал, что их соседи купили попугая… и тут у Алины вырвалось: «А у нас воробей!»

- Правда? – удивилась бабушка.

- Ага, – быстро продолжил Антон, наступая сестре под столом на ногу. – Маме поклонник под дверями оставил. Они с папой приходят домой и…

- Поклонник, – мрачно усмехнулся Анатолий.
- Такой хороший! – рассказывала Алина. – Мы его… ну Антон!
- Как зовут? – улыбаясь, спросила бабушка.
- Толя! – выдала Алина, с еще большей досадой посмотрев на брата.

Антон сжег меня боковым зрением, а я, увидев окаменевшее лицо дедушки, только что бывшего в самом лучшем настроении… О Господи!

- Слышишь? – повернулся он к бабушке. – В клетку, значит, отца.

Ну все…

- Ты что, дедушка, Толя – это сокращенно от «Толлейн», – заторопилась я.

- Ну да. Своей фамилии-то ей не надо.

Мы с Антоном видели, как глаза дедушки наливаются кровью, лицо багровеет, жилы на шее надуваются, могучая рука сжимает кулачище…

- Дети, – едва слышно проговорила бабушка. – Идите во двор.

Я умчалась и ждала Антона, потом ко мне вышла бабушка, но Антона все не было. Что сейчас будет!.. Я животом чуяла. Наконец-то здесь все так, как обычно. Бабушка с тревогой посмотрела на дом, и, не выдержав, зашла снова.

- Оставь нас одних, – спокойно распорядился Антон, увидев в глазах вернувшейся бабушки ужас. – Я посижу, иди. – Но она словно приросла к месту и смотрела, как рука Анатолия намертво сжимает рукоять большого кухонного ножа. – Иди! – напомнил он ей.

Что-то в его голосе заставило ее подчиниться.

- Толя… – еле слышно, улетающим голосом сказала она, уходя.

Антон, сидевший напротив деда, смотрел на него в упор.

- Что смотришь! – закричал Анатолий, сжал нож и повел лезвием по скатерти. – Уйди… (Антон видел, как скатерть сжимается складками). Уйди, малявка! – взревел Анатолий, вскакивая. – Вон! – закричал он, бросив руку с ножом в сторону двери, вырастая над мальчиком темной фигурой.

- Не уйду, – остался на месте Антон. – Бей меня за все, что она сделала.

- Вон! – заревел Анатолий, наступая, и от его шагов зазвенела посуда.

- Толя! – донеслось с улицы.

- Заткнись, баба!

Антон поднялся и встал у печи.

- Кто ты такой… – прошипел дракон, приподнимая над ним свои перепончатые горбы. – Кто ты такой, что у тебя лицо такое!

- Я твой внук, – (в лице мальчика и подавно не было страха).

Глаза Анатолия шевелили душу Антона, сжимали ее, как огонь сжимает бумагу. Несколько секунд они молча бороли друг друга глазами. Анатолий разогнулся. Отбросил нож, и он звякнул об алинину тарелку.

- Не боишься, – Анатолий несколько секунд смотрел перед собой. – А я ведь… могу и убить.

- Просто боишься показать, что тебе больно. За это и убить хочешь. У тебя у самого нож в сердце сидит. А сам ты добрый. Но если нет, я перед тобой.

Лицо Анатолия как-то странно дрогнуло. Он бухнулся обратно на широкое кресло, положил руку на столешницу.

- Дедушка… – начал было Антон.

- «Дедушка» я ему, – мотнув головой, невесело усмехнулся Анатолий, по-прежнему глядя в окно. Отрезал ножом ломоть хлеба и протянул Антону.

Антон молча взял хлеб, оторвал от куска половину и протянул обратно. Анатолий налил в стакан вина и протянул Антону. Антон отпил, поморщился, он впервые пил вино, а Анатолий, забрал и выпил до дна.

- Она недостойна тебя, – посмотрел он на внука и снова замолчал. Желваки на его скулах напряглись. Глаза заблестели. – Вкусный хлеб?

Мальчик кивнул и почесал лопатку. Этот совершенно мирный жест заставил Анатолия крякнуть от удовольствия. Сорванец умен, как черт, и тверд, как алмаз. Вот о каком сыне он всегда мечтал! Анатолий внимательно смотрел опасными масляными глазами, и, подсмеиваясь, бессильно сказал:

- Вот что ты со мной делаешь, а!

Устремленные на него зеленые глаза ни в грош не ставили его злобу. Будто этот пацан жил тут всю жизнь, и это была не первая их стычка, и было хорошо с ним повоевать, а потом пойти на мировую.

- Не родной, а понял все… – сказал Анатолий, жуя хлеб, отвернулся и еле слышно добавил. – Что больно. – И беззвучно рассмеялся, закрывая лицо расслабленной кистью, но в смехе послышались слезы.

В тот же миг Антон бросился к нему. Дед взвыл, как зверь, прижал его к себе, мелькнули под рукой нежные волосы…

- Да что вы тут творите! – ворвалась бабушка, а следом за ней Алина.

Картина, представшая их глазам, заставила их замолкнуть.

Антон обнимал деда, а тот, обхватив его ручищами, зажмурившись, тихонько всхлипывая, выл, выпуская вой отдельными гудками, а по его щекам бежали слезы. Трудно сказать, что бы напугало бабушку сильнее. Когда, наконец, дед затих, Антон сказал в наступившей тишине:

- Дедушке надо поспать. Он очень устал.

Без лишних слов была расстелена кровать, Анатолий свалился и проспал до вечера мертвым сном. Бабушка, пряча то и дело увлажнявшиеся глаза, голубила Антона и все совала ему из кармана пряник, сестра расспрашивала его во дворе, а Антон грыз пряник, и скучал по Ашабу. Он вдруг стал абсолютно безразличен ко всему. Вернулся и просидел возле деда до тех пор, пока тот не открыл глаза. Анатолий долго смотрел на него, а потом сказал:

- Пойдем завтра в лес? Я тебе рощу нашу покажу… Я там каждую птицу знаю. Как они там поют!

Ушли вместе в 5 утра, взяв корзины и ножики, нарезали трав. Антон не отходил от деда ни на шаг, и стало ясно – это любовь на всю жизнь, ядреная, до самой крови. Атмосфера неуловимо изменилась, рассеялась… стало легче! Вдруг появилось столько кислорода, что у всех с непривычки кружилась голова. Соседи переглядывались. На дворе Возов слышался смех! Вернее – два, страшный, как у пещерного тролля, гогот Анатолия и золотистый смех мальчика. К Антону соседи прониклись сразу, угощали, звали к себе. Людей вело неодолимое любопытство и не отпускало восхищение. Мамушки уже приискивали ему невест: «нашей-то в этом году 15-ть!» А дед все твердил: «Свой парень! Оборону не сдаст! Порода!»

Через пару дней Антон уже вил из деда веревки. Его юмор как по волшебству снова стал прежним. Смех и улыбки, словно золотые птицы, вылетели из-под ветвей и взмыли в небо, разлетевшись во все стороны! Он заставлял деда смеяться и через смех – лишал его силы. Анатолий поймался раз и навсегда, и, кажется, понимал, что сделать уже ничего нельзя. Месяц, который поначалу казался детям столь тягостным – пролетел незаметно, даже уезжать не хотелось. А бабушка танцевала под радио, и дедушка поцеловал ее в щеку… На последние два дня детей привезли в город, показать Псков. Водили в кремль, на реку Великую, и Антон увидел дом, из которого когда-то сбежала мама. Он изучал его молчаливо, и знал, что дедушка скучает по маме так же сильно, как и он.

Мы упивались своей свободой, предвкушая завтрашнее возвращение домой, и чувствовали себя страшно взрослыми (мы ведь уже читали японскую танку и гуляли одни!) Дошли до очередного перекрестка, и Антон остановился. Думала, он ждет светофора, но горел зеленый. Я с недоумением подняла глаза и увидела, что он смотрит на здание, которое располагалось по диагонали, вправо. Угловой двухэтажный дом. Серое здание за черной железной оградой. Там виднелась детская площадка.

- Вот он, – сказал Антон.

- Кто? – не поняла я. И через пару секунд догадалась: его детский дом.

- Зайдем? – вдруг предложил он мне.

- Нет, – почему-то сразу отказалась я.

- Ты должна, – решительно сказал он.

Мы перешли улицу. Позвонили, калитка открылась, и мы вошли за ограду, поднялись на крыльцо, Антон толкнул дверь. Мы оказались в холле. Гардероб, лестница. За столом сидел охранник.

- Добрый день, – поздоровался он первым, – что вы хотели?

- Здравствуйте, меня зовут Антон. Это моя сестра, (он сжимал мою руку сильнее, чем обычно). – Мы хотели бы войти.

- Вы уже вошли, – улыбнулся охранник. – Но проход посторонним лицам запрещен. По какому вы вопросу?

- Я бывший воспитанник. Хотел показать ей место, где жил.

- Ясно, – серьезно кивнул охранник, – вас кто-нибудь сопровождает?

- Мы вдвоем.

- Вас кто-нибудь ждет?

- Нет, – ответил Антон, – но воспитатели меня знают… могут помнить, – поправился он. Антонина Васильевна еще работает?

- А как же! – лицо охранника просветлело.

Тут из коридора появилась, прихрамывая, старенькая уборщица в рабочем халате, с ведром и шваброй, и Антон окликнул ее:

- Варвара Ильинична, здравствуйте! Как я рад вас видеть!

Женщина остановилась. Щурясь, подошла ближе.

- «Нам для здоровья ничего не жалко. Чтоб чистым быть – нужна мочалка» – продекламировал Антон, и лицо старой женщины вдруг стало меняться, у глаз собрались морщинки, щель рта раскрылась, а в глазах засияла радость:

- Тошенька… Да какой… да какой большой-то стал! – задребезжал ее голос, она поставила ведро и обняла Антона. От нее пахло лимонной отдушкой моющего средства. – Ой, Господи! Это, Володя, еще до тебя у нас был, – пояснила она охраннику. – Как вырос! А это кто?

- Это моя сестра, – улыбался ей Антон.

- Помнит! – обернулась она к охраннику и голос ее срывался – не то от слез, не то от старости. – Это я им про мочалку сочиняла.

Но тут кто-то позвал ее из коридора, и она, засуетившись, схватила ведро и попросила охранника пропустить нас, и все повторяла: «я еще зайду, идите, идите». Страж порядка больше не сомневался:

- Только скажите фамилию, я запишу в журнал для протокола.

- Прежнюю или теперешнюю?

- Наверное, теперешнюю, – пожал он плечами.

- Чирик-Толлейн, – ответил Антон.

Шариковая ручка в пальцах охранника замерла:

- Неплохо… – усмехнулся он, записывая в графу. – А вы случайно не родственник актрисы Толлейн? «Гранаты и письма»?

- Нет, – лицо Антона стало совершенно бескровным.

Мы поднимались. На стенах висели детские рисунки и пахло, как в садике. В сознании не укладывалось, что Антон действительно жил здесь.

- А та фамилия, которая у тебя была раньше, ее кто дал?

- Не знаю. Наверное, «Белов» из-за светлых волос.

- А что за стих про мочалку? Ты мне не рассказывал!

На втором этаже бегали дети – группы были открыты вдоль коридора.

Навстречу нам вышла нянечка в светлой рубашке и брюках.

- Стойте-ка. Вы это куда?

Мороз еще раз пробежал по моей спине.

- Зашли в гости, – ответил ей Антон.

- Не знаем мы никаких гостей, – сказала нянечка. У нее был двойной подбородок и дыхание колыхалось от полноты.

- Не помните? – смотрел на нее Антон, еще сильнее сжимая мою руку.

- Нет, – ответила она сурово и ясно. Когда она говорила, у нее во рту как будто было много слюны.

- А я помню, как вы собирали для меня каштаны. И еще подарили мне на Рождество паровозик. И читали Библию, когда я вазочку зеленую разбил.

Глаза нянечки прищурились. Решив помочь дознанию, Антон поднял руку к одному из снимков на стене и указал на светловолосого ребенка во втором ряду. Нянечка ахнула.

- Антон! Антон! Конечно! – воскликнула она. – Как вырос! Господи! Это же ты от нас в Петербург-то уехал. Так забрали они тебя?

- Нет. Вернули через год. Но меня забрали другие.

- Ой, как странно там все было. Нам все время звонили… Как же мне тебя не помнить, мальчик ты мой! – тут же сгребла она моего брата в охапку и крепко прижала к себе, как только что прижимала уборщица. Это было так странно, видеть, что они встречают его, как родного, будто у него есть еще одна семья… – Тошенька! Да какой же ты стал красивый! Галя! – позвала она. – Иди скорее, какой сюрприз к нам пришел! – Ох, – причитала она, глаза ее увлажнились не хуже губ, и она вся заблестела. – А это кто?

- Это моя сестра Алина.

- Здравствуй, Алина, – с улыбкой наклонилась она ко мне и пожала руку, немножко подбив пальцами мою ладонь. Рука у нее была сухая и шершавая.

- Что там такое? – раздался сквозь детский гвалт строгий голос. В коридор вышла женщина лет сорока в длинной юбке и блузе, в очках в черной оправе.

- Галя! Гляди, кто пришел. Ну? Отгадаешь?

Вторая нянечка остановилась и внимательно посмотрела на Антона. Ей явно не хотелось попасть впросак, но она не помнила.

- Тоша! Наш Тоша Белов!

Все во мне перевернулось. Они звали его «Тоша»?

Нянечка указала на фото. Лицо Гали просветлело… по нему пошло такое изумление. Она перевела взгляд на взрослого Антона.

- Батюшки… – произнесла она. – Точно. Ну иди сюда, – раскрыла она объятья. (Во мне шевельнулась ревность). – Уже жених!

- Вы совсем не изменились, все такая же красивая.

- Ой, врун! – рассмеялась Галя, поправляя очки.

- Галя, у тебя же фотоаппарат, – вспомнила первая нянечка. И оглянулась на нас. – Мы их как раз сегодня на прогулке фотографировали. Неси скорее!

- А это кто? – спросила Галя.

- Моя сестра Алина.

- Галя, ну! – напомнила первая нянечка, и та поспешила за фотоаппаратом.

- Мы слышали, что ты не очень-то хотел идти в семью, – припомнила нянечка, сияющими глазами любуясь на Антона. – Родители хорошие?

- Самые лучшие.

- Какой стал ясненький! Хочешь посмотреть группу, где рос твой брат? – спросила она, нагнувшись ко мне, как будто я была маленького роста.

Она провела нас в группу. На ковре, между низеньких стульчиков и шкафчиков с игрушками, расставленных по периметру, играли дети. Кто-то рисовал, кто-то, сидя по-лягушачьи, собирал что-то из конструктора.

- Вот, дошкольная группа.

- Ковер другой, – присев, потрогал, Антон.

- Поменяли весной, – сообщила нянечка, – детки все хорошие.

- А почему не в лагере?

- Ну… не у всех есть медицинское разрешение… по здоровью.

- А самолетик жив? – вдруг поднял глаза Антон.

Нянечка широко улыбнулась и, ничего не ответив, пошла, осторожно ступая среди детей. Я смотрела, и сам смысл того, что все эти дети – без родителей… Я не могла этого понять. Не могла понять, что Антон жил здесь. Голоса детей, стук железной машинки, чья-то недовольная интонация... Вдруг кто-то из детей заплакал и я, сама не понимая, что делаю, крикнула: «Смотри!» – и встала на руки. Плач мигом прекратился. Дети затихли. Все смотрели на меня, воспитательницы – оторопев, дети – в изумлении.

- Она воздушная гимнастика, – услышала я голос брата.

Я снова встала на ноги и увидела восхищение на лицах.

- А ну-ка дай мне это, дружок, – нянечка забирала что-то у рыжего мальчика. Он запротивился и уже готовился заплакать.

- Нет, не надо! – закричал Антон и подбежал к ним.

Я сняла босоножки и тоже подошла. Ноги ощутили мягкость ковра.

- Не надо, – попросил Антон, садясь на ковер рядом с мальчиком. Тот сморщил бровки, пытаясь понять – будут забирать игрушку или нет.

- Твой любимый? – улыбнулся ему Антон. В руке мальчик крепко сжимал симпатичный синенький самолетик. – Я Антон (мальчик прижал драгоценную игрушку к себе). Он еще и плавает хорошо! – и Антон нежно погладил пальчика по голове. Тот, бросив самолетик, сильно обнял его руку и прижался к ней щекой. Так сильно, вдруг!

…Мое сердце насквозь прошла боль.

- И так со всеми, – сказала мне нянечка, – полгода уже у нас.

- Как тебя зовут? – спросил Антон. Но малыш только сильнее сжал руки.

- Хочешь, научу? – Антон аккуратно взял самолетик за пластинку хвоста и повел его по воздуху. – Когда я играл в него, то загадал желание… что найду маму. – Самолетик парил, делая поворот, плавно уходя вверх. – И уехал в другой город. И там она меня нашла, – голос Антона, казалось, зачаровывал мальчика, он смотрел на самолетик и слушал… потянулся к игрушке...

Щелк! Рука мальчика вздрогнула. Рядом сидела Галя и фотографировала.

- Это аэродром, – Антон аккуратно опустил самолетик на ладонь мальчика. (Щелк! Щелк!) – Тут он отдохнет и получит топливо.

- Самоётик! – радостно сообщил мальчик, обращая к нему светлые глаза.

- Самолетик, – кивнул Антон и поднялся.

- Нет! – мальчик бросил самолет, ухватился за его ногу и прижался.

Антон быстро поднял мальчика и, прижав к себе, гладил по рыжей голове:

- За тобой обязательно придут… – и поцеловал его, – все случится…

Ребенок крепко прижался, уткнувшись ему в шею. Я подошла и тоже погладила его по рыжим густым волосам. Мне было так жаль его.

- На, держи, – и нянечка подала мальчику игрушку.

Но мальчик еще крепче обхватил шею Антона, не желая расставаться.

…Наконец, его опустили снова на ковер. Но он все смотрел на нас.

- Аэопо’т! – позвал он, подавая мне самолетик, пытаясь нас задержать.

- А теперь встаньте вместе с сестрой. Тоня, ты тоже, – группировала нас Галя, а я вздрогнула, – это же было прозвище Антона.

Мы встали, как она просила. Мальчик схватился за ногу Антона и не желал сойти с места. Я присела рядом с ним. Галя сделала фотографию. …Щелк! Щелк! Этот звук словно отделял от меня новые познания.

- Ребята, если хотите, можете еще немного походить, но у нас обед сейчас, – Галя посмотрела на наручные часы. – А фотографии на сайте потом будут.

- Как зовут этого мальчика? – спросила я, когда мы вышли из группы.

- Лука, – ответила Галя, и вздохнула. – Его нашли в закрытой коробке на свалке. Чудом услышали. В коробке было темно, он плакал. Решили назвать Лука. Это имя означает «свет».

- Я рада, что ты в семье, – прощаясь, снова прижала Тоня моего брата к своей огромной груди. – Вы все так быстро растете. Это страшно. Будто мне уже тысяча лет… Девушка-то у тебя есть?

(Ну почему все его об этом спрашивают?!)

- Пока нет, – улыбнулся Антон.

- Ну – у тебя будет, – щедро пообещала она.

«Не будет!» – тут же уверенно прокатила я мысленный каток.

- А Анна Ивановна? Которая сказки читала?

- Умерла в прошлом году.

Антон кивнул. Он думал о чем-то своем.

- Спасибо вам за все, что вы для меня сделали.

Они смотрели на него. В этом взгляде посреди всего этого детского шума было что-то большее, чем я способна была понять, но я видела, что оно есть.

- Удачи тебе, – сказала Тоня. – И тебе, воздушная гимнастка.

- Берегите друг друга, – улыбнулась нам Галя.

Мы шли обратно, дети перебегали нам дорогу. Нас окружали их голоса…

- Пока! Пока! – говорил Антон детям, касаясь летящей рукой их теплых макушек, и они отвечали нам. Я хотела обнять их всех, хотела остановиться у той фотографии, но Антон вел меня к лестнице. Сбегая по ступенькам, мы чувствовали, как возвращается легкость. Почти бегом выбежали в холл…

- До свидания! – крикнул Антон охраннику, уже распахивая дверь.

Мы сбежали с крыльца, вышли за ограду. Вокруг стоял великолепный солнечный день. По улице ездили машины. По тротуару шли прохожие. И я впервые ощутила, что это *другая реальность*. Мы перешли улицу.

- Его зовут Лука, – сказала я. – Он такой хороший…

Антон не ответил. Мы шли, шли, а за нашими спинами удалялся дом, где в детской руке летал синий самолетик, унося надежду быть любимым.

Когда настал день отъезда, дедушка дал нам много денег, взял с Антона слово, что тот будет писать ему каждый месяц, и сам написал адрес. А Антон спросил, можно ли взять понравившиеся книжки (не сомневаюсь, он хотел

утащить с собой японский разврат), и дедушка щедро махнул рукой. Поехала с нами бабушка, а дедушка, пока поезд не набрал скорость, еще долго тяжело бежал за вагоном и махал нам рукой, и мне почему-то жалко было его до слез… В купе вместе с нами ехала молодая пара с ребенком. Я смотрела на малыша, впервые осознавая, что у него есть родители.

Глава 35

В Петербурге встречал на вокзале Саша. Бабушка передала сумки с гостинцами. Дети были оживленные, загоревшие, и как будто подросли.

- Мальчик-то ваш, – вполголоса сказала Лиза, – деда нашего на колени поставил. Уж не знаю, что он с ним сделал…

Саша приглашал ее в гости, (Таня, надеясь на встречу, приготовила богатый стол и убрала всю квартиру), но женщина вдруг занервничала: «Он меня там встречать будет, его одного нельзя на ночь оставлять», и все говорила, какие хорошие дети.

- Ну? Что? – вошла в комнату Таня (сердце ее уже было разбито, а дети, найдя на столе целый пир восприняли это, как праздник в свою честь).

Увидев ее, лучшую, любимую, такую красивую! – бросились ей на шею. Спешили рассказать обо всем: «Я озеро переплыл два раза!» «Один раз! А он читал…» «Ты тоже. Мам, смотри, у меня кадык!»

Саша улыбался на их хвастовство, а Таня округляла глаза и подыгрывала:

- Саша, да ты посмотри какие у нас дети-то отборные. С кадыками!

- Толя! – подбежали они к клетке. – Он еще толще! Ой, давай потискаем!

Послышалась возня, смех, трепыхание крыльев и громкий птичий мат.

Они не рассказали о сцене с ножом. О посещении детского дома. Но Антон впервые подумал, что мама не случайно назвала птицу именем отца и посадила в клетку. У дедушки с мамой было что-то схожее. Безжалостное и в то же время беззащитное. Ему очень хотелось согреть маму рассказом о тайной «сокровищнице» в доме Лиды, что бабушка все эти годы писала ей письма. Но тогда пришлось бы сказать, что они не пришли из-за дедушки, а дедушка тоже был хороший и очень страдал. И дети решили молчать.

Таню очень обидело то, что отец совсем не спрашивал о ней, что мама не приехала – ну что ей один день! Но она тоже скрыла это за хлопотами о детях, восторгалась косметичкой с бабочками, а Антон все время обнимал ее, рассказывал о большом доме, о бабушке, и был так нежен! (Сорванцам особенно нужна мамина ласка). Он подрос. И голос уже ломается. Таня соскучилась. Ее слух снова кутался в его приятный смех и хихиканье Алины.

Спустя три дня они уехали в Таганрог.

Он вернулся высоким и статным. Мягкость черт уступила стремительной отчетливости бровей, смелым линиям рта и глаз, которые словно стали ярче. Фигура вытянулась, плечи плавно раскрылись, и весь он словно приподнялся. Даже мне, хоть я и была рядом с ним все лето, стало очевидно, что он страшно вырос и теперь ему все безбожно мало. (Ха-ха, кимоно мое!) Он уезжал в Таганрог мальчишкой, а вернулся юношей. После первого сентября в 9-м классе он сообщил, что его рост 168 сантиметров. Разумеется, я тоже стала выше, но была потрясена тем, что вообще можно так вырасти. К осени его голос стал на октаву ниже, обхватившись приятной бархатистостью. Антон еще только пробовал этот новый инструмент в своем арсенале и замирал от избытка гордости. А как похорошели девочки!

О нееет! ДЕВОЧКИ!!! Я пошла в 7-й класс опять никем не замеченная, а он явился в школу в пиджаке. Как он оправлял его перед зеркалом! А еще мама купила ему новых рубашек, ультрамодные черные джинсы и сводила в парикмахерскую. Ему сделали более стильную стрижку: оставили челку, но больше убрали у висков, подчеркнув овал лица и разлетающиеся линии глаз. Увидев его, я поняла: пора отключать домашний телефон.

Мальчики примерялись к своему новому росту, девушки обсуждали тушь от Max Factor и ревниво оглядывали, не проигрывают ли они сверстницам. Мальчики, теребя руки в карманах, поедали глазами девушек, а девушки, еще не привыкнув к их басовитым голосам, уже ощущали себя женщинами рядом с ними. Это было волнующее ощущение опасности.

Антон вошел в класс в белоснежной ветровке. Скинул рюкзак, расстегнул молнию, сильным движением распахнул куртку, бросив на парту.

Как вытянулся! А прическа!..

- Антон… здравствуй! – улыбнулась потрясенная Даша Соколова, пожирая его глазами, и нервно перекинула ножку на ножку. (За лето она превратилась в настоящую фотомодель!)

- Здравствуйте, многоуважаемое олицетворение Соколовой, – дружелюбно отозвался Антон. – Господи, как же я без вас всех соскучился!

- Ой, у тебя голос другой, – улыбнулась отличница Инна.

- Можешь сесть со мной, – забрала Даша сумочку со второго стула (она сидела за третьей партой в его ряду). – Здесь пока не занято.

- Нет, со мной! – смеясь, поднял руку со среднего ряда веснушчатый Лев Бобковский. – Пока Ликанов не пришел, он вечно у меня листочки тырит!

- Правда, чего ты все один, – послышались голоса.

- Лучше ко мне, – предложила медовым голоском Снежана – она хоть и выросла, голос у нее был все тот же, чуть хрипловатый и от того очень трогательный. – У меня парта последняя…

Даша обернулась и спалила шутницу взглядом.

- Что? – мягко улыбнулась Снежана, переводя глаза, в ее тоне и подавно не было страха. Весь класс тут же включился в игру. (Стоило появиться Антону

и в воздухе начинали вспыхивать искры). – Может, он мой суженый, – и Снежана одарила Антона самым многообещающим взглядом.

- Суженный-контуженый! – махнув хвостом, отвернулась Даша. Было ясно: этот взвих хвоста должен заставить Снежану исчезнуть из вселенной.

- А как же Гера? – недоумевал Лев. Все знали, что Гера влюблен в Снежану, и она позволяет ему сидеть рядом, чтобы списывать с него алгебру.

- Вот, Соколова, ты тоже будешь мне изменять, – указал Антон.

- *Тебе* – не буду, – заверила она.

- Чтобы сберечь мир, остаюсь бесхозным, – сообщил Антон, устраиваясь за своей первой партой и уже оборачиваясь назад. – Ну, как лето?

- Антон, а можно автограф твоей мамы? – снова возникла с последней парты Снежана. – У меня постер ее фильма есть.

- Для тебя – все, что угодно.

Даша поднялась, убила Снежану взглядом, и, цокая на запредельно высоких каблуках, подошла и элегантно присела на краешек парты Антона:

- А для меня? – скрестила она руки на груди.

- Антон, и для моей мамы, мы вместе в кино ходили, – приложил ладонь к груди Лев. – Два, пожалуйста. Кстати, рубашка – класс!

- Научишь меня тому вальсу, – уже решила Даша, – я ведь на танцы хожу.

- Слушайте, – обернулся ко всем Антон. – Что тут за халявомания, вообще? Соколова, слезь с моей парты!

…Черт, какой же он красивый. Как сон наяву… А голос! По спине Даши предательски бегали мурашки волнения. СОЖРАТЬ ЖИВЬЕМ.

- Ты же у нас теперь сын звезды – вот и расплачивайся, – раздался густой бас, и на пороге возник высоченный Гера.

- Ооооо! – отреагировали все. Гера был едва ли не 2 метра! А Гера, отыгрывая всем гордой миной, прошел, ударяя на ходу по ладоням парней.

- Я король, – шутливо поправил его Антон, но Гера уже цвел в улыбке, глядя на последнюю парту:

- Снежик, ты ждешь меня?

- Я занимаюсь танцами уже три года, – напомнила Антону Даша.

- Соколова, я напишу про тебя реферат.

Тут вошла Роза Дмитриевна, их классная руководительница, милейшая женщина с рыжими кудряшками и теплыми серыми глазами, которую они считали лучшей и гордились тем, что она досталась именно им. Класс встал, и начался обмен: «Ой, какие вы уже взрослые!» «Я метр 74!» «Гера, какой бас!» «Даша, это очень опасная обувь» «Антон, мы все смотрели фильм, ты так танцуешь!» «Он халявщик!» «Я король!» «Он вошел в класс в верхней одежде!» «Я сын звезды, мне можно!»

После восторгов, смеха и грубоватых шуток, которые говорили о том, что подростки в хорошем расположении духа, начались объявления нового расписания и обсуждение переноса французского со вторника на четверг. Все склонили головы над блокнотами, и учебный год начался.

Таня сидела перед тремя своими отражениями. В последнее время ей было легче возвращаться домой в гриме и снимать его здесь.

- Мам? – светлая голова Антона показалась в проеме двери. – А можно…

- Можно.

- Я же еще не спросил!

Так вымахал. Вошел, в джинсах и черном джемпере. «Стильно! – невольно восхитилась Таня. – Прямо уже и влюбиться можно».

- Какой там у тебя теперь рост? – смотрела она на него, а он стоял над ней, уперев руки в боки:

- Четыре с половиной.

- Я серьезно! – бессильно улыбнулась Таня. – Так… чего ты хочешь?

- Снять с тебя макияж. Давай, ты же собиралась.

Флакончики, теплая вода и ватные диски предательски лежали перед ней, готовые для обычного ритуала.

- Ты… я думала, ты там что-то поесть просишь… – смутилась Таня. – С макияжем уж я как-нибудь сама.

- Боишься, – улыбался Антон. Это был вызов.

- Зачем тебе? – в накладных ресницах Таня была как фея, застигнутая за воровством.

- Ты уже пообещала.

- Сам напросился, – властно подняла она брови, указав Антону на табуретку, сдвигая к краю блестящего стола бутылочки и ватные диски.

Антон пододвинул ногой табуретку и сел рядом. Сильная молодая жизнь! Он мчался на нее, как ударная волна. Находиться рядом с ним так близко было тревожно и волнующе.

- Вперед! – приказала она, прямая, как струна.

Этот черный джемпер, горло, цепочка… это недопустимо! Антон уже взял ватный диск, отвинтил крышечку флакона с молочком для снятия макияжа. Таня сидела и ждала. У него красивые мужские руки… Оглянулась и увидела в скосе зеркальных поверхностей себя и Антона.

- Закрой глаза, – попросил Антон.

- Что? – очнулась Таня, и глаза ее наоборот расширились. – Ни за что.

- Мам, ты мне не доверяешь? Ресницы снимешь сама, – великодушно предложил он. – Смоченный ватный диск уже ждал в его руке.

- Ну уж нет, и ресницы тоже! – заявила она, набрав в легкие воздуха…

- Да расслабься ты, это же приятно, – рассмеялся Антон.

…Может и правда, ничего? Что тут такого. И все-таки…

- Антон, тебе нравится какая-нибудь девочка?

- Да. Лейка.

- А есть девочка, которой ты не нравишься?

- Да. Ты. (Таня, усмехнувшись, легонько пнула его ногой). Многие в классе просят твой автограф. Дашь?

- Конечно! – Тане сразу стало спокойней. Они подростки. Улыбнулась, вздохнула, и, подставив лицо, закрыла глаза. Антон тоже наклонился к ней, и их лица оказались совсем близко, устремленные друг к другу.

…Если бы зеркала могли заговорить!

Антон вздохнул. Его теплый вздох коснулся танинного лица.

- Кое-кто волнуется. Руки трясутся?

Антон не ответил. Аккуратно придерживая ладонью ее подбородок, остановившись большим пальцем на щеке, он провел влажным диском по ее веку, стирая тени. Таня смолкла. Его ладонь была тепла, и в ней было волнение, делающее ее чуть более легкой.

- Вообще-то сначала смывают помаду.

Его прикосновения были такими пронизывающими. Тане казалось, у нее прямо кости заныли изнутри. Хотелось вскочить и убежать… или обнять его со всей силы. Таня читала его бережность, скрытую уверенной теплотой рук, дрожь, спрятанную в точных, чуть более быстрых движениях. Антон отпустил ее подбородок и взял новый диск. Таня ощутила на лице пустоту. Но не там, где была снята косметика, как она обычно это ощущала, а там, где не стало его прикосновения. Ее щека предательски горела…

- Что сегодня снимали? – спросил Антон, смачивая новый ватный диск.

- Диалоги в машине.

Прохладный диск провел по ее брови. И вдруг Таня поняла: мальчик наконец-то дорвался до своего кумира. Изучает ее вживую. Вот почему воспользовался моментом! Против воли довольная улыбка расплылась по ее лицу, и она с еще б*о*льшим удовольствием подставила ему лицо.

- Я же говорю, приятно, – улыбнулся Антон. – У тебя родинка на шее.

- Ее стирать не надо.

- У меня тоже, – Антон перешел на другую щеку и бровь.

- У нас и волосы одного цвета, – ударила первой Таня.

- Мы вообще похожи, – не прекращая работать, отразил Антон.

- Ну… мы же с тобой мать и сын, – и дрогнув ноздрями, Таня дала понять, что разговор окончен. – А вот Лея совсем не похожа, папина дочка.

- Она красивая, – сказал Антон, – она будет, как ты. Ресница, – предупредил он. Таня задержала дыхание. Антон аккуратно снял накладное полукружие. – Зачем они тебе, у тебя свои не меньше.

- В кадре все иначе. Губы не накрасишь – синие будут. Лицо будет белым. Там другой свет, все искусственное. В кадре все, как под лупой...

- А почему ты не снимаешь макияж там? Тебя же узнают. Второе веко, – дал «старт» Антон. Легкое движение – и вторая ресница была снята.

- Ох, как приятно без них… – вздохнула Таня, – глаза дышат!

Прикосновения Антона были так приятны. И то, что он сидел рядом, такой красивый …это тоже было приятно. Ей вдруг захотелось схватить его и целовать в щеки, обнимать, спрятаться его в тепле и жмуриться… Что за глупость! Он просто красивый мальчишка, тут уж ничего не поделаешь, в нем

сидит какой-то чертик, но разве разберешь. Вытолкать его отсюда! Перешел все границы! Но какая чистота рядом с ним! Дышать! Дышать!

Антон работал спонжем. Ток от его пальцев перестал идти. Танины брови нахмурились, требуя продолжения удовольствий. Но он не внял.

- Знаешь, у тебя хорошо получается, – невольно призналась Таня.
- У меня врожденный талант.
- От скромности не умрешь.
- Я бессмертен.
- В своем непроходимом зазнайстве!
- …*Это я, мам,* – одними губами сказал Антон.
- Что? – сощурилась она и, не открывая глаз, подалась вперед. – Если близко подойти к огню, можно и сгореть, – она открыла глаза.

И увидела перед собой подростка, всего в черном. А он вдруг сказал:

- «*Огонь огню не помешает,*
Он сам себя не устрашает,
Себя не может он поджечь,
И погасить, и подстеречь.

Таня с бессильной улыбкой закатила глаза – эти стихи он учил еще у нее в студии! Антон поднялся с табуретки и продолжал, убирая ватные диски:

- *Освобождая и слепя,*
Он обращает все в себя, – помогла Таня.
- Огонь сжигающий уста –
Как суть его всегда чиста! – отставил табуретку Антон.
- Огонь зари, огонь очей,
Огонь сгорающих свечей,
- Огонь всеобщий и ничей –
Но есть ли что-то горячей
Огня! Попробуй разомкни
В огне чуть меньшие огни.
Огонь един – и есть ли в нем
Еще какой-нибудь огонь?»

Антон склонился к ней. «Сейчас, наверное, поцелует меня» – думала Таня.

- У тебя блузка неправильно застегнута, – сказал Антон.
- Что? Ой! – Таня схватилась за блузку. – Надо же, ты помнишь!
- Я все помню, – и он вышел, оставив ее одну, в разметанных чувствах.

Таня повернулась к зеркалам. Ее чистое лицо было безупречно. И как будто светлее. А он взял и ушел. …Несносный человек!!!

Глава 36

Начало сентября выдалось ветреным. Я попала под дождь, да еще стояла с девчонками на крыльце, хотя вспотела и знала, что нельзя. Но так хотелось

пообщаться. …Они не считают меня своей, да и говорили они о такой ерунде, что я даже не могла поддержать разговор, стояла и мялась рядом, как дурочка. Было много тренировок. Было много тестов, хотя учебный год только начался. А еще сегодня идиот из 9-го «А» сказал мне такое...

Титов всегда был неприятный даже внешне, никому не нравился и не старался это положение исправить. Разбил дорогую вазу, которую его одноклассники собирались дарить своей классной, и свалил все на парня из 5-го, который якобы «задел» его. Мать мальчика вызвали. Краснолицая мать Титова сразу начала орать на нее, защищая сына, (он у нее был практически святой) и та быстро сдалась, хотя поняла, с кем имеет дело. После этого случая, (ибо младшие точно знали, что Титов не заслуживает защиты), его невзлюбили еще больше и говорили, что его мать пьяница и истеричка.

Самым большим его удовольствием было запугивать младших девочек. Он обещал, что когда никто не увидит (а такой момент обязательно наступит)... Бедные девочки боялись даже подумать. В туалет отпрашивались по двое. И заикнуться никто не мог. Вдруг он выполнит обещание?.. Я его тоже боялась. Правда однажды, когда кто-то все-таки пожаловался, мать Титова снова вызвали в школу, и был большой скандал. Директриса пригрозила Титова отчислить, а Титова-старшая пригрозила написать в РОНО, назвала несколько фамилий, после чего Титов, как ни в чем ни бывало, продолжал учиться и, кажется, поверил в свою безнаказанность. Его 9 «А» стыдился его, как пятна позора. Ребята не отвечали ему, если он обращался к ним – это видели все, в том числе и те, кого он запугивал.

Учеников из 5-х и 6-х он называл «малявками». Те, едва завидев его, – шарахались в сторону или, прижатые к стенке, униженно просили отпустить, а я сопротивлялась, чем предоставляла ему куда больше перспектив. Титов постоянно цеплялся ко мне, называл «Толлейн», гадко причмокивал, и меня никогда не покидала мысль, что он какой-то озабоченный. Но когда он увидел моего брата, его мир перевернулся. Антон запросто общался с его одноклассниками, а он не мог… Антон появлялся в нашей школе, пару раз писал олимпиады. Девочки не сводили с него глаз, мальчики жали руку, охотно принимая в свой круг. А я стояла рядом и гордилась. Я – его сестра!

Но знал это и Титов, оставшийся на задворках счастья. Они с Антоном были сверстниками, но Титов был на голову ниже. Кроме того, Антон занимался дзюдо, что давало понять: особо не тронешь. Много дней его класс обсуждал Антона с самых лучших сторон, и Титову некуда было девать свою злость, как вдруг он осознал: сестра чужака училась здесь, а брат далеко. Пробежавшись дальше, его гадкий ум сделал еще один вывод: все ходила без брата и вдруг – взрослый брат. И понеслось: у меня детдомовский брат. Он-то думал, что придумал удачную шутку, разнес по всей школе, а у меня душа переворачивалась. Я не хотела, чтобы кто-то грязными руками трогал это! И так было нестерпимо, что именно этот мерзкий человек попал в цель!..

Титов не посмел бы издеваться над Антоном в лицо, но с тех пор постоянно оскорблял его за глаза, издевался над нашей фамилией и отпускал грязные шуточки на тему детского дома. Я не знала, как все это прекратить, ведь если ответишь – привлечешь еще больше внимания. Однажды не выдержала, пошла и сказала в учительской. Ему сделали втык, хотя он все отрицал и постарался, чтобы я выглядела мелкой ябедой, а поскольку тягаться с ним силой я не могла, он продолжал цеплять украдкой, делая мерзкие намеки. Забыв малышню, он переключился полностью на меня. Моя жизнь в школе перешла на осадное положение, но родителям я ничего не сказала. Не хотела, чтобы титовская мать орала на мою красивую знаменитую маму или оскорбляла папу. Решила, как Антон, справиться сама.

Но Титов не знал меры. Когда предметом насмешек был цирк, я сжимала зубы и молча его презирала, но когда он оскорблял Антона было трудно сдержаться. Зинович, которая была до этого моей главной проблемой в школе, теперь казалась мелкой приставалой. Я была живой тенью Антона, и Титов получал темную радость, втыкая в меня булавки своих отвратительных острот. Сегодня, когда я выходила из школы, он преградил мне путь:

- К братику спешишь?

Не останавливаясь, но и не ускоряя шаг (пусть не думает, что я его боюсь), я бросила на него уничтожающий взгляд. Наглые, беспробудно пустые голубые глаза, темные сальные патлы (волосами это трудно назвать). Наверное, такие, как он, тайком мучают животных. Широкоплечий, он при этом казался ничтожным, вечно нависал надо мной, в руке – сигарета: типа «я взрослый». Отделившись от угла, он пошел за мной… Черт!

- Толлейн, куда ты так припустила! – подбегал он впереди меня, идя спиной вперед и заглядывая мне в лицо. – Ой, покраснела как…

Беда была в том, что от Титова было трудно отделаться. Особенно уже на улице, когда присмотр школы надо мной заканчивался.

- Толе-ейн? – позвал он и причмокнул. – Хочешь покурить? – он на ходу протянул мне сигарету. Я шла молча и поклялась не отвечать этому придурку. – Я никому не скажу, – шел он рядом со мной вдоль стены. – Кстати, он тоже курит, я видел, у магазина.

Я невольно ускорила шаг, желая от него оторваться.

- Да постой, – схватил он меня за рюкзак.

- Отстань! – крикнула я, рванувшись.

- Влюбилась? В сиротку Антошку? Он же тебе не родной, так?

Я обошла его. Он, подбежав, снова преградив мне путь. Другие ученики, расходясь, заметили нас и стали осторожно собираться поодаль, наблюдая. Времени мало. Все уже глазели. А раз мы не в школе… Титов, прекрасно понимая все это, встал надо мной, упершись в кирпичную стену плечом, – мы оказались ровно за углом, отсюда нас нельзя было увидеть.

- Толлейн, врежь ему! – донесся голос Зинович.

- Заткнись! – рявкнула я ко всеобщему удовольствию.

Титов улыбался и кивнул на меня пододвинувшейся толпе:

- Зубки чешутся… покусать хочется… Хочется покусать?

Я смотрела на него с ненавистью. Все в нем было гадко. Лицо, губы, засаленные волосы, скрипучий голос, но самым неприятным был взгляд – тяжелый, тупой. Не желая быть героем шоу, я снова попыталась обойти его, но он схватил меня за рукав плаща, и, стоя на месте – держал, не давая уйти. Это уже было унижение. Кто-то засмеялся. Вокруг нас образовался круг, и последние бреши в нем заполнялись.

Сердце мое учащенно забилось, лицо покраснело…

- Малявка, а уже такая злая, – прокомментировал Титов, – и ее можно понять. Она же у нас сестра Чирикушки!

Подбородок мой напрягся:

- Свали с дороги, дебил.

- Знает нехорошие слова! – поразился Титов, и, глядя на меня, вздохнул. – Понимаю… блондинчик. Да ты расслабься, че ты прям как бульдог. Счас домой пойдешь. Толлейн, он же уже не девственник. …Хочется? – спросил он, в его интонации был мерзкий поддекст. – Ты осторожно, они там, в детских домах рано начинают...

- Я тебя счас по стенке размажу, – прошептала я, чувствуя, как от злости глаза наполняются слезами.

- Ой… плачет наша девочка… – заскулил он.

Я размахнулась мешком со сменкой, (толпа, охнув, шарахнулась) – удар пришелся по локтю, ему было больно, но он отскочил, делая вид, что успел.

- Ой, страшно! Давай еще, Толлейн! Апорт! Гав!

Я ударила его с еще большей яростью, но удар пролетел мимо.

- Теперь в стойку!

Все складывалось. Я была всеобщим посмешищем. Если пойду напролом, меня либо позорно толкнут обратно в круг, либо осмеют за трусость.

- Давай, Толлейн! – подзуживали из толпы. – Отомсти за брата!

…Мерзавцы! Мерзавцы они все!

- Ну – не расстраивайся, – успокаивал Титов. – Тебе же должно нравиться, ты ж из цирка, – он страшно обрадовался своей шутке! – В твоем вкусе смазливая детдомовщина? Арена ждет, – приглашая, злорадствовал, он.

Я была в ужасном положении. В двух шагах от дома и в тридцати от школьного крыльца, но, глядя на нас со стороны, можно было решить, что мы просто стоим кружком.

- Тебе не светит. Он сначала всех наших девочек пере…

- Заткнись! – крикнула я, но мой голос прозвучал тонко и жалко.

- Интересно, – словно не слышал меня Титов, специально подбирая самые гадкие слова. – Кто же так начпокал на его мать, что он такой уро…

…Дальше детально не помню. Рюкзак слетел с моего плеча, мешок с обувью упал, и я с криком ринулась на него. Толпа колыхнулась назад: «Толлейн! Замочи его! Правильно! За честь брата!» Но Титов только этого и

ждал, и толкнул меня в грудь. Я полетела спиной в лужу, в светлом, только что постиранном мамой плаще. Недавно прошел дождь, и везде была грязь. Ударившись о землю, я мгновенно почувствовала, как намокает одежда. Все сразу сдрейфили: «Да ладно вам, ребят!» «валим» «ты идиот?» А Зинович скулила: «Консерва, иди, поплачь к папе. К тебе же мальчик подошел, радуйся!» Я вскочила и снова бросилась на Титова, но была отброшена.

- Ой, – отгибался он, – ой, страх! – и, зашибая ботинком по луже, плескал на меня грязную воду. Ребята, стоявшие рядом, ругаясь, отскакивали прочь, теперь уже досталось и им, а Титов был вне себя от радости. – Толлейн, ты… прям вся течешь уже… ой, блин… – надрывался он, видя мое свирепое лицо. – Любовь не скроешь!

Я подбежала и со всей силы пнула его ботинком по колену.

- Ах ты… – схватился он за колено, выронив сигарету и матерно выругался. Веселье его исчезло.

- Убогий урод! – кричала я. – Пре…

…В следующую минуту поняла, что лечу, а его рука сжимает мой локоть. Описывая полукруг, я успела (больше, чтоб не упасть) поставить ему подножку, и мы оба рухнули на землю – в тот же миг я со всей силы ударила его лбом в переносицу. Вопль! …Кто-то из ребят бросился к школе…

Титов перевернулся, и отвратительный вес его тела накрыл меня…

- Титов, охренел? – закричал кто-то. – Слезь!

- Титов секс-гигант! Малолеток жмет!

Я пыталась высвободиться, мозг яростно просчитывал его уязвимые места. До паха не дотянуться. Кисть? Я со всей силы плюнула ему в лицо. От неожиданности он ослабил хватку, я вывернулась и вскочила на ноги. Я не стала терять времени и, прыгнув на него, вцепилась ему в волосы и принялась дубасить кулаками и ногами, орать, что убью его, мы покатились прямо по луже… он орал, плевал в меня, ребята кричали, звали кого-то…

Не знаю, чем бы кончилось, переломом, сотрясением или убийством, но когда в толпу ворвалась наша географичка, Титов швырял меня, из стороны в сторону, а я орала уже не помню что… Резинка съехала с моих волос, лицо было в грязи, с плаща лило ручьями, я наносила удары свободной рукой и ногами куда придется… Подбежал наш охранник и мужчина из прохожих.

- Отпусти ее! – разнимала нас географичка. – Что вы творите!

- Он оскорблял мою семью! – вырывалась я. – Чтоб он сдох! Чтоб ты сдох!

- Она плевала в меня! Она первая…

- К директору! Оба! Ребята, что случилось? Господи, какой позор…

Я поднялась, ноги у меня дрожали, кто-то из ребят подал мне рюкзак и мешок со сменкой. Выдернула рывком – надо же какие услужливые! Вскинула рюкзак на почерневшее от грязи плечо и зашагала к дому.

- Толлейн! – доносился голос географички. И вдруг. – Титов! Гриша…

Я обернулась. Мой враг лежал на земле. Все склонились над ним, хлопали по плечу, но он не двигался. Я что – заехала ему ботинком в висок? (Хорошо бы). Но тут же поняла: он притворяется. Как же я презирала его!

- Толлейн! – кричала географичка. – Немедленно вернись!

Они что, жалели *его*? Я шла домой, не слушая ее гневных криков. Меня всю трясло, и я хотела его убить. Я понимала, что завтра меня вызовут к директору, этот кретин будет все отрицать, а раз я занимаюсь цирком, то, значит, знаю какие-нибудь приемы, я его покалечила, его мамаша подаст в суд, родители будут платить, маму опозорят. Я же не смогу повторить то, что он сказал. И он скажет, что я плевалась. И потом… могут узнать, что Антон действительно из детского дома. А значит, я должна буду, придя в класс Титова, публично просить прощения... Да я скорее умру!

Антон вернулся рано – тренировка отменилась, тренер уехал проводить соревнование. Обрадованный тем, что у него столько времени, Антон уже собирался разогреть суп, бросил в мусорное ведро забытую мамой коробочку из-под сока, как вдруг… Странно. Новенький журнал «Биография», который он только вчера купил, лежал смятый в ведре. Мама любила пролистывать «VOGUE», «ELLE», «Ателье» и «Биографию». Каждый номер печатал статью о какой-нибудь звезде. На обложке этого была Одри Хепберн. Что могло не понравиться? Антон вынул журнал из ведра. Пересыпал страницы… оборванный лист! В недоумении заглянул в ведро… Проверил по номерам: не хватало одной страницы. И понял: *это было важно*!

Я вошла в квартиру. Руки тряслись. Кто-то точно был дома! Только бы…

- Привет, – вышел в прихожую Антон.

Я скорее опустила голову, но мой вид выдал все сразу.

- Что с тобой! – бросился он ко мне. – Ты… – голос его изменился. – Что произошло? (Я рывком сняла рюкзак, сорвала плащ и пошла в ванную). Ты что, дралась? – метнулся он за мной. – Говори быстро, я их всех положу.

- Я и сама его побила, – голос мой срывался от душившего меня гнева.

- Это был парень?! Лейка!!!

- Он говорил про тебя гадости и… не могу повторить, что сказал о маме.

Антон бросился в прихожую. Все силы оставили меня разом. Впервые меня вот так катали по асфальту. Вымыться. На мне его мерзкие плевки! Я все еще не могла нормально дышать и думать. Вышла в прихожую.

- Жди меня, – Антон надевал свои кожаные перчатки. Было такое ощущение, что он идет кого-то убивать. – Сказал – узнаю, значит, узнаю.

Он вышел. Я посмотрела на входную дверь, на мой рюкзак – от него уже натекла на пол целая лужа. Плащ (маму удар хватит). …Почему он был дома? Не видя никакого выхода, я пошла мыться. Когда вышла, меня знобило. Лодыжки, запястья, локти – все ломило. Начинала болеть голова. Я открыла окно и жадно вдохнула свежий воздух. Понимала, что нельзя, но все равно

стояла и дышала. Хотелось чего-то чистого. Не знаю, что будет. Уроки я сейчас делать не могу.

…А если Антон изобьет Титова? Учителя и так терпят мой отвод на среду и пятницу. Ему влетит. Ну почему он такой неугомонный! Мне вдруг захотелось расплакаться. Какое-то время я просто сидела, обхватив себя руками, и словно куда-то провалилась… когда очнулась, мне было жарко и хотелось пить. Налила себе в чашку воды, но сделав глоток, зажмурилась. Молодец. Это я у окна постояла. И на крыльце с девочками. А ради чего? Сглотнула еще раз, – в горле будто кто-то раскрошил бритву.

- Лейка? – послышалось в коридоре. – Я все решил. (Интересно, как). Я вышла в прихожую. Антон переобувался. – Ты такая красная.

- Я не очень хорошо себя чувствую, – призналась я. Он разогнулся и внимательно посмотрел на меня. Прошел в комнату, достал градусник. – Ничего я мерить не буду, – запротивилась я.

Но Антон сунул мне градусник подмышку и направился в кухню:

- Плащ и рюкзак оставим родителям. Пусть посмотрят. Мы его в полиции на учет поставим, – Антон запустил пятерню в волосы. – Ты ела? – Но я сидела, понурив голову. Он присел рядом. – Скажи, что случилось?

Я вспомнила, как тело Титова придавило меня к земле, как запачкался плащ… (почему-то плащ было жаль больше всего, потому что мама стирала). И промолчала. Антон встал и бережно обнял меня:

- Он за километр тебя обходить будет, обещаю.

Через какое-то время я поняла, что Антон ждет градусник и отдала его.

- Лейка, ложись. Все, ты завтра никуда не идешь.

- Но тогда скажут, что я струсила! – закричала я, взывая к его чувству справедливости. – Что притворилась больной!

- Ты и так больна. У тебя 38,8, – показал он мне градусник.

Отчаяние охватило меня. Но Антон не слушал никаких возражений, вышел, чтобы я могла переодеться, вызвал врача. И вот я сидела в кровати, красная, жаркая, а Антон сидел рядом и сушил мне волосы феном.

- Что тебе сказали? – спросила я.

- Неправду, – он выключил фен. – Это ведь не вчера началось. Почему ты мне не говорила? (Я молчала. Как я могла такое сказать!) Ложись. …пап, Лейка заболела, – услышала я из прихожей. – Ромашка? Куплю. Уже вызвал, но только на завтра. – Он внес телефон ко мне и протянул трубку.

- Аля, ну что такое, – услышала я добрый папин голос. – Давай-ка там, чтобы завтра уже без температуры.

- Ладно, – но я тут же закашлялась.

- Ой, какой кошмар... В школе все хорошо?

- Да, – соврала я и поняла, что окончательно осипла. – Позвонишь маме?

Когда я положила трубку, то поняла, что Антона уже нет. Меня сильно знобило, болела голова. Сивко! Я быстро набрала номер дома культуры.

- Аааа, это ты, Талечка? – засмеялся вахтер (он скрестил мои имя и фамилию). – Ну где ты есть? Все ваши уже пришли.

- Я заболела. Вы не могли бы передать…

- Ой, ой, – заохал старичок. Его звали Кристиан, но мы звали его Кристи. – Передам. Не болей! – и положил трубку. Такой смешной.

Теперь все. Я поставила телефон на пол, погасила свет и легла.

Тело потряхивает, морозит. А где-то там сейчас идет Антон с коробочкой ромашковых листьев! Он отомстит за меня. (С Зинович же получилось. Какая же она гадина!) Вот-вот позвонит мама. Я уже представила ее голос, говорящий мне «лодочка», «вербочка», «перышко мое пуховое»… и вздохнула от избытка приятных ожиданий. А Титова накажут. Он мерзавец.

Но только мне показалось, что я уснула, – зазвонил телефон.

Я поискала рукой трубку на полу, и, глядя в потолок, гордо сообщила:

- А я заболела!

- Я знаю, – ответил Сивко. – Аля, насколько все серьезно?

- У меня почти 39-ть.

- Выше не взлетай. Руки-ноги целы? Есть кому за тобой приглядеть?

- Антон пошел в аптеку.

- Молодец. Поправляйся. Слушайся брата, привет ему.

Мы попрощались. Так приятно, что он сразу позвонил. Но только я укрылась – снова телефон. Теперь точно мама!

- Да? (С той стороны долго молчали). Але, – повторила я, вслушиваясь. Помех не было, там точно кто-то молчал. А потом повесил трубку. Не туда попали? Я положила трубку. Снова звонок. – Да?

- Добрый вечер, – неуверенно начал девичий голос. – Можно Антона?

(АГА!!!) Надо было притвориться автоответчиком, но я не в форме.

- Нет, – ответила я, – но он скоро придет. Ему что-нибудь передать?

- Нет, спасибо… – совсем теряясь, поспешил ретироваться из пространства нежный голос. – Я перезвоню. …Спасибо.

А она не такая как все. Нутром чую! И голос приятный. Мой опытный слух сразу определил. Какой-то инстинкт подсказывал мне, что это необычный звонок. …Наверное, я спала, потому что опять разбудил телефон.

- Мам?

- Как ты там, солнышко?

- Привет, пап. Жду Антона. Ты маме сказал?

- Конечно, сразу же.

- Она не звонит.

- Не сердись, у нее совещание. Ты пьешь горячий чай? Береги горло.

Едва я положила трубку, вернулся Антон.

- Тебе звонила девушка, – сказала я.

- Опять? – вздохнул он, раздеваясь. – Ты охрипла, не говори.

- Она не представилась.

- Слава Богу, – от Антона шла свежесть улицы. Он приподнял в руке пакетик. – Сейчас напоим тебя! Так: «Заварите 3 чайных ложки…» – он направился в кухню, но вернулся. – Лейка, а «водяная баня» это что?

- Это когда кастрюльку с настоем ставят в другую, куда налит кипяток.

- Я знал это. Хочешь, поставлю тебе «Русалочку»? (Я помотала головой). Не могу поверить.

Странно. Он совсем не интересовался той девушкой. Спустя какое-то время внес мой рюкзак – Ариэль на нем сияла. И тут зазвонил телефон.

- Мам? – сорвала я трубку.

- Добрый вечер, – снова поздоровался нежный голос, – а можно Антона? (Я показала Антону, что это его. Он жестом открестился и ушел в кухню). Вы знаете, он еще не пришел. Могу я что-нибудь передать? Кто звонит?

- Нет, спасибо… всего доброго, – смущенно ответил голос, и пошли гудки.

Кто бы она ни была – она волновалась и... три звонка за час! Загадочная особа. Вошел Антон, с подносом, на котором стояли чашка и тарелочка с мясными бутербродами и фруктовым пирожным.

- Она, кстати, – я прожевала сочный кусочек консервированного персика, – тебе уже третий раз звонила. И она не наглая.

- Но звонила три раза.

- А откуда у нее твой телефон?

- Когда-то в учительской списали, – Антон подошел забрать поднос.

- Ты хороший, – я погладила его по плечу, – подарю тебе микробов, – и, пользуясь тем, что обе его руки заняты, обняла и поцеловала в щеку.

Лежала в темной комнате, а он сидел за столом в свете лампы и делал уроки. Сверился с учебником. Чертит карандашом. Уставший, родной, сосредоточенный. «Самый лучший на свете» – произносил кто-то во мне, наслаждаясь тем, что не может быть услышан. Я закрыла глаза, слушала шорох карандаша и хотела сохранить в себе все эти звуки.

Лейка спала. Антон достал из рюкзака новый журнал «Биография». Нашел страницу. Какой-то режиссер рассказывал об Одри Хепберн:

«…да, я слышал, что ее сравнивают с Одри, они похожи этим наивом.

- Это правда, что Татьяна Толлейн училась у вас?

- Я смутно помню это время, давно работаю в Америке, у меня бизнес. Она была у меня на площадке, к нам тогда ходили студенты. Я рад узнать, что она стала актрисой. Кстати, моя дочь обожает Одри...»

Крошечная молния сверкнула в сердце Антона, и глаза его впились в мужчину на фотографии. Светлые вьющиеся волосы, синие глаза, уверенный, надменный взгляд, отяжелевший подбородок. …Откуда он мог знать маму?

Глава 37

- Лейкааа, – шепотом позвал он. – Леечкаааа… – он нагнулся и коснулся губами моего лба. – Ты такая горячая. Вот, – и дал мне градусник. В комнате по-прежнему горела лампа. Антон осторожно подал мне чашку с травяным настоем. – Пей, пока горячее. Я тебе сейчас еще принесу.

Я пила уже вторую чашку зелья, а он сидел рядом на своем диване, и от него веяло такой печалью. Неужели кто-то сказал ему про догадку Титова?

- А в твоей школе знают, что ты приемный?

Он отрицательно покачал головой.

- Но, видимо, скоро узнают, – добавил он. – Как там температура? (Я протянула градусник. Он посмотрел и изменился в лице). …Лейка, у тебя 40!

40??? Я думала, при такой температуре умирают.

- Может, неотложку вызвать? Врач будет только завтра…

- Ты что! Не надо! Нет! – взмолилась я. – Пожалуйста, Антон!

Собственное имя будто разбудило его. Он посмотрел на меня:

- Ты вся красная и у тебя глаза блестят.

- Это ромашка. Не надо неотложку… – заключила я.

После совещания с папой было решено принять аспирин и если температура не снизится, – вызывать врача. Я послушно проглотила таблетку и залегла ждать изменений. Антон сел за стол и открыл какой-то журнал. А мне становилось все жарче. …Пот уже лил с меня ручьями! Наконец, захотелось в туалет, и я спустила босые ноги на коврик. И в этот же момент в темной прихожей снова зазвонил телефон. Антон подбежал:

- Да? …А кто это? (Я так и замерла. ОНА!) Не знаю, во сколько, – устало ответил он, – я думал старосте надо звонить с такими вопросами, я же не в вашем классе. Нет, просто занят. У меня сестра заболела.

Уже рассказал ей про меня! Поняв, что слишком долго пребываю в туалете, я вернулась в кровать. Антон все еще молча слушал кого-то.

- У нее температура больше 40, – нехотя сказал он, будто не соглашаясь. (Зачем им такие подробности?) – Постой, я запишу, – оживился он. – Бузин*а*? Где я ее сейчас найду. Спасибо, но у меня… (снова пауза). Нет-нет, что ты!

О чем они говорят? Речь-то обо мне! Я перегнулась через край кровати.

- Накройся, иначе вызову! – замахал мне Антон. – …Да, прости, – сказал он в трубку. – А тебе далеко? Исключено. Давай я к школе подойду?

Они о чем-то договорились, и Антон, одеваясь, заглянул ко мне:

- Так. У тебя тут по соседству ангел-хранитель. У нее мама собирает всякие травы… короче, я до школы и обратно. Заварю тебе мяту с… не помню с чем. Снимает жар. Всяко лучше уколов. А ты бери градусник.

Он ушел. Как всё странно. Я отдубасила старшеклассника. У меня 40. Таинственная незнакомка сговорила Антона на встречу (использовав меня, кстати!) Довольно скоро за дверью послышались голоса. О Боже, он привел ее

сюда! Во везучая. Никто из девчонок не мог дождаться от Антона приглашения в гости. Это был заповедник, где он скрывался от своей славы.

- Давай куртку, – услышала я голос Антона.

Я слушала их шорохи. В прихожей была д е в у ш к а!

- Так, раз ты здесь, поможешь мне все это заварить. Я сейчас. Лейка? – Антон заглянул ко мне. – Сколько у тебя? – и взял у меня градусник. – 38.3. Мало стараешься. Сейчас заварим тебе эликсир из мяты и цветов…

- …бузины, – ответил улыбающийся голос. Такой льющийся, чистый!

- Точно! – Антон повернулся к ней, но я все еще не могла ее увидеть. – Вот, заболела посередине песни, – пояснил он.

В комнату робко заглянула девушка. У нее было ясное свежее лицо с тонким носиком и румянцем. Каштановые пышно завитые волосы.

- Привет, – помахала она мне, – не болей. Я сейчас уйду, только скажу, как заварить.

Я сначала оскорбилась, что меня показали кому-то постороннему в таком виде, но потом решила, что девушка хорошая. Я прислушивалась к их голосам. Наконец она стала прощаться, благодарила (интересно, за что она благодарила Антона?) а он вызвался ее проводить. Но сначала зашел ко мне.

- Вот, все ради тебя, – и протянул мне чашку, над которой витал пар.

Я сделала первый глоток. …Эй, а почему такое не дают в столовке вместо чая? Я выпила все до дна, невольно благодарная пышноволосой незнакомке.

…Проснулась от того, что Антон укрывал меня одеялом.

- Лейка, ты вспотела, не раскрывайся.

- Мама звонила?

- Пока я был – нет. Может, ты не слышала?

- Антон, а эта бузина еще осталась? Было очень вкусно. Как ее зовут?

- Она из параллельного…

- Мира? – усмехнулась я.

- Лейка, – вдруг ошарашено замер он. – Я не спросил. А, может, она и сказала, но я… ну я и болван! – посмотрел он на меня, сам не веря в такую нелепость. – Она мне все рассказывала, что еще можно от жара, я старался запомнить, а потом... Как неловко… ужас. Надеюсь, она меня простит.

Но я уже сладко прилаживалась щекой к подушке, обнимая шмелька. Меня неудержимо тянуло в сон. Голова больше не болела, неотложки не будет, горло прошло. Девушка – точно фея. Я спала... И вот сквозь сон услышала, как зазвенели ключи. Мама! Я так соскучилась по ней, так хотела рассказать, какой у меня был день! Антон вышел встретить ее.

- Угадай что? – ее голос звучал игриво и интригующе. (Я вся замерла. Она принесла мне подарок!) – Я встречалась с Барковским! – сообщила она.

Она не спросила про меня! Я лежала в комнате, ловя каждое слово.

- Я рад, – ответил Антон, – встреча прошла хорошо?

- Великолепно! – выдохнула мама. (Все мое существо пронзила возмущенная боль! *Она не спросила про меня*!) – А что, Лея уже спит?

- Мы наконец-то сбили температуру. У нее было больше 40-ка.

Пауза.

- Ах, Господи, конечно! (еще одна неловкая пауза) …Все хорошо?

- Я заварил ей ромашку. И настой из мяты. И приготовил ужин.

- Ты лучший! Я так хочу есть! Идем скорей, я тебе все расскажу. Не будем ее будить. (Судя по быстрым шагам, она уже прошла в кухню).

Она не заглянула ко мне, чтобы посмотреть, как я… погладить меня!

Я лежала и не могла вздохнуть. Слезы сдавили горло.

Она не только не позвонила. Она забыла, что я заболела!

- О! Девчонки! – Антон смотрел в окно. В голосе его была радость. (Обычно он уносил от них ноги через внутренний двор, огибая два дома). – Я сейчас, – и, быстро одевшись, вышел.

…Какие у него могут быть дела с пятиклашками? Антон – это СПЛОШНЫЕ сюрпризы. Он быстро вернулся, и сел на край моей кровати:

- Я все узнал. Про то, что случилось вчера и про этого мерзавца. Титов. Помню-помню… Троечник. Пердит в классе. На физру не ходит. Курит, дыхалка слабая. Мать проходила курс реабилитации от алкоголизма.

- Откуда все это у тебя? – округлились мои глаза.

- Расспросили очевидцев, все как было. Включая фразы и подробности мордобития. Ох, он у меня получит… Пожалеет, что родился…

- А вдруг тебе наврали? – испугалась я.

- Родителям ни слова. Твой плащ я постирал. (Я смотрела в недоумении). Ты что, забыла? У меня в твоей школе фанклуб. Я вчера дал им задание.

- И во что тебе это обошлось? – невольно улыбнулась я.

- Пришлось каждую поцеловать в щечку. Плюс мамин автограф.

- И сколько их там было?!

- Лейка, не ревнуй, всего семь поцелуев.

- Они же теперь остальным расскажут! Все, тебе конец. Будут говорить…

- Я узнал, что хотел. Кстати, ты сегодня прекрасно выглядишь.

- Врешь ты все, – ответила я, но мне было ужасно приятно.

Не знаю, что сделал Антон, но с тех пор Титов избегал меня, как чумы.

- Где ты это взял?

Антон сразу понял, что дело плохо и закрыл страницу – он писал письмо в Псков. Таня, стояла в дверях и показывала ему журнал «Биография».

- Аааа… просто хотел почитать, – пожал он плечами.

- «Почитать», – глаза у Тани были такие, что, казалось, она готова его убить. – Не ври.

- Да, правда, почитать.

- Ты купил чертов журнал из-за одной страницы? Из-за той самой? – журнал полетел через комнату. – Что ты вынюхиваешь! – ударно подошла к нему Таня. – Что тебе надо?

- Мам, ты чего… – потрясенно смотрел на нее Антон.

- Зачем тебе журнал?

- Да сказал же! …Ну хочешь – выброси.

- Я выбросила, – танины глаза сверкали от бешенства. – И ты купил снова. И только посмей мне врать в глаза, Антон…

- Это мой отец?

Несколько секунд Таня стояла настолько беззвучно, что было слышно, как вращается земля во Вселенной. Кровь отлила от ее лица. А потом что-то ослепило его – Таня со всей силы ударила его по лицу! Звук был острым и звонким. И несколько секунд тишины. Глаза Антона стали прицельно неподвижны, челюсть напряглась. Несколько мгновений молодая женщина и подросток смотрели друг на друга с такой ненавистью, на какую только были способны. Лицо Антона пылало от боли, лицо Тани – от ярости.

- Давай… – процедил он сквозь зубы, медленно поднимаясь.

- Сдохни! – рывком усадила его назад Таня. – Они правду писали о тебе! Ты не отличаешь реальность от фантазий! Тебе всем кровопускания сделать надо? Ну так возьми себе и сделай! Какого дьявола ты суешься ко мне? Тебе место было не в том интернате, а дальше. Ты же нас обманываешь. Ты… и что ты там прячешь? – метнула она взгляд и отбросила его локоть. – Ясно, – ее голос стал ужасающе тихим. – Деду письма пишем. (Антон смотрел на нее). На хрена тебе теперь сдался мой отец! – бессильно отвернулась Таня, и ее пальцы подлетели к переносице, а в голосе прокололись близкие слезы. – Будешь теперь его выспрашивать? Никак не уняться, да? – Таня выхватила листок, тут же комкая, и ее красивое лицо исказилось до неузнаваемости. – Ты не будешь писать ему письма, ясно? Довольно с меня! Ты понятия не имеешь, что это за семья! Что *здесь*! – ударила она себя в грудь. – Не лезь ко мне! И не вздумай больше фантазировать на тему отцов!!! – швырнула она скомканный лист. – И не вздумай мирить нас! В гробу я его видала! – Таня вдруг обнаружила себя рядом с испуганным подростком. – Что смотришь!?

Алый след горел на щеке Антона. Мальчик встал, прошел мимо нее, молча оделся и ушел. Таня осталась одна. «Что я наделала. Я что – ударила его?» – с ужасом оглядывалась она в опустевшей комнате. Ладонь жгло огнем. Подошла и подняла с пола бумажный комочек:

«Здравствуйте, дорогие дедушка и Ба! Спешу вам сказать, что я ношу ваш костюм. Как и обещал, я вырос! Девчонки говорят, что у меня красивый голос. Лейка передает привет. Мне очень нужен ваш совет насчет…»

Насчет чего? Письмо обрывалось. Что еще за совет? Опять секреты! Он не будет писать в Псков. Таня вдруг почувствовала страшное негодование, оттого что Антон что-то доверял им. Плевали они все на нее. Мать даже не зашла, хотя могла! Что, что он ей сказал, чтобы так довести ее?..

«…Я что, с ума схожу?» – Таня схватила пальцами виски. Все ее существо расслаивалось на тончайшие болевые листы. Ее подозрениям не было конца.

Они множились и множились, как в дурном сне. Черные фантомы прошлого оставляли следы на новых белых страницах ее жизни. Они не исчезали, они следовали за ней! Таня вдруг поняла: у Антона своя версия реальности. Вот почему он такой непробиваемый. Эта ложь – его абсолют. Это его держит. «Господи, прости меня!» – она села на стул. Долго сидела, схватив голову руками, пытаясь сосредоточиться, замереть, но все кружилось вокруг нее...

И вдруг ее всю стало мелко стрясти от подходящих рыданий. Напряжение, которое она годами носила в себе, ломало ее изнутри, а ежедневные многочасовые съемки и недосыпы – лишали последнего барьера эмоциональной защиты. Тончайший инструмент, способный извлекать райские звуки, все больше деформировался, невидимое давление корежило, разрывало, выгибало его. Он издавал страшные скрипы и скрежеты. И она оставалась одна на растерзание этим звукам!

…А Антон, отрывисто шагая по вечерней улице, понимал одно: никогда он не скажет матери, кто он. Никогда не будет счастлив. Мама и дедушка похожи друг на друга больше, чем они думают. Они оба стали жестокими из страха обнаружить свои ошибки.

Ужин подходил к концу. Таня сидела бледная, Антон против обыкновения был молчалив.

- Какие-то вы сегодня серьезные, – озабоченно заметил Саша.

- Я продал свой смех барону Тречу, – встал Антон, унося свою тарелку.

- А я продала душу дьяволу, – отозвалась Таня, тоже вставая.

- Что-нибудь случилось? – подошел Саша к Антону, когда они остались в кухне одни. По спине уже полз неприятный холодок, потому что в воздухе «витало». И вдруг увидел красный след на щеке сына. …Таня ударила его?

Всю ночь Антон сидел один в темной кухне. Просто сидел и смотрел перед собой. Около трех вошла Таня и молча села напротив. Они не сказали друг другу ни слова. Первым ушел Антон. Потом Таня. Три дня на глазах встревоженного Саши они ходили, каждый сам по себе, и не разговаривали. А потом Антон простил мать. Искренне, сострадая ей всем сердцем. Когда она вернулась со съемок и хотела прошмыгнуть мимо, он поймал ее и крепко прижал к себе. Она вся задрожала и по ее щекам покатились слезы покаяния. Так же, как между ними существовала жестокость, между ними была и редчайшая нежность. Антон имел дар пресекать зло. Ожидая наказания, Таня неожиданно получила свободу. И этот глоток воздуха ошеломил ее!

А Саша больше не знал покоя. В то время, как Таня на время избавлялась от своего страха, – Саша наполнялся им через приоткрытую дверь своих подозрений. Он видел, что между Таней и Антоном происходит то, чего он не в силах понять, но сами они – понимают. И, теряя контроль, он упускал из виду и Антона, и Таню. А Таню никогда нельзя было упускать из виду.

«Солнце!» – «Снежинка!» – «Череп!» – «Ключ! Ключ»!!! – отбирала Таня у Антона круглую карточку «Доббля», (нужно было первым найти совпадающую картинку). Они резались по пятому кругу, Таня выигрывала, Аля и Антон не хотели уступать. Сидели, нависнув над колодой, выхватывая карточки, а Саша стоял в дверях и тоже находил совпадения. Светлые волосы Антона и Тани почти касались, и цвет был один. Их профили, характеры, вспышки! За всем этим стоял какой-то туман, из которого в сашино сердце стреляли микроскопическими иголочками. Он не успевал почувствовать боли, не успевал понять… но почему-то делалось страшно.

- Таня, что происходит? – не выдержал он, когда она, вся раскрасневшаяся, побежала мимо него в туалет.

- Что? – сверкнула она улыбкой. – Слушай, класс! Я не балдела так миллиард лет! Я сделала их шесть раз!

С некоторых пор чей-то фантом появился в их семье, и то подходил совсем близко, и было не различить, то прятался, вновь становясь почти физически ощутимым.

Глава 38

Весь фокус заключался в неправде. Ты не знал, где она. Глаза были серьезны, но стоило посмотреть – тут же ослепляли, словно перед вами блеснул меч. Позже люди пытались воскресить в памяти лицо Антона, но у их воображения не было такой силы. Ею обладал только он один. Улыбка была растворена в его наблюдающих глазах, до последнего таясь у самого края, и вдруг – выходила вся, искалывая сердце живым огнем! Падение к его ногам было фатальным. Впрочем, Таня, как всегда, выразилась точнее. Она сказала, что улыбка Антона «показывает туфельку». Как красавица, которая, не желая выдавать весь свой блеск сразу, показывает сначала носик бального башмачка, чтобы спустя секунду – выйти и ослепить целиком.

Если на улице плакал ребенок – Антон всегда поднимал голову. Он говорил что-нибудь приятное продавцам или девушке с почты, когда отправлял письмо. Перевозил через дорогу инвалидные коляски, поднимал детям игрушки и шапочки. И все это было так просто… что руку протяни – и коснешься. Но яркий свет затмевал все. Антон никому не давал притронуться к своей боли. Его жизнь брала здесь такую высокую, такую чистую ноту, что все вокруг замирали, оборачиваясь на этот источник звука.

- Что делаешь? – Антон пришел разузнать, как дела в его государстве.

- А ты как думаешь? – подняла я на него виноватые глаза. (Я сидела на стуле не шелохнувшись). – В мешке с угомонами сижу.

- Давно сидишь?

- Целую вечность.

- Я пришел тебя конфисковать. Мам? – позвал он. – А можно Лейку уже из мешка доставать? Она тут совсем скукожилась.

- Привет, милый, – вышла из комнаты мама, – нет, пусть сидит до вечера.

- Уже вечер.

- До позднего вечера. Она расколола мою любимую чашку.

- Мам… – склонил голову Антон, профессионально вымогая прощение. – А ты передо мной тоже виновата. Со страшной силой.

- С чего ты взял? – (но было видно, что мама сразу испугалась).

- А ты вспомни, – посоветовал Антон. Мама напряглась, но вспомнить не могла. – Значит, виновата вдвойне, – заложил он руки на груди. – Я вправе требовать компенсации. (Мама, сбитая с толку внезапным нападением, пыталась вспомнить. Вдруг глаза ее расширились) Вот-вот, – кивнул Антон.

Она совершенно забыла про его бой, на который согласилась...

- Я, можно сказать, всей школе обещал, что к ним придет Татьяна Толлейн.

- Ты победил? (Антон лишь вздернул плечами: сомнения были излишни).

Мама обняла и поцеловала его. Но он остался холоден и непоколебим.

- Не подлизывайся. Верну свое благоволение, если отдашь мне Лейку.

- Забирай свою Лейку! – беззлобно сообщила мама, я наконец-то была освобождена, и мы сели ужинать, преспокойно забыв о злосчастной чашке. Мама шутила и смеялась, потому что была в хорошем настроении. Потому что Антон ее развеселил.

Сериал «Под подозрением» вышел на телеэкраны с помпой. Каждый день зрители по всей стране ждали заветного часа, когда Таня под узнаваемую музыку заставки появится на экране, то сбрасывая с плеч меховую накидку, то по-шпионски выглядывая из-за угла, то ровняя мужские взгляды по уверенному цокоту каблучков. Мужчины купали Таню в своих фантазиях, женщины – копировали, а подростки вырезали ее портреты из журналов.

Таня снова танцевала на премьере – на этот раз под зажигательный свинг, и так сверкали ее ноги, отточенные каблуками черных туфель, так летала, обхватывая бедра, бахрома юбки, что у мужчин просто рушилось сознание. Танец на премьере стал традицией, а вишенкой на торте всеобщего обожания стала съемка в рекламе аксессуаров для балета. На экраны телевизоров вышел на редкость красивый ролик, в котором Таня то делала реверанс в воздушном платье Жизели, то завязывала ленточки пуантов. «*Жизнь – это танец!* – звучал за кадром ее голос. – *Танец – это свобода!* – возникала она, откинув руки. – *Свобода – это я!*» – вспыхивали в камеру опасные глаза Татьяны. После чего она оборачивалась, на экране появлялось название фирмы, и звучало: «*Живите – танцуя!*»

Таня постепенно заполняла воображение людей, ее начали узнавать на улицах. Сначала она радовалась этому, как дитя, но с тех пор, как в одном из журналов мелькнули ее неудачные фото, купила черные очки, и стала

тревожной и подозрительной. Теперь она готовилась к пробам на новую комедию, – успех «Гранатов» помог ей обойти соперниц. Было воскресенье, Антон и Алина собирались в кино. Октябрьское утро было солнечным и свежим, и только Таня сидела за столом бледная и утомленная.

- Он просто сегодня ядерный какой-то, – оглянулся в коридор Саша (весь завтрак Антон сыпал шутками и устроил целый спектакль с полотенцем, импровизируя на ходу).

- Он просто лег в двенадцать, Саш, – потягивая кофе, отозвалась Таня. – Сейчас он практически такой, как на самом деле.

- Сколько ты спала?

- Эти гады позвонили в семь и сказали, что отмена. – Таня потерла бровь. – Ненавижу их. Все мои свежие задумки завтра превратятся в сухарики.

- Зато отоспишься, – Саше было очень жаль ее трудов.

- Саш, если я буду спать днем, я вся опухну! – навела на него убивающие глаза Таня. Она сидела со своей чашечкой, как грустный марабу, и не знала, что делать.

- Дети! – крикнул в комнату Саша. – На что вы идете?

- На «Время»! – донеслось из комнаты.

- Какая-то фантастика?

- Там вместо денег у людей время, у каждого счетчик на руке, – вбежала румяная Алина, – не заработал время – всё, труп! Богачи живут эрами, а бедняки… и люди не стареют после 25-ти. Мам, где мой шарф?

- Нам уже поздно, – сокрушенно изрекла Таня. – Можно с вами?

- Ты пойдешь?! – влетел в кухню Антон и осадил кулаками вниз. – Yes! Пап, только скорей! У нас сеанс в 13.20!

Дети были счастливы. Сидели, впившись глазами в экран, Саша качал головой по поводу высоченных каблуков героини, а Таня мирно спала, сникнув ему на плечо. Очнулась, когда на экране изо всех сил бежали друг к другу парень и женщина в красном платье. У женщины на «счетчике» отсчитывались последние секунды. «Мама!» – кричал парень. «Уилл!!!» – кричала женщина, но тут последняя секунда на ее руке обнулилась, и она замертво рухнула в объятья сына. «Боже, какой штамп…» – и Таня снова погрузилась в сон. Когда ее разбудили, она хвалила фильм, вышла в шум торгового центра, взяла газетку и, закрываясь ею, прошествовала к ресторанной стороне. Заняли столик. Таня совершенно не понимала, почему дети прислоняют свои запястья друг к другу и говорят: «Пык-пык-пык».

- Это они время друг другу «переливают», – поделился впечатлениями Саша, ставя подносы с едой.

- Ненавижу горячий чай, – Таня бросила быстрый взгляд. – Как его пить?

- Я подую, я! – смеясь, стал дуть на ее чашку Антон.

Таня закрылась газеткой и пребывала в полном абсолюте.

- А можно десерт? – просили дети. – Ну маааамочка, ну пожааалуйста!

Таня молча выглянула из-за края газеты:

- Развратились, – ее глаза вдруг оживились и заскользили по строчкам. – Ооо, Саша, слушай… я тебе вчера изменила.

- С кем? – Саша увлеченно резал куриную грудку, а Таня, щурясь, читала:

- Ужас какой, я, наверное, была под наркозом…

- Покажи! – уже тянули руки дети, день у них был – сплошной праздник.

А Саша ел и улыбался. Никогда этот соблазн не коснулся ее. Саша и помыслить не мог, чтобы она принадлежала кому-то еще. Он бы убил. Но она всегда была верна. И это была основа его молчаливого огромного счастья.

Я готовила уроки. В темной комнате привычно горела на столе лампа, а на учебнике сидел мой шмель Бомбус. Вернулся Антон. По тому, как он бросил рюкзак и швырнул шапку, было ясно, что он сильно не в духе.

- Ты чего? – повернулась я, когда он с размаху бухнулся на свой диван.

- Да что они все пялятся на меня! Что во мне такого, чтобы так на меня смотреть. Не могу нормально поесть в столовой. Что они все – с ума сошли?

Причина была настолько очевидна, что я не могла не улыбнуться.

- Не говори ничего, – бессильно выставил он руку. – Буду ходить в маске.

- Ну… – смутилась я, все еще улыбаясь.

- Не говори ничего. Меня тошнит от этого слова!

- А на меня никто не смотрит, – призналась я, но тут же пожалела об этом. Меньше всего мне нужны утешения самого красивого мальчика на свете.

- ‘да… – он подошел и взял меня за плечи. – Ты самая лучшая!

- Вы все такие красивые… – я тихо положила ручку на тетрадь.

- Лейка: красота – это проклятье. Я сегодня убедился. Верно, Бомбус?

- Даже мама не считает меня красивой. И в классе никто... Я – «консерва».

- Они дураки.

- Что – все?

- Все. (Я опустила голову, но он поднял мой подбородок вверх) Они будут ломиться на твои выступления. Да парни тобой бредить будут!

- Не, у меня пожизненное.

Но Антон не мог дать мне пасть духом и с жаром продолжал:

- Смотри! – и как заправский факир, провел передо мной в воздухе рукой. – Афиша красная с золотым. Алина Толлейн – ярко-синим! А вот огромная очередь. Помещение цирка не может вместить всех желающих. Спекулянты продают билеты ошалевшим поклонникам. Заглянем в зал? Он полон! Шуршат букеты по рядам – это принесли тебе. Слышишь, как они хрустят, Лейка?

- Слышу, – покраснела я от удовольствия.

- Звучит музыка вступления, свет гаснет. Голубоватый луч выхватывает девушку с кичкой, украшенной белыми перышками. Конферансье объявляет затихшей публике: «Выступает заслуженная артистка России Алина Толлейн!» Зал заходится аплодисментами, кто-то свистит, но ты стоишь молча, и все смолкают. Сверкающее трико искрится на тебе от твоего дыхания…

Я замерла… Антон перенес меня в другую реальность.

- Там, за кулисами, – шепотом продолжал он, – стоит Сивко и подглядывает. Он уже сгрыз себе от волнения все ногти. (Я опять хмыкнула, но Антон тут же одернул меня) Тишина в зале. Вступает музыка. Второй луч выхватывает трапецию. Зрители затаили дух. Они ждут твоего первого движения… И – взмахнув рукой, ты подбегаешь к трапеции и взлетаешь на ней, посылая ее все дальше…

Антон рассказывал, а я с замирающим от волнения сердцем делала кульбиты, кувырки, обрывы… и…

- Все ахнули! – воскликнул Антон. – Такого еще не делал ни один воздушный гимнаст! Ты сделала этот опаснейший трюк первой. И вот ты слетаешь вниз, поймав сцепление с манежем, и стоишь, выпрямившись, чуть отставив ногу, и с улыбкой всплескиваешь руками! Гром аплодисментов сменяет тишину. Люди бегут со своих мест, чтобы подарить тебе цветы. В темноте блестят камеры телевидения. Ты кланяешься во все стороны, подходишь к барьеру, все тянут тебе букеты… Ты принимаешь их и кладешь на локоть, но все их тебе не удержать, и ты кладешь их на барьер. Снова выходишь в центр и, взмахнув рукой, – приветствуешь зрителей! Зал ревет от восторга и встает в едином порыве! Дают полный свет. Сцена озаряется…

…Я перестала дышать. Я слышала рукоплесканье зала! Я уже чуть было не поклонилась, как вдруг Антон встряхнул меня:

- Ну? Кто самый красивый? Кто самый лучший?

Передо мной снова возник учебник по биологии и тетрадь с довольно уродливым рисунком амебы…

- Ты, – сказала я, переводя дух, с восхищением глядя на него.
- Лейка, это не ответ чемпиона! Если хочешь побеждать…
- Я! – крикнула я, вытягивая шею.
- Наконец-то, – выдохнул Антон. – А теперь пойду поем.
- А ты подарил мне цветы? – спросила я.

Антон обернулся в дверях комнаты и простер ко мне руки:

- Я подарил тебе свое сердце, дорогая!

Таню не взяли на роль в музыкальную комедию. Совершенно неожиданно, взявшись буквально из ниоткуда, ее обошла другая актриса и Таня, отказавшаяся от проекта ZANFILMS, – осталась ни с чем. Ей не хватало связей. Она не умела хитрить и наивно думала, что теперь все будут предлагать ей роли. Но, дав почувствовать себя королевой, киномир показал зубы. Грубый и самоуверенный босс новой студии обещал не пожалеть средств на картину, но через некоторое время намекнул, что ждет от нее конкретного «вознаграждения». Муж и двое детей помехой не считались.

Таня отказалась, и ее кандидатура была немедленно отклонена. Более того: последовала месть. В газетах замелькали заголовки: «Татьяну Толлейн сняли с роли» «*Толлейн: карьере конец?*» «**Звезда «Гранатов и**

писем» осталась без ролей» «***Завалила карьеру***» «Татьяна Толлейн подвела киностудию». Набранные очки падали. ZANFILMS, предлагавшая ей хорошую роль, запустила картину с другой актрисой, и была обижена. Это они ее открыли. Они дали возможность блеснуть! И хотя у нее все еще был контракт – роли ей больше не предлагали. Актрисы злорадствовали открыто. Ее ненавидели за то, что первые два проекта достались ей так легко. Ее по-прежнему приглашали на фотосессии и интервью, но вопросы уже звучали иначе: «*Почему та студия изменила решение?*» «*У вас конфликт с продюсером?*» «*Чем планируете заняться после кино?*»

Таня вдруг отчетливо поняла, какую ошибку совершила, метнувшись от дружелюбно настроенной ZANFILMS. Теперь она могла остаться «актрисой одной роли». Скорый поезд мчался дальше, а Таня стояла, глядя ему вслед. Вымотанная до предела, подавленная и отчаявшаяся, она боялась этой наступившей тишины больше, чем 13-ти часовых съемок. Она вообще боялась тишины. В ней становились слышны удары ее испуганного сердца.

Глава 39

Антону часто приходилось слышать «Шершнёва то», «Шершнёва опять», это имя всегда всплывало в связи с какой-нибудь нелепостью. Говоря о ней, все почему-то начинали корчить рожи. Представлялась пухленькая недотепа в очках. Однажды слышал, что ей в мешок со спортивной формой насыпали кнопок. Они учились в параллельных классах – он в гуманитарном «Б», она в экономическом «А». Про нее говорили исключительно в том тоне, что она неуклюжая, неженственная, что у нее штопаные колготки...

Однажды, огибая старшее крыло по второму этажу, Антон стал свидетелем сцены в соседней рекреации. Двое парней и девчонка из «А» гоняли какую-то лохматую девушку, не давая ей пройти. Сначала он подумал, что они просто дурачатся, но быстро понял, что это не так. Девчонка из «А» торжествующе держала в руке сорванный с прически жертвы фигурный зажим, видимо, только что распустив ей волосы. Один парень на глазах несчастной потрошил ее сумку, извлекая предмет за предметом, а другой, бегая вокруг, снимал ее на камеру смартфона.

- …а это у нас транспортииир! – глумился первый, вытаскивая вещи.

- Хватит! – закричала девушка, одновременно отворачиваясь от камеры, но транспортир тут же был сломан.

- Такие уже не в моде, Шершнева, нужен с напылением! Долой ретро!

«Так это и есть Шершнева!» – Антон с невольным любопытством замер, глаза его сощурились, внимание стало острым. Голос девушки почему-то показался ему знакомым. Народ спешил мимо, бросая: «о, новая серия? Когда эфир?» Какой эфир? Они снимают школьную постановку?

Волосы у девушки были густые, пышные, они путались и лезли ей в глаза. Парень бегал рядом, бесцеремонно направляя экранчик смартфона ей в лицо. Девчонка подскочила и дернула Шершневу за волосы. Та вскрикнула, схватившись за голову, а парень выбил ногой учебник из-под ее руки, не дав дотянуться. Антон сжал челюсти. Здесь возможно *такое*?!

Девушка была похожа на загнанного зверя, и ему почему-то стало жаль ее запутавшиеся волосы, потому что он понял, что они мягкие и приятные на ощупь. Из сумки грохнулась на пол толстая книга, следом разлетелись по окружности ручки и карандаши, шлепнулся пенал.

- Пойдем есть, Шершнева! – и, не дав ей поднять сумку, они погнали ее к лестнице. – Там уже червей принесли! – один из парней, толкнул ее в спину.

…Пальцы Антона сжались в кулак. Они уже были совсем близко, парень на полном ходу толкнул Шершневу вперед, она буквально налетела на Антона со всего бега… и в тот же момент кулак Антона молниеносно сшиб парня с траектории. Тот, вскрикнув, отшатнулся, выронив телефон. Антон инстинктивно прижал Шершневу к себе:

- Червей поешь сам, только задницу не рви, – жестко сказал он. И вдруг почувствовал: девушка вся прижалась к нему. Он ее защитник! Двое других обидчиков оторопели. – И вы вперед! – глаза у Антона сверкали так, что лучше было подчиниться. Тем более, новость-то была громовая – встретились красавец и чудовище. Чирик-Толлейн и убогая Шершнева! Они юркнули на лестницу, а девчонка бросила отобранный зажим для волос.

Спустя секунду Антон чуть отстранил от себя девушку, – на ней была светлая рубашка, а под материей рукавов он почувствовал теплые руки. Волнистые волосы путались, лицо она закрывала, и, казалось, вся замерла. Решив дать ей время, он нагнулся и поднял зажим для волос – это были две пластинки с зубчиками, сложенные крест-накрест. Попробовал привести его в действие, но, кажется, его сломали.

- И как этим пользоваться?.. – нахмурился он.

Зажим был молниеносным движением выхвачен из его рук. Шершнева быстрыми отрывистыми шагами направилась обратно к своим вещам.

«Личность!» – мгновенно понял Антон, и пошел за ней, остановившись в проеме рекреации. Девушка сидела к нему спиной, но теперь на нее из окна падал дневной свет. Пушистые каштановые волосы казались на солнце янтарными. …Бросает в сумку карандаши, торопится. К шерстяной юбке сзади пристал клок пыли. Оттолкнувшись от стены, Антон медленно пошел вокруг, желая увидеть ее лицо. Заметил на полу темный том со множеством закладок, нагнулся и поднял: Данте Алигьери. Божественная комедия.

В одну секунду безвольная девушка стала ему интересна. Он посмотрел на нее, держа в руках книгу, пытаясь сопоставить. Девушка продолжала собирать вещи. Волосы падали вниз, скрывая лицо. Оглянулась в поисках

книги и, не увидев ее, подняла глаза. Он сразу узнал эти глаза! Он хорошо запомнил их еще в первый раз… Так… она и есть Шершнева?.. Он оторопел.

Светлые глаза смотрели мимо него с молчаливым сопротивлением. Она требовательно протянула руку. Антон присел рядом и протянул книгу, но ей было не дотянуться. Резко отвернулась, собирая раскатившиеся ручки. Склонив голову, Антон смотрел. Да, это она. Точно она.

- Почему ты не борешься? – спросил он.

Девушка резко, со щелчком застегнула на два клапана старую сумку, поднялась и поставила ее на подоконник. Сидя рядом на корточках, Антон совсем близко увидел ее ноги с плотных темных колготках – они и правда были заштопаны, туфли без каблука были старыми и поношенными. Но какие чудесные щиколотки у нее были! И, уходя вверх… – он поднял глаза. У нее были очень красивые ноги.

Едва он поднялся вровень с ней, она, мелькнув волосами, снова нагнулась, схватила с пола две половинки сломанного транспортира, прошла наискось в другой конец рекреации и выбросила их в мусорную корзину. Ее движения были стремительными и почти бесшумными. Смотрел с восхищением! Увидел тонкую талию. Она была… Он охотился за ее лицом, но она шла, поднимая то карандаш, то линейку. В ее движениях была летучая упругость. Антон заметил, что «Божественная комедия» все еще у него в руках, но девушка уже сорвала с подоконника сумку, и развернулась, чтоб уйти.

- Эй! – протянул он ей книгу.

Она машинально заправила волосы за ухо, и Антон увидел ярко-красный след от пощечины на ее щеке. Ударили со всей силы. А она вдруг поняла, что обнаружила это, и отчаяние в ее лице сменилось неприязнью. Она рывком выхватила у него книгу и быстро направилась к лестнице.

- Кто тебя ударил? – Антон был потрясен. Они били ее?!

Он бросился следом и, преградив ей путь, встал на ступенях лестницы перед ней. Лицо ее было сейчас таким нежным от этого вспыхнувшего румянца! Упрямое, с тревожно сжатыми бровями и ярким следом от чьей-то немилосердной руки. Просеченное чистыми линиями носа и бровей, открытое. Губы нежно-красные. Антон смотрел и не мог поверить, словно краски в новом портрете обновлялись каждую секунду, наполняя его все большей красотой. Ее рука стиснула железный поручень. Антон быстро накрыл ее руку своей, сделал это просто, не думая...

- Это была ты. Ты дала мне травы для сестры.

Она вдруг прожгла его отчаянными глазами, (они были серые!) Мимо сновал школьный народ. Конечно же, все сразу заметили, с кем стоит Чирик-Толлейн. О Боже, он положил свою руку на ее!

- Надо бороться за себя, – Антон поднялся еще на ступеньку.

Но она ждала, когда он сойдет с ее дороги.

- Спасибо тебе, моя сестра поправилась. Я… я не мог тебя найти.

Она взглянула на него, и этот взгляд был как удар! Она хотела обойти его, но Антон поднялся еще на одну ступеньку, оказавшись вплотную к ней:

- Скажи, кто тебя ударил, и он пожалеет об этом.

Бросив раздраженный взгляд, девушка быстро обошла его, и сбежала вниз.

Она что – не верит, что он сможет отмстить? Антон догнал ее:

- Просто скажи, – подлаживался он под ее сердитый шаг, они шли к столовой. – Нельзя спускать такое. Это оскорбление!

Она остановилась и вскинула на него насмешливые глаза:

- Оставь меня, пожалуйста.

Какой голос!

- Кто? – спросил он, снова перекрыв дорогу рукой, а сердце так стучало...

- Моя мать, – и, рывком убрав его руку, она зашла в столовую.

Ее тут же встретил хор голосов. А Антон так и остался стоять на месте. Девушка с растрепанными волосами вошла в его воображение. Он вернулся к учительской и посмотрел расписание «А» класса. У них сегодня на один урок меньше. А у него история города. …Данте! Антон слышал, что Данте проходят в университете. Ее красивые щиколотки и видавшие виды туфли. Она из бедной семьи. Что за нелепая сумка? Больше похожа на саквояж врача. И что за «эфир»? …Он ей неинтересен. Слышит, наверное, все эти сплетни, что он школьный король… Стоп! Она же сама тогда звонила ему домой! Откуда достала домашний? А он не запомнил ее. Не поблагодарил!

Антон извинился перед учительницей и, сославшись на срочное дело, отпросился с урока. Иногда полезно быть звездой, хотя бы для таких случаев. Полный необыкновенного воодушевления, сбежал вниз, выскочил на улицу... Как ему не терпелось увидеть ее, как же не терпелось! Не мог дождаться. Вспоминал лицо, но возникал только алый след на щеке. Как она пыталась его обойти. Она сразу оказала ему такое сопротивление!

Стоял напротив школьного крыльца, сжимая кулаки в карманах пальто, подрыгивая коленкой. Ему не терпелось начать действовать. Только что прошел дождь, и все блестело в ярких лучах. Воздух был свеж, наполняя грудь, красно-оранжевая листва горела на солнце, а ночью вообще была гроза! Антон улыбался. Ему все нравилось! Да где же она? Ушли, болтая, ее обидчики. Вот сейчас… сейчас! Значит, она больше техник. Он гуманитарий, она – техник. Отлично, идеально! Антон усилием воли заставил себя вернуться в реальность. …*Она уже почти обогнула здание школы!* Свернула на дорожку, что вела вдоль трех кленов. Бросился следом.

Узнал ее по сердитой отрывистой походке. Она! В куцей красной курточке с капюшоном. На ногах сапожки. (Каблук ей идет!)

Разумеется, их увидели. Школьные сплетники сегодня просто задохнулись от новостей, но думали, что сценой на лестнице все и ограничится. Уму непостижимо. Он, наверное, извращенец. Выбрать самую уродину, когда в его классе есть Даша Соколова и Снежана Валинская. Какой сюрприз! Ох, как разозлятся девочки! И пока Антон следовал за девушкой по солнечной улице,

в туалетах появлялись первые отчеты. Стены оживали под маркерами в жадных руках. Шершневу рисовали лохматым чудовищем…

…Она шла очень быстро. Сапожки стучали по асфальту. Антон, в распахнутом пальто (шапку снял, потому что считал, что так выгоднее смотрится), наконец, догнал ее.

- Постой, постой! Ну ты и шустрая… – запыхался он.

Лицо ее вспыхнуло, она смотрела, не понимая, чего он от нее хочет.

- Слушай, может, тебе не идти домой?

Подул ветер, и с клена, мимо них упало два оранжевых листа.

…Интересно, а куда ей идти? – она посмотрела на него, но едва он поднял глаза – быстро опустила свои. Он стоял так близко…

- Может, какая-нибудь подруга? («Подруги у нее точно нет» – подумал Антон). Или… соседка… (что за дурь он несет!)

Она вспомнила про Аню – дальнюю родственницу, которая жила в соседнем квартале с мужем и маленьким ребенком.

- Ну, хочешь – к нам пойдем? (Так, он пригласил ее домой?) Так нельзя, Шершнева, – не мог остановиться он, – почему ты им не врезала? (черт, нагрубил). Обиделась. Нахмурила брови. Красивые, с нижним подхватом! Нос тоненький, с чуткими ноздрями …какой красивый рот! (Так хочется отпить искрящейся воды!)

- У меня имя есть.

- Прости, – смутился он, подбивая ботинком асфальт, – а я – я Антон.

- Я знаю, – (прозвучало это почти мрачно). Она ждала его объяснений.

- Ты забыла, как тебя зовут? – от его дыхания шел пар, щеки разрумянились. В ярко-зеленых глазах летал пугливый блеск…

Антон Чирик-Толлейн был для нее загадкой и притягивал, как магнит. Она не смела подойти. Однажды сделала отчаянную попытку и сразу попала к нему домой, но, погруженный в дела заболевшей сестры, он на следующий день даже не заметил ее, когда она прошла мимо, так надеясь на разговор! А теперь гнался. Это было похоже… на знакомство. И она боялась попасть впросак, потому что он нравился ей. Настолько, что она мечтала о нем по ночам. Его решительная походка, прямая спина и открытое горло. «До неприличия красивый мерзавец!» – говорили девочки в ее классе. А он так заботился о сестре. (Будет хорошим папой). Но едва он оказывался рядом, – она исчезала, гасла. Становилась прозрачной от напряжения. В нем были сплошные опасности и обещания, и это будоражило, будило, звало!

- Значит, будешь Шершнева, – так и не дождался ответа Антон.

- Катя, – наконец, сказала она.

- Катя? Ну вот, видишь, у тебя имя есть. Красивое, мне нравится. Привет, – он протянул руку, – я самый несчастный человек в мире.

Не сводя с него удивленных глаз, она сняла перчатку… их руки застыли, устремленные друг к другу, так и не сойдясь в рукопожатие. Антон взглянул

на нее. Она невольно улыбнулась нелепости этой сцены, а он, крепко сжав ее ладонь, хорошенько потряс ее. «Какая рука! Не отпускай!!!» – взмолилась вся ее природа, и сквозь тело жадно побежал ток познания...

- Молодец, хорошо улыбаешься, – отпустил он ее руку, навсегда покоренный ее смущенной улыбкой и страшным смятением. – Так… так тебе лучше.

…Как он мог не замечать ее! Большие серые глаза охвачены густыми ресницами, темная бровь… и тревога. Антон был взволнован. Она нравилась ему все больше и больше, и было уже даже как-то не по себе. Нравились ее осторожные алые губы. Она даже дышала осторожно. И вьющиеся волоски, просвеченные солнцем…

- Не ходи домой, – и, не дожидаясь ответа, поймал слетающий кленовый лист, снял с Кати капюшон, – волосы девушки янтарно загорелись на солнце, – и приложил алый лист мокрой стороной к ее щеке. – Нельзя так ходить.

Сердце колотилось, готовое разорваться… Глаза смотрели в глаза, дождевая вода стекала вниз. Он поймал пальцем каплю скользнувшую по ее шее и вдруг понял, что уже прикоснулся к ней. Это было так неожиданно и сразу! Она посмотрела на него. Ни один парень еще не касался ее. Антон сильно вздохнул, пытаясь побороть смущение:

- Ну ты и горячая... Смотри, уже лист покраснел весь!

Румянец выступил на его щеках. Боже, с ней все не так… Что-то испуганное было в ее глазах, и такое прекрасное, открывшаяся вдруг беззащитность! Как озеро чистое!..

- За что она тебя ударила? – спросил он, отдавая кленовый лист.

Она выдохнула. Руки все мокрые. Он уже протягивал ей свой чистый матерчатый носовой платок. Она вытерла руки и щеку. И мгновенно ощутила запах от мужского платка, новый, приятный. *Его*!

…Это окончательно выбило землю у нее из-под ног.

- Мне пора, – протянула она обратно платок, чтобы как-то охраниться от его глаз, и быстро пошла, спиной чувствуя его взгляд.

Головокружительный миг! (Главное, ногу не подвернуть). Он еще смотрит? Что-то подсказывало ей: *не оборачивайся*! И она так и дошла до дома, вся в напряжении. Она забыла о ссоре с матерью. О своих школьных мучителях. В ее мире появился Антон Чирик-Толлейн.

Весь оставшийся день Антон был задумчив и понял, что кроме Кати не помнит ничего. Ее сердитая походка, горячая шея, красные губы и серые глаза – вытеснили всё. Он даже забыл, какие уроки были, кроме истории города, с которой отпросился. Засыпая, он понял, что хочет увидеть ее еще. Уберечь от новых издевательств! Прижать к себе очень сильно! Потрогать ее пышные волосы, сжать их, вдохнуть! И… губами губ коснуться... Он уходил в сон, полный сладкой тревоги и нетерпения. Новая жизнь приходила к нему.

Он влюбился.